

St.-Petersburg State University
Department of History
The Chair of Modern and Current History

Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории нового и новейшего времени

**TRANSACTIONS
OF
the CHAIR of MODERN and
CURRENT HISTORY**

3

2009

**ТРУДЫ
КАФЕДРЫ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

3

2009

ББК 63.3(0)
Т78

Редколлегия: д-р ист. наук, проф. Барышников В. Н. (пред.), д-р ист. наук, проф. Ушаков В. А., д-р ист. наук, проф. Пленков О. Ю., канд. ист. наук, доц. Борисенко В. Н., канд. ист. наук, доц. Евдокимова Н. П., канд. ист. наук, доц. Заостровцев Б. П. (отв. ред.), канд. ист. наук, доц. Петрова А. А., канд. ист. наук, доц. Шершнева С. В., канд. ист. наук, ст. преп. Бодров А. В.

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. Кротов П. А. (СПбГУ), канд. ист. наук Лихоманов А. В. (РНБ)

Т78 Труды Кафедры истории нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. №3. 2009./Сост. Б. П. Заостровцев - Санкт-Петербург: ООО «АИК», 2010. - 358 с.

ISBN 978-5-288-04635-2

В сборнике представлены материалы подготовленные на кафедре истории Нового и новейшего времени исторического факультета СПбГУ, в которых рассматриваются проблемы экономического, политического и социального развития стран Западной Европы и США в XVII - XX вв.

Сборник адресован как специалистам, так и всем тем, кто интересуется западноевропейской и американской историей.

In the collection clauses and the scientific reports executed by employees, students and post-graduate students of the Chair of Modern and Current History of the Department of History of St. Petersburg State University in which problems of economic, political and social development of the West-Europeans countries and the USA in XVII - XX centuries are considered

In special section materials on sources-booking and historiography of modern and current history are presented.

The collection is addressed both to experts, and all those who is interested in the West-European and American history.

ББК 63.3(0)

Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы "Развитие научного потенциала высшей школы (2006 - 2008 гг.)", тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 "Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях".

© Исторический факультет СПбГУ, 2010

ISBN 978-5-903931-37-8

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. Предисловие	11
II. Научные статьи.	
<i>Сидоренко Л. В.</i> Герцог Графтон в кабинетной политике Георга III в 1760 - 1780-ые гг.	15
<i>Бугашев С. И.</i> Великобритания и «Фамильный пакт» в начальный период войны североамериканских колоний за независимость (1775 - 1778 гг.).	35
<i>Гончарова Т. Н.</i> Консульская служба Франции в России: от основания до 1814 г.	61
<i>Бодров А.В.</i> Уроки немецкого: к вопросу об изучении германского опыта во Франции после 1871 г.	69
<i>Катцова М.А.</i> Образование Северных Ассоциаций и их роль в становлении сотрудничества скандинавских стран и Финляндии в 1920-е гг.	79
<i>Васара В.-Т.</i> К вопросу об отношении ИКЛ с Третьим рейхом (по материалам Национального архива Финляндии).	93
<i>Барышников В. Н.</i> Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны (<i>часть I</i>).	111
III. Научные сообщения.	
<i>Худякова Т. А.</i> Образ Бенджамина Франклина в русской детской литературе XIX в.	134
<i>Гавриш Е. О.</i> Джон Терло: организация разведывательной службы в эпоху протектората.	143
<i>Анисимов О. В.</i> Провозглашение и признание империи Наполеона III.	151
<i>Ермилов С. М.</i> Становление нефтедобывающей промышленности в Мексике при П. Диасе (1900 - 1911 гг.).	160

<i>Заостровцев Б. П.</i> Инвестиции и внешняя политика США накануне Первой мировой войны.	167
<i>Виватенко С. В.</i> Французские информационные системы в годы Первой мировой войны.	171
<i>Самолик П. (Peter Samołyk).</i> Переселение украинского населения во Вроцлавское воеводство в рамках "Операции Висла"	182
<i>Балашова К. С.</i> Российско-финляндское сотрудничество в рамках политики Европейского союза.	188
<i>Бтемиров Т. М.</i> Обозначение некоренного населения в ФРГ во второй половине XX в. в историческом развитии.	200
<i>Массов А. Я.</i> Система университетского образования в Австралии (по личным впечатлениям).	211

IV. Источниковедение и историография.

<i>Ушаков В. А.</i> Историография США о проблемах американских лоялистов.	224
<i>Сторожев Н. Б.</i> Труды П. П. Митрофанова об имперской политике дома Габсбургов в XVIII в.: к истории написания.	246
<i>Марусенко М. А., Шабалина А. В.</i> История использования французского языка в качестве международного языка дипломатии: историческая реальность и династический заказ.	255

V. Историческая антология.

<i>В. Е. Возгрин.</i> Хроника Стуре (эксцерпт)	274
--	-----

VI. Рецензии.

<i>Возгрин В. Е. К. В. Воронов.</i> Евроинтеграция Норвегии: особый курс малой страны. М.: Прогресс-традиция, 2008.	304
<i>Заостровцев Б. П.</i> Финляндия как экономика знаний. Элементы успеха и уроки для других стран. /Под ред. Карла Дж. Дальмана и др; Пер. с англ.; Всемирный банк. - М.: Издательство «Весь мир», 2009.	310

VII. Хроника.

Станислав Иванович Ворошилов	313
<i>Бодров А. В., Кузнецова Ю. И.</i> Отчёт о деятельности Студенческого научного общества за 2008/2009 учебный год.	317
<i>Заостровцев Б. П.</i> О семинаре в центре «Яд Вашем» (г. Иерусалим, Израиль).	320
<i>Бодров А. В.</i> О научной командировке во Францию по гранту Франко-российского фонда гуманитарных и общественных наук в Москве.	321

Конференции, проведенные кафедрой истории нового и новейшего времени (декабрь 2008 - сентябрь 2009 гг.).

Наши юбиляры.	339
Защита диссертаций.	356

Краткие сведения об авторах.

CONTENTS

I. Preface.x

II. Scientific articles.

<i>Sidorenko L.V.</i> Duke of Grafton in the Cabinet Policy of George III in 1760 - 1780th years.	15
<i>Bugashev S. A.</i> Great Britain and the "Family Covenant" in the early period of the War for the North American Colonies Independence. (1775 - 1778).	35
<i>Goncharova T. N.</i> Consular's Service of France in Russia from the base to 1814	61
<i>Bodrov A. V.</i> Lessons from the German: on the Question of Studying the German's Experience in France after 1871.	69
<i>Kattsova M. A.</i> Education of the Nordic Association and their Role in the Development of Cooperation of the Scandinavian Countries and Finland in 1920.	79
<i>Vasara V.-T.</i> On the Question of the Relation of the IKL with the Third Reich (based on the National Archives of Finland's Documents).	93
<i>Baryshnikov V. N.</i> Finns Serving in the Waffen SS during the Second World War (Part I).	111

III. Reports.

<i>Havrysh E. O.</i> John Thurloe: organization of the Intelligence Service in the Era of the Protectorate.	134
<i>Khudyakova.</i> The Image of Benjamin Franklin in the Russian Child's literature of XIX Century.	143
<i>Anisimov O.V.</i> Proclamation and Recognition of the Empire of Napoleon III.	151
<i>Ermilov S. M.</i> The Formation of the Oil Industry in Mexico with P. Diaz (1900 - 1911).	160

<i>Zaostrovtssev B. P.</i> Investments and U.S. Foreign Policy on the eve of the First World War.	167
<i>Vivatenko S.V.</i> French information systems in the First World War.	171
<i>Samolik P. (Peter Samolyk).</i> Resettlement of the Ukrainian population in the Wroclaw Province in the "Operation Vistula" in 1947.	182
<i>Balashova K. S.</i> Russo-Finnish Cooperation in the Framework of European Union Policy.	188
<i>Teimuraz T. M.</i> Designation of Non-indigenous Population in West Germany in the Second Half of the XXth Century in Historical Development.	200
<i>Massov A. Y.</i> The System of the University Education in Australia (by personal impressions).	211

IV. Sources-booking and Historiography.

<i>Ushakov V. A.</i> Historiography of the United States on the Problems of American Loyalists.	224
<i>Storozev N. B.</i> Mitrofanoff's Works about the Habsburg's House Imperial Policy during XVIIIth Century.	246
<i>Marusenko M. A., Shabalina A. V.</i> History of French language as the international language of diplomacy: a historical reality and the dynastic order.	255

V. Historical Anthology.

<i>Vozgrin V. E.</i> The Chronicle of Sture (ekstserpt).	274
---	-----

VI. Reviews.

<i>Vozgrin V. E.</i> K. V. Voronov. Norway's European Integration: A special rate of a small country. Moscow: Progress-Tradition, 2008.	304
--	-----

Zaostrovtssev B. P. Finland as a Knowledge Economy. Elements of Success and Lessons for other Countries. Ed. Carl J. Dahlman and others; Per. from English., World Bank. - M.: Publishing house "Ves Mir, 2009.310

VII. Chronicle.

<u>Stanislav Ivanovitch Voroshilov</u>	313
<i>Bodrov A. V., Kuznetsova J.</i> Report of the student first scientific society for the 2008/2009 academic year.	317
<i>Zaostrovtssev B. P.</i> Seminar in Jerusalem International Scientific Conference.	320
<i>Bodrov A. V.</i> On the Scientific Trip to France by a Grant from the Franco-Russia Foundation of Humanities and Social Sciences in Moscow.	321
Copnferences organised by the Chair of Modern and Current History (December 2008 – September 2009).	325
Our Greetings.	339
Scientific Thesis Defending.	356
Personal Data of Authors	358

I. Предисловие.

Материалы, включённые в третий выпуске сборника «Труды кафедры истории нового и новейшего времени», отражают результаты, достигнутые в научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательского состава кафедры, а также аспирантов и студентов, которые на ней обучаются, за истекший - 2009-й - год.

К участию в сборнике были привлечены историки из Финляндии и Польши, а также из различных научно-исследовательских центров России. Кроме того сборник содержит ряд ранее нигде не публиковавшихся материалов, которые были представлены научной общественности на международных конференциях, организованных кафедрой (Российско-польская научная студенческая конференция «К 70-летию начала Второй мировой войны»).

Проблемы исследования политических практик в полинациональных общностях Запада в эпоху нового и новейшего времени продолжают оставаться объектом пристального внимания авторов. Важное место в данном плане занимают статьи зав. кафедрой проф. В. Н. Барышникова «Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны» и старшего преподавателя А. В. Бодрова «Уроки немецкого: к вопросу об изучении германского опыта во Франции после 1871 г.», аспирантки кафедры В.-Т. Васара (Финляндия) «К вопросу об отношении ИКЛ с Третьим рейхом (по материалам Национального архива Финляндии)», а также научные сообщения Петра Самолика (Вроцлавский университет, Польша) «Переселение украинского населения во Вроцлавское воеводство в рамках "Операции Висла" 1947 г.» и Т. М. Бтемирова «Обозначение не-коренного населения в ФРГ во второй половине XX в. в историческом развитии» и другие.

Редакционная коллегия сочла необходимым сохранить рубрики, содержащиеся в предыдущих выпусках, такие как: «Историческая антология», «Рецензии», «Хроника», поскольку

они, очевидно, помогают в достаточно полной мере представить то разнообразие, которое отличает жизнь университетской кафедры от деятельности иных исследовательских центров.

Как и раньше к участию в сборнике в последующих выпусках редколлегии предполагает привлекать не только тех, кто трудиться или учиться на кафедре, но и всех тех, кто в какой-либо форме сотрудничает с ней (novist@yandex.ru).

Preface.

The third edition of the Transactions of the Chair of Modern and Current History included materials which reflected recent researches' achievements and the activities of the staff of the chair as well as graduate and undergraduate students who are studying on it in 2009 year.

To participate in the collection were brought historians from Finland and Poland, as well as from various scientific studies research centers in Russia. Besides collection contains a number of part anywhere unpublished materials that were presented to the scientific community at international conferences organized by the Chair (Russian-Polish scientific student conference "The 70th Anniversary of the the Beginning of the Second World War").

Problems and political practices in the polyethnic communities of the West in the era of modern and contemporary times continue to be the object of close attention of authors. An important part of this plan is article of the head of our Chair Prof. Baryshnikov V. N. "Finns serving in the Waffen SS in Germany during the Second World War" and a lecturer Bodrov A. V. "Lessons from the German: on the Question of Studying the German's Experience in France after 1871"; the article wrote by Ms. Viena-Tuuli Vasara "About the question concerning IKL's relationship with the Third Reich", standing in the same row, is dedicated to the question on how the Nazi Germany affected to the Finnish extreme right-wing party Patriotic People's Movement (IKL) as well as scientific reports Peter Samolik (University of Wroclaw, Poland) "Resettlement of the Ukrainian population in the Wroclaw Province in the "Operation Vistula" in 1947" and Btemirova T. M. Designation of non-indigenous population in West Germany in the Second Half of the Twentieth century. in the Historic Development " and others.

The Editorial Board felt it necessary to save the headings contained in previous editions, such as: "The historical anthology", "Reviews", "The Chronicle", because they obviously help to provide enough fully the diversity that distinguishes the life of the University

Chairs activities in comparison with other research centers.

As in the past to participate in the collection of follow-you-launches editorial board suggests to involve not only those who work or study in the department, but also all those who in any way co-operating with it.

II. Научные статьи.

Л. В. Сидоренко

Герцог Графтон в кабинетной политике Георга III в 1760 - 1780-е гг.

Во второй половине XVIII в. Великобритания не имела развитой партийной системы, что предопределяло огромную роль личности в политике. При этом сама политика ещё не стала делом профессионалов: часто в ней участвовали любители, имевшие шанс подняться на вершину власти благодаря своему статусу, положению, покровительству или обстоятельствам. Одним из таких политиков являлся герцог Графтон.

Август Генри Фитцрой, третий герцог Графтон, родился 28 сентября 1735 г. в семье лорда Августа Фитцроя и Элизабет Косби. Считается, что род Графтонов восходит к одному из незаконнорожденных сыновей короля Карла II и Барбары Вильерс. Будучи лишь вторым сыном, Август Генри стал главным наследником после ранней смерти старшего брата. В шесть лет мальчик потерял отца, а в 1747 г. скончался его дядя, что сделало Августа основным претендентом на герцогский титул его дедушки Чарльза Фитцроя.

Август первоначально учился в частной школе Хокни в Лондоне, но затем перешёл в Вестминстерскую школу. В 1751 г. он поступил в кэмбриджский колледж Петерхаус, по окончании которого в 1753 г. совершил традиционный для молодых людей его социального положения гранд-тур, посетив Францию, Швейцарию, Италию, Германию и Голландию. В январе 1756 г. Август женился на Анне Лидделл, дочери знаменитого даремского лендлорда. Но несмотря на внешность, обаяние и ум и жены, молодой муж предпочитал её обществу охоты. Появились и любовные увлечения на стороне. Отверженная супруга присрас- тилась к игре в карты, что привело к оттоку средств семейного бюджета. В течение нескольких следующих лет их брак посте-

пенно разваливался /1/.

В декабре 1756 г. Август стал членом парламента от карманного округа герцога Ньюкасла Бороубриджа, а через месяц - от семейного округа Бэри Сент Эдмондс. Но карьера коммонера, так и не начавшись, была прервана в мае 1757 г. смертью его дедушки: Август стал герцогом Графтоном и вынужден покинуть нижнюю палату ради места в верхней. В том же году он назначается лордом лейтенантом графства Саффолк /2/.

В последние годы правления Георга II молодой герцог никак не проявил себя в политике, однако после вступления на трон в 1760 г. Нового короля Георга III положение изменилось. Введя в правительство своего протеже лорда Бьюта, молодой король, играя на противоречиях Уильяма Питта и герцога Ньюкасла, отстранил обоих ведущих политиков от власти, добившись в мае 1762 г. назначения фаворита на высший пост. Главной целью Георга III и лорда Бьюта был скорейший выход страны из Семилетней войны, непопулярная мера у ряда политиков.

Деятельность короля и фаворита привела к рождению активной оппозиции, которая группировалась вокруг герцога Ньюкасла. Пассивный до этого в политике герцог Графтон стал ассоциировать себя с «молодыми друзьями» Ньюкасла. Графтон предоставил свой дом в Лондоне для встреч оппозиционеров, главной целью которых стал срыв прохождения в парламенте прелиминарных условий мирного договора. После открытия сессии 25 ноября 1762 г. стало ясно, что напор оппозиции возрастает, и король решил на крайние меры. Члены оппозиции Ньюкасл, Графтон и Рокингем были уволены с занимаемых ими постов лордов лейтенантов за выступления в парламенте против курса правительства. Многие держатели постов меньшего ранга последовали за ними. Графтон пострадал главным образом за свою первую речь в палате лордов от 9 декабря 1762 г. Эти отставки вошли в историю как «резня невинных пелхэмитов» /3/.

В итоге, все попытки оппозиции расстроить заключение мира провалились, хотя своеобразной компенсацией мог служить уход из правительства лорда Бьюта, не выдержавшего дав-

ления. Его преемник, Джордж Гренвилл, смог стабилизировать положение в стране, не прибегая к помощи оппозиции, однако к лету 1765 г. отношения между премьер-министром и королём резко обострились и стали почти враждебными. В этих условиях Георг III стал искать способ избавиться от ненавистного министерства. Посредником для смены правительства король выбрал своего дядю, герцога Камберленда, получившего широкие полномочия.

В первое время новости о проблемах короля с министерством не афишировались. Сам Графтон отмечал: «Хотя в течение всей зимы, и особенно к завершению сессии, приходило много сообщений о раздорах среди министров и слуг его величества, никакие подлинные отчёты об этом или о недовольстве короля их руководством и поведением не доходили до меня, пока я не получил срочное сообщение от герцога Камберленда». В письме от 14 мая тот писал о намерении короля сменить администрацию и назначить тех лиц, которых они оба желали. На состоявшейся вскоре встрече с Графтоном Камберленд сообщил, что планирует привлечь Питта, Темпла, Рокингема, и, в случае его согласия, Графтона /4/. Таким образом, герцог оказался одним из кандидатов в члены новой администрации и участником переговоров.

Тем временем в личной жизни Графтона произошли значительные изменения. С 1764 г. у герцога появляется постоянная любовница Анна Пэрсонс, она же миссис Хоутон. В отличие от других членов общества его статуса, герцог не стеснялся продемонстрировать свою страсть в свете, за что подвергся суровому осуждению. С января 1765 г. Графтон и супруга стали жить раздельно. Эта ситуация продолжалась до марта 1769 г., когда состоялся официальный развод. К тому времени жена герцога также успела обзавестись любовником в лице графа Аппер Оссори, от которого у неё родился сын. Графтон в этом году расстался с Пэрсонс и вторично женился на Элизабет Роттесли, с которой не расставался /5/.

Изначально, в планах Камберленда и короля было прив-

лечение в качестве лидера нового кабинета Уильяма Питта. 25 июня, казалось, было получено согласие Питта сформировать администрацию при условии определённых уступок. В этом случае главой министерства становился Темпл, Питт и Графтон занимали посты государственных секретарей, Ньюкасл - президента совета /6/. Но триумф не состоялся: Питт известил Графтона и короля, что к великому сожалению их планы неосуществимы из-за отказа Темпла стать во главе казначейства /7/. Графтон был лишён шанса сразу же войти в кабинет Питта, который фактически являлся политическим кумиром герцога.

Гренвилл и его сторонники уже было начали праздновать победу, однако неприязнь к ним Георга III была так велика, что король готов был согласиться на любое правительство, даже полностью состоящее из вигов Ньюкасла, лишь бы избавиться от Гренвилла. Камберленд поддерживал эту политическую группу, поэтому уже 10 июля на смену нелюбимому Георгом III министерству пришли сторонники старых вигов. Новый кабинет возглавил маркиз Рокингем; Графтон и генерал Конвэй стали государственными секретарями; Ньюкасл - лордом хранителем малой печати. Георг III холодно попрощался со старыми министрами, не желая многих из них видеть лично: так Графтон лично должен был известить герцога Бедфорда о том, что король не нуждается в его услугах /8/.

Смена политики почувствовалась быстро. «Невинные пелхэмиты», павшие за лояльность Ньюкаслу, вернулись. Предпринимались большие усилия, чтобы все жертвы получили компенсацию, если не возвращение на посты /9/. У многих современников этот кабинет породил надежду. Сам Графтон писал: «наше вхождение в администрацию нравилось нации, хотя следует признаться, что разочарование было огромно, особенно в Сити, когда узнали, что мистер Питт не стал министром» /10/. Однако со временем опасения стали расти, ведь Питт открыто дистанцировался от кабинета, заявив в одном из писем к Графтону, что эта администрация была сформирована не по его совету /11/. Важным обстоятельством была и молодость министров,

включая тридцатилетнего премьера. В этой связи известный мемуарист Горацио Уолпол критично отметил, что в кабинете были собраны «все молодые и неопытные люди, неизвестные нации, ничем не примечательные, кроме их ранга и состояния» /12/. Данное справедливое замечание в полной мере относилось и к Графтону, ведь ему не исполнилось и тридцати лет. Самоустранение Питта и неопытность министров сыграли ведущую роль в растущей слабости нового правительства с участием Графтона.

К счастью для кабинета Рокингема, он был сформирован в период парламентских каникул и потому имел несколько месяцев передышки. Однако с открытием сессии зимой 1765 - 1766 гг. все министерские недостатки проявились в полную силу. Герцог Графтон запаниковал одним из первых и вспомнил о своём политическом кумире. На встрече короля с лорд-канцлером, Рокингемом, Конвэем и Графтоном 8 января 1766 г. Последний напомнил, что когда получал пост, обещал освободить его для Питта при возвращении великого коммонера; теперь герцог выразил желание покинуть его в любом случае, добавив, однако, что это решение не означает немедленного ухода /13/. Графтон хотел инициировать вопрос о необходимости послать Питту письмо с целью узнать его мнение по вопросу укрепления администрации. Король не возражал /14/, тем более, что Конвэй имел не меньшее желание привлечь Питта в мини-стерство.

Подобные настроения членов кабинета серьёзно обеспокоили Рокингема и Ньюкасла. Последний писал маркизу: «Если герцог Графтон и мистер Конвэй покинут их посты, я не знаю, как вы сможете их заполнить. Сила администрации значительно уменьшится с потерей этих очень способных и важных людей в обеих палатах, а сила оппозиции под личным руководством мистера Питта возросла так, что я в самом деле не знаю, как вы будете способны продолжать...» /15/. В этих условиях 15 января маркиз попросил помощи у короля: «То, что администрация вашего величества будет потрясена в высшей мере, если никакой дальнейшей попытки не будет предпринято, чтобы привлечь

мистера Питта, слишком очевидно, чтобы обсуждать» /16/. Однако монарх не желал быть посредником и предложил маркизу уладить вопросы с Питтом лично /17/. 16 января 1766 г. состоялась встреча короля с Графтоном, где обсуждалась возможность приглашения Питта. Георг призвал соблюдать осторожность: его страшила полная смена кабинета и её неизвестные последствия. Король твёрдо выступил против послания Питту резолюции от своего имени, предпочитая ждать развития событий. Попытки герцога переубедить монарха остались безуспешными /18/. Сам Питт был согласен взаимодействовать с Рокингом, Графтоном и Конвэем, но только в составе администрации и с согласия короля /19/. Однако вскоре монарх уже перестал всерьёз думать о смене кабинета.

Отмена гербового сбора на время сняла остроту противоречий в министерстве, но ненадолго. В начале апреля Графтон вновь выразил надежду, что король отпустит его, намекая об отставке. Георг III, не желая смены администрации, без воодушевления встретил это заявление /20/. Видя слабость кабинета, Графтон по-прежнему желал видеть в нём Питта, для чего настойчиво попросил Рокингема высказаться о возможности приглашения великого коммонера. 22 апреля герцог отправил Конвэю полное пессимизма письмо с признанием безвыходности ситуации, которое фактически означало намерение подать в отставку /21/. Но на самом деле, Графтон ещё почти месяц тянул с окончательным решением, пока 14 мая ожидаемая отставка не свершилась. Томас Наталь писал Питту о Графтоне: «он принимал пост, который покинул руководствуясь общей идеей о том, что вы... станете частью администрации для общественного блага» /22/. Так как этого не случилось, герцог посчитал себя свободным, тем более, раз ещё при формировании кабинета Рокингема, Графтон был твёрдо убеждён, что любое министерство без Питта будет нестабильным, в чём он и убедился /23/. Рокингем и король с большим трудом смогли найти замену Графтону, фактически покинувшему тонущий корабль.

Несмотря на все усилия маркиза, его кабинет всё больше

слабел. Фатальным для него оказалось то обстоятельство, что Георг III стал стремиться наладить тесный контакт с Питтом для формирования новой администрации. К июлю 1766 г. все разногласия между монархом и политиком были преодолены: Питт мог выбирать своих кандидатов в члены правительства. Очевидно, помня преданность Графтону, из старых друзей Питт решил привлечь именно его, проинформировав герцога в середине июля о создании новой администрации. Графтон вспоминал, что Питт «был полностью удовлетворён тем, что имеет под собой твёрдое основание, что король принял его сердечно и будет поддерживать решение мистера Питта... защитить королевские интересы от любой борющейся партии. Он добавил, что его величество дал ему полную власть сформировать министерство, которое может быть в целом одобрено нацией». После недолгих колебаний Графтон согласился принять пост в обновлённом правительстве /24/.

Новое министерство образовалось 30 июля: в нём Графтон был назначен первым лордом казначейства. Особенность положения герцога заключалась в том, что формально его пост давал право считать его премьер-министром страны. В действительности же реальным лидером кабинета и страны становился Питт, получивший от короля титул графа Чэтэма. Графтон числился лишь номинальным главой. Впрочем, герцога подобная ситуация несколько не смущала: она соответствовала его амбициям и желанию не брать излишней ответственности.

Недавний соратник Графтону Рокингем отказался участвовать в строительстве нового кабинета и ушёл в оппозицию. Между Питтом и этой новой оппозицией наметился крупный конфликт взглядов: министр расходился с рокингемитами по вопросу партийной системы и критики двора. Он считал, что хорошая администрация должна основываться на качествах и способностях министров, а не зависеть от их политических связей /25/. Рокингем же настаивал на партийном министерстве: носители важнейших постов должны были получить одобрение маркиза и считать себя единой командой /26/.

Несмотря на первоначальные надежды, в 1767 г. Министрство Чэтэма превратилось для короля в кошмар из-за серьёзной болезни Питта. Ещё в сентябре 1766 г. Чэтэм уехал в Бат. С октября, за редким исключением, все письма от Чэтэма писались через его секретаря или супругу. Пробыв в Бате до ноября, он ненадолго вернулся в Лондон, но в январе вновь вынужден был покинуть столицу /27/. Как писал Графтон: «Болезнь лорда Чэтэма и его в самом деле слабое здоровье, часто делая невозможным деловой разговор и даже встречу с ним, принесли слабость министерству, которая будет легко ощущаться; и ввели нас, желавших следовать его взглядам, в самую неудобную и запутанную из всех ситуаций, когда мы не знали, какую линию принять, так как лорд Чэтэм никогда не открывал нам или кабинету в целом... его подлинное... намерение» /28/.

Таким образом, вступая в кабинет в качестве номинального главы и желая избежать политической ответственности, Графтон вынужден был принять руководство правительством. Не имея чёткого представления о плане действий, Графтон бомбардировал Чэтэма письмами с вопросами о возобновлении его деятельности в кабинете, решительно написав тому 29 мая 1767 г. о том, что находит дела короля в большом беспорядке. Герцог опасался, что монарх столкнётся с едиными фракциями, навязывающими свои требования. Сам Георг III полагал, что присутствие и совет Чэтэма вновь придадут администрации состоятельность /29/. Больной граф согласился на встречу, состоявшуюся 30 мая, на которой герцог изложил трудности сессии и факторы слабости министерства, прося совета. Конструктивных мер Чэтэм предложить не мог и дал только общий совет держаться за посты и отбивать атаки оппозиции. На замечание Графтона о том, что союз с бедфордитами или рокингемитами кажется ему единственной эффективной мерой в сложившейся ситуации, Чэтэм сказал, что предпочтёт переговоры с последними. Смысл беседы был изложен монарху, лорд-канцлеру и лорду президенту. Министры посоветовали королю встретиться с одним из лидеров партий, чтобы оценить расклад сил и возможность измене-

ний в кабинете /30/.

При всём этом, долгая болезнь Питта Георга III не смущала: он продолжал тщательно следить за состоянием здоровья графа и не отправлял его в отставку. Причина была проста: в случае ухода Чэтэма единственной альтернативой было возвращение вигов Рокингема или гренвиллитов, чего король сильно боялся /31/. Графтона же кроме внешней слабости кабинета беспокоило и отсутствие внутренней сплочённости по вине больного графа. После ряда неудач (вроде поражения правительства в парламенте по налоговому вопросу) Чэтэм сильно обозлился на министров, особенно Конвэя, представителя правительства в палате общин. Он попытался заменить канцлера казначейства Тауншенда, для чего встретился с лордом Нортон, но тот отклонил предложение Чэтэма, и Таун-шенд остался /32/. Графтон отмечал, что холодность Питта к Конвэю была неуместна в тот период, когда отношения должны были быть самыми доверительными. Конвэй едва ли не каждый день жаловался Графтону на упрёки Питта, но герцог был бессилён /33/.

В сложившихся обстоятельствах у Графтона возникло сильное искушение подать в отставку. К началу июля 1767 г. он объявил Кэмдену, Нортингтону и королю о нежелании вести дела, так как изначально намеревался лишь помогать Чэтэму, а не руководить кабинетом /34/. Однако в тех условиях его отставка была вряд ли возможна: уход любого ключевого министра мог вызвать фатальный для правительства кризис, а пока Чэтэм держался, герцог не хотел подводить короля.

Следуя советам больного главы кабинета, Графтон и король сосредоточились на диалоге с оппозицией в лице маркиза Рокингема, единственного приемлемого кандидата для расширения администрации. Первая встреча Рокингема и короля состоялась 1 июля по инициативе маркиза. Лорд указал монарху на слабость действовавшего министерства и необходимость нового сильного и единого кабинета, предложив вспомнить его администрацию в качестве примера. В ответ он услышал реплику лишь о намерении предложить ему казначейство /35/. С обеих

сторон это был зондаж. Король всё ещё колебался и 5 июля спросил мнение Конвэя, который посоветовал выбрать Рокингема. Но монарха смущали амбиции маркиза, желавшего руководить казначейством /36/. Вскоре к переговорам подключился Графтон, который стал главным посредником. 7 июля Рокингом получил от Графтона приглашение на встречу в доме Конвэя, на которой маркизу передали предложение короля войти в администрацию и разрешение привлечь в качестве союзника герцога Бедфорда /37/. При этом Рокингему предложили забыть о руководстве казначейством и лишь поддержать Графтона. Маркиз был согласен на любую должность, которую «двор сочтёт пригодной для него», но при выполнении трёх условий: поста лорд-канцлера для Йорка, передачи руководства армией лорду Албемарлю, назначения герцога Ричмонда государственным секретарём. Но эти неприемлемые условия были отклонены, а переговоры зашли в тупик /38/.

Вскоре Рокингом расставил все точки над «i», написав 15 июля Графтону: «Я имею честь [держать] письмо вашей светлости, которым ваша светлость извещает меня, что его величество желает от меня уточнения плана, по которому я и мои друзья намереваются войти [в правительство], чтобы расширить и усилить администрацию. Я надеюсь, ваша светлость сделает мне честь объяснить его величеству, что принцип, на основе которого я продолжу [переговоры], есть завершение настоящей администрации» /39/. Через день Графтон передал ответ монарха, который заявил, что желает объединить сердца всех подданных, и если у Рокингема будет готов план на этих условиях, он готов его рассмотреть /40/. В дальнейшем Георг III объяснял Рокингему, что никому не давал власти делать предложение казначейства, так как он удовлетворён герцогом Графтоном /41/. Но это были слова. Неудача переговоров и сам факт их проведения свидетельствовали о сложности положения Графтона.

В конце декабря 1767 г. для усиления кабинета Графтон и король всё же вынуждены были позвать в кабинет членов оппозиции, а именно сторонников Бедфорда. После этого все сто-

ронники Рокингема оказались исключены из нового министерства /42/. В этих назначениях присутствовал определённый риск. По словам Графтона, король испытывал некоторое смущение, помня деятельность Бедфорда ещё в составе администрации Гренвилла, но вскоре поведение министров развеяло все опасения /43/.

Кадровый состав кабинета стабилизировался почти на десять месяцев до того момента, когда неизбежное всё же случилось. 12 октября 1768 г. граф Чэтэм написал письма королю и Графтону с намерением уйти в отставку, с просьбой о милосердии и с надеждой, что Георг III её примет /44/. Монарху было тяжело осознать необходимость перемен. Он надеялся отговорить министра от этого шага и в письме даже запретил думать об отставке, рекомендуя стремиться к выздоровлению, чтобы продолжить участие в королевских делах /45/. Но Питт был неумолим, и Георгу пришлось искать ему замену.

Лишившись Чэтэма, обновлённый кабинет не стал сильнее: проблемы наваливались со всех сторон, а Графтон, ставший теперь уже реальным премьер-министром, подвергся острой критике, в чём особенно усердствовал Юниус. Этот автор, кем бы он ни был, являлся непохожим на Джона Уилкса врагом. В его письмах, появившихся в прессе между 1767 и 1772 гг., он писал как член внутреннего круга политического мира, критикуя элиту изнутри /46/. Его яростная критика эффективно подтачивала положение правительства в глазах общественного мнения.

Другой причиной беспокойства министерства был вернувшийся в 1768 г. из Парижа Уилкс, целью которого было занятие места в палате общин. Потерпев фиаско на выборах в Лондоне, Уилкс выставил свою кандидатуру в графстве Миддлсекс, где в марте 1768 г. уверенно победил. В июне он предстал перед судом за старые преступления и был приговорён к штрафу в 1000 фунтов и 22 месяцам заключения. Ни Георг, ни кабинет не могли смириться с мандатом Уилкса, и уже 22 апреля Графтон докладывал королю, что «желание его главных

слуг едино выражается в том, что м[истеру]. Уилксу не должно быть позволено заседать в парламенте» /47/. Технически не успев внести вопрос на сессии 1768 г., правительство провело исключение Уилкса через парламент 3 февраля 1769 г. Опальный политик не растерялся, и ещё трижды вносил свою кандидатуру на выборы, неизменно побеждал, и так же регулярно исключался из парламента. Терпение правительства иссякло, и 15 апреля 1769 г. беспрецедентное предложение Джорджа Онслоу о том, Генри Латтрелл, проигравший Уилксу, должен представлять Миддлсекс, прошло в палате общин /48/. Это решение ещё больше активизировало противников кабинета. Показательно здесь то, что Графтон являлся одним из главных руководителей и исполнителей мер против Уилкса.

Между тем давление на администрацию Графтона росло, тем более что проблем в парламенте становилось всё больше. Так 28 февраля 1769 г. по инициативе короля был поднят вопрос о покрытии его долгов, вызвавший бурные дебаты. Доудесвелл внёс предложения о детализации долгов и уточнении, при каком министерстве их сделали. Хотя они не прошли, показателен сам факт противостояния желаниям монарха /49/. Оппозиция Графтону утверждала, что проблемы правления обязаны чрезмерному влиянию двора, против которого палата общин должна протестовать /50/. 1769 год отметился и петиционной кампанией с требованием роспуска парламента и новых общих выборов, так как старый состав парламента не представлял нации. В этот момент рокингемиты сделали первые шаги к борьбе за экономическую реформу /51/.

С мая 1769 г. по январь 1770 г. кабинет держался лишь благодаря парламентским каникулам. Было ясно, что как только палаты возобновят работу, министерство не сможет продержаться долго без усиления состава. Любой толчок, казалось, должен был привести к смене администрации, и было сомнительно, сможет ли Георг III найти на роль первого министра политика, способного успокоить страну и парламента.

Министерство Графтона с тревогой ожидало открывав-

шейся 9 января 1770 г. сессии парламента. Из-за дела Уилкса страна бурлила: петиции шли в Лондон отовсюду. Лояльные по форме, они призывали сместить плохих министров и советников короля. Ежегодник «Эннюэл Реджистер» отмечал: «Нация была в величайшем волнении...» /52/. В это время активизировался оправившийся от болезни Чэтэм, вставший в оппозицию своему бывшему товарищу по кабинету. Так как «поведение некоторых лиц в администрации очень удивило» графа, он решил объединиться с Рокингемом и Джорджем Сэвилем в критике выборов в Миддлсексе, признав рокингемитов «единственными истинными вигами» /53/. В целом, оппозиция подготовилась к сессии основательно и казалась сильна как никогда. Чэтэм объединился с рокингемитами и примирился с Темплом. В критике правительства их поддержала группа Гренвилла. Силу оппозиции придали и раздоры в администрации: лорд-канцлер Кэмден, генеральный солиситор Даннинг и главнокомандующий Гранби были против преследования Уилкса и могли уйти в отставку в любой момент /54/.

События в парламенте привели к появлению противоречивых слухов об изменениях в кабинете: говорилось о замене Гранби на герцога Глостера и передаче канцлерства Чарльзу Йорку. Некоторые сомневались в отставке лорд-канцлера /55/, но Кэмден, понимая двусмысленность своего пребывания на посту после речи в поддержку оппозиции, сообщил Графтону о намерении подать в отставку, хотя лично этого не хотел. В кабинете против Кэмдена интриговали Веймаут и Говер, убеждавшие премьера, что большая печать страны в руках оппозиционера подорвёт правительство. Графтон был против отставки Кэмдена, но Георг III уже нашёл ему замену в лице Чарльза Йорка, который был выбран из-за того, что не запятнал репутацию в миддлсекских выборах /56/.

О желании уйти в отставку 15 января заявил и маркиз Гранби, но понимая трудности короля, согласился подождать с этим шагом 24 часа. Переписка Чэтэма свидетельствует, что Гранби советовался со сторонниками графа, под давлением ко-

торых маркиз обещал не менять решения /57/. Затем заявления об отставках посыпались как из рога изобилия: герцоги Бофорт и Манчестер, графы Ковентри и Хантингдон покинули придворные должности, Джеймс Гренвилл оставил пост вице-казначея Ирландии, Даннинг - генерального солиситора. «Эннюэл Реджистер» справедливо резюмировал: «Вся администрация, казалось, разваливается на куски» /58/. В сложившихся обстоятельствах только человек с недюжинной энергией и талантом смог бы стабилизировать положение. Графтон не был таким человеком, и улаживанием трудностей вынужден был заниматься король.

Для решения кадровых проблем палата общин 15 января приостановила заседания на неделю, что было выгодно правительству, получившему время на перегруппировку сил. Оппозиция ограничилась только протестом /59/. Тем временем Георг продолжал уговаривать Чарльза Йорка занять должность лорд-канцлера. Оппозиционеры, считая Йорка человеком благоразумным и проникательным, не верили, что он займёт пост и станет «садиться на гнилой корабль в разгар бури» /60/. Но благодаря настойчивости короля, который на личной встрече пригрозил политику личным разрывом, это произошло /61/.

Казалось, кризис был преодолен и кабинет герцога получил запас стабильности, но случилось непредвиденное: 18 января Йорк серьёзно заболел и через день умер. Графтон попал в сложное положение: его предложения вакантного поста судье верховного правосудия Уилмоту и юристу де Грею были отклонены. Растерявшийся герцог изложил свои трудности королю и попросил позволения уйти в отставку /62/. Правда, как вспоминал Графтон, задумываться об уходе он стал раньше, из-за падения доверия короля к Кэмдену. Герцог чувствовал, что атмосфера вокруг него являлась предательской и опасной, хотя монарх оказывал ему доверие и поддержку. Переходить в стан оппозиции Графтон не захотел, пообещав посильную помощь новой администрации /63/.

Своё слово герцог сдержал. В 1771 г. он был приглашён

на пост лорда хранителя малой печати в новом кабинете лорда Норта. Изначально, в ходе министерских пертурбаций, Норт хотел дать герцогу пост первого лорда адмиралтейства, но на него требовались моряки. Но затем с освобождением вакантной должности лорда хранителя малой печати Графтон рассматривался королём как основной кандидат. Сам герцог отмечал, что при дворе многие желали видеть на этой должности Веймаута, но Георг заявил, что даже слышать не хочет об этом, и предложил пост Графтону «в самой лестной манере». Герцог согласился, добившись права не посещать заседания кабинета из-за недоверия к принципам многих его членов /64/. Таким Графтон вновь стал лишь номинальным министром без серьёзной политической ответственности, но при этом его имя и позиция в палате лордов поддерживали кабинет Норта. Короля порадовало возвращение старого министра: «Ничто не может быть более хорошим, чем манера, с какой герцог Графтон принял малую печать, что убедило меня, что он был бы очень расстроен, если бы её не предложили ему» /65/.

Впрочем, Графтон успел побыть в министерской должности относительно недолго. В 1775 г. он подаёт в отставку в знак протеста против жёсткой политики в отношении к американским колониям. При этом серьёзной роли в оппозиции он играть не стал. В дальнейшем имя Графтона как одного из кандидатов в члены нового правительства фигурировало в 1778 г. при обсуждении идеи назначения Питта диктатором, но дальше переговоров дело не пошло.

Новое возвращение Графтона произошло уже после отставки Норта. Герцог по-прежнему фигурировал как один из кандидатов в члены правительства, причём как в королевских списках, так и в списках оппозиции. В марте 1782 г. Графтон вновь получает пост лорда хранителя малой печати в кабинете Рокинггема. Свою должность он сохранил и после смерти маркиза в новой администрации графа Шелборна. Последний, однако, столкнулся с серьёзными проблемами при разработке и претворении в жизнь планов урегулирования конфликта в Америке.

Его проект предварительных условий мирного договора с Америкой встретил резкую критику лидеров оппозиции: Норт критиковал его за слишком большие уступки; Фокс считал его условия недостаточными для установления тесных контактов с новым государством /66/. Современник отмечал: «Слабость лорда Шелборна с каждым днём становится всё очевидней. Ясно, что он не продержится и недели без дополнительной помощи» /67/. Граф это понимал и советовался с коллегами. Как вспоминал Графтон, Шелборн видел три альтернативы: немедленная отставка, ожидание провала в парламенте и союз с друзьями Норта. Сам Графтон считал, что лучше предоставить ослабленным вигам занять кабинет, но подобный совет не понравился Шелборну: он выбрал второй вариант. В ответ 19 февраля Графтон покинул пост, объяснив своё решение отсутствием единства в кабинете /68/.

1. The Dukes of Grafton: The Dukes /<http://www.tbheritage.com/Breeders/Grafton/Grafton2.html> 15.09.2009.
2. Лорды лейтенанты или лорды наместники - представители королевской власти в графствах. Эти должности часто носили почётный характер.
3. То есть последователей герцога Ньюкасла. Однако стоит отметить, что несколько его главных сторонников сохранили посты. Powell M. J. Britain and Ireland in the Eighteenth-Century Crisis of Empire. Houndmills - Basingstoke, 2003. P. 72.
4. Autobiography and Political Correspondence of Augustus Henry Third Duke of Grafton, K.G. From Hitherto Unpublished Documents in the Possession of His Family / Ed. by William R. Anson. (Далее: Grafton's Autobiography) L., 1898. P. 40 - 41.
5. Bloy M. Augustus Henry Fitzroy, third Duke of Grafton (1735 - 1811) // <http://www.victorianweb.org/history/pms/grafon.html> 15.09.2009.
6. Mr. Grenville's Diary // The Grenville Papers: Being the Correspondence of Richard Grenville Earl of Temple, K. G., and the Right Hon: George Grenville, Their Friends and Contemporaries. Now First Published From the Original MSS, Formerly Preserved at Stowe /Ed. with Notes by William James Smith, Esq., Formerly Librarian at Stowe. (Далее: Grenville Papers) Vol. III. L., 1853. P. 201.

7. Mr. Pitt to the Duke of Grafton. [June 25, 1765]//Grafton's Autobiography. P. 53 - 54.
8. The Duke of Grafton to the Duke of Bedford. July 10, 1765 // Correspondence of John, Fourth Duke of Bedford: Selected from the Originals at Woburn Abby with an Introduction by Lord John Russel. (Далее: Bedford Corr.) Vol. III. P. 311.
9. Langford P. The First Rockingham Administration 1765 - 1766. Oxford, 1973. P. 6, 49.
10. Grafton's Autobiography. P. 55 - 56.
11. Mr. Pitt to the Duke of Grafton. August 24, 1765//Correspondence of William Pitt, Earl of Chatham / Ed. by William Stanhope Taylor, esq., and Captain John Henry Pringle, Executors of His Son, John, Earl of Chatham, and Published from the Original Manuscripts in Their Possession. (Далее: Chatham Corr.) Vol. II. L., 1838. P. 321 - 322.
12. Walpole H. Memoirs of the Reign of King George the Third. (Далее: Walpole's Memoirs) Vol. II. L., 1845. P. 190.
13. January 9, 1766 // A Narrative of the Changes in the Ministry 1765 - 1767 Told by the Duke of Newcastle in a Series of Letters to John White, M.P. // Ed. for the Royal Historical Society by Mary Batison. (Далее: Newcastle's Narrative) L. - N-Y. - Bombay, 1898. P. 44 - 45.
14. Grafton's Autobiography. P. 63.
15. Duke of Newcastle to the Marquis of Rockingham. January 9, 1766 // Memoirs of the Marquis of Rockingham and His Contemporaries with the Original Letters and Documents/Ed. by George Thomas, Earl of Albemarle. (Далее: Rockingham Memoirs) Vol. I. L., 1852. P. 265.
16. The Marquis of Rockingham to George the Third. January 15, 1766 // Ibid. P. 270.
17. The King to the Marquis of Rockingham. January 15, 1766 // Ibid. P. 271.
18. Grafton's Autobiography. P. 65.
19. Message from Mr. Pitt to Lord Rockingham, Written by Nuthall // Chatham Corr. Vol. II. P. 398 - 399.
20. May 3, 1766 // Newcastle's Narrative. P. 57, 63.
21. The Duke of Grafton to the Right Hon. Henry Seymour Conway. April 22, 1766 // Grafton's Autobiography. P. 71-72.
22. Thomas Nuthall, Esq. to Mr. Pitt. [May 29, 1766] // Chatham Corr. Vol. II. P. 421- 422.
23. Grafton's Autobiography. P. 44.

24. Grafton's Autobiography. P. 89 - 90.
25. Winstanley D. A. Lord Chatham and the Whig Opposition. Cambridge, 1912. P. 31.
26. Watson S. J. The Reign of George III: 1760-1815. Oxford, 1960. P. 113.
27. Бугашев С. И. Британский лев против галльского петуха. СПб., 2004. С. 157.
28. Grafton's Autobiography. P. 110.
29. The Duke of Grafton to the Earl of Chatham. May 29, 1767 // Chatham Corr. Vol. III. P. 257 - 258.
30. Grafton's Autobiography. P. 137 - 139.
31. Plumb J. H. Chatham. Hamden, 1965. P. 121 - 122.
32. Grafton's Autobiography. P. 122.
33. Ibid. P. 104.
34. Mr. William Gerard Hamilton to Earl Temple. [July 3, 1767] // Grenville Papers. Vol. IV. P. 26 - 27.
35. The Marquis of Rockingham to the Earl of Hardwicke. July 2, 1767 // Rockingham Memoirs. Vol. II. P. 53 - 54.
36. Walpole's Memoirs. Vol. III. P. 62.
37. July 6, 1767 // Newcastle's Narrative. P. 110.
38. Mr. William Gerard Hamilton to Earl Temple. [July 8, 1767] // Grenville Papers. Vol. IV. P. 37.
39. Marquis of Rockingham to the Duke of Grafton. July 15, 1767 // Bedford Corr. Vol. III. P. 367 - 368.
40. The Duke of Grafton to the Marquis of Rockingham. July 17, 1767 // Ibid. P. 378.
41. Mr. William Gerard Hamilton to Earl Temple. [July 27, 1767] // Grenville Papers. Vol. IV. P. 109.
42. DXXXVII. To His Son. December 27, 1767 // The Letters of Philip Dormer Stanhope, Earl of Chesterfield, with the Characters / Ed. by John Bradshaw. Vol. III. L., 1893. P. 1372.
43. Grafton's Autobiography. P. 183.
44. Walpole's Memoirs. Vol. III. P. 246; The Earl of Chatham to the Duke of Grafton. October 12, 1768 // Chatham Corr. Vol. III. P. 338.
45. The King to the Earl of Chatham. October 14, 1768 // Ibid. P. 343.
46. Watson S. J. Op. cit. P. 144 - 145.
47. Цит. по: Rude G. Op. Cit. P. 66; Семёнов С. Б. Указ. соч. С. 204 - 207.

48. The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803. From Which Last-Mentioned Epoch It is Continued Downwards in the Work Entitled "The Parliamentary Debates". (Далее: PH) Vol. XVI. A.D. 1765 - 1771. L., 1813. Col. 585 - 588.
49. PH. Vol. XVI. Col. 599 - 602.
50. Watson S. J. Op. cit. P. 138.
51. Christie I. R. Wars and Revolutions: Britain, 1760 - 1815. Cambridge (Mass.), 1982. P. 77.
52. The History of Europe // The Annual Register, or a View of the History, Politics, and Literature, for the Year 1770. The Fourth Edition. L., 1785. P. 57 - 58.
53. The Duke of Portland to the Marquis of Rockingham. December 3, 1769 // Rockingham Memoirs. Vol. II. P. 143.
54. Adolphus J. The History of England, from the Accession of King George the Third, to the Conclusion of Peace in the Year One Thousand Seven Hundred and Eighty-Three. Vol. I. L., 1802. P. 427.
55. Mr. Whately to Mr. Grenville. January 11, 1770 // Grenville Papers. Vol. IV. P. 26 - 27.
56. Grafton's Autobiography. P. 245 - 246.
57. The Earl of Chatham to John Calcraft, Esq. [January 15, 1770] // Chatham Corr. Vol. III. P. 392 - 393; John Calcraft, Esq. to the Earl of Chatham. January 16, 1770 // Ibid. P. 396.
58. The History of Europe // Annual Register, 1770. P. 63.
59. PH. Vol. XVI. Col. 730.
60. The Earl of Chatham to John Calcraft, Esq. January 17 1770 // Chatham Corr. Vol. III. P. 398.
61. Цит. по: Winstanley D.A. Op. cit. P. 308.
62. Grafton's Autobiography. P. 249 - 250.
63. Ibid. P. 245, 251.
64. Ibid. P. 264.
65. King to Lord North. June 11, 1771 // Correspondence with Lord North from 1768 to 1783 / Ed. by W. Bodham Donne. Vol. I. L., 1867. P. 75 - 76.
66. Соколов А. Б. "Правь, Британия, морями"? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке: Монография. Ярославль, 1996. С. 123.
67. W. W. Grenville to Lord Temple. February 11, 1782 // Memoirs of the Court and Cabinets of George the Third: From Original Family Documents

Великобритания и «Фамильный пакт» в начальный период войны североамериканских колоний за независимость. (1775 - 1778 гг.).

Внешняя политика британского кабинета на европейском направлении с лета 1775 г. была полностью подчинена задачам колониальной войны в Северной Америке. Лондон оказался в чрезвычайно сложной ситуации. Крупномасштабная война на другой стороне Атлантического океана, на расстоянии 3000 миль создавала колоссальные транспортные и финансовые проблемы. Даже трудности, связанные с завоеванием Канады в период Семилетней войны, не могут сравниться с тяготами новой кампании.

Отношения с государствами «Фамильного пакта» доминировали в дипломатии британского кабинета до вступления их в войну в 1778 - 1779 гг. Американское восстание сделало мир в Европе императивом для Лондона, что буквально означало мир с Францией. Неожиданный удар с противоположной стороны Ла-Манша означал бы серьезное потрясение для Британии, чьи основные ресурсы были задействованы в борьбе за океаном. Хотя французское вмешательство в начальный период войны не рассматривали в Лондоне как неизбежное, всегда существовала опасность что «естественный» противник предпримет давно ожидаемый реванш. Британские стратеги понимали, что франко-американский союз является реальной и опасной перспективой. Целью Сент-Джеймского двора в начале американской кампании было сохранить мирные отношения с Парижем и его союзниками, чтобы вновь завоевать Америку.

«Широко распространенное заблуждение заключается в том, что Англия и Франция, а чуть позднее и Испания были обречены на войну», - справедливо полагает британский историк Х. Скотт /1/. В 1775 - 1776 годах французское руководство и лидер кабинета Верженн были удивительно осторожны и нерешительны.

тельно. Версаль опасался за плохое состояние ВМФ и своих финансов. Не было ясности и в позиции Мадрида, но самое главное, сомнительной представлялась победа американских колонистов. Мнение испанского союзника для действий Парижа было немаловажно, так как Мадрид обладал боеспособным ВМФ, и именно этот фактор становился важнейшим в антианглийской операции. Между тем, предположение, что Испания безропотно должна была следовать в фарватере французской внешней политики в 1775 - 1776 гг., следует отвергнуть.

Испанская корона проявляла достаточное равнодушие к американскому восстанию, хотя принципиально приветствовала его разрушительное влияние на британскую колониальную империю. Хотя ведущего испанского министра Гримальди, по-прежнему, считали англофобом, он проявлял в данный период умеренность и ценил установившиеся с начала 1770-х гг., хорошие отношения с Лондоном. Кроме того, Мадрид был занят серьёзным испано-португальским конфликтом в Южной Америке. Политика Мадрида в начальный период американской войны была очень осторожной. Испания понимала привлекательность момента для реванша против Великобритании, но Гримальди предпочитал выжидать и рассчитывал получить больше выгод от дипломатии, чем от силовых действий.

Начало американского восстания первоначально оказало малое влияние на британские отношения с Бурбонами и не нарушило структуру взаимоотношений, сложившуюся к середине 1770-х гг. Англо-французская дипломатия оставалась дружественной в течение почти года после начала колониального мятежа, и только в 1776 г. напряжение стало усиливаться. Англо-испанские отношения на ранней стадии конфликта и даже после формального разрыва с Францией в марте 1778 г. рассматривались в Лондоне отдельно от внешнеполитического курса Версаля. Большинство английских министров проводили серьёзное различие между двумя Бурбонскими монархиями и надеялись на сохранение мира с Мадридом.

Анализ французских намерений английским кабинетом в

1775 году был в целом благоприятным. Франция пока остается мирной и не имеет возможностей для войны./2/ Ее министерство нестабильно, а реформы Тюрго ведут к новому конфликту двора с парламентами /3/. Эти и другие внутренние осложнения были в центре внимания британских дипломатов во Франции, и их сообщения успокаивали министров /4/. Английская уверенность в отсутствии близкой угрозы со стороны Парижа во многом основывалась на ее осведомленности о неудовлетворительном состоянии французского ВМФ. Готовность флота, по-прежнему, воспринималась в правительстве Британии как главным показателем намерений Версаля. Французский ВМФ еще не пришел в необходимую боеготовность после разрушительной деятельности де Бойнэ во главе морского ведомства. Любая попытка активной подготовки неприятельского флота была бы замечена английской разведкой, что и произошло в 1776 году /5/. Английское руководство получало обильную информацию из разных источников. Самыми важными являлись сообщения парижского посольства и шпионской сети, созданной резидентом Уолтерсом /6/.

Нельзя сказать, чтобы данный период был совсем безоблачным. Возникали напряженные моменты, но в течение первых двух лет американского восстания острых конфликтов между Парижем и Лондоном не наблюдалось. В апреле 1775 г. Появились тревожные слухи о возможной морской мобилизации в Бресте /7/ Они оказались ошибочными. В начале 1776 г. пришли известия о планируемом сборе эскадры в Тулоне, что сразу привело к падению курса английских ценных бумаг /8/. Эти случаи свидетельствовали о серьезных признаках взаимной подозрительности, но не разрушили внешнего спокойствия.

В марте 1776 г. французский поверенный Гарнье отмечал, что «доверие Британии к добрым намерениям французского двора позволяет ей сконцентрировать свое внимание на американском восстании» /9/. Ровность отношений косвенно подтверждается длительным отсутствием в Париже английского посла Стормонта. Ему позволили продолжить свой отпуск, даже

когда пришли известия о серьезных столкновениях в Америке. С марта по октябрь 1775 г. его не было во Франции /10/. Георг III 23 ноября при закрытии парламентской сессии заявил, что «сохранение спокойствия в Европе обусловлено мирной позицией Франции» /11/.

Разрушительным для англо-французской гармонии оказалось влияние британского парламента на дипломатию. Зимой 1774 - 1775 гг., когда американский кризис углублялся, парламентские критики нападали на правительственную политику, указывая на игнорирование кабинетом военно-морских приготовлений Франции. Призрак новой войны с Бурбонами активно заклинал легендарный лорд Чэтэм, который в 1775 г. вновь стал реальной силой в палате лордов. Обвинения в адрес кабинета, произносимые грозным «великим коммонером» повторялись и приукрашивались его сторонниками в палате общин /12/.

Парламентская позиция кабинета Норта была первоначально твердой. В течение нескольких лет американская война была популярна, что не давало возможности оппозиции критиковать военные расходы, особенно ввиду британских военных успехов в 1776 году /13/. Только когда Англия стала терпеть неудачи, правительственное большинство оказалось под вопросом. Однако с самого начала конфликта кабинет был вынужден определять отношения с Версалем с оглядкой на возможное осуждение палатой общин. Громкие антибурбонские заявления, нередко звучавшие в стенах Вестминстера, становились, известны в Париже и Мадриде.

Страстному британскому желанию мира в Европе серьезно угрожал, казалось бы, весьма далекий, испано-португальский конфликт в Южной Америке. На эту проблему английский кабинет смотрел как на дипломатическую мину замедленного действия. По мнению Х. Скотта «важность этого спора в контексте англо-бурбонской дипломатии периода Американской революции до сих пор полностью не осознается» /14/. Опасность состояла в том, что Испания могла попросить помощи у своей союзницы Франции, а Португалия была связана оборонитель-

ным договором с Англией и также рассчитывала на ее содействие. Конфликт коренился в сложном пограничном споре за незаселенные земли между португальской Бразилией и испанской территорией Рио-де-ля-Плата /15/. Проблема имела долгую историю, но к 1775 г. столкновения усилились и могли вызвать серьезное осложнение отношений между «Фамильным Пактом» и Великобританией. Английское правительство опасалось быть втянутой в этот конфликт против своей воли и настойчиво сопротивлялось всем просьбам о помощи от маркиза Помбала, главы португальского кабинета. В Лондоне отдавали себе отчет в том, что если Франция будет все-таки вовлечена в конфликт, то Англии станет очень сложно оставаться в стороне без потери своего авторитета. Британия активно способствовала достижению договоренности и убеждала Францию сдерживать испанцев.

Другим чрезвычайно болезненным вопросом, ухудшавшим англо-французские отношения в 1770-х гг., являлась контрабандная торговля с американцами. По мнению Д. Губеля, французы и американцы имели значительные коммерческие связи, и это вызывало много трений между Парижем и Лондоном /16/. Законная британская колониальная торговля осуществлялась на английских и американских судах, но в явном пренебрежении к данному правилу французы поддерживали как прямые коммерческие отношения, так, в большей степени, действовали через свои вест-индские колонии: Санто-Доминго (Гаити), Мартинику и Гваделупу.

Размеры торговли особенно возросли с началом военных действий, так как американцы нуждались в оружии и амуниции. Колонисты обращались к французским купцам как к своим потенциальным союзникам и непременным противникам англичан. Официальный Париж запрещал контрабанду в 1775 - 1776 гг., но нелегально торговля продолжалась, к тому же, французы часто использовались голландские порты.

Первоначально британская реакция была приглушенной /17/. Кабинет старался держать в секрете данные о французской

контрабанде, что сильно контрастировало с острыми обвинениями в адрес голландцев. По мнению Р. Кроута правительство преследовало следующие основные цели: вырвать этот сильный козырь из рук сторонников Чэтэма и постараться сохранить лояльные отношения с Францией /18/. Английским капитанам даже был отдан приказ не задерживать французские суда /19/.

Британский кабинет занял умеренную позицию в этот период и в давнем споре о ньюфаундленских промыслах /20/. Однако английские министры опасались проявить излишнюю слабость. Хорошим напоминанием о британской силе оставался ее ВМФ. По мнению Х. Скотта английская контрразведка на начальной стадии американской войны сознательно не наносила ударов по французским шпионам, чтобы Версаль имел достоверную информацию о готовности британского флота /21/. Лондон также не хотел, чтобы его собственная мобилизация, предназначенная для колоний, была истолкована в Париже как подготовка превентивного удара по Франции. Демонстрация английского пацифизма в Европе являлась основной линией поведения британского кабинета в 1775 - 1776 гг.

Аналогичную политику Британия проводила и в отношении Мадрида. Особенно теплый прием получил Массерано, когда он вновь приехал в Лондон в июне 1775 г. Во второстепенных вопросах Лондон демонстративно старался проявить свою добрую волю. Как замечает В. Харлоу, в некоторых мелких колониальных конфликтах Англия пошла навстречу Мадриду /22/. На испанскую нелегальную торговлю с американскими колонистами также первое время в Лондоне смотрели сквозь пальцы.

В ноябре 1775 г. произошли важные изменения в британском дипломатическом ведомстве. Существуют противоречивые описания министерских интриг, приведших к кардинальным перестановкам на секретарских постах и к отставке Рошфора /23/. Отношения между Саффолком и Рошфором к середине 1770-х гг. в резко ухудшились. Их партнерство было нарушено секретными переговорами Рошфора с французскими эмис-

сарами в 1772 - 1773 гг. Это был конфликт политических позиций и личностей /24/. По мнению известного исследователя Американской революции А. Д. Грабера принципиально расходились взгляды министров и в отношении Америки: твердая линия Саффолка резко контрастировала с умеренной Рошфора /25/.

Новой кандидатурой на вакантный дипломатический пост неожиданно оказался бывший госсекретарь лорд Томас Веймут. Предыдущая политическая карьера лорда свидетельствовала о непредсказуемости его внешнеполитических взглядов.

В итоге 10 ноября 1775 г. Веймут вновь получил южный ключевой департамент, а лорд Джермен получил пост американского госсекретаря. По мнению А. Бэйси, лорд Джермен имел репутацию «ястреба», и его появление в правительстве означало торжество жесткой линии в отношении колоний /26/.

Британская политика в отношении «Фамильного пакта» в 1775 - 1776 гг. казалась в целом правильной. Париж и Мадрид заявляли о своем желании поставить барьеры на пути нелегальной торговли, и ровные отношения сохранялись с обеими странами. Однако колониальное восстание предоставляло Бурбонам и, прежде всего Парижу уникальную возможность реванша и было маловероятно, чтобы французское правительство не попыталось использовать этот шанс.

Верженн хорошо знал французские возможности и поэтому действовал осторожно до весны 1776 г. В марте - апреле этого года в Париже прошло несколько совещаний кабинета, определивших новый внешнеполитический курс Версаля /27/. На заседаниях правительства столкнулись две противоположных концепции. Одну отстаивал Тюрго. Его убеждения состояли в том, что для Франции необходим длительный мир для проведения финансовых реформ. Ему противостоял Верженн, чья основная идея заключалась в необходимости использовать исторический шанс и нанести решительный удар по Британии.

Он надеялся на восстановление французского влияния в Европе и большие колониальные приобретения. Верженн пред-

лагал сначала оказать секретную помощь восставшим колониям, а затем открыто вступить в войну против англичан на стороне американцев. Планы Верженна находились в традиционном русле французской внешней политики, главным постулатом которой оставалась вражда с «естественным» противником. В этом смысле программа Тюрго была новаторской, так как предусматривала временный отказ от конфронтации и ориентацию на внутренние проблемы.

Формальное решение короля было объявлено 2 мая 1776 г., когда он согласился выделить 1000000 ливров на секретную помощь американским инсургентам. Вскоре начались французские приготовления к войне. О принятых решениях знали только король и высшие министры, поэтому весной 1776 года британская уверенность в лояльности Парижа сохранялось. Стормонт вновь находился в отпуске. Британской дипломатией в Париже управлял поверенный Сент-Поль Эварт, который не сумел сразу определить фундаментальное изменение в позиции Франции. Он бдительно следил за правительственными изменениями, но не почувствовал, что лежит за немилостью Тюрго /28/.

Министерское решение можно было держать в секрете, но военную подготовку скрыть было нельзя. Энергичный Сартин приступил к ускоренной реконструкции ВМФ, с мая 1776 г. затраты на флот возросли. Активность в портах и на верфях резко увеличилась, и это, вместе с возросшей торговлей с американцами, вскоре привело к ухудшению англо-французских отношений.

Морские приготовления на противоположной стороне Ла-Манша быстро стали известны в Лондоне, что привело к серьезной панике в правительстве и Сити /29/. 20 июня 1776 г. специальное заседание британского кабинета было посвящено обсуждению французской угрозы. Глава Адмиралтейства лорд Сэндвич предпринял на этом совещании решительную попытку убедить правительство в необходимости срочных мер для противостояния французской мобилизации /30/. С самого начала американской войны лорд постоянно опасался французской уг-

розы, и в этот момент его страхи достигли апогея /31/. Первый лорд Адмиралтейства получил частичную поддержку от коллег.

Однако на этой стадии большинство министров было не согласно с чрезвычайно дорогостоящими программами Адмиралтейства /32/. Основной же причиной было опасение спровоцировать Францию на полномасштабные «военно-морские» гонки, способные быстро привести к войне. Британское правительство считало победу в Америке своей основной задачей. Многие члены кабинета полагали, что французское вмешательство может быть отсрочено или вообще предотвращено военными успехами за океаном. Идея, что мир в Европе зависит от победы в колониях, становилась популярной.

Важным признаком осложнения отношений между Парижем и Лондоном являлось срочное возвращение лорда Стормонта во Францию. Посол сразу оценил изменения во французской стратегии. По мнению Стормонта обстановка была напряженной, но не критической /33/. Лорд полагал, что французская подготовка не означает неизбежной войны. Рекомендации лорда оказывали заметное влияние на формирование английского внешнеполитического курса /34/. Опытный дипломат, понимая вероятность и даже закономерность агрессивных намерений Франции, предвидел, что Париж не будет торопиться объявлять войну, а с удовольствием станет наблюдать, как расходуются английские ресурсы в американском конфликте.

Лето 1776 г. было временем, когда начиналась новая фаза в отношениях двух стран. В 1775 и первой половине 1776 гг. в кабинете наблюдалось почти полное единодушие в том, что в ближайшее время война с Францией, едва ли, возможна. Летом 1776 г. подобное единство стало разрушаться. Сэндвич, не получив одобрения своей программы в полном объеме, продолжал настаивать на решительных мерах /35/. Его поддерживал Веймут. Основным сторонником умиротворения Бурбонов оставался северный госсекретарь Саффолк. Он был безразличен к французской угрозе, так как его взгляды оставались во многом ортодоксальными, но с началом американского восстания он по-

лагал, что европейская дипломатия должна быть подчинена военным целям за океаном /36/. Его наиболее влиятельным союзником был лорд Норт. Глава кабинета опасался, что европейская война одновременно с колониальной кампанией приведет к финансовому краху государства, поэтому он был против любых мер, способных спровоцировать Францию /37/. Разницу во мнениях министров не следует преувеличивать. Масштабы военноморских приготовлений с обеих сторон Ла-Манша весной 1777 г. оставляли все меньше сомнений в неизбежности войны.

Весьма показательным событием стало появление в Париже американских посланцев. Первым во французской столице появился Сайлас Дин в июле 1776 года /38/. Он должен был закупить военное снаряжение и выяснить перспективы политической поддержки со стороны Версаля. Французское правительство деликатную миссию сношения с американцем предпочитало возложить на неофициального представителя. Таковым был назначен Пьер Бомарше, автор «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро». Осенью 1776 г. американский конгресс направил во Францию новую дипломатическую миссию, в составе Б. Франклина, С. Дина, А. Ли, Д. Джея и Э. Банк-рофта /39/. Прибытие американцев в Париж и их восторженный прием вызвали серьезный демарш со стороны английского посольства. Колонисты оставались обычными бунтовщиками в 1776 - 1777 гг. не только в британских глазах, им было сложно установить контакт с любым европейским государством. Радужный прием, оказанный американским дипломатам в Париже, означал очень серьезный удар по слабой надежде на сохранение мира в Европе.

Другой причиной дальнейшего ухудшения отношений между Лондоном и Парижем стало резкое увеличение масштабов помощи мятежникам и откровенный способ ее доставки, как из собственно французских портов, так и через острова Вест-Индии. Для этой цели Бомарше еще в 1775 г. учредил фиктивный торговый дом «Родериг Горталез э К». Средства были тайно выделены правительствами Франции и Испании /40/. По-

мощь, полученная американскими колониями при содействии Бомарше и Сайласа Дина, была значительной.

Молодой маркиз Лафайет, лейтенант французской службы, снарядил на свой собственный счет корабль «Победа» и отплыл на нем в 1777 г. вместе с другими добровольцами в Северную Америку, вопреки запрету короля /41/. Лафайет и его друзья храбро воевали в Америке и заслужили там всеобщее уважение /42/. Лафайету было присвоено звание генерала американской армии. Если на ранних стадиях восстания Британия закрывала глаза на подобные враждебные действия Бурбонов, то в 1776 - 1777 гг. игнорировать эти факты становилось невозможно. Веймут в феврале 1777 г. прямо говорил о необходимости захвата французских торговых судов в Атлантике /43/.

Еще одним поводом для усиления напряженности стало участвовавшее с лета 1777 г. использование американскими каперами французских портов /44/. Американцы создали целый каперский флот /45/. Американский конгресс стремился расширить зону конфликта и направлял рейдеров в европейские воды. Эта тактика оказалась успешной, и нанесла большой урон британской торговле /46/. Целью американских каперов был не только удар по коммерческим интересам Англии, но и попытка спровоцировать англо-французские инциденты и ускорить формально вступление Франции в войну. По мнению Д. Сюрета в 1777 г. данная задача в значительной степени была выполнена /47/. А. А. Фурсенко также полагает, что «действия каперов на море были существенным вкладом в дело борьбы против Англии» /48/.

Британии удалось закрыть гавани большинства европейских государств, и Франция оказалась очевидным прибежищем для пиратов. Ла-Манш и Бискайский залив являлись основными районами активности американских рейдеров. Как справедливо отмечает Дж. Далл, англичане были вынуждены увеличить свои морские патрули в этих районах /49/. Франция предприняла ответные меры и также усилила свое военноморское присутствие. Это означало неизбежный риск случайных

столкновений. Лондон также протестовал по поводу захода американских судов во французские атлантические порты. В итоге Верженну все же пришлось признать незаконность действий пиратов /50/. Он формально запретил использование французских гаваней для подобных целей, но действие правительственных инструкций далеко не всегда было эффективным /51/.

Британия практически мало, что могла предпринять, чтобы помешать торговле оружием, деятельности рейдеров и активным франко-американским контактам. Английские министры были вынуждены принимать лицемерные заверения Верженна о мирных намерениях Франции, так как альтернативой была война, которую британский кабинет старался предотвратить или хотя бы отсрочить. В Лондоне хорошо представляли в этот период размеры французской поддержки американского восстания и не испытывали иллюзий по поводу дружеских заверений Версаля /52/. В первой половине 1777 г. британские победы за морями считались лучшим способом предотвратить французское нападение. Грабер считает, что большинство британских министров было уверено в победе, и они медленно осознавали силу колониального сопротивления /53/.

Предчувствие войны с Францией заставляло Лондон предпринять все возможные меры, чтобы лишить своего противника помощи от наиболее близкого союзника, Испании. Большинство английских министров было воодушевлено информацией, что французская мобилизация ВМФ летом 1776 г. не сопровождалась аналогичными действиями Мадрида /54/. Это вселяло надежду, что «Фамильный Пакт» недееспособен. В 1776 - 1777 гг. испанский вопрос привел британское правительство к явному расколу. Лорд Сэндвич всегда сомневался в миролюбии Мадрида. Он был убежден, что в любой войне Англия столкнется с объединенными силами Бурбонов. Позицию главы Адмиралтейства поддержал госсекретарь Веймут. Сэндвич и Веймут оказались в меньшинстве в кабинете. Таким образом, хотя официальный британский курс в отношении Мадрида считался максимально сдержанным и даже дружественным, министры, в

чьей компетенции находилась практическая работа, были настроены крайне антииспански.

Скрытность и молчаливость, а иногда откровенная враждебность делали Веймута гораздо менее популярной фигурой в дипломатических кругах Лондона, чем приветливый госсекретарь Саффолк /55/. Саффолк настойчиво проводил признанный министерский курс, в то время как Веймут, по мнению Георга III, «являлся препятствием для желаемых хороших отношений с Мадридом» /56/.

Выход оказался довольно простой: Веймутом просто стали пренебрегать как его коллеги, так и испанский посол. С августа 1776 г. Массерано часто вел важные переговоры с Саффолком, хотя Веймут продолжал руководить официальной дипломатической перепиской с Мадридом. Такая ситуация нарушала существовавший министерский порядок, но большинство министров поддерживало поведение Саффолка. Более того, дважды, выполняя инструкции короля, лорд Норт встречался с испанским послом. Этот факт знаменателен, так как глава кабинета обычно не обсуждал с иностранными послами вопросы, находившиеся в ведении госсекретарей. «Беседы, проведенные с Массерано, указывают на личное и в некотором смысле теневое вмешательство английского монарха во внешнеполитические дела в данный период», - полагает Х. Скотт /57/. Это подтверждается участием Мэнсфилда, являвшегося доверенным лицом короля /58/. Своеобразный «секрет короля» ставил своей целью проведение внешнеполитической линии, противоположной взглядам Веймута.

В течение зимы 1776 - 1777 гг. эта группа продолжала отстаивать сохранение согласия с Испанией. Мэнсфилд неоднократно посещал Массерано в его доме и убеждал в британском пацифизме. Английский король и его министры к этому времени уже не верили в возможность сохранения длительного спокойствия с Парижем, и их главной целью было удержать от вступления в войну Мадрид.

В апреле 1777 г. во Франции активно использовалась

секретная дипломатия. Специальным британским эмиссаром стал Натаниэль Паркер Форт. Миссия Форта в Париже была важной британской инициативой в 1777 - 1778 гг. Форт был вхож в великосветские салоны Парижа и даже знаком с канцлером Морепа, главой французского кабинета. Эти качества Натаниэля британский кабинет решил использовать, чтобы иметь неформальный доступ к Морепа. Георг III отозвался о нем как «об очень сомнительном переговорщике» /59/. Существует версия о том, что с самого начала Форт был введен в заблуждение ловким Морепа с целью выиграть время для завершения французских военных приготовлений /60/.

Основным источником напряженности в мае-июне 1777 г. была проблема каперов, обострившаяся из-за свежей информации об участии французов в экипажах американских судов /61/. В июне рейдеры, возглавляемые капитаном Ламбертом Уиксом, действовали особенно удачно и сумели захватить 18 английских судов /62/. Американцы вернулись во французские порты, преследуемые британским флотом, что вызвало дипломатический кризис.

Орас Уолпол писал в июле 1777 г., что «Британия и Франция находятся на краю войны» /63/. В конце мая ситуация считалась столь серьезной, что кабинет решил опустить стандартную фразу о сохранении мира в Европе, которая содержалась в королевской речи при закрытии парламентской сессии /64/. До начала мая каждое подобное выступление английского монарха в последние годы выражало уверенность в хороших отношениях с Францией. Острое ухудшение в европейской политике сопровождалось плохими новостями из колоний. По мнению А. Грабера и Д. Сюрета в июле 1777 г. английское правительство осознало, что надежда на успех в Америке преждевременна, и компания 1777 года не будет окончательной /65/.

Если в течение минувшего года война в Европе была вероятной, то летом 1777 г. она стала неизбежной. Во второй половине этого года напряжение продолжало возрастать, и оба государства ускорили свои военные приготовления. Формальная

дипломатия потеряла свой политекс, Париж и Лондон не скрывали, что начало боевых действий только вопрос времени.

Острый кризис вокруг каперов стал поворотной точкой в отношениях двух стран летом 1777 г. Выбор стал ясен: либо Франция должна отказаться от покровительства каперов и сохранять мир, либо объявить войну. Верженн окончательно решил на второй вариант, по-видимому, в конце июля, когда начал активную кампанию по привлечению испанской поддержки /66/.

Британская политика летом 1777 г. сводилась к определению точного времени начала боевых действий в Европе. Слабая надежда еще состояла в том, что победа в Америке все-таки будет достигнута до того, как ненадежный мир с Бурбонами окончательно рухнет /67/. Английские министры правильно полагали, что Франция будет воевать, если американцы продолжат сопротивление. До горьких известий о поражении генерала Бургойна под Саратогой 17 октября, английский кабинет надеялся на успех в колониях.

Во второй половине 1777 г. политику показательного пацифизма и второстепенных уступок сменяет дипломатия силы. Британия вернулась к агрессивному поведению, столь характерному для первого десятилетия после Семилетней войны. Английский кабинет пришел к выводу, что гибкая дипломатия, сопровождавшаяся редкими напоминаниями о своем морском превосходстве, проводимая в 1775 - 1777 гг., не остановит Париж /68/. Этот поворот означал возвращение влияния Веймута в кабинете, поскольку его известная враждебность к Бурбонам теперь гармонично вписывалась в новую английскую стратегию.

В июле 1777 г. Стормонт заявил жесткий протест по поводу пребывания эскадры Уикса во Франции. Верженн опасался, что грубый ответ может вызвать ответный английский удар, но подготовка французского ВМФ еще не завершилась, поэтому он распорядился конфисковать корабли американцев /69/. Данная мера означала конец демонстративной французской терпимости к рейдерам, но это не решило проблему в принципе /70/.

В середине июля другой известный пират, Густав Конингхэм, отличавшийся особой дерзостью, вышел из гавани Дюнкерка и нанес удары по английским судам. Стормонт снова делал громкие протесты, и Версаль опять отступил /71/.

Верженн возложил всю вину на американцев, сославшись на их дурное поведение, но ни Стормонт, ни министры в Лондоне не были склонны верить в искренность его слов. Британские угрозы продолжались и достигли своего пика 19 августа, когда Стормонт официально потребовал не только конфискации трофеев каперов, но и их изгнания из французских портов в открытое море, где их, конечно, будет поджидать английский флот /72/.

Лондон определил недельный срок для выполнения своих требований, и это спровоцировало особенно опасный кризис во второй половине августа. Верженн расценил английский демарш как грубое запугивание. Он также понимал, что англичане стараются внести раздор между Францией и американцами. Верженн был реалистом и видел, что французские силы еще не готовы к настоящей войне, поэтому 27 августа всем французским портовым властям были направлены приказы, запрещающие оказывать помощь американцам. В середине сентября эскадра Уикса была вынуждена покинуть Францию. Эти действия в Лондоне воспринимались как триумф британской дипломатии. Х. Скотт полагает, что «в действительности Стормонт одержал пиррову победу» /73/.

Лондон сумел разрешить один конфликт, но не мог предотвратить общего движения в сторону войны. В конце октября Адмиралтейство отдало приказ перехватывать французские и испанские суда, даже если они направлялись в колониальные владения Бурбонов. Подобное решение указывало, что мнение правительства Англии по вопросу начала войны было определенным. В последние месяцы 1777 г. британская твердость все-таки не была абсолютной, подтверждение тому продолжение миссии Форта. Секретные переговоры эмиссара Нортона не всегда шли в разрез с официальной позицией. В августе он был исполь-

зован для поддержки жестких протестов Лондона против каперов /74/. Он усилил формальные демарши Стормонта ясным предупреждением Морепа, что британское общественное мнение требует войны, и французские уступки необходимы /75/. В этом случае его действия способствовали британскому успеху, хотя основные мирные инициативы, предпринятые им, были отвергнуты Парижем /76/. Его многочисленные заверения в английском миролюбии ослабляли официальную позицию.

Как «теневая группа», так и Веймут желали сохранить мир, но их методы были несовместимы. Официальная дипломатия в лице южного госсекретаря Веймута заявляла, что Британия готова воевать. Одновременно Форт передавал заверения Нортона и Георга III в том, что Лондон миролюбив и не хочет распространения американского конфликта в Европе. Эти противоречивые декларации поставили Стормонта в сложное положение. Чрезвычайно запутанная дипломатическая игра Лондона в 1777 г. подрывала британскую позицию и, наоборот, воодушевляла Верженна.

14 ноября 1777 г. граф де Караман, генерал, участник Семилетней войны, сообщал своему русскому другу, графу И. И. Шувалову, в частном письме из Парижа: «никаких признаков приближающейся войны во Франции нет, зато подготовка к тому, чтобы должным образом вести её, в полном ходу» /77/.

Возросшее англо-французское напряжение совпало по времени с ухудшением отношений с Мадридом. Испания еще не решила вопрос об участии в войне и продолжала надеяться, что за свой нейтралитет она сможет выторговать некоторые уступки от Англии. Большим ударом по англо-испанским отношениям стал отъезд, а затем и смерть Массерано.

Окончательный кризис в англо-французских отношениях начался в декабре 1777 г. Колониальная кампания последнего года протекала с переменным успехом, но закончилась капитуляцией английских войск генерала Бургойна 17 октября в форте Саратога. Известия о поражении достигли Лондона в начале декабря и ошеломили страну. Стало ясно, что эта катастрофа ока-

жет существенное воздействие на дальнейшие события /78/.

Данное поражение нанесло сокрушительный удар по доминировавшему в кабинете Норта мнению, что американское восстание, в конце концов, будет подавлено. Вердикт авторитетного исследователя П. Маккизи состоит в том, что «кампании 1776 и 1777 гг., казалось, предоставили Британии прочное преимущество» /79/. Как бы сложны ни были принципиальные проблемы взаимоотношений метрополии и колоний, английский кабинет имел веские основания для чисто военного успеха. Капитуляция Бургойна разрушила подобные ожидания.

Парламентская оппозиция получила сильный козырь для антиправительственной агитации. После Саратоги общественное мнение начало склоняться к тому, что война бессмысленна и бесперспективна /80/. Норт полагал, что кризис требует перемен в кабинете, потерял самообладание и попытался уйти в отставку. Вновь заговорили о необходимости возвращения во власть грозного «великого коммонера», но Георг III категорически возражал против отставки Норта и убедил его остаться на своем посту.

Правительство, однако, отдавало себе отчет в том, что необходимо «существенное изменение» политики по отношению к Америке /81/. В парламент были внесены «примирительные» билли, а в Париже предприняты попытки зондажа американских дипломатов на предмет прекращения военных действий /82/. Английские политики подобным способом также хотели противодействовать франко-американскому сближению. По мнению большинства исследователей, мирные предложения Лондона зимой 1778 г. были обречены на провал, так как американцы не согласились бы меньше, чем на официальную независимость, а Британия еще не была готова пойти на подобный шаг /83/. Но сам факт англо-американских переговоров позволил колониальным дипломатам усилить нажим на Верженна.

Поражение под Саратогой оказало решающее влияние на французский двор. Верженн получил надежный повод для открытой поддержки американцев. Важным обстоятельством, по

мнению Дж. Дала, является то, что к этому времени Сартин практически завершил модернизацию французского ВМФ /84/. Верженн воспользовался новостями из Америки, чтобы переломить нерешительность французского монарха. 6 февраля 1778 г. Франклин заключил два основных договора с Францией, о союзе и о торговле. Договор о союзе означал для Парижа вступление в войну с Англией.

Даже известия о заключении союза не положило конец секретной дипломатии Норта. Его эмиссар продолжал ездить в Париж /85/. Глава британского кабинета зимой 1778 г. всё еще надеялся отсрочить конфликт /86/. Однако большинство министров были настроены более реалистично, о чем свидетельствует решение кабинета от 18 февраля об ударе по всем французским конвоям, направляющимся в Америку /87/. Общественное мнение Британии открыто требовало решительных действий. «Война с Францией и мир с Америкой» - этот лозунг подхватила почти вся английская пресса /88/.

Окончательный разрыв произошел 13 марта 1778 г., когда французский посол маркиз де Ноайль официально уведомил английское правительство о заключении франко-американского союза. Стормонту было приказано немедленно покинуть Париж, Ноайль также затребовал свой паспорт, и к концу марта дипломатические отношения фактически прервались. Но даже в марте Норт еще продолжал переписку с Морепом /89/.

В этот тревожный момент английская нация вновь услышала голос своего легендарного лидера и неизменного противника Франции. Свою последнюю речь Питт Старший произнес 7 апреля 1778 г. В ней он опять призывал к войне: "Неужели народ, 17 лет назад заставивший трепетать весь мир, пал так низко, что его извечный враг (Франция) может взять, что пожелает? Если нам суждено погибнуть, пусть мы погибнем достойно" /90/. Он предложил развернуть военные действия против Франции. В ходе прений Чэтэм потерял сознание и был вынесен на руках своими сторонниками. 11 мая 1778 г. он скончался и был похоронен в Вестминстерском аббатстве.

Разрыв был умышленно спровоцирован Верженном, чтобы усилить нажим на Мадрид. Модернизированный Карлом III испанский ВМФ стал решающим фактором, как в британских, так и во французских расчетах. Решение Версаля о начале войны, в значительной степени, базировалось на детальном подсчете морской силы. Эффективная деятельность Сартина и большие английские проблемы за океаном привели к тому, что зимой 1778 г. Франция достигла военно-морского паритета в европейских водах /91/. Однако ситуация была временной, и, вряд ли, могла сохраниться больше, чем на одну кампанию. Британские морские ресурсы потенциально были больше, чем французские. Естественно, испанский ВМФ являлся важной частью плана Верженна.

Однако Испания не очень хотела участвовать в давно ожидаемом реванше. Новый глава испанского МИДа Флорида-бланка и его коллеги не были настроены, способствовать американской победе, и продолжали надеяться на более выгодное использование дипломатии /92/. Независимое положение Мадрида было серьезной угрозой французской стратегии, и это ясно видели в Париже. Провоцируя формальный разрыв с Лондоном, Верженн надеялся, что неминуемая война сломает испанскую нерешительность. Отзыв послов обычно был сигналом для начала военных действий, но в 1778 г. этого не последовало. Прошло несколько месяцев, пока прогремели первые выстрелы. В этот период оба государства считали себя вовлеченными в военный конфликт, но ни одна сторона не хотела первой наносить удар /93/.

Объяснения этой странной войны кроются в более широких стратегических задачах обеих стран. Целью Франции оставалось привлечение Испании, но Мадрид, даже решившись воевать, должен был дожидаться безопасного прихода в свои порты ежегодного флота с драгоценностями из Южной Америки. Французский кабинет также не хотел получить ярлык агрессора в глазах Европы. В этот период шли секретные франко-испанские обсуждения общей стратегии Бурбонов в конфликте с

Британией /94/. В апреле Флоридабланка сумел добиться важной уступки от Верженна: обязательства Франции воевать с англичанами вплоть до испанского захвата Гибралтара /95/.

Британское правительство также имело свои причины. Англия в этот период напряженно искала союзников и старалась сохранить испанский нейтралитет. Невмешательство Мадрида являлось важной целью Лондона в течение следующих 11 месяцев /96/. После разрыва англо-французской дипломатии инициатива на некоторое время перешла к Испании. Прибытие нового испанского посла Альмодовара приветствовалось в Лондоне. Испания предлагала свое посредничество, за которое Британия должна была заплатить уступкой Гибралтара и Минорки. Кроме того, английский кабинет был парализован серьезным конфликтом между сторонниками «европейской» и «американской» тактики /97/. Первая стычка между неприятельскими эскадрами, под командованием адмиралов Кеппела и Бель-Поля, произошла в июне в Ла-Манше /98/. Франция объявила войну 10 июля 1778 г.

1. Scott H. British Foreign Policy in the Age of the American Revolution. Oxford, 1990, P. 208.
2. Proceedings and Debates of the British Parliaments respecting North America 1754 - 1783, Ed. R. C. Simmons and P. D. G. Thomas, N. Y., 1982, V.4, P.77; Colonel St. Poul of Ewart, Soldier and Diplomat, Ed. G. Grey Butler, London, 1911, V. 2, P. 127.
3. См.: Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой Французской революции 1789 - 1799, Л., 1989, С.55 - 61.
4. Colonel St. Poul of Ewart, Soldier and Diplomat, V. 2, P. 127 - 156.
5. Renaut F.-P. Le Secret Service de l'Amirauté britannique au temps de la guerre d'Amérique 1776 - 1783 (L'espionnage naval au XVIII siècle, Paris, 1936, P. 145 - 184.
6. Colonel St. Paul of Ewart, Soldier and Diplomat, V. 2, P. 38, 44 - 45, 67 - 80.
7. The Correspondence of King George III from 1760 to December 1783. London, 1927 - 1928, V. 3, P. 205 - 206. (Далее: Corr. Geo III).
8. The Last Journals of Horace Walpole during the Reign of George III,

from 1771 - 1783, Ed. A. F. Steuart, London, 1910, V. 1, P. 526.

9. Corr. George III, V. 3, P. 267. 10. Colonel St. Paul of Ewart, Soldier and Diplomat, V. 2, P. 249, 301; British Diplomatic instructions. 1689 - 1789. Ed. J. F. Chance and L. G. W. Legg, London, 1934, V. VII, P. 128 (Далее: BDI).

11. The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803. London, 1806-1820, Vol.18. Col.152. (Далее: PH).

12. Ibid., Vol. 18, Col. 159, 207, 346, 442.

13. Thomas P. D. G. Lord North, London, 1976, P. 114 - 115; O'Gorman. Rise of Party in England: The Rockingham Whigs 1760 - 1783, London, 1975. P.337 - 359.

14. Scott H. Op. cit. P. 212.

15. Alden D. The Undeclared War of 1773 - 1777; Climax of Luso-Spanish Platine Rivalry. // Hispanic American Historical Review, 1961, № 41, P. 55 - 74; Alden D. Royal Government in Colonial Brazil: With special reference to the Administration of the Marquis of Lavradio, Vice-roy, 1769 - 1779, Berkeley, 1968. P. 59 - 278.

16. Goebel D. B. The "New England Trade" and the French West Indies, 1763 - 1774: A Study in Trade Policies. // William and Mary Quarterly, 1963, № 20. P. 331 - 372.

17. Colonel St. Paul of Ewart, Soldier and Diplomat, V. 2. P. 284 - 293.

18. Crout R. R. In Search of a "Just and Lasting Peace": The Treaty of 1783, Louis XVI, Vergennes, and the Regeneration of the Realm.// International Historical Review, 1983, № 5, P. 70.

19. Van Alstyne R. W. Empire and Independence: The International History of the American Revolution. N. Y., 1965, P. 509.

20. Morandiere C. de la, Histoire de la perche francase de la morue dans l'Amerique septentrionale, Paris, 1962 - 1966, V. 2, P. 937 - 941.

21. Scott H. Op.cit. P. 214.

22. Harlow V. T. The Founding of the Second British Empire 1763-1793. L., 1952 - 1964, V. 1, P. 92 - 95.

23. Bargar B. D. Lord Dartmouth and the American Revolution, Columbia, 1965, P. 178 - 181; Brown G. S. The American Secretary: The Colonial Policy of Lord George Germain, Ann Arbor, 1963, P. 31 - 32; O'Gorman. Op. cit., P. 605.

24. Corr. George III, V. 3, P. 277 - 287; HMS: Reports on manuscripts in various collections. London, 1909, V. 6, The Correspondence of William Knox, P. 256 - 257.

25. Gruber I. D. The Howe brothers and the American Revolution. Chapell

Hill, 1972, P. 36 - 37.

26. Basye A. H. The Secretary of State for the colonies 1768 - 1782.// American Historical Review, 1922, V. 28, № 1, P. 18 - 19.

27. Dull J. R. French Navy and American Revolution: A Study of Arms and Diplomacy 1774 - 1787. Princeton, 1975, P. 30 - 48.

28. Colonel St. Paul of Ewart, Soldier and Diplomat, V. 2, P. 390, 398 - 400.

29. Ibid., V. 2, P.420 - 429; The Sandwich Papers, Ed. G. R. Barnes and J. H. Owen, London, 1932-1938, V. 1, P. 212; Horace Walpole's Correspondence, Ed. W. S. Lewis, New Haven, 1937 - 1983, V. 24, P. 213.

30. The Sandwich Papers, V. 1, P. 212 - 213; Corr. George III, V. 3, P. 380.

31. The Sandwich Papers, V. 1. P. 205.

32. Corr. George III, V. 3, P. 380.

33. Scott H. Op.cit., P. 236.

34. BDI., V. 8, P. 128.

35. The Sandwich Papers, V. 1, P. 213 - 216.

36. Ibid., V. 1, P. 226; The Autobiography and Political Correspondence of Augustus Henry, Third Duke of Grafton. London, 1898, P.297.

37. The Sandwich Papers, V. 1, P. 201.

38. О миссии Сайласа Дина см.: История дипломатии, М., 1959, Т. 1, С. 384 - 386; Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века. (Очерки англо-американских отношений), Л., 1984, С.18 - 20; Bemis S. F. The Diplomacy of the American Revolution. Bloomington, 1957. P. 34 - 36.

39. См.: История дипломатии, Т.1, С.386 - 391; Dull J. R. Op.cit. P. 75 - 96; Dull J. R. Franllin the diplomat: The French mission. Philadelphia.// Transactions of the American Philosophical Society, 72, 1, 1982, P. 11 - 32.

40. Война за независимость и образование США, М., 1976, С. 166; Фурсенко А. А. Американская революция и образование США. Л., 1978, С. 358; Ревуненков В. Г. Указ. Соч., С. 59; Corwin E. S. French Policy and the American Alliance of 1778. Hamden, 1962. P. 79.

41. Ревуненков В. Г. Указ. Соч., С. 60; Фурсенко А. А. Указ. соч., С. 359 - 360.

42. Bemis S. F. Op. cit., P. 51.

43. BDI., V. 8, P. 160.

44. Johnston R. Y. American Privateers in French Ports, 1776 - 1778.// Pennsylvania Magazine of History and Biography, 1929, № 53. P. 352 - 374.

45. См.: Грибникова И. И. Первые шаги по созданию американцами

регулярного флота в годы войны за независимость. - В кн.: Американский ежегодник 1975. М., 1975. С. 124 - 141.

46. Scott H. Op. cit. P. 242.

47. Syret D. Defeat at Sea: The Impact of American Naval Operations upon the British, 1775 - 1778./Maritime Dimensions of the American Revolution. Washington, 1977. P. 16.

48. Фурсенко А. А. Указ. соч., С. 326.

49. Dull J. R. French Navy and American Revolution: A Study of Arms and Diplomacy 1774 - 1787, P. 70 - 73.

50. Syret D. Op. cit. P. 17.

51. The Papers of Benjamin Franklin./ Ed. L. W. Labaree, W. B. Willcox, New Haven, 1959, V. 23. P. 468.

52. BDI., V. 8. P. 159-160.

53. Gruber I. D. Op. cit. P. 188.

54. BDI., V. 8. P. 150 - 151.

55. Doniol H. Histoire de la participation de la France a l'établissement des Etats-Unis d'Amérique: Correspondance diplomatique et documents. Paris, 1886 - 1892, V. 2. P. 562 - 563.

56. Scott H. Op. cit. P. 245.

57. Ibid. P. 247.

58. Corr. George III, V. 3. P. 393.

59. Ibid., V. 3, P. 105.

60. Scott H. Op. cit. P. 250.

61. BDI., V. 8, P. 164 - 165.

62. Scott H. Op. cit. P. 252.

63. Horace Walpole's Correspondence, V. 24, P. 282.

64. Corr. George III, V. 3, P. 450.

65. Gruber I. D. Op. cit., P. 198, 216; Syret D. The Failure of the British Efforts in America, 1777.- In: Ed. J. Black and P. Woodfine. The British Navy and the Use of Naval Power in the Eighteenth Century. Leicester, 1988. P. 171 - 190.

66. Dull J. R. Op. cit. P. 74 - 76; Doniol H. Op. cit., V. 2. P. 460 - 469.

67. The Sandwich Papers, V. 1, P. 226; HMS: Reports on manuscripts in various collections. Stopford-Sackville, London, 1904 - 1910, V. 2. P. 226.

68. PH, V.19, Col. 378, 479.

69. The Papers of Benjamin Franklin, V. 24, P. 287.

70. Dull J. R. Op. cit. P. 76 - 81.

71. Journal de l'abbe de Veri. Ed. J. De Witte, 1928 - 1930, Paris, V. 2. P.

59 - 60.

72. Scott H. Op. cit. P. 255.

73. Ibid., P. 255.

74. Corr. George III, V. 3, P. 467.

75. Ward M. Forth. Chichester, 1982, P. 24 - 25.

76. Doniol H. Op.cit., V. 2. P.527 - 529.

77. Шувалов И. И. и его иностранные корреспонденты. Прим. и ред. Н. Голицина// Литературное наследие, 1937, т. 29/30, с. 293.

78. Плешков В. Н. Указ. соч., С. 42 - 58; Фурсенко А. А. Указ. соч., С. 336, 368 - 370.

79. Maskesy P. The War for America 1775 - 1783. London, 1964. P. 154 - 156.

80. Плешков В. Н. Указ. соч. С. 46.

81. Corr. Geo III, V. 3. P. 504.

82. Плешков В. Н. Указ. Соч., С. 46.

83. Там же, С.47 - 59; Maskesy P. Op. cit. P. 159; Ritcheson C. R. British Politics and the American Revolution. Norman, 1954. P. 234 - 241; Brown W. A. Empire or Independence? A Study in the Failure of Reconciliation 1774 - 1783. Baton Rouge, 1941, P. 183 - 193.

84. Dull J. R. Op. cit. P. 89.

85. Ward M. Op. cit. Ch. 5, 6.

86. The Sandwich Papers, V. 1, P. 261 - 262; Corr. Geo III, V. 4, P. 40 - 46; Journal de l'abbe de Veri, V. 2. P. 69 - 70.

87. The Sandwich Papers, V. 1, P. 270; Corr. George III, V. 4, P. 5, 13, 23, 30.

88. Lutnick S. The American Revolution and the British press 1775 - 1783. Columbia, 1967. P. 129 - 130.

89. Journal de l'abbe de Veri, V. 2, P. 83.

90. Anecdotes of the Life of the William Pitt, earl of Chatham. L., 1792, Vol.2. P.180.

91. Dull J. R. Op. cit. P. 97.

92. Ibid., P.126 - 143.

93. The Sandwich Papers, V. 1. P. 367; Corr. George III, V. 3. P. 74; Documents of the American Revolution. Ed. K. G. Davies, Shannon, 1972 - 1981, V. 15. P. 72 - 74.

94. Patterson A. The Other Armada: The Franco-Spanish Attempt to Invade Britain in 1779, Manchester, 1960. P. 37 - 58.

95. Conn S. Gibraltar in British diplomacy in the eighteenth century, New

Haven, 1942, P. 188.

96. The Sandwich Papers, V. 2, P. 179 - 183; Corr. George III, V. 3. P. 208; V. 15, P. 72 - 74; HMS: The Correspondence of William Knox, P. 152.

97. См.: Brown G. S. The Anglo-French naval crisis, 1778: A study of conflict in the North cabinet. // William and Mary Quarterly, 1956, № 13, P. 3 - 25; Brown G. S. The American Secretary: The Colonial Policy of Lord George Germain. P.149 - 173.

98. The correspondence of Edmund Burke. Cambridge. Ed. T. W. Copeland, 1958 - 1970, V. 3. P. 461.

Т. Н. Гончарова

Консульская служба Франции в России от основания до 1814 г.

До начала XVIII в. внимание французской администрации в области торговли сосредоточивалось главным образом, на странах Леванта и Северной Африки в ущерб Северо-Восточной Европе, рынок которой активно осваивали англичане /1/ и голландцы. Однако уже в XVII в. такой прозорливый государственный деятель Французского королевства, как генеральный контролер финансов, Жан-Батист Кольбер, понимал выгоды развития прямой торговли с Московией. Созданная по его инициативе в 1669 г. Северная торговая компания, не имела, впрочем, успеха, отчасти по причине военных действий с Голландией (1672 - 1678 гг.), отчасти из-за неудобств плавания по Северному Ледовитому океану к единственному морскому порту России на то время - Архангельску /2/.

Выход России на берега Балтики в результате побед, одержанных над шведами в ходе Северной войны, был неоспоримым аргументом в пользу развития франко-русских торговых связей. Неудивительно поэтому, что в первые десятилетия XVIII в. возобновляется интерес французских правящих кругов к названному региону.

В 1714 г. в новую столицу Российской империи - Санкт-Петербург - прибыл морской комиссар Франции Анри Лави, в прошлом оборотистый негодянт, активно приступивший к изучению российского рынка. В ноябре 1717 г. морской комиссар в Санкт-Петербурге обрел статус консульства, что явилось следствием путешествия Петра I ко двору регента Филиппа Орлеанского и заключения договора о союзе и взаимных гарантиях.

Первым французским консулом в России стал уже упомянутый А. Лави. После его отзыва в 1722 г. консульские обязанности перешли к Виллардо, а в 1762 - 1764 гг. - к Кюри де Сен-Соверу /3/. Однако французское консульство играло пона-

чалу достаточно скромную роль, что объясняется, на наш взгляд, двумя причинами. Прежде всего, это поразительно малые объемы прямой франко-русской торговли и редкое присутствие французских негодантов на российском рынке. Английские и голландские торговцы исполняли роль посредников, с выгодой сбывавших французские товары. В XVIII в. французские корабли были редкими гостями в порту Санкт-Петербурга. В 1715 г. в российскую столицу прибыли шесть французских кораблей «и ни одного - за два последующих года» /4/. В 1723 г. - три французских корабля. В 1766 г. из 457 кораблей, вошедших в порт, один-единственный корабль был французским, что выглядит контрастно на фоне 165 английских и 68 голландских торговых судов. В 1773 г. было отмечено присутствие 11 французских кораблей при наличии 326 английских и 106 голландских /5/. К тому же посольство Христианнейшего короля в российской столице, находившееся по соседству с консульством и интересовавшееся также вопросами коммерции, вмешивалось в сферу деятельности торговых представителей, что не способствовало росту популярности этих последних.

В течение XVIII в. консульство повысило, тем не менее, свой статус до уровня генерального и было представлено при Екатерине II в 1765 - 1770 гг. Россиньодем, которого царица не переносила /6/. В 1780-ые гг. генеральным консулом Франции в Санкт-Петербурге был Мартен де Лессепс. Одного консульства оказалось недостаточно, и начался процесс образования новых консульских представительств. Так, на острове Котлин в Финском заливе, в 30 км от Санкт-Петербурга, появилось французское вице-консульство. И не случайно, так как небольшой (15 км²), но стратегически важный остров Петр Великий превратил в военно-морскую базу, интересовавшую как французских, так и других иностранных наблюдателей. Жан-Батист Бартеlemi де Лессепс, сын вышеупомянутого генерального консула и дядя знаменитого создателя Суэцкого канала, занимал пост вице-консула в Кронштадте с 1782 по 1785 гг., когда примкнул к кругосветному плаванию Ж.-Ф. де Лаперуза, из которого один ос-

тался жив. В 1789 г. в вознаграждение за свои заслуги, после того как счастливо доставил к версальскому двору записи и карты экспедиции /7/, Ж.-Б. де Лессепс получил назначение на пост консула в Кронштадте. С его знанием русского языка, благодаря которому в свое время он и был зачислен в состав экспедиции Лаперуза, он мог принести пользу французскому правительству, способствуя развитию двусторонних торговых связей. Тем более что усилиями посла Луи-Филиппа де Сегюра 11 января 1787 г. (31 декабря 1786 г.) был заключен договор о дружбе, торговле и навигации между Российской империей и Францией.

Договор конкретизировал многолетние надежды французских властей и деловых кругов, видевших в России перспективного торгового партнера. Выход к Черному морю, приобретенный Россией в результате победоносной войны с Турцией в 1774 г., а также присоединение Крыма в 1783 г., способствовали росту интереса к ней со стороны французских производителей /8/. Торговый договор 1787 г. признавал за Россией и Францией обоюдные права «наиболее благоприятствуемой нации». Там же были зафиксированы положения о снижении пошлин на французские и русские товары. Несмотря на это, негоданты из Франции оставались еще очень редкими в России накануне Французской революции 1789 г. Во всяком случае, два года спустя после его заключения, договор был приостановлен. Французские революционеры игнорировали всякий документ, подписанный властями Старого порядка, а Екатерина II, как и унаследовавший ей в 1796 г. Павел I, были участниками первой и второй антифранцузских коалиций.

С распоряжения Ж.-Б. Кольбера от 7 марта 1669 г. Консулы, как и морские комиссары, традиционно находились в ведении морского министерства, что и неудивительно, так как вся торговля в то время совершалась морским путем. Однако на практике вопросы внешней торговли курировало одновременно и министерство иностранных дел, о чем свидетельствует большое количество идентичных мемуаров и докладных записок,

сохранившихся в фондах Национального архива, куда были переданы бумаги морского министерства, и архива МИД Франции. Реформа 14 февраля 1793 г. отдала консулов в ведение министерства иностранных дел, с намерением сделать из них настоящих политических агентов. Они должны были наблюдать и рапортовать обо всем, что *«могло иметь отношение к безопасности и процветанию их страны»* /9/. Но революционное правительство недоверчиво относилось к персоналу, служившему Старому порядку, и война прервала всякие связи. Престижный в прежние времена пост генерального консула в русской столице занимал с 1793 г. уже упоминавшийся Ж.-Б. де Лессепс. За неимением занятий, связанных с обеспечением торговых связей, он перевел на русский язык «Декларацию прав человека и гражданина».

Постановление от 12 фримера VIII года Республики (3 декабря 1799 г.) переименовало консульских агентов в «комиссаров торговых отношений», без сомнения, чтобы избежать неприятной двусмысленности с триумвиратом нового режима /10/. После государственного переворота 18 брюмера и прихода к власти Наполеона Бонапарта, отношения с Россией понемногу восстановились. Павел I, разочаровавшись в своих союзниках, вознамерился вступить в союз с Бонапартом. Первый консул Французской республики принялся за реконструкцию сети торговых служб, пострадавшей от революционных событий.

Договор, подписанный в Париже 8 и 10 октября 1801 г., закрепил восстановление мира между Россией и Францией, на деле существовавшего вот уже полтора года, и позволил восстановить две консульские службы, имевшиеся до революции, и создать две новые. Ж.-Б. де Лессепс 4 марта 1802 г. вновь обрел свои функции генерального комиссара по торговым отношениям в Санкт-Петербурге. Его помощник Рюффен исполнял обязанности начальника канцелярии. Вице-комиссар Лелье-Виль-Сюр-Арс обосновался в Кронштадте. Второй генеральный комиссар, Анри Мюр /11/, в сентябре 1802 г. получил назначение в Одессу, а вице-комиссар Ратез - в Севастополь. Два последних назна-

чения отражали явный интерес Франции к зоне Черного моря, что подтверждает создание пяти других коммерческих постов в этом регионе после подписания мира с Османской империей 25 июня 1802 г., а именно в портах Гераклеса, Синопа, Трапезунда в Азии, Варны и Галаца в Европе. Французы надеялись освоить, таким образом, новый маршрут на русский рынок /12/, позволяющий конкурировать с монополизированной британской торговлей дорогой через Балтику. Возобновление действия, хотя и не по всем статьям, торгового договора 1787 г., казалось, подтверждало эти надежды /13/.

Торговые отношения Франции с Россией претерпели в 1804 г. перемены, вследствие политических осложнений. Положение французских консульских служащих в Российской империи стало незавидным после образования третьей коалиции. Русские придворные в штыки принимали сообщения о победах французского оружия, предлагая сослать всех французов в Сибирь /14/. Французские агенты были отозваны из России после поражения австро-русских войск при Аустерлице (2 декабря 1805 г.), но Ж.-Б. де Лессепс остался, тем не менее, на своем посту. Статья 45 договора о торговле и навигации 1787 г. предусматривала отсрочку продолжительностью в год после начала конфликта для негоциантов, обосновавшихся соответственно на территориях враждующих сторон, чтобы они имели возможность собрать, перевезти или продать свои товары. Консулы могли, поэтому, остаться для исполнения своих служебных обязанностей на протяжении того же отрезка времени, и Ж.-Б. де Лессепс пробыл в Санкт-Петербурге весь 1806 г., приобретя даже статус поверенного в делах. В январе 1807 г. он был вынужден, однако, покинуть блистательную столицу на Неве, куда вернулся лишь после Тильзитского мира в качестве поверенного в делах. Анри Мюр также не покидал Одессу в течение 1804 - 1806 гг.

Оба генеральных консула оставались впоследствии соответственно каждый на своем посту до 1812 г. А. Мюр, несмотря на директивы посла Наполеона I при Санкт-петербургском дворе

Армана де Коленкура и собственное усердие, не сумел добиться того, чтобы запрещенные английские товары не проникали в Одессу: они продолжали прибывать туда под американским флагом.

Список консульских служб в России пополнился в ноябре 1810 г. консульством в Риге. Этот порт на побережье Балтийского моря, приобретенный Россией после победы над шведами в 1710 г., вызывал нарастающий интерес во французских торговых кругах /15/. Войны 1812 - 1814 гг. привели к прекращению всяких дипломатических и консульских отношений между Францией и Россией.

Со времен Ж.-Б. Кольбера интерес к русскому экспорту не спадал во Франции в силу стратегического значения вывозимых из России природных богатств, таких как строительная древесина, зерно, драгоценные и полудрагоценные металлы (золото и серебро, железо, медь, свинец, олово), пенька, смола. Основными статьями французского импорта в Россию были разного рода ткани (золотая и серебряная парча, шелка, кружева, шерстяные полотна), вина и алкогольные напитки, оливковое масло из Прованса, предметы моды из Парижа. По авторитетному утверждению французской исследовательницы А. Краац, «торговый баланс между двумя странами, то есть соотношение между экспортом и импортом всегда было в пользу России» /16/. Это верно как для показателей торгового оборота XVIII в., так и начала XIX в., несмотря на все возраставшее консульское присутствие Франции на территории Российской империи.

1. Об особых привилегиях английской Московской компании на российском рынке и претензиях английских торговцев на их сохранение и приумножение см.: *Якунина О. А.* К вопросу об англо-русских разногласиях второй половины 40-х годов XVII века // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора): Материалы международной научной конференции. СПб.: Издательский Дом С.-Петербургского государственного университета, 2008. С. 22 - 24.

2. См.: *Kraatz A.* La Compagnie française de Russie. Histoire du commerce franco-russe aux XVIIe et XVIIIe siècles. Paris: François Bourin, 1993. P. 131 - 154.

3. Консульские представители Франции в России (1713 - 1998) (МИД Франции). Публикация Туриловой С. Л. // Россия и Франция: XVIII - XX века. Вып. 2. М.: Наука, 1998. С. 314.

4. *Ожеро К.* Учреждение первого консульства Франции в Санкт-Петербурге в 1717 году // Россия и Франция: XVIII-XX века. Вып. 8. М.: Наука, 2008. С. 22.

5. См.: *Kraatz A.* Le commerce franco-russe. Concurrence et contrefaçons. De Colbert à 1900. Paris: Les belles lettres, 2006. P. 126, 140, 143.

6. Histoire de l'administration française. Les affaires étrangères et le corps diplomatique français. 2 vol. / Sous la direction de J. Baillou. Paris: CNRS, 1984. T. 1. P. 174.

7. В 1790 г. в печати появилась книга Ж.-Б. де Лессепса с рассказом об изнурительном путешествии, которое он проделал через Сибирь, европейскую территорию России и Германию. *Journal historique du voyage de M. de Lesseps, consul de France, employé dans l'expédition de M. le comte de La Pérouse en qualité d'interprète du roi; depuis l'instant où il a quitté les frégates françaises au port Saint-Pierre et Saint-Paul du Kamtschatka jusqu'à son arrive en France le 17 octobre 1788.* 2 vol. Paris: Imprimerie royale, 1790. См. также недавнюю монографию об этом путешествии Ж.-Б. де Лессепса: *Vassal G.* La boussole. Des confins de la Sibérie à Versailles avec le messenger de Lapérouse (1787 - 1788). Paris: Les éditions de Paris, 2006.

8. Россия к тому времени уже подписала торговые договоры с другими европейскими странами, прежде всего с Англией, Австрией и Голландией. Франция к 1787 г. оставалась единственной из великих европейских держав, не имевшей договора о торговле с Российской империей. Историки расходятся во мнениях относительно даты первого проекта франко-русского торгового договора: П. П. Черкасов называет таковым проект Фресине де Ла Рока 1781 г., а французская исследовательница А. Краац считает, что первый проект подобного соглашения был разработан уже в 1745 г., когда вовлеченная в войну за Австрийское наследство, Франция искала в России союзника. См.: *Черкасов П. П.* Русско-французский торговый договор 1787 года // Россия и Франция: XVIII - XX ве-ка. Вып. 4. М.: Наука, 2001. С. 32; *Kraatz A.* Le commerce franco-russe... P. 152 - 160.

9. Histoire de l'administration française. Les affaires étrangères... Т. 1. P. 343.
10. Наполеон восстановил звание «консула» декретом от 22 марта 1806 г.
11. Он принадлежал к семейству, представители которого исполняли консульские функции в Леванте при Старом порядке.
12. Путь в Россию через Черное море перевозили и использовали, в частности, негоданты из Марселя, среди которых был будущий мэром этого города Антуан Антуан (Antoine Anthoine), супруг Роз Клари - сестры знаменитой Дезире Клари, предмета увлечения молодого Бонапарта. См.: *Dioque G. Un Haut-Alpin à Marseille. Le baron Anthoine (1749 - 1826) : du grand négoce à la mairie. Paris: Société d'études des Hautes-Alpes, 1991. P. 67 - 130.*
13. См.: *Sirotkine V. Le renouvellement en 1802 du traité de commerce franco-russe de 1787 // La Russie et l'Europe (XVIe-XXe siècle). Paris : SEVPEN, 1970. P. 69 - 101; Kraatz A. Le commerce franco-russe... P. 178 - 180.*
14. См. донесение Ж.-Б. де Лессепа, цитированное в работе: *Kraatz A. Le commerce franco-russe... P. 182.*
15. Первым консулом в Риге был Бийо, которого вскоре сменил Саде.
16. *Kraatz A. Le commerce franco-russe... P. 9.*

А.В. Бодров.

Уроки немецкого: к вопросу об изучении германского опыта во Франции после 1871 г. (*)

После 1871 г. во Франции не было недостатка сочинений, призывающих к самым широким реформам чуть ли не во всех сферах ее общественной и духовной жизни. Поражение, понесенное от германских армий, выявило серьезное отставание страны не только в ее сугубо военном развитии. Итоги войны сделали Германию «наиболее вероятным противником» и в то же самое время образцом, который отныне надлежало изучать и с которым приходилось сверяться.

Именно к этому, в частности, призывал в одной из своих статей французский историк Альбер Сорель. Он сетовал, что и после «жесточкого урока» войны большинство нации по-прежнему погружено «в достойное сожаления неведение. Оно замыкается в самом себе, увлекается часто еще своими достоинствами, нежели недостатками, обманывается в своих силах, поскольку не знает о силах соперников», а между тем, «народ, желающий возвышаться, больше не может быть погружен в самого себя», он должен иметь развитое и просвещенное общественное мнение /1/.

Примером такого интереса к происходящему за границами собственного Отечества Сорель призывал взять немцев. Одним из серьезных препятствий, однако, было то, что во Франции знания иностранных языков были недостаточно востребованы. Германские газеты и журналы мало кем читались во Франции. Из них становились известны только те отрывки, которые французская пресса цитировала для полемики /2/. Во всем огромном Париже, претендующем на звание мировой столицы, едва ли можно было найти и два десятка кафе, где посетителям предлагалась бы хоть какая-нибудь иностранная газета /3/. Довольно курьезно, но такая ситуация составляла настоящую проблему для пресс-атташе германского посольства во Франции Ру-

дольфа Линдау, в задачи которого входило воздействие на французское общественное мнение. Из всех германских газет в парижских кафе и читальных кабинетах можно было отыскать только «Kölnische Zeitung» и «Augsburger Allgemeine Zeitung» и ни одной собственно берлинской газеты /4/. Таким образом, живя даже в Париже, при всем желании было довольно трудно получить реалистичное представление о ситуации по ту сторону Вогезов.

Такое положение отчасти объясняет число французских писателей и ученых, устремившихся в первые же годы после войны в Германию для ее «исследования», несмотря всю остроту франко-германских национальных противоречий. Общее число французов, отправившихся после 1871 г. в Германию в целях изучения ее достижений, языка и культуры, оценить невероятно трудно. Одна из причин этого кроется в том, что с 1866 г. для поездки в Германию становится не нужен заграничный паспорт. С учетом того, что за 1850 - 1860-е гг. Рейн во все возрастающей прогрессии пересекло более 100 тыс. французов, для следующих пятидесяти лет счет должен вестись на сотни тысяч, если ни на миллионы поездок. Но и та литература, что дошла до нас на их основе, позволяет заключить, непосредственное изучение германского опыта становится по-настоящему массовым явлением.

Как уже отмечалось, после 1870 г. влияние Германия на развитие Франции было необычайно велико и воздействовало на соседку отнюдь не только на уровне политики и дипломатии /5/. Германский опыт становится своеобразным императивом также и в том, что касалось развития социальной сферы страны, ее здравоохранения, науки и образования. Образование указано в этом ряду последним, но вовсе не по значению. Крылатые слова известного географа Оскара Пешеля (впоследствии приписываемые то О. фон Бисмарку, то Г. фон Мольтке) о решающей роли в войне народного образования: «когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского школьного учителя над австрийским учителем» /6/, в равной мере были отнесены во

Франции и к прусской победе 1870 г. Не ставя перед собой задачи в рамках данного сообщения систематически изложить все грани дискуссии, связанной с реформой образования и борьбой вокруг правительственных постановлений Третьей республики, отметим лишь ряд показательных моментов, указывающих на место в ней Германии.

В силу всего вышесказанного неудивительно, что одной из первых «за парты» пришлось сесть французской армии. Военные преобразования во Франции после 1871 г. приняли форму широкого заимствования прусского опыта: от введения всеобщей воинской повинности и общей организации армии по 18 территориальным округам вплоть до регламентов о компенсациях крестьянам за потраву полей во время военных маневров. Показательны слова одного из допущенных осенью 1875 г. на военные маневры в Германию французских представителей, адресованные Вильгельму I: «Ваше Величество, единственная цель нашего приезда сюда - учиться» /7/. В этой связи настоятельной необходимостью стало скорейшее освоение языка своего противника. По воспоминаниям генерала Луи Анриона, после 1871 г. изучение немецкого языка было объявлено обязательным для всех офицеров и унтер-офицеров французской армии, не исключая тех, кто вот-вот должен был выйти в отставку по возрасту /8/. Не миновали новые веяния и программы военных школ. Знаменитая Сен-Сирская военная школа на своих вступительных испытаниях в 1870-е гг. присваивала немецкому языку коэффициент «15», тогда как, скажем, физической подготовке лишь «6». Более того, военное министерство после 1871 г. изначально отвело курсу немецкого чуть ли не самое значимое место в обучении в стенах Сен-Сира, вынудив руководство школы добиваться ликвидации такого перекаса. «Жертвой» экспансии немецкого в учебных планах стал английский язык /9/.

Серьезность подхода к изучению немецкого языка подкреплялась практикой отправки французских офицеров в Германию на одну-двух месячную стажировку. Для отправляемых в Германию младших лейтенантов (их доля была весьма велика),

такая стажировка рассматривалась в качестве важного дополнения к завершеному во Франции обучению, для старших офицеров поездки носили, безусловно, прежде всего разведывательный характер. Число поездок, совершаемых за счет стипендии военного министерства, было значительным. К сожалению, в архиве Исторической службы министерства обороны Франции сохранились рапорты командированных только за 1880 - 1887 гг., но их число - около 120 - позволяет получить достаточно полное представление о данной практике, введенной главой французского Генштаба генералом О. Бло /10/. В 1881 - 1884 гг. границу Германии пересекало с образовательно-разведывательной программой министерства на руках в среднем от 15 до 20 французских офицеров /11/.

Подготовка к будущему противостоянию с Германией, однако, не ограничивалась военными учреждениями. В сфере народного образования наглядным образом это показывала деятельность во Франции так называемой «Лиги образования» (1866 г.), насчитывавшей к 1877 г. в своих рядах не менее 60 тыс. членов. Ее девиз: «За родину, книгой и шпагой» наглядно показывал, что грань между гражданским и военным воспитанием становилась все более тонкой.

Как уже было сказано, во Франции только в 1870-е гг. вышло немало работ, призывающих к реформе образования и прямо апеллирующих к германскому опыту. Все они так или иначе обращались к вопросам о месте религии в образовании, нравственного и отвечающего духу современности воспитания, возрождающего идеалы гражданственности. В числе авторов можно назвать таких видных представителей французской науки, как Жюль Симон, Габриэль Моно, Феликс Дельтур, Гастон Буассье, Селестин Иппо, Альфонс Рабьер, Альфред Вайль. Отдельно, пожалуй, в этом ряду стоит выделить Мишеля Бреалья и Эрнеста Лависса, проведших немало времени в Германии в целях ее изучения и сыгравших большую роль в становлении образовательной системы Третьей республики .

Мишель Бреаль, французский лингвист и филолог, автор

400-страничных «Нескольких слов о народном просвещении во Франции» (1872), летом 1873 г. совершил специальное путешествие в Германию с целью изучения ее образовательных учреждений. Он был согласен с мыслью о том, что германская школа разделяла лавры победы над Францией в недавней войне, и открыто выражал свое восхищение немецкой педагогикой. В своих статьях в «Revue des Deux Mondes» (журнале патриотической, но антиреспубликанской направленности) он констатировал, что германская наука «спустилась на землю», а «германское образование <...> вооружает не только для жизненных баталий, но и для исторической борьбы наций и рас» /12/. Исходя из этого, Бреаль считал настоятельной необходимостью для французского образования увеличить долю современных иностранных языков за счет языков древних, расширить преподавание отечественной истории и истории нового времени зарубежных стран.

Эрнест Лависс в полной мере разделял призывы Бреалья. В 1872 г. он принял решение отправиться в только что объединенную Германию и приступить там к трехлетней работе над диссертацией, посвященной истории Бранденбургского княжества во времена правления династии Асканиев. Выбор темы с самого начала подразумевал то, что Лависс руководствовался не одними исключительно научными целями. В меньшей степени его интересовала современная Германия, секрет ее успехов, не исключая и роль в этих успехах германского просвещения и науки. Замысел своих статей в том же «Revue des Deux Mondes» Лависс раскрывал читателям весьма откровенно: «Полезно, чтобы мы знали раны нашего врага, чтобы наш рассудок, скорый впадать в крайности, не представлял Германию спокойным и процветающим Эдемом, в котором не приходится бороться с теми социальными и политическими трудностями, с которыми боремся мы» /13/.

Бреаль и Лависс займут видные позиции в соответствующих институтах Третьей республики: Бреаль в 1876 г. станет директором Школы высших исследований, с 1879 по 1888 гг.

будет занимать пост генерального инспектора учреждений высшего образования Франции. Эрнест Лависс, помимо работы над знаменитым учебником по истории Франции, в 1878 г. вместе с Эрнестом Ренаном и Эмилем Бутми организует «Общество высшего образования» и добьется существенных изменений в системе французской высшей школы. Уже в 1890-е гг. он активно выступит в пользу развития во Франции региональных университетов - опять же, по образу и подобию Германии.

Как известно, первые серьезные сдвиги в указанном Брелем и Лависсом направлении произошли в отношении французской начальной школы и связаны были с деятельностью Жюльера Ферри. Законы Ферри 1881 - 1882 гг., делавшие французское начальное образование бесплатным, обязательным и светским, в полной мере отвечали германскому опыту. Большие трудности встретили попытки изменения программы в области «классического образования». Однако следует отметить, что во Франции с первых лет существования Третьей республики все большее распространение получают так называемые «первоначальные высшие школы» (*écoles primaires supérieures*), дававшие «реальное» образование (то есть образование с практической направленностью) и напрямую копировавшие немецкие «*Real-schulen*». К 1890 г. во Франции было уже 296 таких школ /14/. Одним из их отличий было изучение современных языков вместо древних классических. Тем не менее, несмотря на все призывы к реформам, число кафедр немецкого языка во французских университетах оставалось невелико: к 1885 г. на шестнадцать факультетов филологии таковых насчитывалось лишь пять /15/.

Впрочем, возвращаясь к вопросу об изучении немецкого языка во Франции, следует отметить и широкую практику частных уроков, не учитывавшихся академической статистикой, но зафиксированных биографиями выдающихся французов той эпохи. Так с прозаической целью выучить немецкий язык в феврале 1875 г. приехал в Штутгарт Артюр Рамбо, покончивший к тому времени с ремеслом поэта. Систематическим занятиям языку в доме бывшего пастора Эрнста Вагнера, потерявшего в

франко-прусской войне сына, помешает появление Поля Верлена, но впоследствии Рамбо еще дважды будет приезжать в Германию и даже предпримет безуспешную попытку наняться в немецкую торговую компанию /16/.

Как отмечал французский исследователь К. Дижон, если до 1870 г. поездка на учебу в Германию зачастую была демонстрацией определенной независимости и неприятия отечественной системы образования, то после поражения в войне - проявлением патриотических чувств, практикой, поддерживаемой (в том числе и финансово) государством /17/. В 1874 г. при министерстве народного просвещения Франции была создана специальная комиссия для рассмотрения заявок на заграничную поездку в образовательных и научных целях и предоставления соответствующих денежных стипендий. Число заявок было весьма значительным. Так, в 1890 - 1913 гг. в комиссию было подано 769 заявлений, из них примерно по 10 % - на поездку в Германию и Италию. Чуть более половины прошений было удовлетворено. В числе наиболее известных получателей грантов министерства можно назвать историка Шарля Сеньобоса (в 1877 - 1879 гг. изучал методы преподавания истории в германских университетах) и социолога Эмиля Дюркгейма (в 1885 - 1886 гг. ознакомился с состоянием исследований и преподавания в Германии философии и социальных наук) /18/. Изменились и цели: изучению немецкого языка и культуры теперь неизменно придавался характер патриотического долга.

Тем не менее, дискуссия вокруг проблемы модернизации системы французского образования началась еще до оформления политической победы республиканцев на внутренней арене и потому не должна отождествляться исключительно с задачей «республиканского и патриотического воспитания». Это неудивительно, поскольку именно реформа образования, от начальной до высшей школы, должна была естественным образом составить основание переустройства нации, к которому после 1871 г. призывали приверженцы самых разных политических идеалов.

Безусловно, следует учитывать замечание Т. Зелдена о том, что в области образования, равно как и в области политики, во Франции никогда не было недостатка в оригинальных идеях, проектах и призывах к реформам, но весьма немногие из них получали силу правительственных постановлений и еще меньше - реальное воплощение на практике /19/. Однако отличие от предшествующего времени состояло в том, что образование из проблемы, которой отдельные авторы время от времени посвящали книги и статьи, превратилось в одну из основ широкого реформаторского движения, захватившего и высших государственных функционеров. Третья республика активно направляла и поощряла изучение иностранного опыта. Особенностью же стало то, что поток французских интеллектуалов в Германию, глубокий интерес к ее порядкам и призывы к их насаждению на родной почве более не были связаны с проявлением германофильства. Как перефразировал процитированную выше мысль Оскара Пешеля французский историк Жан-Мари Майор, «Прусский учитель обеспечил победу своей Родине, учитель Французской республики подготовил реванш» /20/.

(*) Сообщение подготовлено на основе материалов, изученных в рамках краткосрочной научной командировки во Францию по гранту Франко-русского центра гуманитарных и общественных наук в Москве.

1. Sorel A. La presse allemande en 1873 á propos de la France//RDM. 1873. 1 Avril. 2nd Période. Tome 104. P. 712 - 714.
2. Ibid. P. 711.
3. Нордау М. Из действительной страны миллиардов. Парижские этюды и очерки / Пер. с нем. Тт. 1 - 2. СПб., 1879. С. 100.
4. Naujoks E. Rudolf Lindau und die Neurientierung der auswärtigen Pressepolitik Bismarcks (1871 - 1878) // Historische Zeitschrift. 1972. Band 215. Heft 2. S. 333.
5. См., прежде всего, работы американского историка Алана Митчелла: Mitchell A. The German influence in France after 1870: The formation of the French Republic. Chapel Hill, 1979; Idem. Victors and vanquished: The German Influence on Army and Church in France after 1870. Chapel

Hill, 1984; Idem. The Divided Path: The German Influence on Social Reform in France after 1870. Chapel Hill and London, 1991; Idem. A Stranger in Paris: Germany's Role in Republican France, 1870 - 1940. N.Y.- Oxford, 2006; Idem. The Great Train Race: Railways and the Franco-German rivalry, 1815 - 1914. N.Y.- Oxford, 2006.

6. Georg Büchmann. Geflügelte Worte: Der Citatenschatz des deutschen Volkes / 18. Aufl. Berlin: Haude und Spener Buchhandlung (F. Weidling), 1895. S. 483.

7. Цит. по: Henrey, R. (Ed.) Letters from Paris, 1870-1875, written by C. de B., a political informant to the head of the London House of Rothschild. London: J.M. Dent, [1942].

8. Hanrion L. Général. Saint-Cyr: Neuf Années de Commandement, 1871-1880. Paris, 1888. P. 201.

9. Ibid.

10. 1 M (Mémoires et Reconnaissances) 1545 - 1548 - Service historique de la defense/Département de l'Armée de Terre (SHD/DAT, бывший S.H.A.T.): Reconnaissances - Allemagne, 1880 - 1898.

11. Подробнее см.: Barbey-Say, H. Le voyage de France en Allemagne de 1871 a 1914. Nancy, 1994. P. 183 - 195.

12. Bréal M. Souvenirs d'un voyage scolaire en Allemagne. Le patriotisme dans l'enseignement//Revue des Deux Mondes (далее RDM), 1 Janv. 1875. 3ème Période. Tome 7. P. 54. См. также: Ibid. Le baccalauréat allemande //RDM, 15 Nov. 1873. 2ème Période. Tome 108. P. 440 - 452; Ibid. La re-organization de l'enseignement supérieur//RDM, 15 Febr. 1877. 3ème Période. Tome 19. P. 892 - 920.

13. Lavissee E. L'émigration allemande//Revue des Deux Mondes. 1874. 1 Janvier. P. 215. Статьи Лависса о Германской империи позднее выйдут отдельным изданием: Lavissee E. Essais sur l'Allemagne imperiale. Paris: Hachette, 1888.

14. Zeldin, Th. A History of French Passions 1848 - 1945: Intellect, Taste and Anxiety. Oxford: Oxford University Press, 1977. P. 192.

15. Trouillet B. "Der Sieg des deutschen Schulmeisters" und seine Folgen für Frankreich, 1870 - 1914. Köln, 1991. S. 60. Подробнее о преподавании немецкого во Франции см.: Mombert, M. L'enseignement de l'allemand en France 1880 - 1918: Entre «modèle allemand» et «langue de l'ennemi». Strasbourg, 2001.

16. См. Harbusch, U. Arthur Rambaud in Stuttgart (1875) // Spuren, 51,

2000. S. 1 - 15.

17. Digeon Cl. La crise allemande de la pensée française (1870 - 1914). Paris, 1959. P. 375.

18. Barbey-Say, H. Op. cit. P. 148 - 149.

19. Zeldin, Th.Op. cit. P. 198, 203.

20. Mayeur J.-M. Les débuts de la IIIe République, 1871 - 1898. Paris: Ed. du Seuil, 1973 (Collection Points). P. 114.

М. А. Катцова

Образование Северных Ассоциаций и их роль в становлении сотрудничества скандинавских стран и Финляндии в 1920-е гг.

Северное сотрудничество как новое направление во внешней политике скандинавских стран и Финляндии получило первые стимулы для своего развития после окончания Первой мировой войны. Успешное испытание скандинавской политики нейтралитета, разрядка в шведско-норвежских отношениях, а также совместные экономические задачи - усилившиеся в военные годы товарообмен и торговля - внесли изменение в международный климат Северной Европы и позволили скандинавским политикам в 1918 г. по-новому подойти к неоднократно уже поднимавшемуся вопросу о создании межнациональной региональной организации /1/.

В условиях войны «скандинавизм» как идейная основа североевропейского единства получил новую трактовку, что повлекло за собой первые мероприятия политического характера. Демонстративные встречи трех скандинавских монархов в Мальмё (1914 г.) и Кристиании (1917 г.), в частности, не только подтвердили скандинавский нейтралитет в качестве общей черты внешней политики региона, но и выявили более глубокое единство трех стран в опасное время, развеяв атмосферу недоверия, сохранявшуюся с 1905 г. /2/. Неудивительно, что по окончании войны предложения по укреплению скандинавской солидарности стали поступать одно за другим /3/. Если масштабные проекты на государственном уровне оказались в межвоенный период менее жизнеспособными из-за отсутствия, главным образом, прямой военной угрозы Скандинавии /4/, то некоторые частные инициативы нашли свое практическое применение, причем на государственном уровне. Так, основанная в 1918 - 1919 гг. сеть «Северных Ассоциаций» /5/ оказалась успешнее и долговечнее других, и вот уже 90 лет расширяющееся сотруд-

ничество /6/ северных стран осуществляется на основе, определенной после окончания Первой мировой войны.

«Новый скандинавизм» зародился благодаря настойчивой агитации отдельных лиц. Так, уже в 1915 г. норвежцы Фритьоф Нансен (дипломат и исследователь Арктики), юрист Эдвард Хагеруп Булль и судовладелец, известный политик и будущий премьер-министр Йохан Людвиг Мувинкель обсуждали возможность образования организации для регулирования северного сотрудничества /7/, а в Дании с аналогичной идеей выступили председатель Промышленного совета в 1911 - 1921 гг. Александр Фосс /8/ и Кристиан Фредерик Хеерфорд, окулист по профессии /9/. Несмотря на практически одновременное зарождение во всех скандинавских странах, именно датчане «вывели идею северного сотрудничества из состояния бесплодного брожения» /10/. В своих многочисленных агитационных работах Хеерфорд подчеркивал необходимость создания организации (с рабочим названием «Нурден», т. е. «Север») с подразделениями в различных странах, которая оказывала бы помощь правительствам северных стран в принятии совместных политико-экономических программ и подготовила бы почву для будущего оборонительного союза /11/. Однако военная тематика стала в сложившейся напряженной международной обстановке для северных стран тормозом к дальнейшему обсуждению ими этого вопроса. Идеи Хеерфорда многими расценивались как «фантастические и нелепые» /12/ также потому, что они предполагали создание указанного союза под эгидой Швеции /13/, что было неприемлемо для национальных интересов, прежде всего, норвежцев.

Тем не менее, идея, которая в 1915 г. казалась абсурдной и преждевременной, возродилась в июне 1917 г. с новой силой: при содействии Хеерфорда в Дании было создано «Объединение для северного сотрудничества», которое подало запрос в соседние страны, уточняя, в какой области сотрудничество для них было бы наиболее желательным: в ходе новых переговоров проект оборонительного союза ушел из поля обсуждения /14/. Со

шведской стороны, ключевыми фигурами стали профессор Йохан Рихерт, экономист и историк Эли Хекшер и бывший министр финансов Конрад Карлссон, которые готовили почву для создания соответствующей организации в Стокгольме: 20 февраля 1918 г. под их началом было образовано рабочее «Шведское общество для северного сотрудничества».

Ситуация развивалась в этот период не только в области идей: в результате практического изменения отношений в военный период в скандинавских странах появилось также значительное количество совместных проектов и организаций, завязанных в основном на контактах по вопросам товароснабжения и законодательства /15/. Привести предшествующие усилия к единому знаменателю в мирное время казалось необходимым. Деятели культуры, политики, представители деловых кругов Скандинавии объединились в рамках общего интереса, идеологическая база для которого была создана в предыдущие 50 лет /16/. В целом, концепция Северных Ассоциаций сформировалась после встречи трех монархов в 1917 г. и межскандинавских министерских конференций в последующие два года.

Любые дискуссии о скандинавском единстве, активизировавшиеся в 1918 г., так или иначе, носили политическую окраску /17/. При этом наибольший энтузиазм и заинтересованность в становлении сотрудничества такого рода проявляли шведы: повсеместно декларировалась солидарность и симпатии по отношению к странам всего северо-европейского региона, а прежние нападки и подтрунивание над институтами власти и зачастую - национальным характером соседей после окончания Первой мировой войны и разрешения спора вокруг Аландских островов практически прекратились. Весной 1918 г. шведская делегация посетила Копенгаген и Кристианию, в результате чего лидеры движения сотрудничества трёх стран смогли познакомиться лично; в рамках же десятой встречи Северного Межпарламентского комитета 8 сентября 1918 г. в Копенгагене была разработана программа для соглашения по организации Северных Ассоциаций, которую, однако окончательно утвердили во

всех странах и предали огласке прессы лишь полгода спустя.

Причиной такого промедления стала сложная и выжидательная позиция норвежской группы /18/: в стортинге партия «венстре» подозревала шведов в попытке вернуть утерянный в 1905 г. административный контроль над Норвегией /19/, считая, что «шведские правые не изменились со времен шведско-норвежской унии» /20/. К тому же, когда скандинавские переговоры о сотрудничестве начинались по шведской инициативе, исход войны был еще неочевиден, и это также вызывало норвежские опасения относительно чрезмерного усиления прогерманской Швеции в случае, если Германия выйдет из войны победителем. Й. Л. Мувинкель, председатель норвежской группы и глава стортинга, высказывал свои сомнения, что в лице Северного межпарламентского комитета уже есть одна централизованная организация, в рамках которой можно развернуть желаемое сотрудничество, и новая может стать лишь бессмысленным клонированием уже существующей /21/. Тем не менее, образование Северных Ассоциаций стало возможным в итоге только благодаря компромиссной позиции Мувинкеля: норвежцы готовы были прервать переговоры в любой момент, и постоянно подчеркивали, что новая организация, если таковой суждено появиться, должна строиться на добровольной основе, носить массовый характер и быть открытой всем частным лицам, и при этом не иметь ничего общего с политикой /22/.

Именно норвежская позиция определила тот факт, что Северные Ассоциации с самого начала были выведены из-под прямого государственного контроля. Международное сотрудничество разворачивалось в широком спектре от культурных (в упором на просветительский аспект) до экономических вопросов, то есть в сферах, куда официальное вмешательство государства не требовалось. Политическое же сотрудничество, согласно требованиям норвежцев, должно было ограничиваться неформальными контактами скандинавских властей. Одним словом, государственное регулирование скандинавского сотрудничества с норвежской стороны было столь нежелательным, по-

скольку представляло, по мнению многих, прямую угрозу национальному суверенитету, что могло разжечь противодействие и без того хрупкому становлению Северных Ассоциаций со стороны националистических кругов. По той же причине, на копенгагенской встрече в сентябре 1918 г. в вопросе об организационной форме Северных Ассоциаций шведская и датская группы пошли на уступку норвежской: были созданы три отдельные скандинавские организации, а не единый «*наднациональный*» институт, как изначально планировал инициатор этой идеи Хеерфорд. Консенсус удалось достичь уже в сентябре 1918 г., но последовавшие за этим события в Европе отложили оформление официального соглашения /23/.

Северные Ассоциации в скандинавских странах были учреждены весной 1919 г. /24/ по инициативе представителей высших слоев Швеции, Дании и Норвегии и представляли поначалу подобие информационных агентств. Целью Ассоциаций декларировалось развитие «знаний и дружбы»: продвижение идеи североευропейской идентичности, стимулирование межнациональных контактов (особенно в сфере культуры и образования) и «сведение к минимуму значения государственных границ на Севере Европы» /25/. Таким образом, эта институция явилась первой и единственной в своем роде, созданной специально для пропаганды северного сотрудничества во всех областях, как на официальном, так и неофициальном уровнях. Северные Ассоциации также можно в определенном смысле рассматривать в качестве массового «политического клуба» - их сеть уже в середине 1920-х гг. объединяли более ста тысяч человек /26/, а на ежегодных встречах делегатов вырабатывалась общая программа, утверждаемая во всех странах параллельно. Северные Ассоциации в первое десятилетие существования характеризовались как «элитные» организации, членская база которых ограничивалась высшими слоями общества в сотрудничестве с лидерами предпринимательских и общественных организаций /27/.

Хроника деятельности Ассоциаций отражалась в периодических изданиях, важнейшие из которых («Северный жур-

нал», «Северный ежегодник» и «Северный календарь» /28/) целиком были посвящены различным аспектам и прогнозам скандинавского сотрудничества.

Сразу же после учреждения трех скандинавских Ассоциаций, встал вопрос о создании аналогичных структур в Исландии и Финляндии, что явилось бы логическим продолжением идеи «Единого Севера» и повлияло на ее респектабельность, установив здесь бы некий «скандинавский баланс» /29/. Если созданию Северной Ассоциации в Исландии в 1919 г. помешал очередной всплеск борьбы за национальную независимость /30/, то обсуждение вопроса в Финляндии вызвало ещё большие затруднения.

Со шведской стороны последующее включение Финляндии в работу Северных Ассоциаций ещё на переговорах 1918 г. оговаривалось в качестве неременного условия их учреждения /31/. После преодоления при посредничестве Лиги наций острого шведско-финского аландского конфликта в 1921 г. и затишья после громких протестов финских националистов /32/, в 1924 г. была предпринята еще одна попытка, которая увенчалась успехом. К этому времени поддержка шведской инициативы уже не считалась столь антипатриотичной, как это было несколькими годами ранее. В финском общественном мнении, равно как и в правительственных кругах, произошел разворот к скандинавской политике /33/. После официального приглашения в январе 1921 г. финского правительства на конференцию скандинавских стран, «новый скандинавизм» в Финляндии многим начал видеться не угрозой, а возможностью «преодолеть всё ещё существующую изолированность от Европы через присоединение к северной группе с аналогичными внешнеполитическими приоритетами» /34/.

17 ноября 1924 г. представители буржуазных и социал-демократических партий, по инициативе сенатора Лео Эрнрута и при активном содействии вопросу со стороны шведских политиков, подписали одобрительную резолюцию, и финская Северная Ассоциация под названием «Единая Северная Европа» /35/

начала свою работу. «Скандинавизм», таким образом, стал «нордизмом» /36/.

Деятельность Северных Ассоциаций в 1920-е гг., «пробное десятилетие» /37/, протекала особенно бурно: организовывались лекции, встречи, образовательные поездки, публиковались совместные скандинавские научные труды. «Новый скандинавизм», «курирующей организацией» которого стали Северные Ассоциации, приобрел характер массового явления в самых различных областях - появился Скандинавский комитет журналистов, начал собираться конгресс епископов лютеранских церквей Северных стран, сформированы были Скандинавское общество мира и Объединенный комитет скандинавских королевских спортивных сообществ, в 1918 г. скандинавские кооперативные компании создали Северный торговый союз, который призван был сделать производство не конкурирующим, а взаимодополняющим. Появились совместные скандинавские туристские агентства, медицинские сообщества, деловые компании создавали центральные скандинавские офисы и объединялись в картели, число которых в 1920-е гг. постоянно увеличивалось /38/. Зачастую на мероприятия, проводимые Северными Ассоциациями, обращали внимание члены правительств и ведущие государственные политики /39/. Так, в 1926 г. в своей новогодней речи на шведском радио министр иностранных дел Швеции Элиэль Лёфгрэн подчеркивал, что «Северные Ассоциации открыли скандинавским народам глаза на истинное значение северного сотрудничества, и теперь оно ясно не только нашим монархам и правительствам: общее положение и общие интересы могут потребовать от нас такого же подхода к внешней политике, что становится всё более очевидно» /40/.

Нельзя сказать, что Северные Ассоциации, как «политически независимые» структуры, не имели ничего общего с политикой. Общей задачей Ассоциаций являлось усиление и всяческое поощрение сотрудничества, не только на культурном и экономическом, но и на государственном и международном уровнях. Их создание в 1919 г. (в Финляндии - в 1924 г.) было

поддержано большинством парламентских партий. В число их членов входили не только представители финансовых, академических, культурных, но и политических кругов того времени. Членский состав Северных Ассоциаций обеспечивал тот факт, что их дискуссии доводились до сведения до правительства. Основываясь на четких государственных инструкциях, Ассоциации с то же время широко вовлекали и население.

Отсутствие политического направления в программе деятельности Северных Ассоциаций было обусловлено норвежскими требованиями, но, по сути, Ассоциации оказывали в межвоенный период непосредственное воздействие на формирование политики и теории северного сотрудничества /41/. Ключевыми для развития идеи сотрудничества стран Северной Европы являются, таким образом, 1920-е гг. - период становления Северных Ассоциаций.

В целом политические вопросы находились вне их компетенции: в этом отношении продолжал действовать Скандинавский межпарламентский союз как совещательный орган, передающий рекомендации в Парламент, и новообразованный Скандинавский административный союз. Однако именно деятельность Северных Ассоциаций, идеологически более сильных, стимулировала общественное мнение и привела, не в последнюю очередь, в 1932 г. к возрождению контактов политических лидеров Северных стран на высшем государственном уровне.

Дискуссии о создании скандинавского оборонительного союза или некой абстрактной Скандинавской федерации с включением в нее Финляндии, в межвоенный период были, по сути, бесплодны и многими считались не просто бессмысленными, но и опасными. Начиная с 1930-х гг., только Финляндия активно поддерживала любые формы скандинавского альянса в качестве противовеса Советскому Союзу /42/. С политической точки зрения скандинавизм всё ещё представлялся утопией /43/. И хотя налицо были противоречия между громкими заявлениями о северной солидарности и действительными представлениями о

ней, используемая идеологами северного сотрудничества (большинство которых действовало в рамках Северных Ассоциаций) фразеология сыграла в этот период главную роль в формировании идеи единой Северной Европы. Это отразилось не только на культурном, но и на экономическом и политическом сотрудничестве северных стран межвоенного времени /44/.

После 1945 г. Северные ассоциации своей новаторской деятельностью стимулировали создание таких официальных органов сотрудничества северных стран как Северный Совет (1951 г.) в качестве форума межпарламентского взаимодействия и Совет Министров Северных стран (1971 г.).

1. См. об этом: Andersson, Jan A. Nordiskt samarbete : som det är skapat och format // *Nordisk tidskrift för vetenskap, konst och industri*, N. 71. Stockholm, 1995. S. 329 - 337.
2. О шведско-норвежских отношениях после разрыва унии см.: Lindgren, Raymond E. Norway-Sweden: Union, Disunion and the Scandinavian Integration. Princeton, 1959.
3. Ibid. P. 242 - 252.
4. См., в частности: Stråh B. The Illusory Nordic Alternative to Europe. *Cooperation & Conflict*, 1980. 15:2, 103 - 114
5. «Föreningarna Norden» (швед.), «The Nordic Society» (англ.), «Pohjola-Norden» (фин.).
6. На данный момент в составе Союза Северных Ассоциаций (учрежден в 1965 г. как центральная организация) насчитывается восемь «подразделений» - некоммерческих, политически независимых организаций, действующих в пяти суверенных государствах и на трех автономных территориях: в Дании, Швеции и Норвегии (с 1919 г.), в Исландии (организация создана как дочерняя в 1922 г.), в Финляндии (с 1924 г.), на Фарерских островах (с 1951 г., в качестве автономной организации под контролем Дании), на Аландских островах (с 1979 г. под контролем Финляндии) и в Гренландии (с 1991 г. под контролем Дании).
7. В письме от 5 июня 1915 г. Ф. Нансен сообщает, что норвежцы, безотносительно к программе Хеерфорда, создали «Норвежский Комитет по сотрудничеству между Северными странами».

8. Весной 1917 года он выступил с инициативой проведения переговоров шведских, норвежских и датских предпринимателей с целью стимуляции взаимной торговли, которые, однако, не осуществились из-за объявленной Германией неограниченной подводной войны; как представитель высших слоев общества, он А.Фосс стал в это время лидером датского политического скандинавизма.
9. Подробнее см.: *Janfelt M. Att leva i den bästa av världar. Föreningarna Nordens syn på Norden 1919-1933. Stockholm, 2005. S. 21 - 24.*
10. Herlitz N. När Föreningarna Norden bildades. Minnen från 1918 och 1919 // *Nordisk tidskrift för vetenskap, konst och industri. Utgiven av letterstedtska Förening. Årg.35, Stockholm, 1959. S.139.*
11. См., например: *Heerfordt C.E. Om oprettelsen af Den Danske Forening for Nordisk Samarbejde. København, 1917; Heerfordt C.E. Et nyt Europa. Om middel og vej til samarbejde og politisk fred i vor verdensdel. Et diskussionsgrundlag. Fremset af Dr. med. C.F.Heerfordt, København, 1925.*
12. Herlitz N. När Föreningarna Norden bildades... S. 148 - 151.
13. Из существующих независимых и суверенных стран Хеерфорд предлагал некое северное федеративное государство со столицей в Гётеборге.
14. Об основах военного сотрудничества северных стран после Первой мировой войны см.: *Holtmark S. G., Kristiansen T. En nordisk illusion? Norge og militært samarbeid i Nord 1918 - 1940. Försvarstudier. 1991, № 6. S.18 - 30.*
15. В 1915 г. в Гётеборге создано «Северное Общество», такая же попытка одновременно была предпринята в Норвегии; в сентябре 1918 г. учреждается Северный Административный Союз (включал как государственных чиновников, так и представителей гражданских структур), в 1919 и 1920 гг. проходят международные встречи скандинавских юристов и экономистов; в мае 1919 г. тремя скандинавскими странами подписано соглашение о товарообмене.
16. О «скандинавизме» см., в частности: *Andersson, J. Ide och verklighet. Föreningarna Norden genom 70 år. Stockholm, 1990. S.11-14.*
17. См., например: *Tingsten H. The Debate on the Foreign Policy of Sweden 1918 - 1939. Oxford, 1949. P. 138 - 141.*
18. Подробнее об этом см.: *Hansen S.O. Drømmen om Norden. Der norske foreningen Norden og det nordiske samarbeidet 1919 - 1994. Oslo, 1994. S.15 - 35.*

19. Вопрос «Северных Ассоциаций» обсуждался в Стортинге в мае 1918 года.
20. В состав шведской рабочей группы входили такие видные правые деятели, как ректор Карл Нурдлунд, известный своей приверженностью вопросам обороны, Оскар Рюдбек, директор стокгольмских отделений Центрального и Скандинавского шведских банков, профессор Эли Хекшер, консерватор по политическим взглядам, и др.
21. *Hansen S.O. Drømmen om Norden. Der norske foreningen Norden og det nordiske samarbeidet 1919 - 1994. Oslo, 1994. S.22 - 23.*
22. О дебатах по поводу политического характера Северных Ассоциаций и попытках Хеерфорда вернуться к обсуждению политического союза см. *Janfelt M. Att leva i den bästa av världar... Stockholm, 2005. S. 26 - 28.*
23. Мувинкель инициировал переговоры по новым проблемам: неясно было, требуется для образования «Северных Ассоциаций» одобрение правительственных кругов. К тому же нейтральные страны возлагали большие надежды на новый европейский порядок, при универсальном принципе которого, казалось, не было больше необходимости в дополнительных региональных объединениях, «малых Лигах наций». Эти вопросы были решены, однако, в течение нескольких месяцев, и рапорт норвежской рабочей группы 24 февраля 1919 г. был одобрен норвежским парламентским большинством.
24. 1 марта 1919 учреждена шведская, 12 апреля - норвежская, 15 апреля - датская «Северные Ассоциации».
25. *Andersson J. Idé och verklighet. Stockholm, 1990. S. 9.*
26. В странах-участницах, для вовлечения в деятельность регионов, начали создаваться дочерние отделения: так, в Швеции Северные Ассоциации существовали в 1920-х гг. уже в Стокгольме, Гётеборге и Мальмё
27. В 1930-е гг. подъем рабочего и социал-демократического движения обусловил расширение и изменение состава «Северных Ассоциаций», которые стали более «народными» по своему характеру.
28. «Nordisk Tidskrift», «Nordens Årsbok», «Nordens Kalender», из которых первый стал более чем на 30 лет главным элитным информационным и пропагандистским изданием по межскандинавским вопросам: как отмечал Юлиус Ланге, «возможно, народ и не читает «Северный журнал», но этим точно занимаются Божьи ангелы», намекая,

в том числе, на основной круг читателей (как, впрочем, и писателей) - северо-европейских политических лидеров и активистов скандинавизма. «Северный журнал» скоро стал ареной дебатов скандинавской элиты от науки.

29. *Andersson J. A. Nordiskt samarbete: Aktörer, ideer och organisering 1919-1953. Lund, 1994. S.58.*

30. Северная Ассоциация в Исландии учреждена в 29 сентября 1922 г. с центром в Тингвеллуре, однако ее учреждение имело скорее символическое значение и контакты с остальными северными странами были в межвоенный период достаточно спорадическими.

31. Бессменный секретарь шведской Северной Ассоциации в 1920-е гг., инициатор создания в 1952 г. Северного Совета Нильс Херлиц отмечал, что «с самого начала шведы учитывали в перспективе вступление Финляндии в организацию - для нас было несколько странно создавать союз с Данией и Норвегией, оставляя Финляндию вне его, но в условиях гражданской войны финны не были готовы обсуждать подобные альтернативы. Ситуацию пытались изменить в сентябре 1918 г. в Копенгагене, но Финляндия тогда ориентировалась на Германию, а не на союз с соседями» (*Herlitz N. När Föreningarna Norden bildades... S.153*).

32. Хотя неперенным условием, поставленным скандинавами Финляндии при учреждении финской Северной Ассоциации было обязательное участие в ней как финско-, так и шведскоговорящих членов, Академическое Карельское Общество развернуло грандиозную агитацию вокруг большого языкового вопроса, призывая, вместо объединения, наконец расквитаться со шведским прошлым

33. Хотя неперенным условием, поставленным скандинавами Финляндии при учреждении финской Северной Ассоциации было обязательное участие в ней как финско-, так и шведскоговорящих членов, Академическое Карельское Общество развернуло грандиозную агитацию вокруг большого языкового вопроса, призывая, вместо объединения, наконец расквитаться со шведским прошлым.

34. Suomen Sosialidemokratti. 19.01.1924.

35. «Pojhola-Norden» (фин.)

36. Термин «Нурден» для обозначения региона Северной Европы был разработан именно в это время по двум причинам: чтобы удовлетворить возражения тех, кто считал Финляндию нескандинавской страной из-за ее языковых, географических, внешнеполитических и иных

особенностей, но одновременно чтобы подчеркнуть отныне единство четырех северных стран. Тот факт, что вскоре термин «северный» («nordisk») в большинстве случаев заменил собой как в письменной, так и в устной речи определение «скандинавский», доказывает успешное присоединение Финляндии к бывшему монолитным «скандинавскому блоку».

37. Н. Херлиц в своих мемуарах отмечал: «Сложно утверждать, что в 1919 г. произошло судьбоносное событие. Это была небольшая группа людей, довольно неуверенная в своей задаче, в способе ее осуществления и в своих возможностях. Приятно осознавать, оглядываясь назад, насколько большего, чем можно было ожидать 1919 гг., нам удалось достичь за 40 лет» (*Herlitz N. När Föreningarna Norden bildades... S.154*).

38. Подробнее о деятельности Северных Ассоциаций в 1920-е гг. см., например: *Andersson, J. Ide och verklighet... Stockholm, 1990. С.29 - 44.*

39. Политики иногда лично принимали участие, по приглашению Северных Ассоциаций, в их мероприятиях: в донесении шведского посланника в Копенгагене Й. Бек-Фриса сообщается, что на устроенных датской Северной Ассоциацией по случаю третьего конгресса Северного общества мира массовых встречах в датской столице выступали три скандинавские премьер-министра, после чего «в деле сотрудничества у остальной Европы появился отныне достойный образец для подражания»

40. UD arkiv. RA. 906/HP 20 D. Речь Э.Лёфгрена на шведском радио, 31.12.1926.

41. Политические вопросы всегда находились в поле обсуждения Северных Ассоциаций, и их косвенное влияние на сотрудничество, в частности, Северных стран в Лиге Наций в 1920-е гг. было несомненным; при этом, не имея возможности участвовать в принятии решений на высшем государственно уровне, Северные Ассоциации выносили решения по таким политическим вопросам, требующим государственного регулирования, как общее законодательство, гражданское право, таможенные правила, установление единых социальных норм и др.

42. См., к примеру: *Сойкканен Т. Борьба за скандинавскую ориентацию, как линия внешней политики Финляндии 1934 - 1939 гг.//Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. Спб.; Vaduz; Liechteustein, 1997.*

43. См. подробнее: *Tingsten H.* The Debate on the Foreign Policy of Sweden 1918 - 1939. Oxford, 1949. P. 139 - 141.

44. В 1930 г. была образована экономическая организация под названием «группа Осло», куда вошли все северные страны; вопросы, поднимаемые до этого Северными Ассоциациями, ставились на повестку дня на конференциях министров иностранных дел в 1930-е гг.

В.-Т. Васара

К вопросу об отношениях ИКЛ с Третьим рейхом (по материалам Национального архива Финляндии).

В финской историографии история Патриотического народного движения (ИКЛ) относительно мало исследована. Деятельность партии, безусловно, затронута во многих общих обзорах, но исследователи в основном ограничились упоминанием лишь самых известных моментов деятельности партии и выводами о том, что ИКЛ было представителем финского фашизма, которое предположительно имело зарубежные контакты, и вероятно, финансировалось гитлеровской Германией.

Целью данной статьи является рассмотрение вопроса о том, какие отношения ИКЛ на самом деле имело с Германией периода Третьего Рейха в сферах идеологии и практической деятельности. Основой статьи являются материалы Национального архива Финляндии в Хельсинки, публикации Патриотического народного движения, а также те немногочисленные финские монографии, в которых частично затрагивается данная тема.

Прогерманские настроения у финских крайне правых возникли не в начале 1930-х гг., когда приход НСДАП к власти активизировал вопрос. После ноябрьской революции 1918 г. рухнули планы становления монархии в Финляндии во главе с немецким принцем, и, таким образом, потерпело поражение также германское направление в финской внешней политике. Тем не менее, в правых кругах страны германское направление не потеряло свое значение. Нужно заметить, что желание правых кругов сблизиться с Германией во многом было связано с их крайне негативным отношением к Советской России. В Германии видели, прежде всего, защитника от большевиков. Особенно заметным проявлением прогерманских настроений стала организация ежегодных торжеств в честь победы «белых» с

помощью Германии в гражданской войне Финляндии в 1918 г. На страницах правых газет в течение всех 1920-х гг. активно напоминали о многовековых исторических и культурных связях Финляндии с Германией. Особенно важную роль при этом сыграли Финско-немецкое общество и егеря /1/.

В период Веймарской республики официальные линии восточной политики Германии и Финляндии начали сильно отличаться друг от друга. Это заметили также в германофильских кругах Финляндии. Первым разочарованием для «белой» Финляндии стало заключения Рапалльского договора между РСФСР и Германией 16 апреля 1922 г. К весне 1922 г., после неудачной попытки присоединения Советской Карелии к Финляндии, «белому» лагерю страны стала очевидна мощь Советской России. Это одновременно усиливало страх в связи с дальнейшими планами большевиков. С точки зрения «белых», этот срыв международной изоляции большевистской России, и особенно восстановление в полном объеме дипломатических отношений между РСФСР и Германией, представлялся чуть ли не катастрофой /2/. Сомнения в отношении Германии усиливались также в военных кругах. После подписания Берлинского договора 24 апреля 1926 г. о ненападении и нейтралитете между РСФСР и Германией в «белом» лагере Финляндии возникли еще более негативные настроения. Надо заметить, что также в рядах центристских партий Аграрного союза и Национальной прогрессивной партии новый курс восточной политики Германии восприняли весьма негативно /3/.

Во второй половине 1920-х гг. в Финляндии появился сильный антикоммунистический фронт, лидером которого стало возникшее в 1929 г. лапуаское движение, которое получило известность также за рубежом. Бурные события периода лапуаского движения, а также громкий протест соплеменных кругов Финляндии, вызванный массовой депортацией ингерманланцев на Северо-Западе РСФСР, обострили внешнеполитическое положение Финляндии. Германия озабоченно следила за ситуацией: там опасались, что разногласия между Финляндией и Советским

Союзом укрепляют влияние Польши в Финляндии, а это изменит внешнеполитический курс страны в пользу «стран-лимитрофов». 1931 г. Германия была даже готова помочь сгладить противоречия между Финляндией и Советским Союзом, от чего Финляндия, однако, отказалась. По мнению исследователя Бритты Хиеданниemi, Германия была готова поддерживать Финляндию в целях сохранения независимости и нейтралитета страны, но не стоять рядом с финскими правыми кругами в их антисоветских выступлениях /4/.

Лапуаское движение, которое было виднейшей и самой успешной формой финского правого радикализма межвоенного периода, было распущено после неудачного путча в Мянтсяле в феврале 1932 г. Прямым наследником категоричной антикоммунистической идеологии лапуасцев стало ИКЛ, которое было основано уже в начале июня того же года. Можно сказать, что ИКЛ в истории финского парламентаризма представляет собой уникальное явление. С одной стороны, эта партия достаточно противоречиво боролась против существования партийной системы, а с другой, начиная с 1933 г. имела все признаки партии, в том числе, свою фракцию в парламенте. Парламентские выборы 1933 г. имели важное значение для финских крайне правых сил, так как они должны были показать, получила ли их идеология большую поддержку в стране после неудачи лапуасцев. Главным победителем этих выборов стала Социал-демократическая партия, но получение ИКЛ 14 депутатских мандатов показало, что, хотя в целом в Финляндии незаконные действия лапуаского движения осудили, идея борьбы против коммунизма по-прежнему пользовалась широким одобрением.

Уже во время предвыборной борьбы противники Патриотического народного движения обвинили партию о том, что она является лишь копией зарубежных образцов. Безусловно, в идеологии Патриотического народного движения были общие моменты с подобными организациями Германии и Италии. Такие пункты, как корпоратизм, были чужды финской политической культуре. Наверное, именно поэтому они для многих избирате-

лей ассоциировалось лишь с марионеточностью и подражанием чужим идеям.

Но насколько это мнение современников ИКЛ можно считать правильным?

В национальном архиве Финляндии сохранилась письменная документация бесед со многими ветеранами ИКЛ. Этот материал собрал подполковник Пааво Суситайвал в 1950-ые гг., бывший сам депутатом ИКЛ в парламенте в 1939 - 1940 гг. Интересно заметить, что почти все участники бесед категорически отрицали значение примера Германии для партии. Очевидно, беседы являются весьма субъективными, и у многих видно стремление идеализировать ситуацию.

Бруно Салмиала, депутат ИКЛ в парламенте с 1933 по 1944 г., рассказал следующее: «Хотя в Финляндии думали, что ИКЛ защищало лишь интересы Германии в стране, на самом деле партия всегда боролась за интересы финского народа. В случае необходимости мы были готовы также резко критиковать Германию» /5/. Вилхо Кастрен, местный лидер ИКЛ в провинции Уусимаа, продолжает: «Наша униформа и некоторый милитаризм в наших публичных выступлениях были похожи на нацистские образчики, но между ИКЛ и нацистами никогда не возникло тесных связей, потому что «расовая гордость» и умаление христианских ценностей немцами сделали это невозможным» /6/. Кастрен также полностью отрицал иностранное финансирование партии.

Современникам ИКЛ было, безусловно, нетрудно отождествить партию с национал-социалистами, прежде всего из-за внешнего вида ее членов и структуры организации. У лапуаского движения не было четкой организации, необходимость которой сразу поняли в новом руководстве партии. После рассмотрения некоторых вариантов, руководство ИКЛ решило использовать план Пааво Суситайвала. Он считал, что ИКЛ должно быть разделено дисциплинарно на подразделения полумилитаристского образца /7/. Суситайвал также планировал создать для ИКЛ некую ударную группу, используя образ войск СА /8/.

Как организационная структура, так и внешний вид партии подверглись сильному влиянию со стороны Германии и Италии. Уже в марте 1933 г. ИКЛ ввел для своих членов единую униформу - черную рубашку и синий галстук. Они также использовали фашистское приветствие /9/.

Как бы то ни было, приход к власти в Германии Гитлера восприняли в рядах ИКЛ весьма положительно. Главный печатный орган ИКЛ «Аян Суунта» («Путь времени») начиная с зимы 1933 г. уделил достаточно много внимания успехам нацистов. В частности, в течение марта - апреля четыре передовые статьи газеты были посвящены приходу национал-социалистов к власти /10/. После апреля интерес к событиям в Германии немного уменьшился. Можно полагать, что в редакции «Аян Суунта» пришли к выводу, что при предвыборной борьбе не стоит опираться на национал-социалистов, так как они в целом не пользовались популярностью в Финляндии /11/. Нужно сказать, что приход к власти НСДАП изменил общее отношение к Германии в Финляндии. Начиная с 1933 г. отношение к нацистам повлияло также на общее отношение к финским крайне правым организациям.

Пронемецкая направленность для Патриотического народного движения была вполне не просто естественной на фоне традиций финского правого лагеря. Важно, что общеполитическая ситуация в Европе не оставляла для партии других вариантов. Если мы рассмотрим другие внешнеполитические варианты, то именно этот путь представлялся естественным для ИКЛ. Это объясняется легко. Сотрудничество с другими странами Северной Европы, так называемая «скандинавская ориентация», с точки зрения ИКЛ было невозможным. Во-первых, партии трудно было простить Швеции ее пассивность в отношении к Финляндии после 1917 г. Во-вторых, ИКЛ было против социал-демократических правительств скандинавских стран, и, в-третьих, категоричность языковой политики ИКЛ не улучшила возможность реализации скандинавского пути. Кроме того, хотя крайне правые круги Финляндии и имели тесные связи

особенно с эстонцами, после установления режима фактической диктатуры Константина Пятса в Эстонии, сближение со «странами-лимитрофами» стало для ИКЛ непривлекательным. Затем ИКЛ, особенно после 1934 г., начало активную пропаганду против деятельности Лиги наций. Партия считала, что Лига наций является прикрытием коммунистов. ИКЛ также относилась с презрением к Франции и Великобритании, которых рассматривала лишь как слуг СССР.

Довольно долгое время члены ИКЛ избегали прямо критиковать Германию. Но со временем даже самым прогермански настроенным членам ИКЛ пришлось пересмотреть свою точку зрения. Справедливым будет сказать, что именно разные представления в религиозных вопросах повлияли на то, что кроме проявления сочувствия к общим принципам нацистов, отношения партии с Германией остались отчужденными /12/. Ещё в первой половине 1930-х гг. представители ИКЛ, многие из которых были церковными деятелями, в своих выражениях мнения без всякой критики поддерживали нацистскую партию, а также признавали пронацистское движение «Немецких христиан». Однако со временем церковный вопрос Германии стал для ИКЛ неприемлемым. В партии стали считать, что в этой сфере в НСДАП находились «разрушительные силы» /13/.

ИКЛ никогда не имело своей расовой теории, но оно заняло антисемитские позиции. В общем, финских правых радикалов волновало предполагаемое разрушительное влияние евреев на христианство /14/. Когда до Финляндии дошли первые сведения о начале нацистами мероприятий против евреев, ИКЛ не изменило своих позиций по отношению к Германии. Характерно для ИКЛ было также сопоставление евреев с масонством, которое в партии часто называли «необрезанным иудаизмом» /15/. 17 ноября 1938 г. посольство Германии в Хельсинки отправило рапорт в Берлин, в котором заявило о том, что после «хрустальной ночи» (с 9 на 10 октября) только в ИКЛ нашли понимание действиям немцев /16/.

Из публицистики партии можно сделать выводы, что от-

ношение ИКЛ к еврейскому вопросу было, конечно, отрицательным, но во многом ничего особенного собой не представляло. Местами можно даже поставить под вопрос, понимали ли партийные деятели искреннюю суть своих высказываний, или это было просто копирование зарубежных образов.

Итак, в идеологии Патриотического народного движения были общие моменты с нацистами: прежде всего их объединила борьба против коммунизма. Но существовало ли какое-то конкретное сотрудничество ИКЛ с гитлеровской Германией?

Интересы Третьего Рейха состояли в нежелании поддерживать ИКЛ и другие финские крайне правые движения, потому что в общем финский народ относился к ним негативно. По мнению руководства Германии, такая ассоциация сотрудничества Германии с ИКЛ могла усилить в Финляндии антигерманские настроения, или, еще хуже, способствовать усилению симпатий к Англии /17/. После парламентских выборов 1933 г. немецкие наблюдатели, находившиеся в Хельсинки, заметили, что многие авторитетные политические деятели страны активно выступали за усиление демократии и парламентаризма. Советник посольства Германии Вернер фон Грундхерр заподозрил, что эти выступления были, прежде всего, направлены против финских правых радикалов, но, тем не менее, их можно было считать критикой Германии, которая, по общему в Финляндии мнению, являла собой духовную поддержку ИКЛ. Посольство Германии упорно старалось отвергнуть сомнения о сотрудничестве между ИКЛ и НСДАП. Фон Грундхерр рапортовал министру внутренних дел Финляндии Антти Накселлу, что национал-социализм является внутренним делом Рейха, и Германия не поддерживает подобные иностранные группировки /18/. Особенно в последние годы перед зимней войной посольство Германии избегало явных контактов с ИКЛ /19/.

Однако, часть руководителей Патриотического народного движения имела личные отношения с Германией, которые также повлияли на деятельность партии. Можно привести некоторые примеры.

Наиболее явно связи партии с Германией можно проследить на примере молодежной организации ИКЛ «Сине-черных» («Синимустат») /20/. Она испытывала сильное влияние со стороны молодежных фашистских и национал-социалистских организаций. Лидер этой молодежной организации, представитель ИКЛ в парламенте, Элиас Симойоки написал в 1935 г., что у «Сине-черных» имеются такие общие черты с «Гитлер Югенд», как любовь к отечеству, самопожертвование и чувство ответственности. Однако, он выразил свое разочарование по поводу отсутствия в «Гитлер Югенд» религиозного воспитания /21/. Несмотря на это, «Сине-черные» имели тесные связи с «Гитлер Югенд» до начала Второй мировой войны. Особенно активно организовывались двухсторонние экскурсии, которые не имели официального характера /22/.

Из близких к руководству Патриотического народного движения людей подполковник Арне Сомерсало имел, наверное, больше всего контактов с немцами. Он окончил университет в Йене в 1914 г. В первую Мировую войну он воевал добровольцем в армии Германии. В рядах ИКЛ он был депутатом парламента в 1933 - 1935 гг., и главным редактором «Аян Суунта» с 1932 по 1935 г. В «войне-продолжения» он был офицером связи войск СС в Лапландии /23/. В 1933 г. Сомерсало заявил в своем интервью «Фелькишер Беобахтер», что во многом ИКЛ имело одинаковые цели с НСДАП /24/. В 1930-ые гг. Сомерсало ездил в Германию так часто, что его среди противников ИКЛ называли агентом нацистов /25/. Он также сообщил руководству о возможности получения финансовой поддержки из Германии для печатной деятельности. В материалах ИКЛ не осталось подробной информации о предложении, только короткое упоминание об отказе ИКЛ от него /26/. Контакты обеспечивали также немецкие национал-социалисты, жившие в Финляндии /27/.

Пааво Суситайвал совершил летом 1937 г. поездку в Италию, Венгрию и Германию с целью ознакомления с общественной структурой фашистов и нацистов /28/. Подобные экскурсии совершили и другие руководители партии. В Италии его

главной целью было ознакомление с корпоративизмом, последовательным сторонником которого являлся сам Суситайвал. Он еще в 1955 г. сказал, что корпоратизм был бы и в тогдашнем обществе наилучшим вариантом /29/.

Это был не первый контакт с итальянцами. В июне 1935 г. ИКЛ организовало визит посланника Муссолини Эцио Мария Грей в Хельсинки. Хотя ИКЛ имело дружественные отношения с Италией, было бы слишком смело говорить о политическом сотрудничестве. Суситайвал также имел отношения с представителями Японии в Финляндии. Особенно близок он был с военным атташе, полковником Нисимурой /30/.

В октябре 1938 г. под руководством депутата ИКЛ в парламенте Р. Г. Каллиа 11 благосклонных к национал-социализму финнов проходили в Берлине трехнедельный учебный курс, где им представили основные идеи «новой Германии». Во время поездки Каллиа удалось также встретиться неофициально с представителями министерства пропаганды и НСДАП. Каллиа был вполне доволен результатами поездки. Вернувшись домой, он был уверен в том, что Финляндия находится под защитой Германии /31/.

Как отметила Бритта Хиеданниemi, в политической программе Гитлера не было отдельных планов, касающихся Финляндии, и в первое время после прихода к власти национал-социалистов Министерство иностранных дел Германии продолжало прежний курс в отношении к Финляндии. Но все же НСДАП имела некие ожидания. Это стало явно заметно в 1936 г., когда англофил Рудольф Холсти стал министром иностранных дел Финляндии, а в следующем году, когда П.Э. Свинхувуд проиграл президентские выборы /32/, зимой 1937 г. неприязнь к Холсти в Патриотическом народном движении достигла кульминации. В феврале 1937 г. Холсти совершил поездку в Москву, которая ухудшила отношения Финляндии с Рейхом /33/. Вскоре после этого журнал «Сине-черных» «Луо Липпуен!» («К флагам!») заявил, что «кайзер Японии, Муссолини, Франко и Гитлер уменьшают угрозу коммунизма в 10 раз больше, чем дюжи-

на поездок в Москву» /34/.

Во второй половине 1930-х гг. ИКЛ было единственной финской партией, которая видела решение внешнеполитических проблем в тесном сотрудничестве с Германией. По мнению партийных деятелей, лишь Германия могла бы спасти страну от угрозы Востока. Отношение ИКЛ к любым уступкам Советскому Союзу было категорически отрицательным. Как пишет финский историк Микко Уола, государственные власти пытались любым способом скрыть от ИКЛ всю информацию о советско-финляндских переговорах, потому что они боялись, что партия будет использовать информацию в своей антисоветской пропаганде, что могло еще больше ухудшить официальные отношения между Финляндией и СССР /35/. Все же в руководстве ИКЛ в это время осознавали усиление угрозы со стороны Советского Союза. Это одновременно укрепило доверие партии к Германии, как защитнику малых народов.

Однако, в довоенные годы в ИКЛ считали достаточным лишь улучшение финско-немецких отношений в целом, и пока не поддерживали идею о возможном военном союзе с Рейхом /36/. В то же время прогерманские высказывания усиливались, особенно на страницах «Аян Суунта» и «Луо Липпуен». В октябре 1938 г. «Аян Суунта» писал о ближайшем будущем национал-социализма. Тогда, с помощью Германии, «будет преобразована новая Финляндия, национальная, сильная страна» /37/. В годы «войны-продолжения» руководство партии ужесточило свою линию и заявило, что единственным шансом для Финляндии является создание государственной унии с скандинавскими странами, во главе с Германией /38/.

Дипломат и министр Макс Якобсон в своей книге «Зимняя война дипломатов. Финляндия в мировой политике 1938 - 1940 гг.» написал, что накануне Второй мировой войны многие финны думали, что традиционные дружественные отношения между Финляндией и Германией автоматически гарантировали бы поддержку Германии в войне против Советского Союза. По мнению Якобсона, в Финляндии господствовало сентименталь-

ное представление о том, что начиная с егерского движения и гражданской войны, продолжала развиваться особенная дружба с Германией. Это представление поддерживалось пропагандой национал-социалистической Германии, целью которой было отдалить Финляндию от союзных держав и подчеркнуть то, что Германия является единственной страной, которая при военной угрозе может гарантировать нейтралитет Финляндии /39/. Хотя внутри ИКЛ существовали и другие мнения, это представление было ядром слепого доверия к Германии в последние довоенные годы.

Вскоре ИКЛ пришлось обмануться в своих надеждах. Начиная с 1939 г. наивное представление Патриотического народного движения о Германии как о защитнике интересов малых народов получило сокрушительный удар. Если ремилитаризация Рейнской зоны, плебисцит Саара, аншлюс Австрии и присоединение Судетской области в состав Германии были одобрены ИКЛ как естественные шаги формирования великой национальной Германии, то дальнейшую судьбу Чехословакии восприняли в рядах партии с разочарованием. Как писали в «Аян Суунта», поскольку чехи и словаки не были соплеменными народами немцев, они должны были сохранять свою самостоятельность. Дальше, газета в одной карикатуре сравнивала действия Германии с политикой Англии в Палестине /40/. С таким же разочарованием газета отнеслась к захвату Албании Италией в апреле того же года /41/.

После начала Второй мировой войны «Аян Суунта» отстаивала новую линию. Начало войны было проблематичным временем для партии, так как Польша и Германия, две страны, которым ИКЛ традиционно выражало свои симпатии, теперь находились на противоположных сторонах. Поэтому газета рекомендовала своим читателям сконцентрироваться на собственно финских вопросах, потому что «у нас нет никакой роли в борьбе великих стран» /42/.

Интересен рассказ Пааво Суситайвала о том, как осенью 1939 г., до последнего раунда советско-финляндских перегово-

ров в Москве в ноябре, корреспондент «Фелькишер Беобахтер» в Финляндии Ф. В. Боргман, который, согласно Суситайвалу имел конфиденциальные отношения с главным штабом Рейха, раскрыл ему основное содержание секретного протокола «Пакта Молотова-Риббентропа». По рассказу Суситайвала, информацию передали уже в следующее утро министру обороны Юхо Ниукканену и, вероятно, также бывшему премьер-министру Т. М. Кивимяки /43/. Однако в мемуарах Ниукканена нет упоминаний об этом событии /44/.

Более того, с началом зимней войны, как в других прогермански настроенных кругах Финляндии, так и в ИКЛ, сочувствие к Германии почти полностью исчезло. Считалось, что Германия отвергла Финляндию /45/. Нужно заметить, что в это тяжелое для страны время на страницах газеты нашли возможность радоваться тому, что впервые в истории независимости Финляндии страна была объединена против общего врага. Тема национального единства стала главной темой печатных органов ИКЛ в военные годы.

После начала зимней войны судьба ИКЛ была поставлена под угрозу. Его практическая деятельность была почти полностью парализована. Местные печатные органы ИКЛ в течение 1939 г. перестали существовать. Сама «Аян Суунта» стала издаваться реже, и в 1940 г. даже временно прекратила свою печать. В то время, как большинство активных деятелей этих организаций находились на фронте, нормальная деятельность стала невозможной. Важным стало также то, что идеологические основы ИКЛ серьезно пошатнулись, и партия не находила поддержки в народе. Парламентская фракция ИКЛ продолжала формально существовать, но теперь не имела никакого практического влияния. Из представителей фракции ИКЛ, например, Пааво Суситайвал подал в отставку, чтобы добровольно участвовать в военных действиях.

В марте 1940 г. когда начались мирные переговоры между Советским Союзом и Финляндией, фракция ИКЛ снова активизировалась, чтобы развернуть критику стремления своего пра-

вительства заключить перемирие, а также критику недостаточной военной пропаганды и неудачной в целом внешней политики страны. Руководству партии пришлось признаться, что у них не было никаких шансов повлиять на немецкое руководство в финском вопросе. С этой целью ИКЛ имело активные связи с посольством Италии в Хельсинки, с которым у ИКЛ традиционно были близкие отношения. Летом 1940 г. руководство партии отправило через итальянское посольство телеграмму Муссолини с просьбой о помощи. Согласно бывшему министру, члену ИКЛ Вилхо Аннала, через некоторое время из итальянского посольства сообщили о том, что по мере возможности Италия будет делать все, чтобы Германия встала «на сторону Финляндии» /46/.

ИКЛ также сыграло свою роль в создании финского добровольческого батальона СС. Вербовка в батальон началась весной 1941 г. с помощью консульства Германии в Хельсинки. Однако, только 11 августа средства информации получили официальную информацию о создании целого батальона финских войск СС. До этого Министерство иностранных дел сообщило некоторым газетам об отъезде лишь некоторых добровольцев в Германию. Сразу после получения информации началось активное, местами негативное, обсуждение судьбы батальона. В результате, уже 15 августа была установлена цензура, запрещающая любое обсуждение, касающееся финского батальона СС /47/.

Из главных печатных органов финских партий, «Аян Суунта» ИКЛ, безусловно, наиболее положительно относился к созданию финского батальона СС. В партии это событие видели как знак «горячего желания финской молодежи пожертвовать свою жизнь ради отечества» /48/. ИКЛ считало, что «Аян Суунта» приветствовала финских добровольцев в качестве лояльных защитников отечества и продолжателей работы егерей. С точки зрения ИКЛ, основание финского батальона СС представляло собой гарантию улучшения финско-германских отношений, поэтому газета освободила свое помещение для организации

вербовки. Таким образом, можно сделать вывод, что в редакции «Аян Суунта» знали об организации финского батальона СС уже на самой ранней стадии. Положительное отношение редакции к вербовке объясняется также тем, что сын главного редактора Ниило Вапаавуори, Илкка был один из финских добровольцев /49/.

ИКЛ не только приняло активное участие в вербовке, но также воодушевляло своих приверженцев вербоваться. По данным финского батальона СС, в первоначальном составе 82 человека из 885 были членами Патриотического народного движения. К этой статистике нужно еще добавить участников молодежных организаций ИКЛ, которые официально не являлись членами партии. Из состава «Сине-черных» и «Чернорубашечников» завербовалось 76 человек /50/. Всего доля разных крайних правых организаций в составе батальона была лишь около 20%. Их участие хотели сознательно ограничить, чтобы батальон не стал слишком окрашен идеологически /51/. После роспуска батальона в июле 1943 г. ИКЛ объявило, что «ложные лидеры страны испортили один из самых славных периодов ее истории» /52/.

Военное время настолько изменило общую ситуацию в стране, что весной 1941 г. было решено выпустить новый партийный манифест ИКЛ. Нужно все же заметить, что официально программу никогда не успевали утверждать. В манифесте хорошо видно вновь усиливавшееся доверие к Германии и роли Финляндии в послевоенном мире. Согласно новой программе, ИКЛ являлось национальным преобразованным движением, целью которого было формирование сильной и единой Финляндии. Важным считалось сохранение единства народа и независимости страны. Далее, все соплеменные финнам народы должны были стать членами «Новой Европы». Для этого нужно было улучшить оборону страны, заключить «языковой мир» между финским и шведским языками, отказаться от капиталистически-демократической системы и перейти на позиции корпоратизма. Также в манифесте требовали запрещения иммиграции в Финн-

ляндию «чужих рас», в частности, евреев, а также запрещение «вредных международных организаций», таких, как масонство. Кроме того, нужно было продолжать борьбу против «изменников-коммунистов», а христианская вера должна была стать основой всей деятельности ИКЛ /53/.

23 июня 1941 г., после нападения Германии на Советский Союз (Финляндия присоединилась к войне 25 июня), руководство Патриотического народного движения через посла Рейха Виберта фон Блюхера отправило Гитлеру телеграмму, выражающую ему свою благодарность за спасение Финляндии от имени всего финского народа /54/.

С этого времени на страницах «Аян Суунта» заметно новое усиление немецкой ориентации. Сразу в начале «войны-продолжения» «Аян Суунта» снова стала ещё более активно критиковать официальную внешнюю политику Финляндии. Интересно замечание Тоуко Перко о том, что в это время «Аян Суунта» стала последовательно противиться официальной политике Финляндии. Для этой газеты «война-продолжение» была не такой локальной, личной войной между Финляндией и Советским Союзом, какой была зимняя война, она была неотделимой частью крестового похода нацистов против большевизма, тогда как все печатные органы главных финских партий поддерживали противоположный тезис о «сепаратной войне» /55/. В годы «войны-продолжения» антисемитские заявления на страницах «Аян Суунта» также усиливались.

Судя по высказываниям и публицистике ИКЛ, можно сказать, что в первое время «войны-продолжения» руководство этой организации находилось в особенном состоянии некоторой эйфории. Основой всех его действий стали идеи реванша. В руководстве ИКЛ считали, что, наконец, наступило время окончательного разгрома коммунизма и создания «великой Финляндии». В религиозно-пафосном духе говорили даже о «национальном воскресении финского народа» /56/.

Однако, будущее оставалось светлым для партии не долго. Хотя Вилхо Аннала стал еще в 1941 г. министром, это не

улучшило положения ИКЛ. Несмотря на это, на страницах партийных газет продолжали пропагандировать идею «великой Финляндии» в еще более широком масштабе. Руководство ИКЛ до конца верило в помощь со стороны немцев и в полный разгром Советского Союза. Как правильно отмечает исследователь Микко Уола, в ИКЛ еще в июле 1944 г. появился мученический дух, потому что слепая вера в «окончательную победу» не могла уже основываться на фактах /57/. Патриотическое народное движение было окончательно обречено на ликвидацию в условиях военного поражения Финляндии и выхода ее из Второй мировой войны, в которой она воевала на стороне нацистской Германии. Действительно, по заключенному 19 сентября 1944 г. Финляндией соглашению о перемирии с Советским Союзом, праворадикальным организациям и партиям в стране пришел конец.

Итак, хотя Патриотическое народное движение имело свой самостоятельный характер и, несмотря на то, что в послевоенные годы, по понятной причине, бывшие члены ИКЛ относились к вопросу о влиянии Германии на их деятельность с пренебрежением и подчеркивали чисто финский характер своей идеологии, трудно полностью отрицать значение Третьего Рейха для партии. Как бы то ни было, представления, связывающие в финском обществе ИКЛ в качестве некоего подданного с нацистской Германией, решительно повлияли на то, что Патриотическое народное движение не получило в Финляндии массовой поддержки.

1. Ilvessalo J. Suomi ja Weimarin Saksa. Helsinki, 1959. S. 151 - 152, 154.
2. Kansallisarkisto (KA) (Национальный архив Финляндии, Хельсинки). Suomen 1920 - 1940-luvun historian säätiö (Säätiö) 46.
3. Ilvessalo J. Suomi ja Weimarin Saksa. S. 148 - 149.
4. Hiedanniemi B. Kulttuuriin verhottua politiikkaa. Kansallissosialistisen Saksan kulttuuripropaganda Suomessa 1933-1940. Keuruu, 1980. S. 21 - 22.
5. KA. Säätiö 47.
6. Ibid.
7. Ibid. Säätiö 33.

8. Niinistö J. Paavo Susitaival 1896-1993. Aktivismi elämänasenteena. Tampere, 1998. S. 109.
9. KA. Säätiö 46
10. Ajan Suunta. 1.3.1933, 3.3.1933, 9.3.1933, 10.3.1933 ja 7.4.1933.
11. Vares V. Hakaristin kuva. Kansallissosialistinen Saksa Suomen johtavassa puoluelehdistössä sisä- ja ulkopoliittisena tekijänä 1933 - 1939. Turku, 1986. S.
12. Uola M. Sinimusta veljeskunta. Isänmaallinen kansanliike 1932 - 1944. Keuruu, 1982. S. 91.
13. Ajan Suunta. 4.5.1934.
14. Hanski J. Juutalaisviha Suomessa 1918 - 1944. Jyväskylä 2006. S. 68.
15. KA. Säätiö 27.
16. Rautkallio H. Ne kahdeksan ja Suomen omatunto. Suomesta 1942 luovutetut juutalaispakolaiset. Espoo, 1985. S. 26-27.
17. Hiedanniemi B. Kulttuuriin verhottua politiikkaa. S. 43 - 44.
18. Ibid. S. 43.
19. Rautkallio H. Ne kahdeksan ja Suomen omatunto. S. 20 - 21.
20. «Сине-черные» были основаны уже в 1930 г., но распущены в 1936 г. в связи с участием их лидера Элиаса Симойоки в планах путча в Эстонии. После роспуска «Сине-черных» была основана организация «Чернорубашечники», которая продолжала такую же деятельность. Молодежные организации ИКЛ официально никогда не имели партийного статуса, что, скорее всего, в 1936 г. спасло, хотя и после бурных дебатов, саму партию от роспуска.
21. Sinimusta. 10/1935.
22. KA. Säätiö 47. Также, например: Luo lippujen! 11-12/1937.
23. Подробнее см.: Niinistö J. Suomalaisia soturikohtaloita. Jyväskylä, 1998. S.27 - 36.
24. Peltovuori R. Suomi saksalaisin silmin 1933 - 1939. Lehdistön ja diplomatian näkökulmia. Tampere, 2005. S. 70.
25. KA. Säätiö 46.
26. Ibid.
27. Hiedanniemi B. Kulttuuriin verhottua politiikkaa. S. 11.
28. Ajan Suunta. 8.6.1937.
29. KA. Säätiö 47.
30. Ibid. Paavo Susitaipaleen arkisto. Kotelo 4.
31. Ibid. R.G. Kallian arkisto. Kotelo 4. Также: Uola M. Yksityistä ulkopoliitiikkaa ”ajopuusyksyltä” //Historiallinen aikakauskirja 1980.

32. Hiedanniemi B. Kulttuuriin verhottua politiikkaa. S. 11.
33. Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan II 1933 - 1939. Helsinki, 1977. S. 158 - 159.
34. Luo Lippujen! 3/1937.
35. Uola M. Sinimusta veljeskunta. S. 375.
36. Kallenautio J. Itsenäisen Suomen ulkopoliitiikka 1917 - 1955. Helsinki, 1985. S. 149 - 150.
37. Ajan Suunta. 9.10.1938.
38. KA. Säätiö 27.
39. Jakobson M. Diplomaattien talvisota. Suomi maailmanpolitiikassa 1938-40. Porvoo, 1968. S. 198.
40. Ajan Suunta. 16.3.1939 ja 19.3.1939.
41. Ibid. 9.4.1939.
42. Ibid. 18.9.1939.
43. KA. Säätiö 46. См. Также: Susitaival P. Suomen tie 1938 - 1939. Poinmintoja julkisista ja salaisista asiakirjoista.//Nootti 7/1979.
44. Niukkanen J. Talvisodan puolustusministeri kertoo. Helsinki, 1951.
45. Helsingin yliopiston kirjasto (HYK) (Рукописный фонд библиотеки университета Хельсинки) . Akateemisen Karjala-Seuran kokoelma. Coll. 464.59.
46. KA. Säätiö 46.
47. Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. Tapiola, 1968. S. 64 - 65.
48. Ibid. S. 65.
49. Perko T. Aseveljen kuva. Suhtautuminen Saksaan jatkosodan Suomessa 1941 - 1944. Porvoo, 1971. S. 105.
50. Ibid. 94.
51. Lackman M. Esko Riekkö. Jääkäriväriväri, Etsivän Keskuspoliisin päällikkö, SS-pataljoonan luoja. Hämeenlinna, 2007. S. 399, 402.
52. IKL. 1/1943.
53. Isänmaallisen kansanliikkeen ohjelma 1941. Yleiset ohjelmaperusteet. Helsinki, 1941.
54. KA. Säätiö 26.
55. Perko T. Aseveljen kuva. S. 101 - 102.
56. Ajan Suunta. 27.6.1941.
57. Uola M. Sinimusta veljeskunta. S. 466.

В. Н. Барышников

Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны (часть I)

Организация из граждан Финляндии частей СС и использование их затем в 1941 - 1943 гг. нацистским руководством на Восточном фронте в войне против СССР до сих пор специально не рассматривались в отечественной историографии. Первым, кто в Советском Союзе еще в годы войны обратил на это свое внимание, был глава Карело-Финской ССР О. В. Куусинен. Он тогда отметил, что «в Финляндии начали вербовку и посылку “надёжных” головорезов в Германию, чтобы там сформировать из них так называемые “финские эсесовские батальоны” для участия в рядах германской армии в наступлении против СССР» /1/. Далее этой констатации в российской историографии, тем не менее, дело так и не пошло, а изучение данного вопроса долгое время находилось лишь на стадии фиксации указанного исторического факта /2/.

Однако, как совершенно верно отметил военный историк К. Ю. Микола, участие финнов в войсках СС «представляет собой весьма интересное и многогранное явление с политической и военно-исторической точек зрения» /3/. В данном плане, только в последнее время в нашей стране начали появляться отдельные работы российских или зарубежных авторов, в которых в определенной степени затрагивались проблемы участия финских солдат в эсесовских войсках Германии /4/. Но и в этих произведениях, носящий нередко научно-популярный характер, содержится немало неточных сведений, которые несколько искажают отражение исторической действительности, связанной с финскими эсесовскими войсками. Более того, в них чувствовалось серьезное влияние зарубежных работ, переведенных на русский язык /5/. К тому же и перевод некоторых работ иностранными авторами не всегда был точным.

ранных авторов, касающихся раскрытия указанной темы, носил весьма фрагментарный характер, содержа ряд фактических неточностей, не соответствовавших оригинальному тексту /6/.

Что же касается исследований, которые проводились в собственно Финляндии, то в них явно просматривалась попытка представить существование данных войск, как сугубо вынужденную меру, предпринятую в 1941 г. финским руководством. По мнению финских авторов, появление в Финляндии частей СС, фактически, не отражала истинное отношение населения страны к нацизму и нацистскому режиму, а сами эти части стали лишь «заложниками» политики правительства /7/.

Однако подобные констатации выглядят достаточно небедительными, поскольку эсесовские войска создавались по достаточно строгому расовому признаку и являлись весьма своеобразными формированиями в составе германских войск. Их квалифицировали не иначе как «армией фюрера» /8/. Эсесовские части к тому же имели сугубо идеологический, нацистского происхождения, характер. Некоторые из войск СС зачастую выполняли не боевые, а карательные функции, призванные к подавлению сопротивления нацистскому режиму. Как отметил по этому поводу известный российский историк-германист О. Ю. Пленков - «злодейский характер СС не вызывает никаких сомнений» /9/. Правда, затем уже после поражения рейха, бывшие финские эсесовцы, стремясь «откреститься» от участия в деятельности войск СС, утверждали, что они отрицательно относились «к террористическим актам немецких солдат по отношению к детям, женщинам и больным» /10/.

Но, тем не менее, первый вопрос, который возникает в данном случае - как случилось, что стало возможным нацистскому руководству создать из граждан Финляндии особые части СС?

Ответ на этот вопрос пытались получить еще в 1946 г., когда в Хельсинки проходил судебный процесс над главными виновниками участия Финляндии вместе с Германией в войне против СССР. Для судебного разбирательства по данной про-

блеме было даже скомплектовано несколько дел, касающихся образования и деятельности финских эсесовских подразделений. Сами эти дела группировались в материалах, которые собирались для объективного «выяснения внешней политики Финляндии» военного времени /11/. Однако, подобранные тогда документы в специальном фонде «О военных преступниках», находящемся в Архиве внешней политики Финляндии, сейчас загадочным образом там отсутствуют. Тем не менее, в заключении следственного комитета по выяснению характера внешней политики Финляндии в период 1939 - 1944 гг., указывалось, что сформированный весной 1941 г. из финских добровольцев батальон СС являлся составной частью эсесовских войск Германии, а сами «отношения между Финляндией и Германией в течении весны 1941 г. развивались как самые сердечные» /12/.

В этом плане показательным являлось то, что в Финляндии все же к началу 1940-х гг. действительно не наблюдалось устойчивого нарастания интереса к фашистской идеологии, а установленные в рейхе порядки не всегда встречали среди финского населения восторженную реакцию. Даже в финском МИДе еще в середине 1930-х годов проявлялась определенная озабоченность стремлением Берлина разворачивать в Финляндии пропаганду «новой Германии» /13/ и стимулировать усиления в стране влияния национал-социалистской идеологии /14/. По оценке ответственного сотрудника министерства иностранных дел А. Пакаслаhti, настораживало, что «в основе национал-социалистских взглядов лежит расовое учение», которое откровенно стремились нацисты культивировать в североевропейском регионе /15/.

Несомненно, для финского общества крайне сложно было понять связь расового арийского учения со своей страной и со своим населением. Для всех было очевидно, что «финно-угорская языковая семья никоим образом не была родственной "великогерманским" народам» /16/. Поэтому, даже весьма благоклонно настроенный к Германии заместитель министра иностранных дел того времени Р. Виттинг прямо говорил в 1935 г. Не-

мецкому посланнику В. Блюхеру, что «финны не германцы и не арийцы и не могут принимать расовую теорию» /17/. Неслучайно, поэтому идеолог нацизма А. Розенберг, стремясь усилить нацистское влияние в Финляндии, вынужден был тогда даже сделать заявление о том, что финны все-таки относятся к региону «нордического образа мысли» /18/.

Однако в целом немецкому руководству было достаточно очевидным, что восприятие арийской расовой идеологии у финнов, естественно, наблюдаться не может. Единственное, что в данном случае казалось несомненным, заключалось в том, что существовали перспективы сотрудничества, выражающиеся в «тесном идеологическом родстве на платформе антикоммунизма» /19/. Действительно, как заметил в этом отношении финский историк Р. О. Пелтовуори, «удар по коммунистам, нанесенный Гитлером с приходом к власти был воспринят повсеместно в буржуазных кругах Финляндии с удовлетворением» /20/. В результате именно антикоммунистическую или даже скорее антисоветскую, а где-то и антирусскую основу взглядов определенной части финского общества в рейхе могли активно использовать, не забывая, естественно, и о необходимости продолжения пропаганды нацистской идеологии.

Улавливая специфические особенности политического развития Финляндии, в Берлине к тому же пытались учитывать и то, что в этой стране, как и в других государствах Северной Европы, большим влиянием пользовались социал-демократические партии. Поэтому неслучайными прозвучали слова А. Розенберга на традиционных «днях», посвященных северным странам в Любеке в июне 1937 г. Он тогда назвал в своей речи социал-демократию северных стран исключением в сравнении с тем, что понимается под социал-демократическим движением в Германии, где нацисты считали их злейшими врагами /21/. Таким образом, для руководства рейха в данных условиях проявлялось стремление даже отойти от своих идеологических установок лишь только за тем, чтобы добиться более тесного взаимопонимания с Финляндией и другими странами Северной Ев-

ропы.

Однако агрессивность внешней политики Третьего рейха, которая стала отчетливо проявляться уже с начала 1938 г., все же очень отрицательно влияла на финские общественные настроения. Как мрачно констатировал В. Блюхер в мае 1938 г., «для немецкого общества очень трудно было получить точку опоры в стране, где было более чем 40 процентов социалистов и свыше 90 процентов демократов» /22/. Более того, в аналитическом материале МИДа Германии, который был подготовлен в ноябре того же года, указывалось, что финская пресса в условиях начала захвата немцами Чехословакии, «не проявляла дружелюбия к Германии» /23/.

Тем не менее, по наблюдениям иностранных дипломатов, работающих в Хельсинки, в финском обществе просматривалась и противоположные тенденции в отношении к наращиванию рейхом агрессивности. Активная, наступательная позиция Германии имела в Финляндии и своих сторонников. Милитаристская составляющая политики Третьего рейха в конце 1930-х гг. усиливала симпатии к нацистам, прежде всего у определенной части студенчества, а также в офицерском окружении /24/. В результате, для Берлина устойчивой опорой, как считалось, являлись те, кто, главным образом, состоял в профашистской партии страны Патриотическое народное движение (ИКЛ), а также, кто был вообще благосклонно настроен к немцам. Это, прежде всего, просматривалось в среде финских военных кругов и у праворадикальной молодежи.

Однако, следует учитывать, что официальная позиция финляндского правительства в отношении профашистских проявлений в стране была сдержанной или даже иногда отрицательной. 22 ноября 1938 г. министерство внутренних дел Финляндии, возглавлявшееся У. К. Кекконеном, пошло даже на принятие решения о запрещении деятельности партии ИКЛ. На заседании парламентской фракции Аграрного союза министр прямо заявил, что «с фашистским бредом надо покончить» /25/. Дело стало рассматриваться в судебном порядке, хотя запреше-

ние этой партии так и не случилось.

В целом масштабное развитие в идеологической области финско-нацистских отношений у Германии явно не получилось. И единственным серьезным результатом, в наблюдавшемся сближении в идейном плане между Финляндией и Германией, оставался антикоммунизм и антисоветизм. Но, в принципе, даже это вполне могло удовлетворить рейх, что собственно и проявилось в отношениях между двумя странами в 1940 - 1941 гг.

Объективно говоря, тогда финское руководство, рассчитывая на возможность взять реванш у СССР за поражение в «зимней войне», все более и более начало склоняться к необходимости тесного военного и политического сотрудничества с рейхом. Этот процесс вылился в добровольном открытии в сентябре 1940 г. Финляндией своих границ для немецких войск, а затем, с принятием в Берлине плана «Барбаросса», началом согласования с Германией своих военных планов боевых действиях против СССР.

Факт же впуска на свою территорию немецких войск по своей сути был уникален, поскольку ни одна страна мира добровольно для нацистов своих границ не раскрывала. Также уникальным явлением стало и принятие финским руководством решения о возможности Германии создать из граждан страны нацистские формирования. Дело в том, что ни одно из независимых государств до этого не участвовало в организации немецких эсесовских войск. Подобные подразделения начали тогда создаваться лишь в оккупированных странах, таких как Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия. Попытка же Германии летом 1941 г. наладить вербовку, скажем, добровольцев в Швеции встретило в Стокгольме явно негативную реакцию. Там немецким представителям было заявлено, что «Швеция не разрешит своим гражданам включиться в какую-либо иностранную армию» /26/.

Финляндия, таким образом, на государственном уровне оказалась первой страной мира, которая добровольно пошла тогда на столь идеологически компрометирующий себя шаг,

призванный «показать по замыслу Гимmlера общеевропейское стремление уничтожить коммунизм» /27/. Именно в этом ключе и началось рассмотрение идеи создания из граждан Финляндии эсесовских формирований.

Конкретно, уже в конце 1940 г. данную проблему стали «аккуратно» поднимать в руководстве СС перед финскими высокопоставленными военными представителями, прибывавшими в это время в Берлин. Связанно это было с тем, что как раз тогда в рейхе решался вопрос об образовании новой эсесовской дивизии, которая должна была частично состоять из иностранных волонтеров, имеющих арийское происхождение. 21 декабря 1940 г. А. Гитлер уже официально объявил о создании этой дивизии. Она получила звучное название «Викинг» /28/. И вот тогда, как считает профессор М. Йокиппи, вначале еще в октябре, а затем уже в декабре, вопрос о включении финского контингента в эту дивизию стал обсуждаться, в частности, с генералом Х. Эстерманом, который в 1930-ые гг. занимал должность командующего финской армией и был весьма влиятельной персоной в армейских кругах Финляндии /29/.

Очевидно, что эсесовцы принялись в это время осуществлять соответствующее активное зондирование позиции Хельсинки и, по мнению немецких дипломатов, здесь «Гимmlер к Финляндии проявлял особый интерес» /30/, а в создании финских войск СС он даже видел, «соответствующую настоящему времени, политическую модель» нацистской Германии /31/. В результате Финляндия стала одной из первых стран, на которую устремил свои взоры Берлин.

То, что именно финны вначале оказались объектом пристального внимания со стороны нацистов есть также определенное историческое объяснение. Дело в том, что еще за несколько месяцев до начала прощупывания финского руководства на предмет создания в Финляндии частей СС, в Германии стали замечать, что Хельсинки явно пытается демонстрировать свое желание развивать тесные контакты с рейхом.

Так, 4 июля 1940 г. министр иностранных дел Финлян-

дии Р. Виттинг с восторгом сообщал В. Блюхеру, что «у населения Финляндии дружественные настроения к Германии нарастают подобно лавине». Далее он добавил, что «существуют взгляды о необходимости создания правительства, которое исключительно было бы сориентированное на Берлин» /32/. Столь серьезное заявление министр иностранных дел конкретизировал еще утверждением о том, что в Финляндии считают, что ее войска «с помощью немецких армий могли бы через несколько-ко месяцев вернуть территорию, которая перешла к России» /33/.

Естественно, что в рейхе, где уже приступили к продумыванию возможных перспектив нападения на СССР, подобные взгляды выглядели крайне обнадеживающими. Они указывали немцам на то, как заметил профессор М. Менгер, что «финская перспектива давала благоприятные возможности» для подготовки Германии похода на Восток с использованием северного плацдарма /34/. Финляндское же руководство всячески эту мысль поддерживало. В этом отношении примечательной оказалась беседа, состоявшаяся между Виттингом и Блюхером 2 августа 1940 г. В ходе нее финский министр иностранных дел в «чисто философском плане» предложил возможность вообще организовать встречу его и премьер-министра Р. Рюти с А. Гитлером или И. Риббентропом. Причем предметом их переговоров должен был стать вопрос о кардинальном усилении взаимодействия Германии и Финляндии /35/.

Это столь смелое и одновременно достаточно неконкретное предложение Блюхер решил для себя прояснить уже «из других источников» и вскоре узнал просто ошеломляющую информацию. Вот что он в этой связи срочно тогда сообщил в Берлин: «Я не получил от г-на Виттинга четких сведений, о чем представители финского правительства собираются говорить в Берлине. Но я узнал из другого источника, что они желали бы достигнуть договоренности... относительно их собственной территории, которая бы значительно потеряла свой суверенитет в пользу Германии» /36/.

Эти сведения в Берлине были квалифицированы, как

представившаяся для рейха «историческая возможность» резкого усиления немецко-финского сотрудничества. Блюхер считал, что «было бы непростительно отклонять финское предложение, если оно последует» официальным порядком /37/. Тем не менее, дальнейшего развития данная инициатива не получила. Финляндское руководство по этому поводу никаких официальных действий далее не предпринимало. Да и нацисты тоже считали, что «время для такой поездки еще не пришло» /38/.

Показательным все же оказалось то, что информация, которая тогда поступила из Хельсинки дошла до самых верхов Германии и ее очень хорошо запомнили. Даже весной 1942 г. об этой инициативе вспомнили, причем заговорил об этом сам фюрер. Гитлер тогда сказал, что одно время «финны напрашивались на протекторат Германии» /39/, но нацистское руководство тогда было не в состоянии пойти на подобный шаг, не рискуя вызвать нежелательную реакцию и подозрение у СССР. Гитлер достаточно определенно раскрыл впоследствии суть политики, которая тогда формировалась в рейхе. Он сказал: «После своей первой войны с русскими», финское руководство предложило ему «превратить их страну в германский протекторат». Но, как выразился фюрер, он «не жалеет, что отказал им... Было гораздо правильнее, чтобы такой героический народ по-прежнему был нашим союзником, а не пытаться включить его в состав Германского рейха, поскольку это ничего, кроме трудностей, не дало бы» /40/.

Таким образом воспользоваться летом 1940 г. столь решительной позицией финского руководства в Берлине все же решились. Однако, проявившиеся в Хельсинки тогда взгляды, позволяли нацистам уже надеяться, что существуют перспектива идеологического усиления своего влияния в Финляндии. Яркой же демонстрацией этого, как раз и могло стать включение в состав нацистских войск СС представителей этой страны.

Поэтому, еще до начала создания финских эсесовских частей нацисты сумели организовать в Финляндии опросы среди

прогермански настроенных кругов и «выяснилось, что в стране достаточно добровольцев, чтобы сформировать из них по крайней мере, один батальон ваффен-СС» /41/. Единственное, что, очевидно, смущало обе стороны, было явное не арийское происхождение финно-угорских народов, которое не позволяло в чисто теоретическом плане служить гражданам Финляндии в эсесовских войсках. Поэтому вначале, нацисты планировали комплектовать здесь части СС преимущественно из финляндцев шведского происхождения, рассматривая шведов в качестве «образца в расовом отношении» и надеясь, что в подразделениях, которое здесь будет разворачиваться, финских шведов окажется значительно больше чем собственно финнов /42/.

При такой постановке вопроса, окончательно, идея создания из граждан Финляндии воинских формирований СС, наконец, была в рейхе поддержана. Конкретно, 30 января 1940 г. на это дал свое согласие Г. Гиммлер, а затем, спустя чуть меньше месяца, 20 февраля - уже сам фюрер /43/. Только после принятия нацистами решения на самом верху его сообщили руководству Финляндии.

1 марта 1941 г. к финскому посланнику в Берлине Т. Кивимяки официально обратился начальник главного управления СС обергруппенфюрер Г. Бергер, который считался «главным специалистом по расовому отбору кандидатов в СС» /44/. Он выразил финскому дипломату надежду «для сближения отношений между Финляндией и Германией» необходимо начать создание на финской территории эсесовской части. Более того, Бергер подтвердил, что рейхсфюрер Г. Гиммлер уже «дал свое согласие на включение финнов в войска СС» /45/.

В итоге, очевидно, что на данном историческом этапе для нацистов не представляло никакой загадки отношение к сделанному предложению финского руководства. Из Берлина лишь дали понять, что Финляндии следует теперь более решительно, «делами подтвердить свое желание в отношении Германии следовать немецким курсом», поскольку демонстрации отношений лояльности к нацизму с помощью только «пропагандистских

выступлений отдельных лиц... недостаточно» /46/.

Тем не менее, любопытным при этом было еще и то, что в немецком руководстве наряду с предложением о необходимости образования финских эсесовских частей одновременно начали усиленно обещать в качестве награды за такую преданность Третьему рейху новые территории для Финляндии. Конкретно сообщалось, что «Германия в войне против России будет заботиться о том, чтобы Финляндия не только вернула свои прежние границы, но и установила границы там, где она сама захочет». Этот аргумент, как считает финский исследователь профессор М. Йокипи «был действительно сильный» /47/.

В Хельсинки вопрос о формировании из финнов эсесовских частей стал непосредственно обсуждаться с маршалом К. Г. Маннергеймом, который, собственно, и дал свое согласие на начало данной работы /48/. Это означало, что Маннергейм лично санкционировал решение, которое передавало Германии право из финских граждан создавать иностранному государству свои войска. Причем на всех военнослужащих СС распространялась директива, предполагающая что: «национал-социалистическая идеология должна быть господствующей» и «каждый эсэсовец должен быть готовым слепо выполнять любой приказ, отданный его вышестоящим начальством или фюрером, невзирая на те жертвы, которые могут при этом потребоваться» /49/. Таким образом, этим решением финский маршал добровольно позволял выводить из своего подчинения созданные в Финляндии воинские формирования эсесовского образца.

После же принятого решения, вскоре, 15 марта 1941 г. для уже непосредственной организации необходимой подготовки к проведению соответствующих мероприятий, в Хельсинки прибывает из Германии полковник П. Дахм. Он до этого уже занимался подобными вопросами на территории оккупированной нацистами Голландии и Норвегии. Но специфика нового для него назначения состояла в том, что Финляндия являлась независимым государством. Поэтому он отправился в данную командировку конспиративно, надев при этом штатский

костюм /50/. Очевидно, пока ни немцы, ни финны не собирались еще афишировать начинающуюся работу и эта тенденция в организации эсесовских войск в Финляндии сохраниться практически до самого начала Великой Отечественной войны.

С другой стороны было ясно, что финским руководством для нацистов открывалась явная перспектива начала свободной работы по формированию в стране эсесовских частей. Как по этому поводу отметил известный финский государственный и политический деятель, член комиссии парламента по иностранным делам того времени К. О. Фритч, «...немцам не нужно было создавать в Финляндии скрытую пятую колонну...поскольку официальные круги Финляндии сами слишком охотно стремились к сотрудничеству с немцами...» /51/.

Это утверждение можно четко подтвердить еще и тем, что непосредственную организацию вербовки в СС финской молодежи поручалось прежнему начальнику сыскной (политической) полиции Финляндии майору Э. Риекки. Он занимал столь ответственный государственный пост с 1923 по 1938 гг. После же его нового назначения, он для получения соответствующих инструкций срочно, 17 марта, был отправлен в Берлин /52/.

Затем, 26 марта, через несколько дней после того, как Риекки вернулся из Германии, ему в помощь был создан в Финляндии еще один некий неофициальный комитет. Причем, как заметил Фрич, сразу же стала заметна «правительственная поддержка комитета, который получал соответствующие средства из государственных фондов, прежде всего, из министерств обороны и иностранных дел» /53/. В комитет к тому же были включены как деятели правых политических организаций, так и представители финских государственных структур: сотрудники полиции, а также военнослужащие. Кроме того, в комитете оказались видные деятели крупного капитала, которые должны были, очевидно, также помогать решать финансовые вопросы, связанные с работой по вербовке в СС, которая тогда начала разворачиваться по всей Финляндии /54/.

Созданный при Риекки комитет к тому же наладил прямые контакты с Германией и принялся вести с эсесовским руководством переговоры, которые должны были определить статус финских войск в составе СС. Риекки считал, что «Финляндия является единственной свободной страной, которая предоставила Германии волонтеров и поэтому новобранцы должны были принципиально отличаться по их положению от тех, которые набирались в оккупированных стран» /55/. Конкретно, в Хельсинки просили образовать самостоятельное эсесовское подразделение, а также принятие финскими военнослужащими своей собственной присяги, которая отличала бы это формирование от других частей СС /56/. Подобные условия казались вполне объяснимы с точки зрения Финляндии, поскольку в тексте присяги, в частности, указывалось, что, поступающий на службу в СС новобранцы, обязаны были дать клятву «в верности и отваге» самому фюреру /57/.

В Германии стремились, естественно, не обострять своих отношений с финским руководством. Эсесовцам, в частности, рекомендовалось «избегать любых поступков, которые могли бы ущемить...национальную гордость» финнов /58/. В свою очередь, Гиммлер ясно дал понять, обращаясь к иностранным легионерам СС: «Все, что мы от вас просим, так это чтобы вы следовали идеям высшей расы и ее историческому идеалу, что является единственной и восхваляющей силой, скрепляющей Германский рейх» /59/.

Поэтому, в Хельсинки срочно был направлен еще один эсесовский представитель, который провел серию переговоров с тем, чтобы избежать перспективы принятия руководством СС каких либо условий от Финляндии. В конечном итоге по рекомендации министра иностранных дел Р. Витинга было решено вербовку финнов в СС начать без промедления и без каких либо специальных официальных соглашений или условий /60/.

Иными словами работа закипела. 7 апреля Риекки уже провел первое совещание с тридцатью вербовщиками, пробывшими в Хельсинки из различных районов страны /61/. Это был

далеко не полный аппарат, столь стремительно создававшийся тогда в Финляндии организации, целью которой стала масштабная задача: официально развернуть пропаганду нацистских идей, а также наладить запись и последующий затем отбор желающих служить в немецких войсках СС.

Эта задача требовала разветвленной системы работы с финским населением. На самом деле, в стране появилось до пятидесяти вербовщиков, которым начали помогать еще соответствующие «активисты», приступившие к работе буквально по всей территории страны. При этом с целью пропаганды вступление в эсесовские войска, агитаторы стали использовать чисто исторические аналогии из недавнего прошлого Финляндии, когда в годы Первой мировой войны в Германию переправлялись добровольцы из которых затем был сформирован егерский батальон, брошенный затем немецким командованием на восточный фронт против русской армии. Теперь же, начавшуюся запись в германские эсесовские войска, принялись также именовать не иначе как начало некоего «нового егерского движения», а добровольцы набирались исключительно для боевых действий против Советского Союза.

Условиям же приема в войска СС оставалось, однако, лишь «арийское происхождение» претендента, которому при этом давалось обещание, что с принятием его в эсесовские части и служба там в течении четырех лет, даст ему «право на немецкое гражданство, а также на работу на железных дорогах, в почтовом ведомстве, таможне» или других подобных учреждениях рейха. Кроме того, отслужившие в СС лица также обретали право «на получение именина площадью в 25 га в удобных для земледелия районах» /62/, т.е. на захваченных нацистами территориях Восточной Европы.

Далее, определив принципы приема в эсесовские части, 9 апреля при Риекки в Хельсинки было образовано еще одно специальное учреждение - бюро, которое окончательно рассматривало и принимало решение по отбору добровольцев, достойных проходить службу в немецких частях СС. В процессе отбо-

ра там особо обращали уже внимание на медицинские показания добровольцев и предпочтение делалось тем, кто имел «арийские черты» /63/. Кроме того, бюро получало из государственной полиции необходимые сведения о добровольцах, с тем, чтобы не допустить проникновение в СС сторонников, скажем, коммунистических взглядов /64/.

Само же это бюро разместилось в центре города и, как начали замечать тогда жители финской столицы, - «...Туда все время шли люди. Студенты, школьники и т. п. Они с воодушевлением записывались в это новое “егерское движение”» /65/. Действительно, объективно, при соответствующей поддержке государства у созданной группы специальных вербовщиков, не было никаких особых проблем. Более того, как указывал Т. Кивимяки, тогда начали уже «среди финской молодежи проявлялись нацистские настроения» /66/.

Единственное, что при этом у эсесовцев пока не получалось, заключалось в том, что собственно шведское, т.е. «арийское» население Финляндии особого интереса к новому «егерскому движению» не испытывало. Но, как заметил не без иронии германский дипломат работавший в Хельсинки, Х. Метцер, «видимо, лидеры СС решили не беспокоить великогерманский головной мозг такими мелкими вещами» /67/. Поэтому начали записывать в СС в основном финнов. Здесь у немецких медиков, которые собственно и занимались проводившимся отбором, начали, тем не менее, возникать «проблемы». Услуги некоторых из добровольцев пришлось сразу же отвергнуть, «поскольку у них были обнаружены “славянские черепа”» /68/. В целом, «однако, - как отметил профессор М. Йокипии, - новобранцы, по отзыву немецких врачей, были столь хороши, что их старые представления о распространении “северной расы” среди финнов претерпели существенную корректировку» /69/.

Более того, была решена и проблема, связанная с существовавшими в стране устойчивыми социал-демократическими взглядами. Невзирая на то, что в рейхе членов СДПГ подвергли преследованию, которые проводились зачастую именно

эсесовцами, лидеры СДПФ стали все же «разделять» идею необходимости создания на территории Финляндии подобных войск. Еще 31 марта 1940 г. руководитель финских социал-демократов В. Таннер выразил свое согласие поддержать линию правительства страны на формирование финских подразделений СС и даже не возражал против всей этой кипучей деятельности, начавшейся тогда по организации записи добровольцев /70/.

Благосклонное отношение социал-демократов к проводившейся в Финляндии эсесовской вербовке выразилась еще и в том, что бывший же секретарь партии К. Лехмус вообще вошел в неофициальный комитет по оказанию помощи Риекки /71/. К тому времени Лехмус уже работал в качестве офицера в ставке Маннергейма и таким образом в этом комитете представлял военные структуры государства. Более того в течении четырех недель до начала организации работы комитета Лехмус был направлен в Германию, где ему, естественно, и рассказали о специфике стоящей перед комитетом задач /72/.

Естественно, Лехмус весьма обстоятельно информировал о работе комитета Маннергейма, который, по его словам, «просто слушал, и ни в какие с ним дискуссии или обмен мнениями не вступал» /73/. Тем не менее, уже тогда в среде финских социал-демократических функционеров вынуждены были сожалеть, что их партийное руководство «несет моральную ответственность за происходившие события», связанные с формированием эсесовских частей, а в Финляндии дело может пойти до того, что «президент вообще провозгласит в стране нацизм» /74/.

В целом набор добровольцев шел весьма энергично. Уже 6 мая первая партия претендентов, прошедших все стадии отбора, из Турку на немецком корабле отбыла в Германию. С этого момента из Финляндии отправка завербованных в эсесовские войска волонтеров началась проводиться регулярно и продолжалась целый месяц /75/. При этом, чтобы не афишировать начавшуюся транспортировку новобранцев, их официально определяли в рейх в качестве как бы рабочей силы «для немецкой

военной промышленности» /76/. Более того, отъезжавшие не имели при себе никаких необходимых для пересечения финской границы документов, что грубо нарушало законодательство страны.

Этот факт стал однако сразу же достаточно хорошо известен. В результате, на заседании комиссии финского парламента по иностранным делам, проходившем в середине мая, депутатами парламента была предпринята попытка, выяснить у главы МИДа Финляндии Р. Виттинга причину происходящего. В частности, тогда было отмечено, что финские «парни без паспортов и прочих документов проходят на немецкие суда... и беспрепятственно отбывают на некую патриотическую службу» в Германию. Однако Виттинг ничего вразумительного в ответ на это не произнес /77/.

Не произнес он ничего разъясняющего и тогда, когда министр внутренних дел Э. Борн специально указал ему на то, что «надо все же соблюдать финские законы и не выпускать за пределы страны людей без паспортов». Министр иностранных дел в ответ лишь отшутился, назвав Борна «буквоедом» /78/. Но, а сам Борн вынужден был для себя признать очевидный факт, что у «нового егерского движения» есть «высокие покровители» /79/. Таким образом, государство сознательно обеспечивало нарушение эсесовскими добровольцами элементарных правил пересечения финской границы. Очевидно, что это делалось исключительно в целях соответствующей конспирации.

В результате активной поддержки со стороны государства в апреле-мае 1941 г. процесс вербовки в войска СС начал явно набирать обороты. Весьма стремительно в эсесовские части записалось до 1566 кандидатов, из которых затем в Германию все же было отправлено, после соответствующего отбора похожих на арийцев, лишь 1226 человек /80/. Это, таким образом, было очень неплохим результатом и, фактически, приводило к тому, что немцам удалось достаточно быстро завербовать столько финнов, что из них можно было создать уже целый батальон.

В столь благоприятных условиях для формирования в Финляндии частей СС, германское руководство посчитало возможным продолжить развертывание «егерского движения» и приступить уже к формированию здесь эсесовского полка, который должен был войти в состав все той же пятой дивизии ваффен-СС «Викинг». Этот полк планировали назвать «Суоми» и он должен был состоять из одного шведоязычного и двух финноязычных батальонов /81/. Уже 9 мая Гиммлеру было доложено о возможности в Финляндии «добиться формирования полномасштабного полка» /82/. Однако развить эту идею все же не удалось. И опять таки в процессе торможения немецкой идеи сыграло не последнюю роль финское государство.

В начале, руководство страны активно поддержало эту инициативу. Но развертывание для нужд Германии все новых и новых формирований вступало в явное противоречие с собственной энергичной подготовкой Финляндии к новой войне с СССР. В Хельсинки не могли не понимать, что, помогая формировать для Германии из финнов воинские части, руководство страны своими же руками ослабляет собственный военный потенциал. Финское военное руководство к нападению на СССР готовилось серьезно и в итоге отмобилизовало в армию к началу войны до 17 процентов населения /83/. Поэтому не случайно, начальник генерального штаба финской армии Э. Хейнрикс уже 4 июня начал проявлять беспокойство и ставить вопрос о том, чтобы вообще «возвратить финских добровольцев войск СС в Финляндию», объясняя это потребностями в военнослужащих в самой финской армии «в связи с предстоящей войной» /84/.

Более того, начала нарастать волна недовольства и среди представителей политических партий, которые все более и более стали узнавать о формировании финских эсесовских войск и явно этого не принимали, поскольку отнюдь не симпатизировали идеи усиления нацистского влияния в Финляндии.

Так уже 27 мая 1941 г. произошла весьма острая дискуссия в стенах парламента. В ней приняли участия депутаты парламента от социал-демократической партии и Аграрного союза.

Том прямо звучали заявления, относительно финских добровольцев в войсках СС, что «Германия хочет подготовить этих людей в чисто политическом плане» и «вербует их не для себя,...а для того, чтобы с их помощью подготовить фашизацию Финляндии». Далее развивая эту мысль, указывалось: «получив нацистскую подготовку, эти господа будут в Финляндии действовать в пользу германской системы», поэтому выдвигалось перед правительством требование «вербовку более не продолжать» /85/.

В конечном итоге на рубеже начала лета 1941 г. в руководстве страны пришли к выводу, что дальнейший процесс развертывания работы вербовочных пунктов для эсесовских войск не совсем целесообразен и эта деятельность начала плавно сокращаться /86/. Таким образом, формирование полка СС так и не случилось. Единственное, что тогда в Финляндии вынуждены были официально признать, что финны, выехавшие в Германию, отправлялись туда не для «работы на военных предприятиях», а являются «добровольцами ваффен-СС, проходящими воинскую службу» /87/.

Теперь центральным становилась их дальнейшая судьба, поскольку в действительности, прибывшие из Финляндии добровольцы, не всегда получали то, о чем они мечтали, когда записывались в СС.

1. Куусинен О. В. Избранные произведения (1918 - 1964). М., 1966. С. 237.
2. Барышников Н. И., Барышников В. Н. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1985. С. 35; Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989. С. 148.
3. Mikola K.J. Poliitikkaa pataljoonana voimin//Historiallinen Aikakauskirja. 1969, № 4-1. S. 336.
4. См.: Семенов К. К. Иностраные добровольческие легионы и корпуса СС на Восточном фронте//Крестовый поход на Россию. М., 2005; Семенов К. К. Дивизии войск СС. История организации, структура,

боевое применение. М., 2007; Акунов В. Дивизия СС «Викинг». История Пятой танковой дивизии войск СС. 1941 - 1945 гг. М., 2006; Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС Викинг, 1941 - 1945. М., 2006; Йокипии М. Финляндия на пути к войне. Петрозаводск, 1999.

5. См., например, указ. соч. В. Акунова «Дивизия СС “Викинг”, в котором в наибольшей степени содержатся материалы, заимствованные из работы Р. Батлера «SS-WIKING. История пятой дивизии СС Викинг, 1941 - 1945».

6. См.: Йокипии М. Финляндия на пути к войне. С. 112 - 121 (перевод с фин. яз.: Jokipii M. Jatkosodan synty. Hels., 1987. S. 187 - 207). В оригинальном издании, в частности, правильно указывается время официального начала финско-германских переговоров по поводу создания на территории Финляндии войск СС (Jokipii M. Jatkosodan synty. Hels., 1987. S. 190), тогда как в переводе эта дата представлена неверно (Йокипии М. Финляндия на пути к войне. С. 113). В переводе присутствуют и иные существенные отклонения от оригинального текста и по другим весьма важным фактам (См.: Там же).

7. См.: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pataljoonan historia. Hels., 1969 (переиздана: Porvoo, 1996); Jokipii M. Jatkosodan synty; Jokipii M. Hitlerin Saksa ja sen vapaehtoisiikkeit: Waffen-SS:n suomalaispataljoona vertailtavana. Porvoo, 2002; Jokipii M. Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa//Jatkosodan pikkujättiläinen. Hels., 2006; Manninen O. Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolsevismia vastaan. Pohjosmaisten SS-joukkoen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa//Sotilasaikakauslehti. 1981; Jalonen J. Kolmannen valtakunnan idänsota-retki suomalaisen jääkäriupseerin esikoisen silmin//Sotahistoriallinen Aikakauskirja. 2008. № 27 и др.

8. См.: Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 188.

9. Пленков О. Ю. Третий Рейх. Нацистское государство. СПб., 2004. С. 109.

10. См.: Kivimäki T.M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. Porvoo-Hels., 1965. S.211.

11. Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: UM). 110. G 12. Lähetet № 12, 13, 30.

12. Ibid. Suomen ulkopolitikan selvittelykomitean mietintö 12.07.1945.

13. См.: Kallenautio J. Suomi katsoi eteensä. Hels., 1985. S. 150.

14. Wuorimaa A. Lähettäläänä Hitlerin Saksassa. S. 60; Hiedanniemi B.

Kulttuuriin verhottu politiikka. S. 102-104.

15. UM. 5 C 5. Berlinin-lähetystön raportti. 5. 6.1935.

16. Metzger H. Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. Hels., 1984. S. 247.

17. Blücher W. Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935-44. Porvoo-Hels., 1951. S. 40; См. также: Hiedanniemi B. Kulttuuriin verhottu politiikka. S. 87.

18. Цит. по: Kemiläinen A. Suomalaiset, outo pohjolan kansa: Rotuteoriat ja kansallinen identiteetti. Hels., 1993. S. 288.

19. Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 23.

20. Peltovuori R. O. Saksa ja Suomen talvisota. S. 18.

21. Wuorimaa A. Lähettäläänä Hitlerin Saksassa. S. 27.

22. Documents on German Foreign Policy. P. 562 (Далее - DGFP...).

23. Ibid. P. 604, 606.

24. См.: Soikkanen T. Kansallien eheytyminen - myytti vai todellisuus? S. 225.

25. Suomi J. Urho Kekkonen 1936 - 1944. Myrrysmies. Keuruu, 1986. S.108.

26. Manninen O. Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolsevismia vastaan. Pohjosmaisten SS-joukkoen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa. S. 782.

27. Семенов К. К. Иностранные добровольческие легионы и корпуса СС на Восточном фронте. С. 461.

28. Батлер Р. Указ. соч. С. 42.

29. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 189.

30. Blücher W. Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935-44. Porvoo-Hels., 1951. S. 301.

31. Metzger H. Op. cit. S. 243.

32. DGFP... . Vol. X. P. 121; Blücher W. Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935-44. S. 200.

33. Ibid.

34. Menger M. Op. cit. S. 78.

35. DGFP... . Vol. X. P. 406.

36. Ibid.

37. Ibid.

38. Ibid. P. 424

39. Manninen O. Suur-Suomen ääriiviivat. Hels., 1980. S. 140.

40. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1997. С. 173.

41. Батлер Р. Указ. соч. С. 19, 21.
42. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 200.
43. Ibid. S. 190; Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo-Hels.-Juva, 1984. S. 73.
44. Батлер Р. Указ. соч. С. 14.
45. Kivimäki T.M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. S. 209 - 210.
46. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 193.
47. Ibid.
48. Kivimäki T. M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. S. 210. Показательно, что сам Маннергейм пытался этот факт в своих воспоминаниях отрицать (см.: Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999. С. 365 - 366), хотя последующий ход развития событий указывает на то, что он был одним из ключевых фигур в решении проблемы формирования финских эсесовских частей.
49. Батлер Р. Указ. соч. С. 18.
50. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 194.
51. Frietsch C. O. Suomen kohtalonvuodet. Hels., 1945. S. 320.
52. Jokipii M. Jatkosodan synty. S.191.
53. Frietsch C. O. Op. cit. S. 350.
54. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 193.
55. Jokipii M. Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa. S. 58.
56. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 193.
57. Батлер Р. Указ. соч. С. 19; Metzger H. Op. cit. S. 247.
58. Батлер Р. Указ. соч. С. 21.
59. Цит. по: Там же. С. 14.
60. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 198.
61. Ibid. S. 194.
62. Voionmaa V. Kuriiripostia 1941 - 1946. Hels., 1971. S. 31.
63. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 200.
64. Ibid. S. 198.
65. Voionmaa V. Op. cit. S. 26.
66. Kivimäki T. M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. S.211.
67. Metzger H. Op. cit. S. 247.
68. Voionmaa V. Op. cit. S. 33.
69. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 200.
70. Ibid. S. 194, 200; Käymme ommaa erillistä sotaamme". Risto Rytin päiväkirjat 1940-1944. Hels., 2006. S.75.
71. Lehmus K. Kolme kriisiä . Hels., 1971. S. 43.

72. Rislakki J. Erittäin salainen.Vakoilu Suomessa. Hels., 1982. S. 171.
73. Lehmus K. Kolme kriisiä . S. 44.
74. Voionmaa V. Kuriiripostia 1941 - 1946. S. 32, 29.
75. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 201.
76. Frietsch C. O. Op. cit. S. 351; Батлер Р. Указ. соч. С. 21.
77. Voionmaa V. Kuriiripostia 1941 - 1946. S. 26; Frietsch C. O. Suomen kohtalonvuodet. S. 351.
78. Voionmaa V. Kuriiripostia 1941-1946. S. 27.
79. Frietsch C.O. Suomen kohtalonvuodet. S. 350.
80. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 200.
81. Ibid. S. 202.
82. Ibid.
83. Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во второй мировой войне. С. 154.
84. Manninen O. Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolseivismia vastaan. Pohjosmaisten SS-joukkojen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa. S.784; Metzger H. Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. S. 247.
85. Voionmaa V. Kuriiripostia 1941 - 1946. S. 33 - 34.
86. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 203, 207.
87. Menger M. Op. cit. S. 107.

III. Научные сообщения.

Т. А. Худякова

Образ Бенджамин Франклина в русской детской литературе XIX в.

Бенджамин Франклин, являясь одной из самых примечательных фигур мировой истории XVIII столетия, безусловно, был интересен не только узкому кругу специалистов-историков, но и авторам-беллетристам, писавшим в том числе и для детей, поскольку выдающиеся деятели прошлого всегда привлекали внимание педагогов в качестве образцов для подражания. В данной статье мы рассмотрим, каким образом трактовали жизнь Б. Франклина в детских книгах, издававшихся в Российской империи в XIX в.

В 1862 г. вышла книга Марии Федоровны Ростовской «Веньямин Франклин» /1/. Среди ее сочинений - ряд нравоучительных рассказов для маленьких детей, а также биографии известных личностей, например, Брюллова, Державина, Хемницера. Предполагаемой аудиторией книги, посвященной Франклину, является юношество. Неоспоримое ее достоинство в том, что в предисловии к изданию автор указывает примерный список использованной литературы: М. Ростовская опиралась на американские источники и монографии, посвященные великому ученому, а также на архивные материалы. Во многих других работах российских авторов изучаемого нами периода отсутствуют библиографии, ссылки, то есть нет научного аппарата в современном его понимании.

М. Ростовская предпочитает давать многие фамилии во французской транскрипции. Вероятно, это связано с повсеместным распространением французского языка в Российской Империи. Большое внимание уделяется книгам, которые в детстве читал Франклин, которые формировали его мировоззрение. Это более характерно для исследователей XX в., нежели для рас-

сматриваемого периода.

В книге приводится множество цитат из «Автобиографии» Бенджамин Франклина, его писем и различных статей. Таким образом М. Ростовская стремится продемонстрировать на ярких примерах положительные черты франклиновского характера, показать, как они влияли на его видение мира, а следовательно, и на переустройство окружавшей его действительности.

М. Ростовская пытается проанализировать религиозные взгляды Франклина. Она пишет, что с детства пуританская религия «не была в глазах ребенка чем-нибудь примиряющим людей, но напротив, причиной ссор, гонений и ненависти» /2/, что она не удовлетворяла потребностей его души. Автор не пробует предложить собственную интерпретацию нравственных и духовных убеждений Франклина. М. Ростовская цитирует его «Автобиографию» и предлагает читателю самостоятельно составить мнение по этому непростому вопросу. В продолжение темы автор рассказывает о «13 заповедях». Крайне интересно отметить, что почти все авторы книг о ФранкLINE в это время считали своим долгом поместить в свои работы табличку, в которую Франклин заносил результаты своего труда над развитием в себе той или иной добродетели.

В целом можно сказать, что труд М. Ростовской занимает особое место в перечне работ этого периода, посвященных Франклину. Во-первых, в нем сообщается ряд сведений, которые мало упоминались в XX в. при расцвете отечественной американистики. Во-вторых, эта книга имеет пусть слабый, но научный аппарат. В-третьих, хотя сочинение рассчитано на читателей детского и юношеского возраста, главный акцент в нем ставится не на назидательную сторону, а на примечательные моменты из жизни великого ученого. Кроме того, М. Ростовская предлагает читателю пищу для размышлений, заставляя задуматься над неоднозначными вопросами деятельности Франклина. К недостаткам книги можно отнести то, что она не структурирована, не разделена на главы.

Одна из многих в ряду работ, выходявших в XIX в. и посвященных биографиям великих людей, - книжка А. Хребтова «Вениамин Франклин», изданная в Петербурге в 1875 г.

Свой рассказ о Франклине А. Хребтов предваряет вводной частью, в которой он повествует об открытии Америки и создании колоний, жизни первых переселенцев. Язык изложения очень прост, почти примитивен.

Немалую часть книги автор посвящает детству Бенджамина Франклина, адаптируя для детского восприятия известные факты его биографии. Он приводит различные поучительные случаи из его жизни с целью примера и наставления детей. Целая глава отведена автором для анализа составленных Франклином правил нравственности. Интересен тот факт, что некоторые имена собственные в книге даны во французском варианте. Например, девичью фамилию матери Франклина - Фолгер - автор передает как Фольжье /3/. Подобное встречается в работе М. Ростовской /4/.

Вероятно, книга выполняла в то время свою цель - стать назиданием для подрастающего поколения, однако она не представляет научной ценности.

Также для детской аудитории предназначалась книга А. Любимова, опубликованная в журнале «Детский отдых» в 1881 года /5/. Позднее был сделан оттиск из этого журнала и издан отдельной книжкой.

Эта биография не является произведением художественного жанра, это околонуточный очерк, в котором достаточно последовательно и структурированно описывается жизнь Франклина. Несмотря на то книжка рассчитана на детей, ее большая часть посвящена зрелым годам Франклина, его деятельности на общественном и политическом поприще.

Книга разделена на восемь частей. Отдельная глава посвящена нравственному усовершенствованию Б. Франклина. Примечателен тот факт, что автор упоминает о «нравственной алгебре» американского гуманиста, описывает способы, которыми пользовался Франклин при работе над собой. Этот момент

франклиновского мировоззрения встречается в историографии XX в., однако в литературе изучаемого периода - это первое упоминание.

Одним из минусов книги является следующий эпизод. А. Любимов утверждает, что «Франклин хотел поссорить своего друга Ральфа с той девушкой, на которой тот хотел жениться, чтобы самому жениться на ней» /6/. Однако в «Автобиографии», которая, вероятно, служила автору источником для подобного утверждения, сам Б. Франклин писал об ином развитии событий /7/. По крайней мере, он не говорит о том, что преднамеренно вступил в тесные отношения с невестой Ральфа.

Не менее интересен труд А. П. Мунт-Валуевой /8/, посвященный биографии Франклина. Анна Петровна Мунт-Валуева (1856 - 1902) училась на Педагогических курсах, была учительницей в учрежденной при них прогимназии, а также в Женской гимназии княгини Оболенской. Она активно сотрудничала в детских журналах, издавая в 1882 - 1893 гг. серию биографических книжек под общим заглавием «Нашему юношеству - рассказы о хороших людях». Из-под ее пера вышли биографии Джорджа Вашингтона, Христофора Колумба, Авраама Линкольна, адаптированные для детского и юношеского возраста. Книга, посвященная Франклину, выдержала несколько изданий. Ее рекомендовали для чтения в городских училищах, духовных учебных заведениях, кадетских корпусах.

Эту книгу скорее можно отнести к художественной прозе, нежели к научной биографии. В ней присутствует множество диалогов, она написана простым и доступным языком. Немалая часть книги посвящена юношеским годам Б. Франклина, что закономерно для издания, рассчитанного на детей. Интересен тот факт, что Мунт-Валуева приводит не общепринятый вариант истории про свисток, произошедшей с Франклином в детстве: во-первых, в пересказе Валуевой Бенджамин более старшего возраста, во-вторых, она утверждает, что свисток был куплен им на деньги, сэкономленные при приобретении книг, хотя сам Франклин описывал несколько иное развитие событий /9/.

Отдельную главу автор посвящает типографской деятельности будущего отца-основателя. Интересен тот факт, что Мунт-Валуева приводит весьма оригинальное написание фамилии Сэмюэля Кеймера - работодателя Франклина в Филадельфии - она называет его Кимером. Кроме того, автор рассказывает о том, что, начав издавать «Альманах бедного Ричарда», он «не продавал его за деньги, а обменивал на старые тряпки» /10/, положив тем самым начало открытию бумажных фабрик в колониях. Это можно считать еще одним прогрессивным начинанием Франклина. Из этого Мунт-Валуева делает вывод, что таким образом Б. Франклин научил своих соотечественников обходиться без английской бумаги и журналов, «как бы подготавливая их к тому, чтобы они могли впоследствии обойтись и без английского управления» /11/.

В книге есть глава под названием «Записная книжка», в ней А. П. Мунт-Валуева анализирует список качеств, которые стремился выработать в себе Франклин. Автор призывает всех юношей заниматься совершенствованием по примеру великого американца.

В целом можно считать данное сочинение весьма примечательным образцом жанра, оно не зря было рекомендовано для полезного чтения в учебных заведениях. Конечно, в нем есть недостатки, например, излишняя беллетризация, однако это было характерно для того времени.

На эту книгу существует рецензия /12/, опубликованная в 1892 г. в педагогическом журнале «Воспитание и обучение». Автор рецензии И. И. Феоктистов заведовал в этом журнале отделом по вопросам детской литературы. В рецензии он говорит о том, что эта работа обратила на себя внимание критиков, поскольку стала шагом вперед по сравнению с книгой Ростовской /13/, которую рецензент называет слащавой. Однако он отмечает, что сочинение А. П. Мунт-Валуевой нельзя также считать образцовым. Положительным достоинством книги И. И. Феоктистов называет то, что она написана серьезно, «без подделок под детские понятия» /14/, хотя при анализе сочинения Мунт-

Валуевой мы пришли к противоположному выводу. Кроме того, автор рецензии, что никому из русских авторов не удалось написать подробную биографию Франклина для детей. Хотя Феоктистов выделяет работу Анненской /15/ как один из образцов для подражания.

Свою работу Б. Франклину посвятила Александра Никитична Анненская (1840 - 1915), педагог и демократ, заметный общественный деятель конца XIX в. Анненская - родная сестра известного идеолога революционного народничества П. Н. Ткачёва, жена журналиста, общественного деятеля и крупного статистика Н. Ф. Анненского, большого друга В. Г. Королёва, старшего брата русского поэта И. Ф. Анненского. В течение многих лет она сотрудничала в журнале «Семья и школа».

Книжка Анненской вышла в серии «Детская библиотека» в 1893 г. Эта работа представляет собой поучительное назидание детям на примере жизни Франклина. Книга является не исследованием, а скорее, исторической повестью для детей. Автор не стремится к научной объективности, а преследует воспитательные цели, в книге много художественного вымысла. Книга не является научным изданием, именно поэтому в ней отсутствует список литературы, на который опиралась Анненская при написании биографии. Можно предположить, что она использовала ранее вышедшие работы, посвященные Франклину.

Книга является небольшой по объему, состоит из восемнадцати глав, в которых рассказывается не только о юности и детстве Франклина, но упоминаются и такие аспекты его биографии как научные опыты и дипломатическая деятельность.

Примечательно, что фамилия филадельфийского хозяина Франклина - Кеймера - вновь претерпела изменения: А. Анненская называет его Кейспером /16/.

Эта биография не является даже научно-популярной, это художественное издание: в нем множество диалогов, беллетристических описаний. Главной целью этой работы, возможно, является стремление автор показать, что жизнь Бенджамина Франклина - превосходный образец для подражания, особенно в

детском и юношеском возрасте.

Биографический очерк о Бенджамине Франклине содержится в детской книге Л. Колэ /17/. В ней приведены рассказы об известных, прославившихся чем-либо людях, например, о Моцарте, Линнее, Пико делла Мирандоле. Одно из наиболее значимых мест в работе Л. Колэ отведено Б. Франклину. Непосредственно описание детских лет Франклина предваряется небольшой характеристикой его жизненного пути и наиболее выдающихся достижений. В ней обнаруживаются две фактические ошибки: датой смерти Франклина указано 16 апреля, хотя он умер 17 апреля, а кроме того, указывается, что свою знаменитую эпитафию Франклин сочинил за несколько лет до смерти, однако фактически это было осуществлено им в молодости /18/.

Рассказ о детстве Бенджамина Франклина охватывает период с 8 лет до его первого отъезда в Лондон. В этом очерке много внимания автор уделяет описанию тягот франклиновского детства, его тяги к чтению книг. Интересно, что Колэ пишет: «он отдавался своим золотым мечтам о борьбе, полезной деятельности и славе» /19/, делая таким образом вывод, что уже в совсем детском возрасте Франклин мог думать об отделении колоний от Англии. Нам представляется это сомнительным. Однако Колэ удается показать, как шло развитие и воспитание Франклина, как из любознательного ребенка он превращался в начитанного юношу.

Подытоживая, можно сказать, что эту книгу, безусловно, нельзя рассматривать как сколько-нибудь научное издание, это беллетризованная, почти художественная работа, предназначенная к тому же для детей, а потому снабженная большим количеством иллюстраций. Отметим, что и в данном очерке фамилия Кеймера претерпела изменения: он стал Кейрмером /20/.

Еще одна книга подобного плана - рассказы о детстве знаменитых людей - принадлежит перу уже русского автора М. Н. Никольского /21/. В какой-то мере это и педагогический труд, поскольку в предисловии автор объясняет: «знаменитейшие педагоги придают очень важное воспитательное значение зна-

комству с жизнеописаниями великих людей» /22/. Поэтому эта книга имеет характерный воспитательный, морализаторский стиль.

Что касается Франклина, то в этой книге описываются только события, произошедшие с ним в 13 - 15 лет, то есть в работе Колэ охвачен большой материал. Весь краткий очерк Никольского построен в форме диалога, что крайне затрудняет поиск какой-либо ценной информации в нем, хотя это издание предназначено в первую очередь для детей и прекрасно выполняет свои функции. Грубых фактических ошибок в книге не найдено.

Еще одна биография Франклина в переложении для детей принадлежит перу П. Корсунского /23/. Эта детская книга вышла в научно-популярной серии для младшего школьного возраста «Книжка за книжкой», которую издавала М. Н. Слепцова. Она же является автором данной биографии, П. Корсунский - один из ее псевдонимов.

Книжка разделена на 11 глав, в которых в форме диалогов, простым и понятным языком, доступным детскому восприятию, повествуется о жизни Б. Франклина. Стоит отметить тот факт, что работа М. Слепцовой схожа с книгой А. Мунт-Валуевой /24/, вплоть до совпадения речевых оборотов и отдельных диалогов. Трудно сказать, какая из работ служила первоисточником для другой, так как они вышли приблизительно в одно и то же время. Вследствие этого, безусловно, несложно обнаружить сходство мыслей и выводов обеих писательниц.

Примечательный момент в издании - это глава VII, в которой автор предлагает ознакомиться «сколько-нибудь со страной, где жил Франклин» /25/. В ней объясняется различие между Старым и Новым Светом, для чего приведена схематичная карта, сообщаются сведения по общей земной географии. После этого рассказывается о пуританском переселении в Америку, о семье Франклина, о том, как Англия притесняла колонии, а «ради освобождения колоний от притеснений Англии немало потрудились Франклин» /26/. В последующих главах излагаются

факты об участии Франклина в Войне за независимость.

Среди недостатков книги можно отметить следующее. Автор делает примечания к неясным, по ее мнению, словам, объясняя их значения. В примечаниях указываются ссылки на книжки той же серии (с истолкованием сложного явления), которые предлагается купить. Книга не обладает большими достоинствами и занимает отнюдь не первое место в ряду детских книг.

В заключение можно сказать, что интерес к Б. Франклину среди детских авторов на всём протяжении второй половины XIX в. был весьма устойчив. В биографии великого амери-канца отечественные писатели выделяли положительные черты, которые должны были служить примером для подрастающего поколения. Весьма спорным моментом для большинства авторов являлся вопрос религиозных воззрений Франклина, о которых они в основном отзывались отчасти негативно, однако это объясняется определенными религиозными ограничениями, существовавшими в Российской империи. Однако мы не можем не признать тот факт, что при малом количестве исследований, посвященных Франклину, произведения для детей внесли вклад в развитие историографии, посвященной его жизни и деятельности.

1. Ростовская М. Веньямин Франклин. СПб.: М. О. Вольф, 1862.
2. Там же. С. 29.
3. Хребтов А. Вениамин Франклин. СПб., 1875. С. 6.
4. Ростовская М. Веньямин Франклин. СПб.: М. О. Вольф, 1862.
5. Любимов А. Вениамин Франклин// Детский отдых, 1881, №№ 6, 7, 8, 9 (оттиск).
6. Там же. С. 7.
7. Франклин В. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1956. С. 455. Франклин пишет: «миссис Т., потеряв из-за Ральфа своих друзей и работу, стало сильно нуждаться. Она часто посылала за мной... Я начал находить удовольствие в ее обществе, а так как в то время я не находился под сдерживающим влиянием религии, то попытался воспользоваться ее зависимостью от меня и позволил себе некоторые

- вольности, которые она отвергла с величайшим негодованием».
8. Мунт-Валуева А. П. Веньямин Франклин. СПб., 1895.
 9. См.: Франклин В. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1956. С. 391 - 392.
 10. Мунт-Валуева А. П. Указ. соч. С. 24.
 11. Там же. С. 25.
 12. Феоктистов И.И. Нашему юношеству - рассказы о хороших людях. № 5. Веньямин Франклин // Воспитание и обучение, 1892, № 11.
 13. Ростовская М. Веньямин Франклин. СПб.: М. О. Вольф, 1862.
 14. Феоктистов И. И. Указ. соч. С. 411.
 15. Анненская А. Н. Детство и юность Веньямина Франклина. СПб., 1893.
 16. Там же. С. 120.
 17. Колэ Л. Детство и юность великих людей (Важнейшие эпизоды и выдающиеся приключения в их жизни). Пер. С. Майковой. СПб.: Тип. Муллер и Богельман, 1894.
 18. Подробнее см. стр. 31 настоящей работы.
 19. Колэ Л. Указ. соч. С. 304.
 20. Там же. С. 322.
 21. Никольский М. Н. Жизнь знаменитых детей (Черты из детства великих людей). СПб.: М. О. Вольф, 1901.
 22. Там же. С. 10.
 23. Корсунский П. Вениамин Франклин. СПб., 1898.
 24. Мунт-Валуева А. П. Веньямин Франклин. СПб., 1895.
 25. Корсунский П. Указ. соч. С. 53.
 26. Там же. С. 62.

Е. О. Гавриш

Джон Терло: организация разведывательной службы в эпоху протектората.

Протекторат Кромвеля, установленный в Англии в декабре 1653 г. /1/, по существу, был выдуманной формой правления, основанной на силе и верности армии, на авторитете и влиянии самого протектора. С одной стороны в этом была сила но-

вой власти, с другой - слабость: вся государственная система как бы оказывалась замкнутой на одном человеке. Вся внешняя и внутренняя политика, судьба всего государства становилась зависимой от жизни Кромвеля. Естественно, что неожиданная болезнь или смерть этого человека могла одним ударом покончить со всеми начинаниями английской буржуазной революции - все достижения, за которые так долго боролись английские джентри, и буржуазия были бы потеряны.

Конечно, эта очевидная уязвимость протектората была понятна не только самому Кромвелю, но и всем его недоброжелателям, и в первую очередь роялистам. Сторонники Карла II жаждали вернуть королевскую власть, законного монарха, а вместе с ним и свои привилегии, и конфискованные революционерами земли. Не случайно поэтому, что эпоха протектората оказалась богатой на различного рода заговоры и покушения против жизни протектора. Какие только хитрости не предпринимали роялисты, какие только тайные общества они не создавали, желая как можно быстрее избавить Англию от столь ненавистного им человека. Тем не менее, все их попытки, все усилия и старания в конечном итоге были обречены на провал. Ни один заговор, ни одно покушение не достигло своей цели - жизнь и власть протектора оставались в полной безопасности, а все потому, что рядом с Кромвелем в этот период оказался очень способный и хитрый политик - Джон Терло.

Каким образом этому человеку - сыну простого приходского священника /2/ удалось в годы протектората достигнуть столь высокого положения в обществе и стать, пожалуй, самым важным советником протектора? За годы гражданских войн Терло отличился разве только тем, что был назначен секретарем к Оливеру Сент-Джону в его дипломатической миссии в Нидерланды в марте 1651 года /3/. Более того сама эта миссия оказалась полностью неудачной и бессмысленной, что в какой-то степени способствовало уходу с политической арены такого видного соратника Кромвеля, как Оливер Сент-Джон. Правда Терло был единственным кто с самого начала не верил в успех

этой миссии и открыто говорил о несостоятельности плана Кромвеля и Сент-Джона по заключению союза с Объединенными провинциями. Он не раз писал из Голландии государственному секретарю Уолтеру Фросту: «цель английского правительства превратить союз и объединение с голландцами в постоянную лигу для охраны интересов каждой из стран была обречена с самого начала, так как не имела смысла для голландцев, поскольку их цель не столько союз, сколько выгоды в торговле и мореплавании.» /4/ - слова трезвого политика.

По-видимому, в какой-то степени благодаря именно этим справедливым и точным высказываниям, Терло и получил хорошее повышение, а именно: 29 марта 1652 г. он стал секретарем государственного совета с внушительным окладом и казенными апартаментами в Уайтхале. Вскоре, в декабре 1652 года /5/. он становится одновременно и секретарем в комитете по иностранным делам. Обе должности в равной степени давали ему доступ и к внутренним и к внешним делам государства. Однако Терло опять уходит в тень - он практически не принимает сколько-нибудь активного участия в жизни страны, единственное что он делает в этот период - скромно наблюдает за всем происходящим, без громких выступлений или решительных действий - он просто ждет и наблюдает. Многие соратники Кромвеля, политики и видные офицеры даже не обращают внимания на Терло, считая его назначения совершенно непонятными капризами самого Кромвеля /6/.

Но вскоре все меняется. В декабре 1653 г. Кромвель становится протектором, а уже в июле 1654 г. Джон Терло по его приказу становится главой разведки и шпионской сети Англии /7/. Более того, с 3 мая 1655 г. он также возглавляет и почтовую службу /8/. А 5 сентября того же года по инициативе Кромвеля, государственный совет приказывает печатать какие-либо новости в стране только с согласия Джона Терло /9/.

И вот теперь этого человека можно было считать уже настоящим всесильным. Все очень быстро узнают чем занимался Терло пока совмещал посты секретарей в государствен-

ном совете и в ведомстве иностранных дел: он не просто выжидал, он очень много работал - всего за полтора года ему удалось создать очень развитую и достаточно ёмкую шпионскую сеть, охватывающую не только собственно английское государство, но и все сколько-нибудь значительные на тот момент европейские державы. И теперь, благодаря своим многочисленным шпионам, он мог информировать протектора обо всех действиях иностранных монархов и политиков: «он носил в своем поясе тайны всех государей Европы» /10/. Благодаря тому, что он лично контролировал одновременно и разведку и милицию, ни один заговор роялистов так и не был осуществлен, пока он был у власти.

Его шпионская сеть была поставлена «так хорошо и на допросах следователи обнаруживали такое знакомство с мельчайшими подробностями конспиративных замыслов, что обвиняемые становились в тупик и объясняли это колдовством» /11/. Контроль над почтой позволял Терло конфисковать всю корреспонденцию заговорщиков, и в дальнейшем в его коллекциях различных документов насчитывалось несколько сотен тысяч писем. Шпионы, которых он либо покупал, либо запугивал, снабжали его достоверной информацией о каждом новом передвижении роялистов. У него на службе состоял даже математик Джон Уолис /12/, задачей которого было разгадывать шифры и коды. Однако, в первую очередь именно бдительность и внимательность самого Терло часто спасали жизнь протектору.

Так, летом 1654 г. два роялиста, с согласия Карла Стюарта пытались убить Кромвеля. Их план основывался на том, что протектор всегда ездил в Гемптон-Корт по одной и той же дороге и никогда не изменял своей привычке. Но в день покушения, по совету Терло, протектор воспользовался лодкой и отправился в загородный дворец по реке. Заговорщиков же тем временем схватили /13/.

Также, когда в марте 1655 г. произошло роялистское восстание в Солсбери, именно благодаря Джону Терло оно с самого начала не получило широкой поддержки среди других

роялистов и было обречено на провал. Все дело в том, что ему стало известно о планах заговорщиков еще за долго до того как лидеры восстания смогли договориться между собой по поводу конкретной даты своего мятежа. Такая информированность Терло объяснялась тем, что некий Маннинг, состоявший с ним в постоянной переписке, имел доступ к Карлу II и считался одним из самых ярых сторонников роялистов /14/¹⁴.

Кроме того с Терло тесно сотрудничал и лидер роялистской оппозиции в стране Ричард Уиллис, что в дальнейшем заставило многих его современников усомниться в способностях государственного секретаря протектора /15/. Казалось бы, что в этом такого, ведь Терло мог запугать или подкупить этого джентльмена? Вся сложность этого вопроса заключается в том, что после реставрации этот самый Уиллис получил от короля значительное вознаграждение, несмотря на то, что про его отношения с Терло знали практически все, и король явно не мог быть исключением.

И действительно, как мог Терло взять на службу человека, зарекомендовавшего себя как одного из самых преданных сторонников короля, неужели он мог доверять его сведениям о роялистах и заговорах против протектора? Вряд ли. Поскольку, у Терло была масса других источников информации, он был осведомлен о действиях всех своих шпионов, даже таких как Уиллис. Однако если он действительно был так хорошо информирован и понимал, что Уиллис мог организовать двойную игру в пользу короля, то зачем же тогда он взял этого человека к себе на службу? Правильнее всего, по нашему мнению, будет ответить: «для дезинформации короля и роялистов», ведь умение собирать информацию о своих врагах не будет иметь большого значения, если этот самый враг будет информирован также хорошо. Иными словами, Терло использовал Уилиса для того, чтобы передавать королю ложную информацию о делах протектора.

Однако, даже эта осторожность и расчетливость, даже вся его информативность не шла ни в какое сравнение с его

великолепными знаниями в области человеческой психологии: «он был мастером по умению срывать замки с человеческих сердец...» /16/ - пишет о нем Генри Кромвель. Неудивительно, что роялисты боялись его, ведь он жестоко расправлялся с любыми подозреваемыми: «и люди с положением, и люди без имени, по малейшему поводу арестовывались сотнями и ссылались на остров Барбадос, где они оказывались почти на положении рабов» /17/.

Таким образом, Терло становился самым надежным и опасным соратником Кромвеля, самой твердой и стойкой опорой протектората. Его хладнокровие, осторожность, расчетливость и умение великолепно использовать полученную информацию ни раз помогали протектору и в области внешней политики, не случайно многие историки даже склонны были видеть в нем скорее дипломата, нежели разведчика /18/.

Так, сейчас доподлинно известно, что именно Джон Терло убедил Кромвеля утвердить составленный в большей степени Сент-Джоном, знаменитый Навигационный акт, который стал основным поводом для войны 1652 - 1654 гг. с голландцами. Кроме того, именно Терло позже доказал Кромвелю целесообразность войны с Испанией, поскольку благодаря огромному количеству данных, ежедневно получаемым им от своих агентов в других государствах, он мог быть уверен, что никто не помешает Англии в этой войне.

Например, его шпион в Вене пишет о том, что «Турки недавно снова побеспокоили венгров, а с Венецией мир заключать пока не собираются, что поляки одержали блестящую победу над казаками, хотя численные потери той и другой стороны пока еще не известны» /19/. Из Амстердама ему сообщают, что в голландском правительстве начался раскол: «они не могут определиться, что лучше уступить вам или заключить союз с Францией. Поэтому нам кажется важным, уладить по возможности все наши разногласия с Францией, чтобы она не смогла поддержать Голландию» /20/. Еще один шпион, на этот раз из Га-аги указывает, что «Шведский

посол в своем кругу часто говорит о том, что его страна будет придерживаться нейтралитета в столкновении англичан с голландцами...» /21/. Поступают даже сведения из Рима: «...сейчас здесь бы очень хотели видеть мир между Голландией и Англией, хотя подобное пожелание папы вряд ли отражает его действительную позицию по этому вопросу - для любого очевидно, что союз между нами и Соединенными провинциями был бы для них намного страшнее, чем длительная война. В любом случае, они не намерены вмешиваться в наши отношения с Голландией» /22/.

Письма подобного же содержания и со сходными замечаниями приходили к Терло из Франции и Константинополя. Все это позволяло ему составить самое правильное и четкое представление о межгосударственных отношениях тех лет.

Конечно, такой успех, такая информированность обходилась протектору очень дорого: по разным оценкам историков - от пяти /23/ до семидесяти /24/ тысяч фунтов стерлингов ежегодно. Правда, Кромвелю все равно даже и в голову не приходило отказаться от услуг Терло. Ведь только благодаря этому человеку его власть могла существовать уверенно и довольно успешно, только благодаря преданности Терло, феноменальность которой отмечали даже роялисты, называя его «верным псом Кромвеля» /25/, протектор в итоге мирно скончался от болезни - 3 сентября 1658 г., а не от случайного покушения или заговора.

Косвенным свидетельством этой замечательной верности Кромвелю, а также значимости Терло как политика и дипломата, как высокого специалиста в области организации разведки, является предложение, адресованное ему самим Карлом II уже после реставрации. В частности король просил Терло вернуться на государственную службу и обещал «создать для него любую должность, или в администрации или в дипломатической службе - где он только пожелает... Поскольку сам он совершенно запутался в характерах и личнос-

тях тех людей, которые его окружают, и только такой опытный человек как Терло может помочь ему разобраться. <...>...и служить ему с таким же успехом как он делал это в годы протектората» /26/.

Официальный же ответ Терло английскому королю помимо необходимых слов благодарности, фактически содержал только одну фразу: «Я не могу согласиться на ваше предложение, поскольку я никогда не смогу служить вам также как протектору, так как при Оливере Кромвелле искали людей для государственных должностей, а не должности для людей...» /27/. Иначе говоря, он до конца остался верен и своему протектору, и своей эпохе, эпохе кровавой и беспощадной, к этому времени уже ставшей достоянием прошлого... .

1. The Dictionary of National Biography, - Oxford, 1908 - 1909, vol. 19, p.821.
2. Там же;
3. Английская буржуазная революция 17 в./Под ред. Акад. Е. А. Косминского и канд. ист. наук Я. А. Левинского, - М.: Изд-во Акад. наук, 1954, т. 1, с. 460.
4. Firth C. H. Secretary Thurloe on the Relations of England and Holland - The English Historical review, 1906, vol. XXI, №82, p. 319. - 327.
5. Эйлер Джеральд. Восстание или революция? - СПб.: Алетейя, 2004, с. 158.
6. Whitelocke В. Memorials of the English Affairs from the Beginning of the Reign of Charles I, Oxford, 1853, vol.4, p. 45.
7. The writings and speeches of Oliver Cromwell/ Ed. Abbott W.C. - Cambridge, 1937 - 1947, vol. 3, p. 78.
8. Там же.
9. Там же, p. 820.
10. Павлова Т.А. Кромвель. - М.: Мол. гвардия, 1980 г., с. 298.
11. Ст. Вольский. Кромвель. - М.: ГПИБ, 2002 г., с. 227.
12. Whitelocke В. Memorials..., Oxford, 1853, vol.4, p. 43.
13. Эйлер Джеральд. Восстание или революция? - СПб.: Алетейя, 2004, с. 165.
14. Д. Юм. Англия под властью дома Стюартов./ Под общ. ред. С. Е.Федорова. - СПб.: Алетейя, 2001, т. 2, с. 64 - 65.

15. D. E. Underdown, Sir Richard Willys and Secretary Thurloe.// The English Historical review, 1954, vol. 69, №272, p. 374.
16. Thurloe State papers/Ed. Birch T. - L., 1742, vol. 8, p. 254.
17. Burton T. Diary of Thomas Burton - L., 1828, 4vol, p. 408 - 409.
18. Английская буржуазная революция 17 в./Под ред. Акад. Е. А. Косминского и канд.ист.наук Я. А. Левинского, - М.: Изд-во Акад.наук, 1954, т. 2, с. 45.
19. Thurloe State papers/Ed. Birch T. - L., 1742, vol. 3, p. 51.
20. Там же, p.15.
21. Там же, p. 18.
22. Там же, p. 42.
23. Antonia Fraser. Cromwell: our chief of men. - L., 1975, p. 485.
24. Павлова Т. А. Кромвель. - М.: Мол. гвардия, 1980, с. 298.
25. E. Hyde, Earl of Clarendon. The History of the Rebellion...Edited by W. Dunn Macray. - Oxford, 1888, vol. 6, p. 56.
26. Thurloe State papers/Ed. Birch T. - L., 1742, vol.1, p. 19.
27. Там же.

О. В. Анисимов

Провозглашение и признание империи Наполеона III.

В отношениях Франции и России середины XIX в. эпизод с признанием империи Луи-Наполеона Бонапарта сыграл важную роль в обострении противоречий между ними. Некоторые авторы даже возводили «обиду» Луи-Наполеона в ранг мотива поведения Франции в Восточном вопросе. Не преувеличивая его значимость, эпизод с признанием Наполеона III следует признать показательным для кризиса франко-русских отношений и усугубляющего противоборства французской и русской дипломатии в споре за Святые места Палестины.

В сентябре 1852 г. посол России в Париже граф Н. Д. Киселев в тревожной обстановке отправился в Санкт-Петербург для получения инструктажа. Поездка принца-президента Луи-Наполеона по Франции подходила к концу, во многих местах

страны было отмечено воодушевление французов по поводу предстоящего восстановления империи. Российская дипломатия, начиная с февраля 1852 г., не раз выражала озабоченность желанием президента сесть на императорский трон. В беседе с оставшимся за Киселева поверенным в делах князем Куракиным министр иностранных дел Франции Друэн де Льюис резонно отвечал на возражения российской стороны: «У президента республики три имени: Карл, Луи и Наполеон. Назваться ему Карлом XI? Это было бы абсурдом. Принять имя Людовик XIX? Опять нелепость.... Предоставим же Луи-Наполеону принять титул, который ему нравится и не будем осуждать его за то, что он будет называться так, того желает Франция» /1/. Действительно, для автора «Наполеоновских идей» было бы немислимым принимать «королевские» имена, ставя себя в один ряд со старыми монархиями. Его идеал - «народная монархия», освященная доверием и согласием большинства французского народа, сплоченного под бонапартистским орлом.

События совершились быстро: 4 ноября 1852 г., ровно через год после последнего обращения к Законодательному собранию, президент обратился к сенату с предложением восстановить империю, «как того желает французская нация». «В установлении империи народ найдет гарантию своим интересам и удовлетворение своей справедливой гордости: это восстановление гарантирует интересы, укрепив будущее, закрыв эру революций, освятив завоевания 89 года. Империя соответствует законной гордости нации, потому что, восстанавливая свободно и разумно то, что вся Европа 37 лет ниспровергала силой оружия среди несчастий отечества, народ славно мстит за свои невзгоды без жертв, без угрозы ничьей независимости, без вызова спокойствию мира» /2/.

7 ноября последовало постановление сената, объявляющее о присвоении президенту титула императора. Официальное и торжественное провозглашение Второй империи намечалось на 1 - 2 декабря. Западная Европа и Россия встретили эти события спокойно, за исключением некоторых представителей ан-

лийской прессы, которые попытались поднять шум о якобы готовящемся вторжении французов.

Н. Д. Киселев вернулся в Париж 1 декабря, накануне торжеств, и, не имея возможности что-либо исправить и как-то повлиять на мнение Луи-Наполеона, бросил упрек, что имя Наполеон III - «совершенно новое изобретение». На это президент напомнил послу, что, во-первых, уже с 1833 г., после кончины герцога Рейхштадтского появлялись гравюры с изображением Луи-Наполеона и присвоенным именем Наполеона III, и, во-вторых, именно этому имени он обязан своим успехом, и население никогда не встречало его возгласами «Да здравствует Луи-Наполеон!» /3/. Иными словами, только титул «император Наполеон III» оправдан морально и политически, и только за ним стоит востребованная ныне политическая идеология.

На другой день Друэн де Льюис письменно уведомил дипломатический корпус о свершившихся переменах и необходимости для аккредитованных дипломатов получить новые верительные грамоты. Представители России, Англии, Австрии и Пруссии ответили общей нотой от 2 декабря с признанием совершившегося факта и заверениями в поддержании добрых отношений.

Первым государством, полностью признавшим императорское правительство, стала Великобритания. Незадолго до 2 декабря Бруннов сообщал в Россию о том, что Англия признает Французскую империю, даже если не поступит официальных гарантий сохранения трактатов 1815 года /4/. 4 декабря королева Виктория направила своему «брату» поздравительное письмо, 6 декабря британский посол в Париже лорд Г. Каули полностью признал Наполеона III. Решимость, с которой Британия установила дружественные контакты с новой Францией, подталкивала другие державы не медлить. Отсутствие гарантий мира более не могло быть серьезным аргументом, так как они были даны послом в Лондоне Валевским и подтверждены императором в выступлении перед палатами /5/. Несмотря на это, распустились слухи о готовящемся вторжении Франции в Бельгию,

о чем якобы через несколько дней после 2 декабря 1852 г. уже был подписан соответствующий декрет. Эта дезинформация была настолько убедительна, что некоторые историки XIX в. сочли ее за достоверную /6/.

Россия не спешила с признаниями; Австрия, Пруссия и с ними вся Германия находились в тревожном ожидании. В мае 1852 г. между главами правительств «континентальных держав» был принят Протокол, который оформлял единую для трех держав позицию непризнания восстановления династии Бонапартов, но одновременно позицию сочувствия стремлению президента максимально возможно укрепить свою власть. Теперь этот документ должен был пройти испытание на прочность.

Первый министр Австрийской империи К. Буоль-Шауэнштайн предлагал признать империю и императора, но отказать ему в праве быть «братом» европейским монархам, то есть осветить политический вопрос целиком и полностью в область протокольного этикета. Николай I согласился вести дело таким образом. 8(20) декабря 1852 г. Киселеву была послана депеша, где пояснялось, что, признавая нового государя и новое правительство, царь настороженно относится к цифре III, используемой французским императором в своем титуле, что Россия и все европейские государства встревожены мотивами восстановления империи, обозначенными в послании президента сенату. «Титул Наполеона III поднимает принципиальный исторический вопрос, в котором у Европы и Франции нет согласия, поэтому Россия не может дать в своих актах наименование Наполеона III». В депеше правительству Франции предлагалось не настаивать на неуклонном признании, тем более что Россия не собирается делать из этого проблему /7/. Нетрудно заметить, что депеша 8(20) декабря проникнута духом ноябрьского Меморандума графа Нессельроде: он снова пытался говорить от имени Европы, хотя уже Англия безоговорочно признала Вторую империю; он снова углублялся в историю и утверждал, что прошлое не может быть основой согласия между Францией и Европой; но при этом Нессельроде отдавал должное мудрости и умереннос-

ти Луи-Наполеона, который за четыре года нахождения у власти доказал свою приверженность европейскому миру.

Киселев направил ноту Друэн де Льюису, где в точно такой же манере объяснил поведение российского кабинета. Он принял во внимание мирные заявления, сделанные как Наполеоном, так и министром иностранных дел, но признал, что «идея мира неотделима от соглашений, на которых она основана». А название нового режима и преемственность с режимом Наполеона I затрагивают сущность трактатов 1815 г., что не может не беспокоить Россию и союзные ей державы /8/.

От позиции России многое зависело. А. М. Горчаков, в те годы посланник в Вюртембергском королевстве, писал канцлеру Нессельроде: «Взгляды обращены в сторону Невы, дабы знать, что отныне следует говорить и делать. Никогда за 11 лет, которые я пребываю здесь, Король не был так всецело посвящен в политику нашего Августейшего Государя» /9/.

Видимость согласованных действий Австрии, Пруссии и России быстро развеялась. Когда в начале января 1853 г. Киселеву пришли новые верительные грамоты, оказалось, что только Николай I начинал свое обращение к Наполеону III «господин и добрый друг». Австрия и Пруссия же предоставили своим послам грамоты в полном соответствии с протоколом, обращаясь к новому императору словами «господин и брат мой». Державы оправдывались тем, что они не могли противиться мнению всей Германии, которая спешила признать французское правительство. Николай I счёл своих союзников трусами и решил не отступать. Только в середине февраля 1853 г. из донесений А. М. Горчакова стало понятно, какую комбинацию разыграла Австрия, чтобы угодить Франции и не слишком разозлить Россию.

Будучи лояльной к идее правления Наполеона III, Австрия более других «северных дворов» готова была пойти на соглашение с Францией, поскольку Буоль видел в ней потенциальную опасность и не хотел осложнять отношения протокольной проблемой. В то время как представители трех держав медлили с передачей нот от своих правительств Друэн де Льюису, Буоль

разослал австрийским представителям в германских государствах весьма примечательный циркуляр, о содержании которого стало известно А. М. Горчакову. В нем говорилось, что государствам второго ранга, не участвовавшим в подписании трактата 1815 г., и одновременно не присоединившимся к ноте признания империи, представленной Австрией и Пруссией, ничто не мешает сделать это без промедления /10/.

Германские государства, не менее чем австрийский канцлер желающие сохранять мирные отношения с Францией, стали признавать Наполеона III. Когда вюртембергский посланник Вехтер пришел к Друэн де Льюису, французский министр показал ему ноту признания от Австрии. Пораженный Вехтер сказал, что *в таком случае* ему остается только передать свои верительные грамоты, то есть признать империю от имени Вюртемберга, что противоречило данным ему инструкциям /11/. Таким образом, вызвав германскую «волну признания», Австрия смогла сесть на ее гребень и ловко избежать трудного разговора с Россией. Пруссия также была увлечена этой «волной», не желая оставаться в одиночестве в Германии. Россия с ее принципами осталась одна.

В Париже не все были настроены принимать грамоты от Н. Д. Киселева в таком виде. «Партия войны» во главе с герцогом Ф. Персиньи требовала отказать Киселеву в аккредитации до получения «братских» заверений Николая I. Воинственная риторика Персиньи, требовавшего наказать «оскорбление, нанесенное Франции», настораживала, но не пугала российского посла. Встретившись с Персиньи в кулуарах, Киселев сказал ему: «Что же! Вы хотите войны с нами? Вы хватили через край. *Братство или смерть!* Но по счастью, все это не так серьезно, ибо ваши коллеги лучше вас находятся в курсе дел и они не позволят вам сделать глупости» /12/.

Дух примирения взял верх в Париже. Оскорбленный Наполеон III, по совету своего брата герцога де Мори, решил принять грамоты Киселева, отблагодарив российского императора словами маркиза Кастельбажака, посла в Санкт-Петербурге:

«Добрый друг лучше фальшивого брата» /13/.

Признание Второй империи обошлось без большого политического кризиса. Вся Европа признала новое правительство и титул Наполеона III. Вынужден был сделать это и Николай I, покинутый своими союзниками Францем-Иосифом и Фридрихом-Вильгельмом IV. Нессельроде полагал дело завершенным. Он писал Горчакову, что «Наш Император заставил государя большой империи проглотить горькую для усвоения пилюлю» /14/. В этом же письме государственный канцлер подверг оценке расхождение, имевшее место между Россией и Австрией вместе с Пруссией по поводу признания Наполеона III. Для Нессельроде это разногласие выявило то, что «для них он стал *добрым братом* и *добрым другом* для нас». В свою очередь констатация этого факта свидетельствовала об ухудшении франко-русских отношений по сравнению с началом 1852 г., когда в Петербурге восторженно приветствовали бонапартистский государственный переворот 2 декабря. К. В. Нессельроде предписывал Горчакову убедить короля Вюртемберга, что союз «северных дворов» не поколеблен, хотя Луи-Наполеон «не откажется ни от какого средства, чтобы нас разделить, как он пытается привлечь в свою орбиту второстепенные дворы Германии» /15/. Однако очевидное расхождение позиций союзников относительно признания Второй империи трудно было объяснить проблемами текущей политики. Кризис непонимания был налицо. Российский канцлер опасался активности Франции на германском направлении более чем на Востоке, поэтому не прекращал верить в спасительную и охранительную миссию союза с Австрией и Пруссией.

Отношения между Францией и Россией в течение 1852 г. претерпели интересную эволюцию от улучшения до ухудшения. Дело не столько в том, что Николай I не мог добровольно согласиться на восшествие на престол Наполеона III, ибо видел в этом удар по трактатам 1815 г., а в том, что франко-русские отношения переживали кризис из-за спора вокруг Святых мест Палестины. К моменту провозглашения Второй империи в Ие-

русалиме французская дипломатия одержала очевидную победу: французский посол Ш. Лавалетт, не без угроз вооруженной интервенции, склонил на свою сторону турецкие власти. Католическая община Палестины, поддерживаемая Францией, добилась расширения своих прав и владений на Святой земле, в частности, в Иерусалиме в ущерб православной греческой церкви. К осени 1852 г. этот религиозный конфликт уже вышел за рамки церковного спора: к его решению были привлечены дипломаты России, Франции и Турции, а также влиятельные турецкие праведы и политики; чувствовалось повышенное внимание прессы и общественного мнения. К концу осени 1852 г. Стало понятно, что турецкие власти в Иерусалиме пошли на поводу у французского посла, и это обстоятельство не могло не раздражать российское руководство. Но пока еще правительство России не связывало трения из-за палестинских соборов и ключей и большие политические дела, такие как признание Второй империи, в единый узел. Непризнание Наполеона III мотивировалось исключительно идеологически. Еще больше раздражало Россию желание новоиспеченного императора принять на себя титул протектора Святых мест /16/.

В идеологии Луи-Наполеон и Николай I оказались непримиримыми противниками, и протокольная коллизия с «добрым другом» осложнила франко-русские отношения, которые к началу весны 1853 г., то есть через четыре месяца после провозглашения Второй империи, дадут настоящую трещину из-за Палестинского спора.

В инструкциях, данных князю Меншикову при отправлении чрезвычайного посольства в Константинополь в конце февраля 1853 г., называется цель, которую преследовал Николай I, называя Наполеона «другом», - «ослабить то обаяние страха и силы, которое оказывает новое французское правительство на слабые государства, и в числе их на Турцию» /17/. Как бы то ни было, то был уже запоздалый шаг: слова посла Лавалетта, подкрепленные французской эскадрой, влияли на Турцию гораздо сильнее, чем верительная грамота Николая I.

1. Мартенс Ф.Ф. Сборник трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 15. С. 262 - 263.
2. Œuvres de Napoléon III. 10 vol. V.5. 1856. P. 348.
3. Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т. 15. С. 265.
4. Бруннов - Нессельроде 17/29 нояб. 1852. ГАРФ. Ф. 728 Коллекция документов из библиотеки Зимнего дворца. Оп.1 ч.2. Д. 2271. Разд. VIII, ч. IV. Л. 31.
5. Из выступления главы Foreign Office лорда Мальмсбери перед палатой лордов. Constitutionnel, 10 déc. 1852 (№345).
6. Делор, Тоскиль. История Второй империи во Франции. СПб, 1871. С. 34.
7. Копия депеши Киселеву из Петербурга 8/20 декабря 1852 г. ГАРФ. Ф.828 Горчаков. Оп.1. Д. 601. Л. 12.
8. Киселев - Друэн де Льису 22 дек. 1852 (3 янв. 1853). ГАРФ. Ф.828 Горчаков. Оп.1. Д. 601. Л. 14-15.
9. Горчаков - Нессельроде 26 нояб. (8 дек.) 1852 г. ГАРФ. Ф. 828 Горчаков. Оп.1. Д. 250. Л. 137.
10. Горчаков - Нессельроде 29 янв. (10 февр.) 1853 г. Там же. Л. 142. Дословно в тексте: «les Cours du 2nde Ordre n'ayant pas concourru à la signature du Traité de 1815, une fois l'acte de reconnaissance remis par l'Autriche et la Prusse à Paris, c'est-à-dire la question fait son premier stage, rien ne s'opposait à ce que les Ministres des Etats du 2nde Ordre s'accréditaient sans attendre davantage». Напомним, что Акт 9 июня 1815 г. был подписан только от имени держав-участников Парижского мира 30 марта 1814 г., а именно от имени следующих монархов: императора Австрийского, короля Испанского, короля Французского, короля Великобритании, принца-регента Португальского, короля Прусского, императора Российского, короля Шведского.
11. Горчаков - Нессельроде 29 янв. (10 февр.) 1853 г. Там же. Л. 142.
12. Цит. по: Persigny F. Mémoires du duc de Persigny. P., Plon, 1896. P. 221.
13. Горчаков - Нессельроде 29 янв. (10 февр.) 1853 г. ГАРФ. Ф.828 Горчаков. Оп.1. Д.250. Л.140.
14. Нессельроде - Горчакову 16 янв. 1853 г. ГАРФ. Ф. 828 Горчаков. Оп. 1. Д. 601. Л. 16.
15. Там же. Л. 17-18.
16. Memorandum, приложен к письму Нессельроде - Горчакову 10(22) нояб. 1852. Там же. Л. 36.

17. Цит. по: Богданович М. И. Восточная война 1853-1856 годов. СПб., 1877. С. 28-29.

С. М. Ермилов

Становление нефтедобывающей промышленности в Мексике при П. Диаса (1900 - 1911 гг.).

Становление нефтедобывающей промышленности в Мексике традиционно связывается с именами калифорнийского предпринимателя Эдварда Лоренса Дохени и главы одной из наиболее крупных английских строительных фирм, “С. Пирсон и сын” (S. Pearson & Son Ltd.), сэра Уитмена Пирсона. Оба начали свою деятельность в стране практически одновременно, на закате длительного правления президента П. Диаса (1876 - 1911 гг.). К тому времени на мексиканском рынке нефтепродуктов уже успела укрепиться “Уотерс - Пирс” (Waters - Pirce Oil Co.), тесно связанная с компанией крупнейшего американского монополиста Дж. Д. Рокфеллера “Стандард Оил” (Standard Oil of New Jersey). Но, так как она занималась импортом американской нефти и вовсе не ставила своей целью разработку мексиканских месторождений, Э. Л. Дохени и У. Пирсон стали фактическими первопроходцами в этой отрасли и сумели поставить мексиканскую нефтедобычу под свой нераздельный контроль.

О существовании в Мексике залежей нефти было известно давно. Еще в доколумбовы времена ее использовали для различных целей индейцы Табаско и Уастека. Ароматную смолу, добываемую из выходящих на поверхность асфальтовых озер, так называемых “чапопотерас” (chapopoteras), применяли во время богослужений в храмах, при заболеваниях дыхательных путей и для освещения домов /1/.

Испанские конкистадоры, пришедшие на континент в поисках новых источников золота и серебра, видели в чапопотерас исключительно помеху. Лошади и другие животные, попадая в

асфальтовые озера, увязали в них и гибли в вязкой жиже. По этой причине земля в таких местах стоила гораздо дешевле и не привлекала владельцев крупных асьенд.

Первые попытки начала промышленной добычи нефти в Мексике были сделаны вскоре после открытия месторождений в Пенсильвании в 1859 г. Император Максимилиан, возведенный на трон французами в ходе интервенции 1864 - 1867 гг., опубликовал 6 июля 1865 г. регламент, который запрещал добычу полезных ископаемых, в том числе нефти, без соответствующего разрешения властей. Тогда же, несмотря на продолжавшуюся в стране гражданскую войну, Максимилиан передал французам и мексиканцам 38 концессий на добычу нефти в штате Табаско (Tabasco), в северном Веракрусе, в районе перешейка Теуантепек (Tehuantepec), Пуэблы, Уастека (Huasteca) и в некоторых других местах /2/. Однако с падением власти этого марионеточного правителя и уходом из страны французских войск начавшейся практике быстро пришел конец.

Приход к власти в Мексике П. Диаса и принесенная им длительная стабильность стимулировали рост национальной экономики. При этом наиболее существенным козырем его режима стало издание чрезвычайно выгодных для североамериканских и европейских бизнесменов земельных законов. Акты, распространяющие право частной собственности на землю также на полезные ископаемые, в том числе нефть, в ее недрах, были приняты в 1884 и 1892 гг. Первый закон 1884 г. имел своей целью преодолеть нежелание иностранных компаний вкладывать средства в развитие горнодобывающей промышленности. Что касается второго закона 1892 г., то он дополнял первый и указывал, что собственник земли может использовать богатства ее недр свободно, не нуждаясь в предоставлении каких-либо специальных концессий от правительства /3/. Таким образом, для организации добычи на территории Мексики в начале XX в. предпринимателям требовалось только подписать необходимые контракты и заключить арендные соглашения с собственниками земель, на которых они собирались бурить скважины.

Впрочем, вышеназванные законы выглядели простыми только на первый взгляд. В действительности они содержали целый ряд неточностей и противоречий, которые позволяли государству осуществлять непосредственный контроль над деятельностью тех или иных фирм. Тем самым была обозначена одна из тенденций, характерных для мексиканской экономики того времени. Президент П. Диас, хотя и оказывал покровительство иностранному капиталу, не хотел, чтобы его страна попала под подавляющее влияние какого-то одного государства. Особенно он боялся североамериканских монополий, которые, как он небезосновательно полагал, с легкостью могли захватить различные отрасли мексиканской промышленности. Ввиду этого обстоятельства Диас активно привлекал к участию в ней предпринимателей из других стран, прежде всего Великобритании. Англичане, по его мнению, были единственной нацией, которая могла успешно противостоять наступлению американцев.

В последней четверти XIX в. попытки поставить добычу нефти на широкие рельсы предпринимались как мексиканскими, так и иностранными бизнесменами. Но, несмотря на все их усилия, позитивных результатов достичь тогда так и не удалось. Главной проблемой являлось отсутствие у них сколько-нибудь серьезного капитала, тогда как для бурения, прокладки трубопроводов и создания крупных нефтеперерабатывающих заводов в условиях тропиков требовалось гораздо больше средств, чем в тех же США. Определенные трудности создавало также отсутствие хороших дорог, труднодоступность внутренних районов и нехватка опытных рабочих. Следует отметить, что именно инфраструктурные проблемы заставили отказаться от своих планов блестящего английского колонизатора и главу Лондонского нефтяного треста (London Oil Trust) Сесила Родса (Cecil Rhodes), заинтересовавшегося землями ряда асьенд в 1884 году /4/.

К началу XX в. ситуация в стране меняется. Процесс активного экономического и промышленного роста, который Мексика переживала с 1890 г., способствовал расширению внутреннего рынка и началу эксплуатации местных нефтяных место-

рождений. Топливо, получаемое из переработанной нефти, требовало бурно развивающийся железнодорожный транспорт и целый ряд новых отраслей промышленности. Керосин и осветительные масла находили применение в домах зажиточных горожан /5/. Тем самым создавались предпосылки для притока крупных инвестиций и становления нефтедобычи в Мексике.

Первым, кому улыбнулась удача на этом пути, стал американский предприниматель Э. Л. Дохени. В конце XIX в. он сумел закрепиться в Калифорнии и, выдержав жесточайшую конкуренцию со стороны таких нефтяных гигантов, как “Стандард Ойл” и “Юнион Ойл”, основал собственную компанию - “Продьюсерз Ойл” (Producers Oil Company). В Мексику Дохени привело сотрудничество с железнодорожными компаниями на юго-западе США, для локомотивов которых он поставлял топливо. Совершая поездку по вновь построенной Центральной железной дороге в мае 1900 г., он обнаружил неподалеку от Тампико большое количество чапопотерас. Увиденная картина настолько поразила Дохени, что, вернувшись в Лос-Анджелес, он собрал капитал группы заинтересованных в новом предприятии инвесторов и железнодорожных магнатов и объявил о создании Мексиканской нефтяной компании (Mexican Petroleum Company) /6/. Адвокат Пабло Мартинес дель Рио (Pablo Martínez del Río), ставший его официальным представителем в Мексике, прежде всего наладил контакты с представителями различных ведомств правительства Диаса и, поскольку Дохени представлял качественно новую отрасль промышленности, он получил право беспошлинного ввоза техники в течение десяти лет /7/.

В 1901 - 1904 гг. “Mexican Petroleum” израсходовала 5/6 своего капитала на поиски нефти в северной зоне месторождения Эль-Эбано, но долгожданный успех так и не пришел. Лишь с переносом работ на несколько километров к югу, сделанном по совету талантливого геолога Эсекьэля Ордоньеса, компании удалось достичь положительных результатов. 3 апреля 1904 г. скважина Ла-Пес начала давать нефть с глубины 502 м с первоначальным дебитом 500 баррелей в сутки, вскоре воз-

росшим до 1,5 тыс. баррелей. Правда, из-за того, что она была слишком тяжелой по сравнению с легкими сортами, добываемыми в США, сбыт ее сначала оказался затруднен; из такой нефти практически невозможно было выделить горючие вещества - бензин и керосин. Зато она идеально подходила для производства высококачественного асфальта, который сначала нашел широкое применение в самой Мексике, а позже стал экспортироваться и в США /8/.

Не собираясь останавливаться на достигнутом, Дохени продолжил поиски перспективных земель и для разработки новых месторождений создал три дочерних компании "Mexican Petroleum", в том числе "Huasteca Petroleum". Последней в 1908 г. правительство Диаса предоставило выгодные концессии на разработку нефтяных месторождений в Фаха де Оро (Faja de Oro). Несмотря на то, что первоначальные поиски не принесли существенных результатов, производительность скважин Касиано № 6 и № 7 превзошла все ожидания. Еще до того, как был запущен нефтепровод Касиано - Тампико, первая из них стала давать нефть с дебитом 15 тыс. баррелей в сутки, а из второй произошел неконтролируемый выброс с дебитом 60 тыс. баррелей в сутки /9/. Это открытие, а также контракт, заключенный с компанией "Стандард Ойл" сроком на 5 лет, позволили "Mexican Petroleum" начать экспорт нефти в США. Уже в мае 1911 г. первый танкер с мексиканской нефтью объемом 30 тыс. 262 барреля отплыл из Тампико в Сабин, Техас /10/.

В отличие от Дохени, сэр У. Пирсон долгое время вообще не интересовался нефтедобывающей промышленностью. К концу XIX в. его имя уже было широко известно и в Старом, и в Новом свете благодаря таким грандиозным сооружениям, как туннель Блэкуолл под Темзой, туннелям под Ист-Ривер в Нью-Йорке и огромным портовым докам в гавани Дувра. В 1889 г. он прибыл в Мексику по приглашению президента Диаса для строительства Гранд-Канала, а позже получил новые заказы - на модернизацию порта в Веракрусе и строительство Теуантепекской железной дороги (Tehuantepec National Railroad) /11/.

Согласно наиболее распространенной версии, мысль о том, что в Мексике могут находиться большие залежи нефти, пришла Пирсону совершенно случайно. Однажды, летом 1901 г., он опоздал на поезд в городке Ларедо на границе США и во время вынужденной девятичасовой остановки узнал, что несколько месяцев назад здесь разразился настоящий нефтяной бум. Пирсону не составило труда выяснить, что толчком к началу разработок послужили имевшиеся в изобилии на тexasском побережье асфальтовые озера. Вероятно, тогда же он вспомнил, как незадолго перед этим один из его ведущих менеджеров, Дж. Б. Боди, занятый на строительстве Теуантепекской железной дороги, сообщал, что одной из отрицательных особенностей перешейка Теуантепек было большое количество таких озер. В тот же вечер сэр Уитмен отправил ему телеграмму с указанием "срочно покупать перспективные земли" /12/.

Пирсон с самого начала придавал делу характер особой важности: он привлек к работе опытных специалистов, доставил в Веракрус современное буровое оборудование и построил перерабатывающий завод в Минатитлане (Minatitlán). Несмотря на это, вплоть до 1908 г. нефтяной бизнес Пирсона оставался убыточным; 5 млн. фунтов-стерлингов, вложенные им в предприятие, так и не принесли прибыли. К тому же правительство Диаса вовсе не горело желанием стать его финансовым партнером, как это было в случаях с Гранд-Каналом, портом в Веракрусе и железной дорогой /13/.

Только весной 1908 г., когда Пирсон уже отчаялся найти нефть в Мексике, одна из новых скважин в Сан-Диего начала давать нефть с дебитом 2 тыс. баррелей в сутки, а в июле того же года произошел неконтролируемый выброс нефти из скважины в Дос-Бокас. Взрыв и сильный пожар, который за этим последовал, наделали много шума как в прямом, так и в переносном смысле. Именно с этого момента началось становление Мексики как великой нефтедобывающей державы и обозначился широкий приток капиталов в новую отрасль.

Уже 31 августа 1908 г. Пирсон объявил о создании

“Compañía Mexicana de Petróleo “El Águila”, S. A., известной также как “Mexican Eagle”. В совет директоров компании сразу были включены многие видные политические деятели режима Диаса, что принесло английскому предпринимателю немало конкретных выгод. Тогда же, в связи с открытием новых месторождений, произошло резкое падение цен на нефтепродукты: уже к концу 1908 г. цена за 1 л керосина уменьшилась с 13 сентаво до 7 сентаво, а за 1 л бензина - с 35 сентаво до 11 сентаво /14/. Это стимулировало рост их потребления на внутреннем рынке, одновременно способствуя увеличению доходов новой компании.

Открытие в декабре 1910 г. бурильщиками “El Águila” месторождения Потреро дель Льяно №4, которое стало давать нефть с дебитом 110 тыс. баррелей в сутки, окончательно рассеяло сомнения пессимистов относительно перспектив нефтедобычи в Мексике /15/. Теперь мексиканские месторождения - как Дохени, так и Пирсона - стали приносить легкую нефть в достаточных количествах, что позволило начать ее экспорт, сделав конкурентоспособной на соседнем североамериканском рынке. К 1911 г. добыча увеличилась почти в 4 раза, достигнув 12,6 млн. баррелей по сравнению с 3,6 млн. баррелей в 1910 году /16/.

Так вооруженные последними техническими новинками, имевшие доступ к значительным финансовым капиталам и внешним рынкам, а также пользовавшиеся поддержкой президента Диаса иностранные предприниматели положили начало мексиканской нефтедобывающей промышленности. Тем самым были созданы предпосылки для превращения Мексики в одного из крупнейших мировых экспортеров высококачественной нефти уже в 1910-х гг., когда объемы первоначальной добычи значительно возросли, и на местном рынке появился ряд новых компаний, воодушевленных успехом Дохени и Пирсона.

1. Л. Мейер и И. Моралес указывают, что название *чапопотерас* про-

изошло от слова *чапопотли* (charopotli) из языка нагуатл (nahuatl), которое, в свою очередь, образовано из двух слов: *тцуктли* (tzouctli), обозначающего некое клейкое вещество и *попочтли* (popochtli), которое можно перевести как аромат, запах или испарение. См. Meyer L., Morales I. *Petróleo y nación (1900 - 1987): la política petrolera en México.* - México: FCE, SEMIP 1990. - P. 17.

2. *Petróleo y nación (1900 - 1987): la política petrolera en México.* - México: FCE, SEMIP 1990. - P. 17.

3. Meyer L., Morales I. *Op. cit.* - P. 22 - 24.

4. *Ibid.* - P. 18 - 19.

5. Brown J. C. *Oil and revolution in Mexico.* - Berkeley: University of California Press, 1992. - P. 19 - 20.

6. La Botz D. Edward L. Doheny: *Petroleum, Power, and Politics in the United States and Mexico.* - N.Y.: Praeger, 1991. - P. 30.

7. Brown J. C. *Op. cit.* - P. 29.

8. De La Borda J. A. *Los orígenes de la industria petrolera en México, 1900 - 1925.* - México: Petróleos Mexicanos, 2005. - P. 44 - 45.

9. Brown J. C. *Op. cit.* - P. 55.

10. De La Borda J. A. *Op. cit.* - P. 62 - 63.

11. Spender J. A. Weetman Pearson: *First Viscount Cowdray, 1856 - 1927.* - London: Cassel & Co., 1930. - P. 81 - 91.

12. *Ibid.* - P. 149 - 150.

13. *Ibid.* - P. 151.

14. Brown J. C. *Op. cit.* - P. 78.

15. *Ibid.* - P. 81 - 82.

16. Meyer L. *México y los Estados Unidos en el conflicto petrolero, 1917 - 1942.* - México: El Colegio de México, 1972. - P. 35.

Б. П. Заостровцев

Инвестиции и внешняя политика США накануне первой мировой войны.

Приход к власти в 1912 г. администрации демократов во главе с Вудро Вильсоном привёл к существенным изменениям на финансовом рынке страны. Прежде всего, новый глава исполнительной власти потребовал немедленного отказа американ-

ских банков от участия в международном консорциуме по кредитованию китайского правительства, что в полной мере соответствовало предвыборному обещанию президента, опиравшегося на поддержку южных демократов, покончить с господством нью-йоркских финансистов в американской экономике /1/. Но, как показывает знакомство с документами той поры, достижение такой цели неминуемо должно было сказаться и на внешней политике страны.

Дело в том, что американскую сторону представляла в консорциуме банковская группа Kuhn, Loeb & Co., более 70% активов которой принадлежало немецким банкам и лично императору Вильгельму II, и именно она потребовала от правительства США гарантий вооружённого вмешательства в случае отказа китайского правительства выполнять условия кредита (хотя контракт относил объявление китайским правительством частичного дефолта к обстоятельствам непреодолимой силы, то есть освобождал стороны от каких либо обязательств) /2/. Если же принять во внимание и тот факт, что в займе участвовали и собственно германские банки, то, по существу, американское правительство должно было взять на себя обязательство защищать интересы немецких подданных. Понятно поэтому, что созданное новым руководством государственного департамента специальное заседание рекомендовало правительству административный запрет на продолжение участия американских граждан в так называемом «китайском займе».

Но наибольшей ущерб от принятия такого решения понёс банковский дом Джона П. Моргана-старшего, являвшегося крупнейшим андеррайтером нью-йоркской фондовой биржи и обязавшегося разместить облигации Kuhn'a на максимально выгодных условиях в обмен на обещание помочь Моргану избежать «внутреннего дефолта» - до марта 1913 г он должен был выплатить 6 млн долл. своим вкладчикам, тогда как производственные структуры, контролировавшиеся Морганом, могли принести ему только 3 млн долл. Последнее обстоятельство объясняется тем, что к 1910 - 1911 гг. наиболее инвестиционно-прив-

лекательными становятся южные штаты, где основными инвесторами являлись англичане.

Предпринятая Морганом попытка закрепиться в этой «вотчине» британцев путём приобретения контрольного пакета акций наиболее прибыльной железнодорожной компании Юга Southern Pacific привела к новому вмешательству администрации, по инициативе которой Комиссия по междуштатной торговле провела специальное расследование условий сделки и в 1913 г. запретила её. Обращает на себя внимание тот факт, что решение комиссии было одобрено парламентом Великобритании (!).

Окончательно же все попытки Моргана-старшего проникнуть в новые инвестиционные области были пресечены после опубликования результатов работы комиссии Пьюджо (Pujo), знакомство с которыми позволяло понять насколько велика была связь банков J. P. Morgan & Co. с финансовыми организациями немецкого «происхождения» - Drezdener Bank, Paul M. Warburg & Co., Kuhn, Loeb & Co. и других.

Реакция англичан последовала незамедлительно - совет директоров банка Grenfell, Morgan & Co., возглавлявшегося членом совета директоров Банка Англии Эдвардом С. Гренфеллом, принял решение отказаться от поддержки любых операций, проводимых банком J. P. Morgan & Co. совместно с любым участником банковской группировки Kuhn, Loeb & Co.

Последствия этого решения оказались катастрофическими как для стран Тройственного союза, так и для всего мира.

Когда внутренние ресурсы кредитования промышленности иссякли как в Австро-Венгрии, так и в Германии, то они предприняли попытку разместить облигации государственных займов (первая - в 1913 и в 1914 гг., вторая - в начале 1914 г.) за пределами Европы - на фондовой бирже Нью-Йорка, полагаясь на исключительное положение Моргана-старшего и ведущих банков его «внутренней группы». Однако к весне 1914 г. Он уже бесповоротно утратил прежнее влияние, а новые финансовые группировки (прежде всего, англо-американские финансовые

структуры, ориентированные на получение прибыли от инвестиций в промышленность Юга) руководствовались не только экономической выгодой, но и внешнеполитическими целями государства. В результате, впервые в истории фондового рынка не только США, но и Европы, здесь не удалось разместить ни одной ценной бумаги, выпущенной самым надёжным заёмщиком - государством, а ведущие державы Тройственного союза отказались от резанными от единственного надёжного источника внешнего финансирования - американского банковского сообщества.

Как пояснял в личном письме от 14 ноября 1914 г. Президенту Вильсону Дж. П. Морган-младший, в такой ситуации Германия была вынуждена либо соглашаться на любые условия кредитования, либо попытаться разрушить сложившуюся мировую экономическую систему, то есть развязать войну, «длительностью не более пяти-шести месяцев, достаточных для краха всей системы мировых финансов».

К июню 1914 г. иного выхода кроме как воевать у Германии не остаётся - завершается формирование своеобразного финансового англо-американского альянса: членам «внутренней группы» Моргана (а это прежде всего «немцы» - Кун, Лёб, Варбург, Шифф - предписано оставить посты в советах директоров частных коммерческих банков), банки должны были сообщать о всех переводах денежных средств в Германию, совершённых за истёкший день /3/, председатель арбитражного комитета Торговой палаты Чарлз Бернхаймер и Ф. Бегг, председатель Торговой палаты Соединённого королевства, подписали соглашение о создании общего золотого страхового фонда ... /4/.

1. Link A. The Papers of Woodrow Wilson. V. 22. P. 603 - 604.
2. The Morgans. P. 550 - 574.
3. The New York Times, 03.06.1914. P. 5 - 6.
4. The New York Times, 09.06.1914. P. 3.

Французские информационные системы в годы Первой мировой войны.

Первую мировую войну многие исследователи называют первой информационной войной. Триединство: информации, цензуры и пропаганды, конечно, не ново, так, влияние информации тесно слито с историей войн, начиная с античных времен. Но можно сказать, что именно это триединство приобретает в воюющих странах с августа 1914 г. особый смысл, так как появляются «информационные системы», продукт развития и функционирования власти, и это значительно больше того, что первоначально желали. В национальном плане политическое применение информации построено на необходимости активизировать общественные настроения в заинтересованности выигрыша войны: мобилизовать свои собственные национальные настроения на внутреннем фронте, чтобы они могли сохраняться в течение весьма продолжительной войны, преобразовывая появляющуюся информацию до такой степени, что можно даже говорить об «обработке мозгов»; мобилизовать путем разносторонней пропаганды общественное мнение за рубежом среди союзников и нейтралов, чтобы вначале получить сотрудничество с ними, а затем и вступление их в войну; воздействовать, а лучше деморализовать противника, его настроения путем манипулирования с проникающей к нему информацией. И должны быть выполнены всё-таки три условия: доверяет ли население цензурированной и подвергшейся манипулированию информации, каким бы ни было данным о противнике, об его подлинной политической и военной власти? Не искажают ли официальную информацию в плане «обработки мозгов»? В сущности, население верило только в то, что оно хотело услышать и строило своё пред-

ставление о войне, сознательно или бессознательно выработанное в соответствии со своей национальной культурой. Официальные цензура и пропаганда вызывают тошноту, либо уступают дорогу изощренным играм самоцензуры и стихийной пропаганде в деятельности социумов в военных условиях. Наконец, театр военных действий (передний край - тыл, внутренние фронты - заграничные фронты) и хронология определяют две переменчивые относительно друг друга величины значимости информации в общественном мнении. Начало боевых действий, капитуляция или сопротивление во время войны обусловлены различными обстоятельствами и приобретают разнообразный смысл. Моральный дух, иначе говоря, состояние общественных настроений на восточном и западном фронте не одинаково даже в одно и то же время - в начале войны, в разгар военных действий или при близости их окончания.

Подготовка информационных принципов при ведении войны зиждется на одних и тех же позициях, какой бы ни была политическая система. Все воюющие страны с самого начала немало озабочены распространением военной информации - смеси цензуры и пропаганды, которой и «обрабатывают» готовые к её приему социумы. Проблема в том, что её не так уж и много, но в какой-то степени официальная информация является вполне приемлемой, ей доверяют, и это было принято. Но опять же всё это приобретает весьма неустойчивый смысл в зависимости от времени и положения на карте военных действий. Непродолжительной войне отвечает импровизация в области надзора за общественными настроениями; более продолжительной войне теоретически всегда соответствует более плотный контроль над информацией, колебания или резкие изменения общественного мнения. Так, государство мало-помалу проводит прагматичную политику цензуры (что мы видим), пропаганды (во что мы верим), «информационные системы», которые не являются до конца осознанными и обдуманнными в начале войны,

становятся постепенно продуманными для учреждений, организаций и средств массовой информации, которые их используют. Смысл и значение этого кратко определяет французский депутат Поль Менье 21 января 1916 г. во время парламентских дебатов о цензуре, заявляя, что «информационные системы неточны и сдержаны» /1/. Бюро цензуры, организации военной и гражданской пропаганды, комиссии почтового контроля составляют национальную информационную пирамиду в той степени, в которой путем соглашений удалось в основном установить общий информационный контроль помимо военных и дипломатических аспектов. Цель - контролировать информационные потоки, иными словами, стратегический информационный продукт в зоне боевых действий и в тылу. Население, а иногда и правительство, оставшиеся без информации в первые месяцы войны, провоцируются на недовольство и на самые нелепые небылицы («немецкий снаряд не столь опасен, как кажется» /2/ пишет *Le Petit Parisien* в сентябре 1914 г.). Наоборот, многочисленные рассказы беженцев о зверствах противника по отношению к гражданскому населению, как вполне доказано, являются преувеличением: рассказы о зверствах по отношению к гражданским бельгийцам и французам севера страны появляются здесь на свет, как стихийная пропаганда. В то же время, официальные сообщения военных штабов на первых полосах газет прямо состязаются в лаконичности. «Распространять свою информацию и скрывать чужую» так о своей работе выразился автор военных коммюнике французской ставки Жан Пьеррефе /3/. Что самое главное в источниках информации так это то, что, получая военную информацию от «журналистов в форме», потом от аккредитованных, а затем от журналистов, в одиночку посетивших поля сражений, французское государство организовало полностью подконтрольные ему информационные системы. Кроме сведения в единую систему выходявшей во Франции прессы (многотиражных информационных газет, газет с более анга-

жированной позицией), власть взяла под контроль и информационное агентство Гавас. Через свои филиалы и иностранные бюро, сами связанные с агентствами дружественных стран Гавас централизует и продает обобщенную информацию, придавая ей патриотическую окраску. Ведь газеты и агентство являются коммерческими предприятиями, которые для выживания должны адаптироваться к законам рынка, не забывая при этом и о финансовых связях между прессой и властью. Как точно выразился французский историк Оливье Фуркад, «газета, получая официальные субсидии, охотнее приравнивается к правилам цензуры» /4/.

Управление общественным мнением, как при демократическом, так и при авторитарном режиме, всегда было встроено в методы французского правительства. Оно воплощено в приостановке свобод, мобилизации человеческих умов всех возрастов, патриотического согласия и коллективного повиновения и самопожертвования в социумах, отмеченными еще значительными чертами религиозности, пример - Священное единение при вхождении в войну, и всё это наперекор колебаниям и резким изменениям общественного мнения. Во вторую очередь, разрастание государственной бюрократии в военных условиях и обращение к ресурсам национальной государственной совокупности законов ограничивают реализацию гражданских свобод во время войны. Во Франции имеется закон об осадном положении 1849 г., выдвигающий на передний план центральную и федеральную власть. Начиная с августа 1914 г., в атмосфере согласия в обществе растет число организаций, связанных с печатью или с цензурой. Их последовательное создание, растянувшееся до начала 1915 г., рассматривается как временное, так как в перспективе расчет был на непродолжительную войну /5/. 1 августа 1914 г. французский премьер - министр Рене Вивиани пригласил к себе редакторов политических газет, от ультраправого М. Барреса до ультралевого Г. Эрве и попросил их забыть все счеты, помнить, что они прежде всего

французы и что им нужно взять на себя духовную мобилизацию Франции /6/. Во Франции газеты и журналисты становятся на сторону своего правительства, соглашаются на цензуру всех мастей, являя собой эталон патриотизма. Добиться победы стало лозунгом большинства из них до конца войны. Французское Бюро печати, подчиненное после своего окончательного формирования Военному кабинету министров, по-настоящему организует свою работу после возвращения правительства в Париж в декабре 1914 г. Военная цензура всецело находится в руках военного министерства страны. С сентября 1914 г. в тылу политическая цензура находится в руках полицейских префектов, а, следовательно, и министерства внутренних дел. Разработка цензурных инструкций, временных или постоянных, производится в различных министерствах. Более одной тысячи основных инструкций, не считая тысяч особых инструкций, включенных в цензурные реестры, затрагивающие все стороны жизни страны, разрабатываются во Франции во время войны. В резиденции военного правительства в Париже сосуществует параллельно с ним цензурная комиссия, утвержденная полицейской префектурой, с возложенными на неё обязанностями визировать содержание представлений, программ кабаре, театральных ревью, эстрадных песен и кинофильмов. Она занимается специфической цензурой постановок парижских заведений, вновь открытых с ноября 1914 г., и программ выступлений шансонье, карикатурно изображающих «боша». Формирование, государственное и централизованное, создается в рамках комиссий по цензуре печати под руководством бюро печати в Париже. Такие же формирования задумываются и для двадцати двух французских военных округов, образуя в стране вполне законченную географическую и административную структуру: военный округ, департамент, вплоть до армейских подразделений на местах и префектур. Всего в военное время во Франции насчитывается около 5000 цензуров /7/.

Как только война принимает позиционный характер, власть задумываются о последовательной централизации средств контроля и информации. Но затяжной характер войны формирует недоверие населения по отношению к официальной информации и к разным видам «обработки мозгов». К середине 1915 г., во Франции, информационная система усиливается путём последовательной связи цензуры, которая в первую очередь нацелена на население страны, с пропагандой, которая обращается к другим - нейтралам, желающим войти в коалицию, наконец, к противнику, на которого ей воздействовать трудно. Власть устанавливает, помимо этого, почтовый контроль в армии, цель которого двойная: знать настроения французских солдат, а также запретить на фронте распространение некоторых идей. Верховное главнокомандование Франции создаёт еще в январе 1915 г. три комиссии почтового контроля, каждая из двух-трёх членов, чтобы знать о моральном духе и сдерживать болтливость солдат. Контролёрами составляются письменные сводные доклады. Первые инструкции по почтовому контролю, датированные 1 декабря 1916 г., требуют сотрудничества с контрразведкой, выяснения разглашений, и в последнюю очередь, знания о состоянии морального духа /8/. Почтовый контроль того времени является, хоть и несовершенным, но средством наблюдения за умонастроениями, а также средством цензуры корреспонденций: чем же «дышат» фронтовики в минуты отдыха, в увольнениях, наконец, при атаках, бессмысленных и жестоких. С конца 1916 г. до декабря 1917 г. почтовый контроль осуществляется девятью комиссиями, в каждой от 15 до 25 членов (со специализированными подкомиссиями: военная корреспонденция из-за границы или за границу, из или во внутренние области, гражданская корреспонденция из или в зону армий); комиссии, соответствующие девяти армиям западного фронта, до конца войны вскрывают по 180 000 писем в неделю /9/. С 1917 г. каждый полк должен быть проверен хотя бы один раз в месяц (не менее чем по 500-та

письмам), давая материал для доклада комиссии об общем впечатлении (по рубрикам: гигиена, война, иностранные дела, тыл) и для собрания выдержек из характерных писем. Система постепенно трансформируется в систему косвенного контроля общественных настроений участников боевых действий, с целью узнать из вскрываемой переписки не только об изменениях морального духа в армии, но и нужды их семей /10/. В 1916 - 1917 гг. задача - выяснить определяющие моменты «демобилизации» (усталость, пессимизм, пораженчество, пацифизм) и бороться с ними, отфильтровывая при необходимости армейскую болтливость и паникёрские рассказы. Почтовый контроль того времени может выявлять не только «болтунов и критиканов», но и пораженческую прессу, наподобие, «La Vague» в 1916 г. или «La Bonnet rouge» в 1917 г. Анализ докладов выявляет проблему свободы цензоров в их аналитической работе, проблему самоцензуры, в конце концов, проблему искренности выражаемых редакторами человеческих чувств.

Информационные системы крупных воюющих государств, таким были созданы в определённой степени симметричными. Но среди союзников по Антанте так и не сложилось координация информационных систем. Хотя такие попытки были предприняты. В ноябре 1915 г. правительство Бриана ре-организует пропаганду из служб, находящихся в зачаточном состоянии. В дальнейшем, 5-е бюро армейской ставки координирует цензуру (на самом деле, Бюро печати находится под руководством кабинета, как секция печати при военном министре Франции) и, соответственно, пропаганду, как военную, так и экономическую, имея в виду скороспелость принятия в расчёт воюющими сторонами целей экономической войны. 1915-й год увидел построение официальной пропаганды на основе стихийной, а затем и контролируемой мобилизации части интеллигенции, артистов, учёных. Также в феврале 1916 г. Бриан создаёт Дом печати, целью которого, является донесение, уже прошедшей цензуру пропагандисткой информации, как собственному

населению, так и союзникам, нейтральных стран (враждебных или дружественных) и даже в стан врага. В северных и восточных департаментах оккупированной Франции, через голландские банки финансируется газета «La Voix du pays», которая должна уравнивать «La gazette des Ardennes», финансируемую Германией. Применяется культурная дипломатия путём финансирования издания книг и газет, которые должны подтверждать правоту национальной позиции и опровергать позицию противника в глазах нейтралов. Ставка на нейтральные страны сконцентрировала значительные пропагандистские средства, так как вхождение этих стран в войну обещало стратегические изменения: есть нейтралы «временные или выжидательные», такие как Турция, Италия, Болгария, Румыния, Греция, Соединенные Штаты; принципиальные нейтралы, такие как Швейцария, Нидерланды, скандинавские страны; «нарушенные» нейтралы, наподобие Бельгии: вторжение в неё с августа 1914 г. давало главную тему официальной пропаганде союзных стран, указывающей на несоблюдение Германией международного законодательства. В то время пропусклась только однообразная информация, во всём объёме проверяемая штабами, которые держат контроль над всем тем, что касается проведения операций, подготовленной правительством информации, иногда ценой напряженных отношений между гражданской и военной властью, когда армия полностью не привлечена к руководству страной в условиях авторитарных режимов.

Бои под Верденом и на Сомме активизируют усиление пропагандистской деятельности на западном фронте в 1916 г. Французская пропаганда, нацелена на совмещение героизации участников боёв под Верденом с более умелой цензурой, чтобы преуменьшить «спасительные» размеры только одного сражения, которое не будет последним, и устранить культовое поклонение в противовес официальным первоначальным пропагандистским действиям. Кинематографические и фотографические отображения систематически окружают официальную пропаганду того времени: кадры, смонтированные военными фотогра-

фическими и кинематографическими службами воюющих государств, удовлетворяют потребности тыла еще и в виде кинохроники. Таким образом, Верден и Сомма были изображены чудовищными сражениями. Некоторые официальные фотографии посылались в тыл каждый месяц. 21 августа 1916 г. Выходит англо-французский фильм «Сражение на Сомме», которое крутят в кинозалах до октября 1916 г. Фильм посмотрели около двадцати миллионов человек. Громадный успех фильма наглядно показывает жадный интерес в тылу к реальной информации. Это поворотный момент войны в «пропаганде через изображение».

Верден и Сомма являются также вершиной измышлений о боевых потерях. Франция тщательно скрывает от французов союзнические потери во время первого закрытого заседания Палаты депутатов, открывшегося 16 июня 1916 г. На нем депутат Андре Мажино заявил, что «Сведения о германских потерях под Верденом, предоставленные Домом печати французским газетам, тоже подвергаются цензуре: потери ниже тех, что полагали французы, и тех, что утвердило высшее французское командование» /11/. Кроме того, распространяется мнение о симметричных французских потерях, преуменьшенных высшим французским командованием /12/. Во Франции того времени целью цензуры были: продолжать подавлять волны пацифистских кампаний, а также парализовать германскую пропаганду в газетах, финансируемых деньгами из-за Рейна таких как «L'Eclair» или «La Bonnet rouge».

Формирование консенсуса и одобрение войны проходят через подавление протестов, намного более крупных, чем при организации продуманной пропаганды, начиная со второй половины 1917 г. Год «большой усталости народов» предписывает государствам усилить свою пропаганду и свою цензуру с задачей оказания поддержки тылу и фронту. Это является фазой не развития, а фазой адаптации национальных информационных систем к преодолению новых трудностей, что может стать и жизненно необходимым. Поэтому пропаганда была реорганизо-

вана во Франции в мае 1918 г. при создании Главного комиссариата пропаганды, а также при организации Центра внутренней пропагандистской деятельности против врага, руководимого комендантом Ше, под началом президиума Государственного совета. Что касается Франции, то там обход цензуры ослабляет общую эффективность контроля информации. Газеты постепенно научились избегать цензуры, публикуя частями, в другом издании, ловко перенося информацию на следующий день, если только она не появилась в другой ежедневной газете. Если газета не может основательно скрыть какое-либо национальное общественное событие, то цензура со своей стороны делит на части эти факты, сознательно перенося событие из одного департамента в другой, предупреждая таким путем волнения в национальном масштабе. Она скрывает факт на короткое время, поправляет его таким образом, чтобы он долго помнился как совсем маловероятный. Так, проходят забастовки в Париже, Изере, Ньевре, Гарде, которые в мае 1918 г. являются предметом общего замалчивания. Не желая полного и постоянного сокрытия этих забастовок, французская цензура сумела ограничить область распространения, приглушая информацию с помощью региональных инструкций по цензуре, подготовленных локальными цензурными комиссиями. С этого момента, события уже не имеют национального отклика и не могут оформляться в виде такого явления как национальное общественное мнение: одиночные группы общественности, в социальном или региональном плане, информируются одновременно. Подобное деление не допускает, чтобы полученное знание одного и того же факта могло бы быть разъединённым, не единым. Если пропагандистские действия в конце войны вызывают тошноту, то цензура как раз поддерживалась, например, во Франции до октября 1919 г., чтобы избежать русской революционной заразы, затем немецкой, чтобы ограничить слишком шумные притязания национальных меньшинств в момент мирной конференции, чтобы подготавливать, наконец, вскоре после войны выборы, без скатывания к общественным беспорядкам.

Не споткнулась ли, в конечном счёте, сила пропаганды и цензуры об противодействие социумов? Самоцензура и стихийная пропаганда социумов в военных условиях, безусловно, характеризуют Великую войну. Это время действия процессов культурной мобилизации, которая вызывает патриотические поступки, правила или нарушения социальной практики в вопросе идеальных типов женщины и мужчины. Этот целый «континент» ответов социумов культурному шоку войны - совсем другая история, чем история «изготовления» официальной информации, которая именно и вызывает наш интерес. Деятельность государства ограничивается запретами и созданием преград, она не может, конечно, творить мобилизующее содержание общественного мнения. Так что это никак не институты власти, а отдельные люди рожают темы для пропаганды. Таким образом, сталкиваемся с горизонтальным процессом создания слов, изобретением вещей, сотворением картин, выражением согласия и психологическим вкладом социумов в военных условиях. Эта совокупность поступков, чувств, референций, мысленных изображений, спаянных в боевом опыте на фронте и асимметричной мобилизации в тылу, устанавливает «военную культуру», намного больше определяющую изобретательность пропаганды, чем, собственно говоря, официальная деятельность. В каждой стране общество придумывает оригинальное изображение противника, реализуя взгляды и представления, которые являются продуктом его истории, его страхов, его снов. Эту пропаганду очень хорошо описал Ярослав Гашек в своем знаменитом «Швейке». Французская пропаганда была ничем не лучше австрийской: так, для французов немцы в объектах повседневной жизни видятся животными. Такая стихийная пропаганда не отменяет попыток воздействия официальной пропаганды, которая совершенствуется только однажды в первый год прошедшей войны. В конце концов, действительно ли скрыли от социумов в военных условиях то, что они не хотели бы увидеть? Во что заставили поверить народы и солдат, что они не хотели бы принять? Принятие военных фактов, истинных или ложных, от-

ражает способность социума брать ответственность за войну. Можно уверенно констатировать, что для большинства французов цели войны были понятны и они сознательно несли все военные тяготы.

1. Le Journal officiel de la République française. France. Assemblée nationale. Annales de la Chambre des députés. Documents parlementaires P., 1916. P. 245.
2. Le Petit Parisien, 1914, 12 septembre. P., p.1
3. Pierrefeu J. de GQG. Secteur I. Troi ans au Guarand Quartier General par le redacteur du communique. P. 1920, p. 246
4. Forcad O. Censure, opinion et secret en France//Materiaux pour l histoire de notre temps. 2000. № 58. P. 265.
5. Becker J.-J. , Bernstein S. Victoire et frustrations. P. 1990. P. 27
6. Евдокимова Н. П., Виватенко С. В. Раймон Пуанкаре - президент Франции. СПб., 2005. С. 94.
7. Forcad O. Op cit. P. 265.
8. Ibid.
9. Encyclopedie de la Grand Guerre 1914 - 1918. P. , 2004. P. 454.
10. Ibid.
11. Annalles de la Chambre des Deputes. Debats parlementaires. Session de 1916. P. 456.
12. Ibid.

Петр Самолик (Peter Samołyk)

Переселение украинского населения во Вроцлавское Воеводство в рамках "Операции Висла" 1947 г.

С конца Второй мировой войны и до падения Польской народной республики (ПНР) был распространен миф о добровольном переселении украинского населения в 1944 - 1950 гг. Как польская, так и советская историография признавала, что переселение было необходимым, что оно проводилось гуман-

ными методами и по сути было эвакуацией украинцев на родные земли. До 1989 г. исследования по этой теме практически не проводились, поскольку этому противодействовало коммунистическое правительство, проводившее политику создания этнически однородного государства. Оно не хотело поднимать те темы, обсуждение которых могло вызвать напряжение в отношениях с другими странами-участницами того же политического блока. Только в 1990-х гг. историки и СМИ обратились к этой проблеме.

Прошедшие в последние годы юбилеи переселений, таких как переселение украинцев в УССР (Украинскую Советскую Социалистическую Республику) в 1944 - 1946 гг., стали поводом для начала дискуссий по этим вопросам. Одной из наиболее противоречивых тем, вызывавших полемику в обеих странах, стала "Операция Висла". Для украинцев "Операция Висла" - это проявление враждебной, репрессивной и националистической политики Польши, в то время как поляки считают ее следствием кровавых этнических конфликтов в восточной части страны.

В настоящей статье делается попытка рассказать о судьбе переселенного в 1947 г. украинского населения, в особенности тех, кто был размещен на территории Вроцлавского воеводства в рамках "Операции Висла". Конечно, говоря о Вроцлавском воеводстве, я имею в виду его границы и административный статус на 1947 - 1948 гг., по состоянию до проведения реформы.

Общая характеристика "Операции Висла".

Переселение украинского населения на территорию УССР в 1944 - 1946 гг. не решило украинский вопрос в Польше. На территории юго-восточных воеводств сохранилось несколько центров, где проживало украинское население, избежавшее депортации в УССР. В 1946 г. количество украинцев, проживавших на территории Польши, оценивалось в 14 тысяч человек /1/. Вскоре выяснилось, что эти сведения не соответствуют дейст-

вительности. В составленном весной отчете численность украинского населения оценивалась в 20 тысяч человек. Результаты новых проверок свидетельствовали о проживании уже 80 тысяч украинцев на территории Польши (впоследствии выяснилось, что цифры были вновь занижены: во время "Операции Висла" было переселено около 140 тысяч человек) /2/.

Польское правительство считало опасными сохранившиеся на территории Польши районы с украинским населением, так как они отличались по этическому составу от остальной части страны и могли стать базой для диверсий УПА (Украинской Повстанческой армии). Стремясь положить конец столкновениям на национальной почве в восточной части страны и ликвидировать подпольные движения ОУН-УПА, власти разработали план расселения украинцев небольшими группами на западных и северных польских территориях среди местных жителей.

Убийство генерала К. Сверчевского силами УПА стало поводом для приведения в действие планов правительства. На следующий день после гибели генерала, 29 апреля 1947 г., Политбюро ЦК ПОРП приняло решение "... полностью переселить украинские и смешанные семьи на возвращенные территории и в места, расположенные не ближе, чем в 100 км от границы, не допуская формирования вооруженных групп" /3/. План операции был одобрен Политбюро на заседании 16 апреля 1947 г. На следующий день Государственная Служба Безопасности утвердила решение Политбюро и начала действовать в рамках плана по переселению украинских и смешанных семей /4/. Для проведения операции было мобилизовано 17,5 тысяч солдат.

Сначала предполагалось поселить украинцев в Щецинском и Ольштынском воеводствах, но вскоре выяснилось, что число украинцев в Польше было большим, чем представлялось ранее. Таким образом, пришлось расширить территорию расселения и включить в нее Белостокское, Гданьское, Познаньское и Вроцлавское воеводства. С 4 мая по 15 августа в этих землях было размещено более 140 тысяч человек. Расселение украинцев

на северных и западных территориях Польши длилось в течение целых двух лет (1948 и 1949 гг.). После прибытия в указанные деревни украинское население распределялось таким образом, чтобы составлять не более 10 % от количества местных жителей. Украинцам было запрещено переселяться на земли, расположенные в радиусе 30 км от областных центров, и земли, находившиеся в пограничной зоне - на расстоянии 50 км от сухопутной границы и 30 км от морской границы /5/.

Переселение во Вроцлавское воеводство как часть "Операции Висла".

Организация транспорта, пунктов распределения и размещения населения.

До начала "Операции Висла" украинцы проживали в Жешувском, Люблинском и Краковском воеводствах. Начиная с 28 мая, их стали перевозить на территорию Нижней Силезии. Войские части при поддержке ОРМО (Добровольного милицейского резерва) выселяли украинцев из домов, сажали на подводы и отправляли к так называемым распределительным пунктам. Эти пункты находились вблизи от железнодорожных станций, с которых людей переправляли на другие, большие по территории временные базы. На базах офицеры Бюро Государственной Безопасности допрашивали тех, кто подозревался в сотрудничестве с УПА. По результатам допросов часть подозреваемых отправляли прямо в концентрационный лагерь в Явожно. После пребывания на временной базе в течение одного-двух дней, людей переправляли дальше, к следующему распределительному пункту в Олеснице, или на железнодорожную станцию Брохув, недалеко от Вроцлава /6/. Оттуда людей увозили к их будущему месту проживания - в разных гминах Вроцлавского воеводства.

В крошечном распределительном пункте в Олеснице, так же как и в небольшом Щецинском пункте, отправлявшем переселенцев в Щецинское и Гданьское воеводства, и в Оль-

штынынском, распределявшим украинцев в Ольштынское и Белостокское воеводства, возникло много трудностей. Не удалось справиться с количеством все прибывающего транспорта, на дорогах возникали заторы, и людям приходилось подолгу задерживаться в распределительных пунктах /7/. За время проведения "Операции Висла" в Нижней Силезии с 28 мая по 31 июля 1947 г. 80 транспортных средств с украинским населением было отправлено во Вроцлавское воеводство, 21235 вновь прибывших было расселено в 14 гминах.

Условия переселения.

На новом месте жительства глава деревни должен был предоставить переселенцам крестьянское землевладение. Но поскольку украинцы были последней из всех переселявшихся в течение двух лет на возвращенные польские земли групп, большая часть земельных владений уже была занята /8/. Самой земли хватало, но жилищные условия были не приемлемы. Дома, предназначенные для расселения украинского населения во Вроцлавском воеводстве, были разрушены на 50 - 70 %%. Из-за степени опустошения польские власти были вынуждены отложить планы по передаче крестьянам в собственность индигенных наделов земли /9/. До окончания восстановительных работ власти размещали в одном доме по 2 - 3 семьи или подсаляли семьи в дома к разместившимся в них ранее переселенцам.

Для решения жилищной проблемы экономический комитет Совета министров принял решение предоставить инвестиционный кредит на восстановление разрушенных жилищ переселенцам украинского происхождения /10/. Семья могла получить кредит в размере до 20 тысяч злотых на три года. Однако украинское население почти не проявляло интереса к кредиту. Поэтому вскоре было решено заменить инвестиционные кредиты краткосрочными. Общая сумма предоставленных кредитов достигла 315 млн. злотых /11/. Вроцлавское воеводство должно было получить 67 млн. злотых на восстановление и реконструкцию /12/. Вышеуказанные цифры на первый взгляд впечатляют,

но, принимая во внимание многочисленность украинского населения, становится ясно, что эти цифры не так уж велики. Помощь, оказанная переселенцам в рамках "Операции Висла", пришла слишком поздно, и восстановительные работы начались лишь в конце 1947 г.

Снабжение украинского населения продовольствием.

Населению не хватало продовольствия. "Операция Висла" началась весной, до начала жатвы, поэтому люди не могли собрать урожай до отъезда из родных мест. К тому времени, как они прибыли на новое место, сеять было уже слишком поздно. Те запасы продовольствия, которые переселенцы взяли с собой, быстро подошли к концу, и начался голод. Власти стали распределять зерно и другие продукты, но этого было недостаточно. Сказывалось и отсутствие скота. Особенно не хватало лошадей, без которых было трудно работать в полях. На все население Вроцлавского воеводства приходилось 2517 лошадей /13/.

Отношения между поляками и украинцами.

Во Вроцлавском воеводстве, как в других польских районах, украинцев не любили. Поляки, переселившиеся из Волыни и Восточной Галиции, к украинцам относились особенно враждебно и в течение 1947 г. произошло много столкновений между ними. Лишь в последующие года украинское население стало постепенно ассимилироваться, и отношения с поляками стабилизировались.

Заключение.

С 28 мая по 31 июля 1947 г. 21235 человек украинского происхождения было переселено на территорию Вроцлавского воеводства. С самого начала операции условия жизни на новом месте были крайне тяжелыми. Отсутствие предметов первой необходимости и приближающаяся зима поставили людей под угрозу смерти. Запасы продовольствия быстро кончались, а власти оказывали помощь нерегулярно. В 1947 г. ситуация также

усугублялась негативным отношением польского населения Вроцлавского воеводства к украинцам, с которыми оно не хотело иметь ничего общего. Ситуация была схожей и в других воеводствах и повятах. Лишь в течение нескольких последующих лет жизнь украинцев стала постепенно налаживаться.

1. Chojnowska A., Przesiedlenie ludności ukraińskiej na ziemiach zachodnich i północnych w 1947 r., „Zeszyty Historyczne” 1992, nr 102, s. 18.
2. Akcja „Wisła”, Dokumenty, oprac. Misilo E., Warszawa 1993, dok. nr 224, s. 368, Sprawozdanie z działalności GO „Wisła” за okres od 20 kwietnia do 31 lipca 1947 r.
3. Ibidem, dok. nr 19., s. 65, Protokół posiedzenia Biura Politycznego Komitetu Centralnego Polskiej Partii Robotniczej z 23 III 1947 r.
4. Drozd R., Droga na zachód. Osadnictwo ludności ukraińskiej na ziemiach zachodnich i północnych Polski w ramach akcji „Wisła”, Warszawa 1997, s. 38.
5. Osekowski Cz., Społeczeństwo Polski zachodniej i północnej w latach 1945-1956, Zielona Góra 1994, s. 59.
6. Żurko I., Rozsiedlenie ludności w ramach akcji „Wisła” w dawnym województwie wrocławskim: opracowanie materiałów źródłowych, „Zeszyty Naukowe Univ. Wroc.”, Socjologia, t. 30, 2000, s. 13.
7. Drozd R., op.cit., s. 71.
8. Hałagida I., Ukraińcy na zachodnich..., s. 42.
9. Drozd R., Droga na zachód..., s. 142.
10. Hałagida I., Ukraińcy na zachodnich..., s. 43.
11. Ibid.
12. Chojnowska A., Przesiedlenie ludności ukraińskiej..., s. 74.
13. Drozd R., Droga na zachód..., s. 180, załącznik nr 14.

К. С. Балашова

Российско-финляндское сотрудничество в рамках политики Европейского союза.

На современном этапе развития международных отношений, основными тенденциями которого являются глобализация

и интеграция, анализ двустороннего сотрудничества государств не представляется возможным без учета соответствующих факторов. Соответственно, выявление специфики взаимоотношений РФ с одной из стран-членов ЕС на сегодняшний момент возможно лишь в контексте общей внешней политики Европейского союза, которая, безусловно, стала оказывать значительное влияние на политический курс Финляндии после ее вступления на путь европейской интеграции.

Исходя из определения внешнеполитической доктрины Российской Федерации, одним из важнейших ее приоритетов является Европа. И здесь естественным и весьма перспективным партнером выступает Европейский союз. Диалог с ним особенно важен с учетом современных тенденций в развитии европейской интеграции /1/. В свою очередь, в программе Совета Европейского союза сказано следующее об отношениях Союза с Россией: «Первостепенное значение придается развитию политических и экономических связей между Европейским союзом и Российской Федерацией» /2/.

Последнее десятилетие европейской политики отмечается активным и позитивно нарастающим в целом взаимодействием Российской Федерации с Европейскими сообществами. Взаимоотношения России и Европейского союза регулируются целым комплексом документов. Так, Соглашение о торговле и сотрудничестве Советского Союза и ЕС было заключено еще в 1989 г. В 1991 г. в Европейском союзе была принята программа ТАСИС по финансированию в форме безвозвратных субсидий передачи опыта, позволяющего ускорить переход к рыночной экономике и демократии, к региональным обменам и интеграции в мировую экономику России и других стран, входивших в Советский Союз. Но кроме программы ТАСИС потребовались новые договоренности для дальнейшего развития отношений партнерства с Россией. Переговоры о заключении Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Россией начались в октябре 1992 г. и завершились подписанием документа 1994 г. на острове Корфу, где состоялось заседание Совета ЕС /3/. Речь идет о

смешанном соглашении, охватывающем одновременно области, относящиеся к компетенции ЕС и к компетенции правительств государств - членов Европейского союза.

«Общая стратегия Европейского союза в отношении России», одобренная в ходе очередной встречи руководителей стран-членов Европейского союза в Кельне 3 - 4 июня 1999 г. – первый документ концептуально-прагматического характера, касающийся реализации общей внешней политики Евросоюза и относящийся к отдельно взятой стране. В данной инициативе ЕС можно увидеть еще одно свидетельство значения, которое в Брюсселе и столицах стран - участниц ЕС придается укреплению взаимодействия с Москвой. Принятием Общей стратегии, как говорится в ее тексте, Евросоюз «признает, что будущее России является основополагающим моментом для будущего континента и представляет стратегический интерес для Европейского союза» /4/. Особый раздел Общей стратегии четко обозначает конкретные инициативы ЕС: политический диалог, диалог в области безопасности и по экономическим процессам, торговля и капиталовложение, борьба с организованной преступностью, создание жизнеспособных систем здравоохранения и социального обеспечения, трансграничное и региональное сотрудничество, содействие защите окружающей среды России, усиление взаимодействия российских территорий и регионов Европейского союза в рамках «Северного измерения».

Главная задача состоит в укреплении демократии, принципов правового государства и общественных институтов в России в общеевропейское экономическое и социальное пространство. В качестве основного финансового инструмента в стратегии указывается программа ТАСИС и ее подпрограммы.

На саммите Россия - ЕС в октябре 2000 г. в Париже была принята Совместная декларация об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе. В документах саммита Европейского союза в Ницце в декабре 2000 г. подтверждается, что Россия, как и другие государства, с которыми Союз осуществляет политический

диалог, может быть приглашена в проводимые ЕС операции, также предусматриваются специальные консультации по вопросам безопасности и обороны /5/.

Учитывая сложившийся опыт практического взаимодействия России и ЕС, можно утверждать, что как российское направление приобретает все большее значение в жизни этого крупнейшего в мире политико-экономического образования, так и направление Европейского союза - в международной деятельности России. Очевидно и другое: чем более продвинуты и углублены связи ЕС - РФ, тем объемнее и реальнее возможности у той и другой стороны для поведения в качестве взаимосвязанных полюсов современного миропорядка. Поэтому совершенно логично, что политическая философия Евросоюза исходит из концепции единства Европы и Российской Федерации, из необходимости создания на деле взаимовыгодного баланса интересов России и ЕС /6/. Такая позиция разделяется и руководством Российской Федерации, которое относит развитие отношений Россией с Евросоюзом к числу приоритетных направлений своей внешней политики.

Район Севера Европы в последнее десятилетие на фоне быстрых общих перемен на европейском континенте отличается относительно высокой степенью стабильности /7/. Соответственно, граница России на северо-западе остается наиболее спокойной. Это во многом результат конструктивной и взвешенной политики большинства стран Северной Европы, их стремления к взаимодействию с Российской Федерацией по широкому спектру вопросов. Государства этого региона сегодня сами по себе практически не несут ни военной, ни экономической угрозы интересам России.

Страны Севера Европы, прежде всего Финляндия, исторически играли во многом особую роль в развитии отношений Советского Союза с Западом. Сегодня ситуация несколько изменилась, однако регион сохраняет важное значение в экономическом плане прежде всего в силу того, что российско-финская граница является сегодня одновременно границей между Рос-

сией и ЕС. С вступлением России в «большую семерку-восьмерку» и во Всемирную торговую организацию экономическое углубление столь длительного и сложного процесса развития сотрудничества подчеркивает большое значение этого нового измерения отношений, построенных на партнерстве. Эволюция этого процесса весьма наглядно проявляется в отношениях между Россией и Финляндией, которые являются своего рода микрокосмической моделью. Живой иллюстрацией здесь может служить всевозрастающий интерес и диалог между обеими странами. Взаимный интерес, будь то политический, исторический, экономический, социологический или культурный, преследует цели лучшего ознакомления, научного сотрудничества, поиска решений насущных общественных проблем.

В России заметно ширятся торговые и промышленные контакты между россиянами и финнами. Финансовые круги Финляндии прилагают большие усилия для развития контактов с Россией. На многочисленных семинарах в соседних странах, где нередко встречаются теперь светила русской и европейской политической мысли, завязываются дискуссии, например, о российском гражданском обществе, о восприятии друг друга Востоком и Западом, о новой архитектуре безопасности Европы и т. д. Традиционными становятся совместные культурные мероприятия.

Членство Финляндии в ЕС означает, что в ЕС входит теперь такая страна, для которой Россия является не далекой великой державой, а близким партнером по сотрудничеству. Финляндия прилагает немало усилий, чтобы и другие страны - члены Европейского союза обратили внимание на возможности, предоставляемые Северной Европой. В последние годы ощутимо возросли торговля и транспортные связи между странами Севера. Взаимозависимость и расширяющееся сотрудничество создают преимущественно для всех. На этой основе укрепляются стабильность и безопасность в регионе.

С точки зрения Финляндии, важным вопросом стала политика Евросоюза на Севере Европы, в регионе Балтийского

моря и Баренцева моря после вступления Финляндии и Швеции в Евросоюз, который теперь имеет общую сухопутную границу с Россией /8/. Регион Балтийского моря по многим параметрам имеет исключительно большое значение не только для создания зоны безопасности и доверия на Севере Европы, но и для развития общеевропейских интеграционных процессов, в том числе и на региональном уровне.

В вопросах курса на сотрудничество северных регионов Европейского союза Финляндия занимает инициативные позиции. В последние годы одним из приоритетных вопросов российско-финляндских отношений стало развитие прямого практического сотрудничества между Финляндией и прилегающими к ней территориями России, в том числе Ленинградской областью и Санкт-Петербургом /9/.

В качестве председателя ЕС Финляндия постоянно подчеркивала необходимость расширения сотрудничества между Европейским союзом и Россией. В результате по отношению с Россией была разработана первая совместная стратегия Европейского союза, предусмотренная в Амстердамском соглашении. Осенью 1997 г. Финляндия выдвинула концепцию «Северного измерения Европейского Союза», главные звенья которой - развитие сотрудничества ЕС с Россией с акцентом на ее Северо-Западные регионы, а также с государствами Балтии и Польшей. Инициатива Северного Измерения была рассмотрена на Европейском Совете - совещании руководителей стран ЕС на высшем уровне, состоявшемся в Вене, - и утверждена в качестве официального положения политики Европейского союза. Это измерение предусматривает будущее расширение ЕС на Север и увеличение сотрудничества с государствами, не являющимися членами ЕС, такими, как Россия, Норвегия и Исландия /10/.

В рамках «Северного измерения» европейский Север рассматривается как единое целое, признается, что на основе «позитивной взаимозависимости» инициатива должна будет объединять интересы всех пятнадцати стран - членов Европейского союза и примыкающих к региону стран - претендентов

на членство в ЕС в выстраивании регионального сотрудничества с Россией /11/. От России предполагается участие Архангельской, Мурманской, Калининградской, Вологодской, Ленинградской областей, республик Карелии и Коми, а также Санкт-Петербурга.

Целью «Северного измерения» является обеспечение большей эффективности взаимодействия посредством согласованного осуществления различных программ Европейского Союза.

Программа «Северное измерение» опирается на такие существующие структуры, как сотрудничество в рамках Баренцева и Балтийского морей, взаимодействие Северных стран с сопредельными им регионами, а также на связи по линии Арктического совета. Ставится задача выведения на передний план позитивного потенциала северных регионов Европы, в частности стратегических возможностей по использованию огромных энергоресурсов Северо-западной России. При этом подчеркивается всеобъемлющее значение сотрудничества для Европейского союза /12/. В конкретном плане инициатива направлена на модернизацию основополагающих документов по северному направлению политики Европейского союза, приведению их в соответствие с реалиями сегодняшнего дня.

На развитие «Северного измерения» серьезное влияние оказывает процесс расширения Европейского союза. В частности, это означает постепенно превращение Балтийской политики ЕС во внутривосточную деятельность /13/. При расширении ЕС возрастает и площадь сопряжения Европейского союза с Россией, что приводит к повышению стратегической значимости России для ЕС.

Помимо непосредственных бюджетных средств ЕС, финансирование северных регионов поступает и по каналам международных кредитно-финансовых структур, международной помощи и государственных бюджетов отдельно взятых стран /14/. Финляндия считает, что Евросоюз должен стремиться к достижению более тесного сопряжения программ финансиру-

ния с сотрудничеством, проходящим в приграничных районах между Россией и Финляндией (одновременно являющимися и границей между Европейским союзом и Россией), на Балтике и в регионе Баренцева моря. Финансирование направляется в существенных объемах в страны Балтии и России по линии таких организаций, как Международный валютный фонд, Всемирный банк и Европейский банк реконструкции и развития /15/.

Программа «Северное измерение» придала заметный дополнительный импульс взаимодействию Финляндии с регионами Северо-Запада России. В этих целях активно пропагандируются потенциальные возможности российского Северо-Запада, перспективы развития промышленности в этих регионах, конкретные проекты, которые готовы к практической реализации.

Правовой базой развития приграничного сотрудничества этих регионов с Финляндией явилось межправительственное российско-финляндское соглашение от 20 января 1992 года /16/, которое впервые во внешнеполитической практике России дало право четырем субъектам Федерации на развитие прямых контактов с правительственными структурами зарубежного государства, включая возможность создания совместных рабочих групп и подписания конкретных нормативных документов.

Основные направления и приоритеты взаимодействия финской стороны определяет Стратегия деятельности Финляндии по сопредельным регионам, которая была одобрена руководством страны в мае 1996 года /17/, особенно подчеркивает большое значение совершенствования отношений с соседними странами, содействие укреплению демократии и рыночной экономики, улучшению состояния окружающей среды. Соответствующий мониторинг за реализацией этой стратегии осуществляет специальная Комиссия министров по вопросам сотрудничества сопредельных регионов /18/.

Плодотворная совместная работа в эти годы способствовала созданию на российско-финляндской границе климата взаимопонимания и дружеского содействия между уп-

равленческими структурами обоих регионов и между конкретными участниками проектов, что, в свою очередь привело к росту объемов торгово-экономического сотрудничества Ленинградской области с Финляндией.

Развитие региональных и субрегиональных связей в отношениях между Россией и Севером Европы имеет принципиально большое значение как в плане двусторонних отношений, так и в рамках «Северного измерения». Оно на деле способно в перспективе привести к качественным изменениям как в экономике северо-западных российских регионов (значительно уступающих по уровню своего развития центральным регионам), так и приграничных регионов Финляндии, Норвегии и отчасти Швеции.

В список важных задач «Северного измерения» входит защита окружающей среды и поддержание ядерной безопасности (включая контроль за соблюдением договора о нераспространении ядерного оружия, обеспечение безопасности ядерной энергетики, учет и контроль ядерных материалов, а также контроль за перемещением и экспортом материалов), ограничение вредных выбросов в окружающую среду, повышение энергоэффективности и энергосбережения в России, странах Балтии и Польше. Ставится задача активного участия Европейского союза в региональном сотрудничестве, особенно в регионах Баренцева и Балтийского морей, равно как и повышение эффективности экологического сотрудничества между ЕС и Россией.

Отмечая поступательное развитие экономических контактов, необходимо подчеркнуть значимость сотрудничества в рамках «Северного измерения» в гуманитарной сфере и отметить, что именно оно, как правило, является в международных отношениях своеобразной предпосылкой для экономического сотрудничества, несмотря на то, что, по мнению многих, приоритетная роль отводится экономическому аспекту.

Духовное, гуманитарное взаимодействие народов, которые будут так или иначе вовлечены в реализацию проекта, явля-

ется цементирующим фактором во всех сферах сотрудничества, фактором взаимопонимания. При этом в понятие «духовное» вкладываются такие составляющие, как наука, культура, образование, исторический опыт, самобытность и традиции каждого народа /19/. Особое значение в этом смысле играет этнический компонент. Народы Северной Европы имеют сходные климатические и природные условия проживания и жизнедеятельности. В то же время, например, финно-угорские народы, проживающие в ареале «Северного измерения» (финны, эстонцы, карелы, вепсы, коми, саамы) - связаны к тому же еще и языковым родством. Это является, безусловно, важным фактором в политическом инструментарии концептуального обоснования «Северного измерения», прежде всего, со стороны его инициатора – Финляндии. Сотрудничество в рамках финно-угорского сообщества в гуманитарной сфере имеет уже значительную историю, его координация осуществляется посредством деятельности такого форума, каким является Всемирный конгресс финно-угорских народов, и его исполнительного органа - Консультативного комитета финно-угорских народов /20/. Именно эти контакты в рамках так называемой «народной дипломатии» стали катализатором экономического сотрудничества финно-угорских регионов России и стран мира.

Для стран Северной Европы (даже для не входящей в Европейский союз Норвегии) вопрос о «Северном измерении» политики ЕС является однозначно приоритетным. Концепция «Северного измерения» в случае последовательной и корректной реализации может дать новые возможности для социально-экономического развития Севера Европы и региона Балтийского моря.

Таким образом, используя инструментарий политики Европейского союза, Финляндия внесла новую составляющую в отношения с Россией.

«Членство Финляндии в Европейском союзе не повлияло на наше отношение к региону. Скорее наоборот - Финляндия прилагает немало усилий, чтобы и другие страны - члены

Европейского союза обратили внимание на возможности, предоставляемые Северной Европой. В последние годы ощутимо возросли торговля и транспортные связи между странами Севера. Взаимозависимость и расширяющееся сотрудничество создают преимущества для всех. На этой основе укрепляются стабильность и безопасность в регионе. Выражаю надежду, что вместе мы сможем повлиять на укрепление сотрудничества как в регионе Балтийского моря, так и в масштабах Северной Европы. У нас еще много неиспользованных резервов в сфере экономики, энергетики, транспорта, охраны окружающей среды и, конечно, культуры» /21/, так охарактеризовала политику Финляндии в отношении России президент Финляндии Тарья Халонен, тем самым опровергая всяческие опасения российской стороны о прекращении или ослаблении сотрудничества с соседней страной вследствие резкого поворота ее политики в сторону Европы.

Опираясь на многочисленные исследования, можно сделать вывод, что в деятельности Европейского союза подчеркивается укрепление культурного самосознания в Европе, свобода передвижения и самооценность Европы. Русская культура занимает важное место в европейском культурном наследии. Вместе с тем, анализ двустороннего сотрудничества одного из государств-членов ЕС с РФ не представляется возможным без учета внешней политики Европейского союза. Таким образом, для выявления специфики взаимоотношений России и Финляндии на современном этапе необходимо определить общие закономерности европейской интеграции.

В результате исследования взаимодействия России и Финляндии в области культуры, можно прийти к заключению, что как до, так и после вступления последней в Европейский союз, двусторонние отношения демонстрировали устойчивую тенденцию к поступательному развитию, активно расширяя сферы своего сотрудничества. В дополнении к вышесказанному, будучи членом Европейского союза, Финляндия инициировала программу «Северное измерение», где предусматривается

укрепление сотрудничества между Россией и сопредельными регионами Финляндии не только посредством укрепляющихся экономических отношений, но и в области образования с акцентом на развитие совместных программ.

Таким образом, двусторонние отношения России и Финляндии ярко демонстрируют позитивные результаты, которых можно добиться, если эти отношения диктуются интересами граждан, общественных и экономических кругов. Они могут служить примером расширения культуры мира и стабильности, которая должна распространяться по всему Европейскому континенту.

1. Иванов И. Россия в мировой политике // *Международная жизнь*, 2001, №5, с. 7.
2. Поос Ж. Европейский союз и Россия // *Международная жизнь*, 1997, №9, с. 33.
3. Там же, с. 33.
4. *European Integration and National Identity: The challenge of the Nordic States* / ed. Hensen L., Waever O. - London, New York. - 2002.
5. Alasuutari P., Ruuska P. *Elävänä Euroopassa*. Tampere, 1998, s. 27.
6. Лихачев В. Россия и Европейский союз в стратегической перспективе // *Международная жизнь*, 2001, №1, с. 39.
7. Heininen L. *Euroopan pohjoinen 1990-luvuilla*. Rovaniemi, 1999, s. 36.
8. Pulliainen E., Siuruainen E. *Mitä tehdä Pohjois-Suomella*. Oulu: Oulun Yliopisto, 2000, s. 13.
9. Валтасаари Ю. Взаимодействие в сопредельных регионах // *Международная жизнь*, 1998, №2, с. 38.
10. Лихачев В. Россия и Европейский союз в стратегической перспективе // *Международная жизнь*, 2001, №1, с. 44.
11. The Ministry for Foreign Affairs. *Northern Dimension. Sectors, projects and financing requirements*. Working paper. March, 1998.
12. Joenniemi P., Sergounin A. *Russia and the EU's Northern Dimension* <http://www.isanet.org> .
13. The Ministry for Foreign Affairs. *Northern Dimension. Sectors, projects and financing requirements*. Working paper. March, 1998.
14. Joenniemi P., Sergounin A. *Russia and the EU's Northern Dimension* <http://www.isanet.org> .

15. Alasuutari P., Ruuska P. *Elävänä Euroopassa*. Tampere, 1998, s. 32.
16. Межправительственное соглашение России и Финляндии о сотрудничестве в области культуры, образования и научно-исследовательской деятельности
17. Finland's strategy for cooperation in the neighbouring areas 1996 <http://formin.finland.fi/finnish/>.
18. Северное измерение - <http://www.kvs.spb.ru>.
19. Нестерова Н.А. Гуманитарные аспекты сотрудничества в рамках «Северного измерения». «Северное измерение» в политике Евросоюза и Российского севера. Сыктывкар, 1999, с. 79.
20. Our European responsibility. Respecting differences enjoying similarities. Helsinki, 1998, s. 27.
21. Халонен Т. У нас немало возможностей //Международная жизнь, 1998, №2, с.18.

Т. М. Бтемиров

Обозначение некоренного населения в ФРГ во второй половине XX века в историческом развитии.

В 1950-х гг. Федеративная Республика Германия встала на путь экономического роста. Бум западногерманской экономики характеризовался промышленным подъемом, увеличением объемов производства и сокращением безработицы. Уже к середине послевоенного десятилетия «германское экономическое чудо» потребовало привлечения новых рабочих рук. Правительство ФРГ решило эту задачу с помощью найма работников из-за рубежа. В 1955 г. было подписано соответствующее соглашение с Италией. Бывшие союзники по фронту вступали в ряды германских рабочих. С 1960 г. благодаря аналогичным межгосударственным соглашениям примеру итальянцев последовали испанцы, португальцы и греки. В 1961 г. взор немецких промышленников обратился в сторону богатой людскими ресурсами Турции. В 1963 - 1965 гг. двусторонние соглашения о найме рабочей силы были подписаны с другими мусульманскими стра-

нами - Марокко и Тунисом. В 1968 г. к ним присоединилась Югославия.

Все межгосударственные соглашения имели характерную особенность - в них было включено положение о принципе ротации рабочих. Обязательная ротация предусматривала то, что контракт между иностранным работником и германским работодателем заключался на определенный срок, по истечении которого работник должен был вернуться на родину. Срок пребывания мог составлять от года до нескольких лет. На место отработавших людей в странах-донорах вербовались новые «свежие» силы. Многие работники, поработав, возвращались опять, либо на месте продлевали контракт.

Немцы надеялись использовать временно присутствующую рабочую силу в качестве «амортизатора конъюнктурных колебаний» или «мобильного трудового резерва». Страны-доноры же получали снижение уровня безработицы и приток валюты в страну. Сами рабочие изначально намеревались находиться в Германии только ограниченное время, с тем чтобы, быстро накопив заработанное, строить на родине свою собственную жизнь /1/. Таким образом, сотрудничество в этой сфере было взаимовыгодным.

В эти годы в немецком языке получило распространение понятие **Gastarbeiter** (гастарбайтер), обозначающее рабочих-иностранцев в ФРГ. Слово состоит из двух основ - *Gast* (гость) и *Arbeiter* (рабочий). Оно считается эвфемизмом, который заменял официальное обозначение **ausländische Arbeitnehmer** (иностранец-работополучатель). До 1945 г. термин *Gastarbeiter* применялся в III Рейхе в отношении гражданских лиц, занимавшихся принудительным трудом, и использовался наряду с такими терминами как **Fremdarbeiter** (иностранец-рабочий), **Zwangsarbeiter** (принудительный рабочий) и **Ostarbeiter** (восточный рабочий). Исключение составляли военнопленные и лица, помещенные в концентрационные лагеря /2/. Несмотря на историю употребления, слово прижилось в языке, а его негативное восприятие ушло в прошлое. Этому в частности способст-

вовала не только его простота и краткость, но и эмоциональная окраска его составляющих: гастарбайтер - рабочий, которому оказывается гостеприимство. Ко всему прочему, слово имело ключевой смысл, отражавший временность присутствия иностранных работников: гость приезжает, гостит определенное время и уезжает обратно. Таким образом, понятие идеально подошло для отражения принципа ротации иностранных рабочих, применявшегося в ФРГ.

Со временем ротация рабочих-иностранцев стала давать сбои, так как не отвечала интересам предпринимателей. Для предприятия нецелесообразно заменять уже обученных работников на новичков, которым только предстоит обучение производству. Такая ротация имеет определенные издержки. Поэтому, зарекомендовавшие себя рабочие могли продлевать контракт, а по мере укоренения в Германии заключать долгосрочные договора найма. Гастарбайтеры стали создавать в новой стране семьи, заводить детей. От идеи возвращения их отталкивал более низкий уровень жизни на родине и ждущая их там безработица.

Разумеется, что рабочие-иммигранты распределялись по территории ФРГ не равномерно, а концентрировались в крупных городах и промышленных агломерациях Западной Германии: Франкфурт-на-Майне, Оффенбах, Штуттгарт, Мюнхен, Мангейм, Кельн, Западный Берлин. Среди федеральных земель здесь лидируют Северный Рейн-Вестфалия, Баден-Вюртемберг, Бавария и Гессен.

В 1964 г. количество иностранных работников, посетивших Федеральную Республику, достигло 1 000 000. С помпезностью был отмечен приезд в Германию миллионного гастарбайтера. Пресса, телевидение и радио ФРГ уделили этому событию большое внимание. Имя португальца Армандо Родригеса де Са стало известно многим жителям страны. В период с 1955 по 1973 гг. в Федеративную Республику въехали 14 миллионов иностранных рабочих и 11 миллионов в рамках изначально объявленного принципа ротации выехали обратно. А в начале семидесятых годов 20% прибывших на немецкую землю решили

обосноваться в Германии навсегда. Под влиянием развития промышленности в странах южной Европы и конкуренции со стороны греков и турок, как более дешевой рабочей силы, доля итальянцев, испанцев и португальцев в общей численности иностранцев, временно проживающих и работающих в ФРГ, сократилась. Так, к 1973 г. итальянцев в Германии стало на 10% меньше. Доля же турков возросла на 30% и, с численностью 605.000 работников они стали самой крупной рабочей диаспорой Германии /3/.

В 1974 г. экономику ФРГ потряс кризис. Темпы роста упали, практически исчезла потребность в дополнительной рабочей силе. Учитывая угрозу безработицы среди коренного населения, властями было принято решение о прекращении найма работников из-за рубежа. Этот момент в немецкоязычной литературе принято обозначать Anwerbestopp - остановка найма. В Германии к тому времени число иностранных рабочих составило более двух миллионов, а с членами семей - более трех миллионов человек /4/. Однако остановка найма иностранцев не привела к их скорому возвращению на родину, напротив эта мера стала препятствием для ротации и мобильности гастарбайтеров. Многие рабочие - иностранцы в изменившихся условиях вынуждены были поменять свои долгосрочные планы на жизнь. До того они приезжали в Германию на определенный срок, стремились заработать и вложить накопленные деньги в свое будущее на родине. И, естественно, в преобладающем большинстве случаев семьи рабочих оставались в своих странах. Иностранные работники из государств не входящих в ЕС, не могли в данной ситуации рассчитывать на очередное возвращение в ФРГ, если они покинут страну. В особенности, это касалось турецких и югославских рабочих. Для граждан Греции, Испании и Португалии существовала та же проблема, поскольку на то время эти страны еще не входили в Европейское сообщество. «Гости» стояли перед новой альтернативой: возвращение, либо привоз семьи в Германию. Многие выбрали последний вариант.

Таким образом, политика ограничения иммиграции потерпела неудачу: вместо того, чтобы иностранцы стали паковать чемоданы и ехать домой, собираться в дальний путь стали члены их семей. А вскоре статистика рождений детей немецкой национальности в ФРГ стала увеличиваться, и половозрастная структура иностранного населения начала меняться на глазах. Количество иностранцев пребывающих в Германии, к концу 1974 года перевалило за 4 млн. Из них только половина - занятые в производстве гастарбайтеры /5/.

В связи с создавшейся ситуацией в 1978 г. учреждается должность *уполномоченного федерального правительства по интеграции иностранных лиц наемного труда и членов их семей*. Первым уполномоченным по делам иностранцев был назначен бывший премьер-министр земли Северный Рейн-Вестфалия, член СДПГ, Хайнц Кюн (Heinz Kühn). В его обязанности входило консультирование кабинета правительства, анализирование с министрами положения дел и предложение проектов по их улучшению. Сюда же относятся концепции по реэмиграции и работе с населением /6/.

В сентябре 1979 г. впервые на политической сцене был озвучен проект нового вектора иммиграционной политики германского государства - меморандум Хайнца Кюна «Состояние и перспективы интеграции иностранных работников и их семей в Федеративной Республике Германия». С этим проектом связано новое видение иммиграции и появление новой терминологии, отражающее эти изменения. Кюн призывает «признать, что состоялось необратимое развитие, и социальная ответственность в отношении людей, большинство из которых на сегодняшний день уже значительный срок проживает в Германии, и которые некогда были целенаправленно "привлечены", а также их детей, не может быть переменной величиной сложившейся конъюнктуры рынка труда» /7/. На страницах меморандума Кюн приводит к определению Германии как иммиграционной страны. То есть Кюн ратует за то, чтобы «готовым остаться **иммигрантам** (по всей вероятности, большинству из них), в особенности вто-

рому и третьему поколению, была предложена безоговорочная и длительная интеграция» /8/. Меморандум Кюна направлен на «интеграцию навсегда» и противопоставлен «временной интеграции», которая подразумевает возвращение иммигрантов на родину. И в духе новой концепции Кюн оперирует в меморандуме «революционным» термином **Einwanderer** (иммигрант), вместо принятого тогда *Gastarbeiter* (гастарбайтер). Таким образом, когда рабочие-иностранцы решили остаться навсегда и воссоединились в новой стране со своими семьями, термин гастарбайтер в их отношении стал неактуальным. «Гости», которые не хотят уходить становятся «иммигрантами». Однако, несмотря на меткость нового обозначения, термин плохо приживался в официальной сфере, так как правительство еще проповедовало лозунг «Германия - не иммиграционная страна» (Deutschland ist nicht Einwanderungsland). Немцы надеялись на возвращение прибывших.

Одним из последствий анвербештоппа - прекращения найма иностранных рабочих, стало скрытое воссоединение семей гастарбайтеров и прошения об убежище, как единственный путь к рабочей иммиграции /9/. С середины 1970-х гг. ежегодное количество ходатайств об убежище резко возросло. Кроме того, причиной такого скачка числа прошений стали гражданские столкновения в Турции в 1979 - 1980 гг., завершившиеся 12 сентября 1980 г. военным переворотом и массовыми репрессиями. Если ежегодное количество ходатайств о предоставлении убежища в 1970 г. равнялась 8645, то в 1980 г. эта цифра перевалила за рекордный сотысячный рубеж и составила 107 818. Из них 55 000 ходатайств принадлежали турецким гражданам /10/.

Военный переворот в Турции вызвал вторую по величине волну переселенцев из Турции в ФРГ после рабочей иммиграции 1960 - 1970-х гг. Теперь это были политические противники режима /11/. Иммиграция начала первых лет 1980-х гг. вызвала значительное изменение демографической структуры живущих в Германии турок. К крупнейшей группе рабочих-иммигрантов

присоединились беженцы - в значительной мере состоявшие из интеллектуалов-политиков, участников событий 1971 и 1980 гг. в Турции /12/. Около 60 тыс. из этого потока, почти треть, составили турецко-подданные курды /13/. Так, применительно к прибывшим иммигрантам с Ближнего Востока, а затем и Югославии вошли в употребление термины **Flüchtling** (беженец) и **Asylant** (лицо, пользующееся правом убежища).

В качестве общего обозначения не-немцев, проживающих с 1960-х гг. Германии стало выступать понятие **Ausländer** (иностранец), что вполне естественно, так как иммигранты и их дети, в том числе рожденные в ФРГ, не наделялись местным гражданством. Германия не стремилась закрепить за собой статус иммиграционной державы де-юре. Если говорить о семантике, которое приобрело в эти десятилетия слово *Ausländer*, то наиболее близкой аналогией в лексиконе русского языка является не *иностранец*, а *иноземец*.

Однако *Ausländer*, будучи общим понятием, не отражало иммиграционные реалии ФРГ. К концу 1980-х гг. слово иностранец заменяется более корректным в политическом смысле термином **ausländische Mitbürger** (иностраннный согражданин). Так в 1986 г. в предисловии к изданию „Deutsches Ausländerrecht“ - «Немецкое право об иностранцах» было верно замечено следующее: «Охотно употребляемые благодаря своему приукрашивающему действию термины "иностраннные сограждане" или "гастарбайтеры" приводят к заблуждению и весьма подходят для того, чтобы вызывать необоснованные иллюзии. Не-гражданин (лицо без гражданства или иностранец) не входит в число сограждан. Он - житель. [...] Права иностранца - ограничены. С другой стороны он не бесправен» /14/.

К концу ушедшего столетия (1998 г.) в стране проживали свыше 82,06 млн человек. Из них около 7,2 млн из них относились к *иностраннным согражданам* - 8,9 % населения. До 60 % из них проживали в ФРГ более десяти лет. А две трети детей *иностранцев* родились в Германии /15/. Следует сделать ремарку о том, что *иностранцами* не считались этнические немцы, прие-

хавшие из Восточной Европы и Советского союза, в 1980-е и 1990-е гг. Немецкое происхождение являлось для них фактором, определявшим автоматическое получение гражданства. Для их обозначения, в отличие от упомянутых категорий иммигрантов использовались термины **Aussiedler** (переселенец, репатриант) или **Spätaussiedler** (поздний переселенец). Этот пример отражает моноэтническое понимание нации, присущее тогда немецкому обществу. В этом проявилась ориентация немецкого законодательства в наделении гражданством на *jus sanguinis* (принцип крови), а не на *jus soli* (принцип почвы).

Иностранцы, родившиеся или прожившие в ФРГ пол жизни, зачастую воспринимались «чужими» и в стране происхождения, поскольку, усвоив западные нормы поведения, привыкнув к западному стилю жизни, бытовой инфраструктуре стали отличаться от своих бывших соотечественников. Так, например, турки, живущие в Германии, получали на родине наименование **Almancilar** (германцы, германские) /16/. Исследовательница проблемы интеграции турецко-курдских меньшинств Сейран Атеш (Seyran Ateş) ругает за то чтобы применительно к таким категориям населения ФРГ вошел в употребление термин тождественный турецкому *Almancilar* - **Deutschländer** (от *Deutschland* - Германия) /17/. Действительно, германцем в территориальном смысле, можно обозначить жителей Федеративной Республики, не являющихся этническими немцами. Однако, на пути продвижения термина *Deutschländer* встает серьезное препятствие в виде слабой готовности общества к приятию иммигрантов как неотъемлемой части настоящего и будущего Германии.

С появлением нового законодательства о гражданстве от 15 июля 1999 г. связано появление терминологии, отражающей новые реалии. Закон вызвал обширные политические дебаты и дискуссии в прессе. Примечательно, что, начиная с 2000 г., когда большинство его положений вступили в силу, он стал называться не Законом о подданстве Рейха и немецком гражданстве (*Reichs- und Staatsangehörigkeitsgesetz* - RuStAG), а просто Зако-

ном о гражданстве (*Staatsangehörigkeitsgesetz* - StAG). В соответствии с параграфом, 4 абз. 3 StAG с 1 января 2000 г. Немецкое гражданство при определенных, вполне достижимых условиях, могли приобретать при рождении дети, иностранцев, родившиеся на территории Германии /18/. Поскольку эти дети при рождении, как правило, к тому же становятся еще и гражданами государства происхождения своих родителей, они обретают до совершеннолетия двойное гражданство. Для взрослых претендентов на гражданство минимальный срок постоянного законного проживания в Германии сокращен с 15-ти до 8-ми лет. Благодаря нововведениям в 2000 году, немецкие паспорта получили 186.688 иммигрантов. Затем пошло постепенное снижение числа натурализаций.

В связи с резким увеличением принятия иностранцами немецкого гражданства в начале нынешнего столетия, а также с процессом интеграции русскоязычных немцев с 1990-х гг. вошло в употребление понятие **Migrationshintergrund** (миграционное происхождение). Термин **Menschen mit Migrationshintergrund** (люди с миграционным происхождением) пришел также на смену противоречивому «иностранцы сограждане».

Понятие миграционного происхождения широко распространилось в политической и научной сферах. В 2005 г. оно было введено в оборот федеральным статистическим ведомством ФРГ и использовалось для проведения переписи населения. В качестве лиц с иммиграционным происхождением ведомство определяло:

- всех переселенцев на современную территорию Германии после 1949 г.,
- всех родившихся в Германии иностранцев
- всех родившихся в Германии немецких граждан, хотя бы один родитель которых иммигрировал в Германию с 1950 г. или родился в Германии будучи иностранцем /19/.

Таким образом, понятие охватывает не только иммигрантов и их потомков из Турции, Италии, Югославии и других стран, но также и поздних переселенцев из России. Кроме того,

оно не отражает степень культурной интеграции иммигрантов, социальный статус и прочие второстепенные признаки. При этом, люди с иммиграционным происхождением делятся статистиками на две категории: родившиеся в Германии - одна треть от общего числа, и две трети которые имеют собственный опыт иммиграции, называемые также **Zugewanderten** (переселенцы, иммигранты).

В 2006 г. согласно вышеупомянутому определению в ФРГ проживали 15,1 млн человек с иммиграционным происхождением, что соответствует 19% населения /20/. Что касается регионов, из которых они прибыли, то наиболее крупные группы составляют выходцы с территории Советского Союза (21%), Турции (19%), Южной Европы - Италии, Испании, Греции (12%), Польши (11%) и территории бывшей Югославии (10%) /21/.

Итак, появление в ФРГ со второй половины XX в. Некоренного населения, сопровождалось соответствующим понятийным аппаратом. Вместе с изменением государственной политики и общественного мнения в отношении иностранцев происходило развитие сопутствующей терминологии. В этом развитии отразилось представление о месте и роли иммигрантов в стране и постепенное приятие Германии как иммиграционной страны. Исключение, подтверждающее правило, составляют праворадикальные националистские силы, в программных документах которых иммигранты фигурируют именно как иностранцы, даже если те родились и выросли в ФРГ. Но в целом, можно сказать, что в языке принимающей их страны зафиксировался сложный исторический путь, проделанный иммигрантами и их потомками от гастарбайтеров к немецким гражданам.

1. Karin Hunn: "Nächstes Jahr kehren wir zurück...". Die Geschichte der türkischen „Gastarbeiter“ in der Bundesrepublik., Wallstein Verlag, Göttingen 2005., S. 529.

2. Schiller Thomas, NS-Propaganda für den „Arbeitseinsatz“. Lagerzeit-

- ungen für Fremdarbeiter im zweiten Weltkrieg: Entstehung, Funktion, Rezeption und Bibliographie. Hamburg: LIT Verlag, 1997. S. 6.
3. Klaus J. Bade., Ausländer- und Asylpolitik in der Bundesrepublik Deutschland: Grundprobleme und Entwicklungslinien.//Einwanderungsland Deutschland : bisherige Ausländer- und Asylpolitik ; Vergleich mit anderen europäischen Ländern ; eine Tagung der Friedrich-Ebert-Stiftung am 14. und 15. Mai 1992 in Potsdam. - Bonn: FES Library, 2001 S.54.
4. Klaus J. Schwehn. Gastarbeiter in Deutschland. 31.03.2008. http://politik-gesellschaft-deutschland.suite101.de/print_article.cfm/gastarbeiter_in_deutschland
5. Geissler Reiner. Die Sozialstruktur Deutschlands. Opladen, 1996. S. 215.
6. Rosen, Klaus-Henning. Ausländerpolitik der 90er Jahre: Vorstellungen der SPD.//Ausländer im vereinten Deutschland: Perspektiven der Ausländerpolitik ; eine Tagung der Friedrich-Ebert-Stiftung am 7. und 8. Mai 1991 in Leipzig. - Bonn, 1991. S. 24.
7. Kühn Heinz. Stand und Weiterentwicklung der Integration der ausländischen Arbeitnehmer und ihrer Familien in der Bundesrepublik Deutschland. Memorandum des Beauftragten der Bundesregierung. Bonn, September 1979. S. 2.
8. Kühn Heinz. Stand und Weiterentwicklung der Integration der ausländischen Arbeitnehmer und ihrer Familien in der Bundesrepublik Deutschland. Memorandum des Beauftragten der Bundesregierung. Bonn, September 1979. S.3.
9. Özdemir Cem, Deutsch oder nicht sein? Integration in der Bundesrepublik. Berlin, 2000. S.138.
10. Geschichte des Bundesamtes.//Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. URL: http://www.bamf.de/cln_101/nn_443360/DE/DasBAMF/Chronik/Bundesamt/bundesamt-node.html?__nnn=true (дата обращения 15.06.2009).
11. Cramer, Jost. Migration //Politik und Unterricht: Türken bei uns. 2000. №3. S.11.
12. Hazar, Nedim. Die Seiten der Saz in Deutschland.//Fremde Heimat: Eine Geschichte der Einwanderung. Essen: Dokumentationszentrum und Museum über die Migration in Deutschland, Februar 1998.
13. Sayan, Giyas. Kurdische Einwanderung, speziell nach Berlin.//Kurden in Berlin. Berlin: GNN-Verlag, 1999. S. 5.
14. Deutsches Ausländerrecht. 2. Auflage. München: Beck-Verlag, 1986. S. 1.

15. Tatsachen über Deutschland. Frankfurt Main. 1992. S. 15.
16. Ateş, Seyran. Der Multikulti-Irrtum. Wie wir in Deutschland besser zusammenleben können. Berlin: Ullstein Verlag, 2007. S.24.
17. Ibid. S. 26.
18. Staatsangehörigkeitsgesetz (StAG)//Ein Service des Bundesministeriums der Justiz in Zusammenarbeit mit der juris GmbH // URL: http://www.gesetze-im-internet.de/rustag/_4.html (Дата обращения: 19.09.09)
19. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus 2005.// Statistisches Bundesamt, Wiesbaden. // URL: <https://www-ec.destatis.de/csp/shop/sfg/bpm.html.cms.cBroker.cls?CSPCHD=00b0000100004kkl7fPH0000003NiyHbSCSL84yzp51IsOUg--&cmspath=struktur,vollanzeige.csp&ID=1020313>. Дата обращения: 19.09.09).
20. Ibid.
21. Wippermann Carsten, Bodo Flaig Berthold, Lebenswelten von Migrantinnen und Migranten. // Aus Politik und Zeitgeschichte. Heft 5/2009 vom 26. Januar 2009. S. 4.

Массов А.Я.

Система университетского образования в Австралии (по личным впечатлениям)

В марте-апреле 2008 г. по приглашению Квинслендского университета (г. Брисбен) состоялась моя поездка в Австралию. Ее финансирование осуществлялось за счет гранта Австралийской академии гуманитарного образования, а цель поездки состояла в сборе архивных материалов и ознакомлении с новой литературой по истории и современному состоянию отношений Австралии и России. Кроме того, были проведены занятия со студентами, специализирующимися на изучении русского языка, российской истории и культуры. Помимо Квинслендского университета мне удалось побывать в Австралийском национальном университете в Канберре, в университетах Сиднея и небольшого городка в австралийской глубинке Армидейла. По-

ездка 2008 г. стала моим третьим посещением Австралии, первые две поездки состоялись в 1992 и 2000 гг. В ходе каждой из них предоставлялась хорошая возможность познакомиться с особенностями работы австралийских университетов: организацией и качеством проведения учебного процесса, условиями труда преподавателей и студентов. Думается, что в свете медленно и трудно идущей реформы высшей школы в России будет небезынтересно поделиться впечатлениями о состоянии высшего образования в Австралии.

В настоящее время в Австралии, стране с населением более 21 млн. человек, насчитывается 54 университета, 8 из которых считаются ведущими. В их число входят Австралийский Национальный университет в Канберре, Университет Монаша в Мельбурне, Университет Аделаиды, Мельбурнский университет, Сиднейский университет, Квинслендский университет в Брисбене, Университет Нового Южного Уэльса в Сиднее и Университет Западной Австралии в Перте. Подавляющее число университетов - государственные, однако все университеты пользуются традиционной для западной системы образования автономией. Вмешательство государства в их внутренние дела ограничивается лишь финансовой помощью и контролем качества «конечного продукта».

Высшее образование в Австралии платное и составляет на гуманитарных специальностях от 11 до 14 тысяч австралийских долларов в год (1 австралийский доллар равен примерно 85 центам США). Существуют различные системы государственной и частной помощи студентам в оплате обучения, однако этих пособий, как правило, недостаточно. Большинство студентов вынуждено брать долгосрочные кредиты в банках, возврат которых осуществляется уже после окончания учебного заведения. Выплата этих кредитов, однако, не обременительна. В личных беседах студенты уверяли меня, что проценты по кредитам небольшие, и потому гораздо выгоднее взять кредит, получить высшее образование и, как следствие, иметь хорошо оплачиваемую работу, нежели жить без долгов, но не иметь ни

высшего образования, ни хороших карьерных перспектив в будущем. Значительное число студентов для оплаты учебы и ради «карманных» денег подрабатывают: в Брисбене ранним утром можно было видеть, как студенты убирают корпуса университета и территорию кампуса.

Стоимость получения образования в Австралии значительно меньше, чем, например, в университетах Англии и США, а качество обучения ничуть не уступает лучшим университетам мира. Именно поэтому в Австралии учится множество иностранцев - прежде всего, разумеется, из стран Азии и Океании. Однако встречается немало студентов и из США, привлеченных умеренными ценами австралийских университетов. В последнее время в Австралии появились студенты из России. Австралийские дипломы признаются повсюду в мире. Плата, которую вносят за обучение иностранные студенты, составляет одну из важнейших статей дохода австралийских университетов.

Система обучения в Австралии, по сути дела, копирует английскую и также имеет две ступени - бакалавриат и магистратуру. Поскольку учеба - дело добровольное, то студент может учиться столько лет, сколько ему понадобится для усвоения учебной программы и насколько хватит его финансовых возможностей. Соответственно нет никаких «планов по набору» и «планов выпуска дипломированных специалистов». Количество студентов в вузах, как и количество нанимаемых для их обучения преподавателей колеблется год от года и зависит исключительно от репутации вуза и его диплома на рынке труда. В ведущих университетах количество студентов составляет при этом от 25 до 40 тысяч человек. Отсутствие обязательного планирования «подготовки кадров высшей квалификации» имеет своим следствием также то, что ни одному преподавателю университета не придет в голову «вытаскивать» студента «на троечку».

Необходимо подчеркнуть, что на уровне бакалавриата студентам дают высшее образование, но отнюдь не высшую профессиональную подготовку. Бакалавр в австралийском уни-

верситете получает, главным образом, набор знаний по основным гуманитарным предметам, в то время, как тонкости профессии он получит в магистратуре, куда, однако, большинство студентов не идет. При такой организации учебного процесса уровень получаемых студентами профессиональных знаний и навыков, по российским понятиям, не очень высок. Студент ориентирован не на усвоения максимального количества фактов, а на повышение своего общеобразовательного уровня и обучение методам, правилам и приемам *самостоятельной* работы по «добыванию знаний». Окончивший российский вуз обладает гораздо более фундаментальными и систематизированными знаниями в своей профессиональной области, зато выпускник австралийского университета являет собой, как правило, более творческую личность, способную к поиску самостоятельных и нестандартных решений.

Цели «научить учиться всю жизнь» подчинена и организация учебного процесса. Студент должен сам определить и выбрать те учебные курсы из числа предложенных вузом, которые он собирается изучить. При этом можно записаться на курсы соседнего «родственного» факультета - это не считается криминалом. Как правило, студент должен выбрать не менее 8 предметов в семестр, каждый из которых оценен по трудности в баллах («кредитах»). Сумма кредитов должна соответствовать заранее оговоренным требованиям. Таким образом, если студент выбирает предметы, «которые полегче», то он вынужден будет записаться не на 8, а на гораздо большее количество учебных дисциплин. Как правило, студенты выбирают то, что им пригодится в будущей профессиональной деятельности и то, что кажется им интересным. Именно поэтому, например, в Квинслендском университете многие - в том числе и студенты младших курсов, обучающиеся естественным или техническим наукам, записываются на одно- или двухсеместровые курсы по истории России и русской культуры. Для большинства из австралийских студентов Россия представляется таинственной, экзотической и совершенно непонятной страной. Хочется узнать о

ней больше. Но при этом первокурсники отнюдь не собираются делать русский язык или изучение русской культуры своей профессией. На русском отделении Квинслендского университета на дисциплины, предлагаемые первокурсникам, записывается, подчас, более сотни студентов, в то время как число выпускников, сумевших дойти до диплома бакалавра на русском отделении, никогда не превышает 10 человек.

По каждой выбранной дисциплине студент пишет не менее двух письменных работ. Эти работы, реферативные в своей основе, несут вместе с тем и заметный исследовательский элемент. Элемент научной новизны неизбежен уже хотя бы потому, что письменные работы, по крайней мере, по гуманитарным дисциплинам, являются результатом по-настоящему самостоятельного творчества студента. Любая попытка плагиата или примитивной компиляции выявляется, приравнивается к воровству и ведет к немедленному и безальтернативному отчислению студента из университета. Впрочем, такие попытки очень редки, так как, по словам преподавателей, студенты считают унижением для себя неспособность то-то написать самому, к тому же чисто психологически плагиат воспринимается как одна из форм заурядного воровства. На экзаменах студенты также не списывают. Во-первых, это унижительно и крайне неприлично, во-вторых, попытка использовать шпаргалку будет сразу же пресечена твоими товарищами по студенческой группе. Пойманный на использовании шпаргалки студент немедленно отчисляется. Следствием такого отношения к учебе является то, что «пройденный» и «сданный» учебный материал действительно усваивается студентами.

В тех австралийских университетах, где мне удалось побывать, нет отдельных исторических факультетов. В Квинслендском университете, например историческое образование можно получить на факультете искусств в рамках Школы социальной истории, философии, религии и классической древности. На этом же факультете функционирует Центр по истории европейского дискурса, призванный изучать «ключевые тради-

ции в области культуры и развития интеллектуальной жизни европейских народов». Проблемы XX в. можно изучать в Школе политико-социальных и международных исследований факультета социальных и поведенческих наук. Изучение истории и культуры той или иной страны возможно и на соответствующих языковых и страноведческих секциях в Школе лингвистических и сравнительных культурологических исследований факультета искусств. (Именно в рамках этой школы действует в Квинслендском университете и русское отделение - одно из двух, оставшихся в университетах Австралии. Вторым центром изучения русского языка и культуры является университет Макуори в Сиднее).

При таком «неклассическом», с нашей точки зрения, делении университета на научные подразделения учебные программы также выглядят «неклассически». В качестве иллюстрации приведу перечень учебных курсов, предлагаемый студентам, специализирующимся на изучении новой истории. Чем-то вроде обобщающих курсов являются курсы «Поворотные моменты в мировой истории», «История Австралии: современный итог в исторической ретроспективе», «Интерпретация истории» и «Исторические исследования». Кроме того, студенты имеют возможность выбрать и прослушать учебные курсы по более частным проблемам австралийской и мировой истории. Среди посвященных истории Европы и США нового и новейшего времени назовем «Европа в 1200 - 1800», «Западный мир с 1789: государство и общество в Европе, Северной и Южной Америке», «Россия: развитие на пути к революции [Evolution to Revolution] (862 - 1917.)» и «Советский Союз: от революции до распада [Revolution to Devolution] 1917 - 1991)», «Имперская Британия: общество и культура в годы империи (1700 - 1991)», «Германия от Бисмарка до Гитлера (1870 - 1933)» и «Германия от Гитлера до воссоединения (1933 - 1991)», «Правые радикалы и фашизм в Европе», «История великих держав (1815 - 1989)», «Анатомия сверхдержавы: история Соединенных Штатов с 1945 по настоящее время». Будущим историкам предлагаются также

такие курсы как «История политики и культуры 1960-х гг.», «Современная Британия: политика, общество и культура 1880 - 1960» и более чем «экзотические», по нашим понятиям, дисциплины, вроде «Колдовство и демонология в Европе и ее колониях в эпоху Средневековья и раннего нового времени», «Секс и сексуальность», «Тело, мода и сфера потребления в истории». Понятно, что большинство курсов носят авторский характер, определяется возможностями преподавательского корпуса и в сумме даже не ставят своей целью дать студентам систематическое и, по возможности, полное знание истории. В беседах с преподавателями-историками очень быстро выяснялось, что они досконально знают предмет своих научных изысканий, но при этом весьма слабо ориентируются (а то и совсем не ориентируются) в смежных областях исторического знания.

Контракт с преподавателем на работу в университете заключается, как правило, на один год и подлежит ежегодному продлению. Постоянный контракт - удел немногих самых известных и популярных преподавателей университета. По достижении пенсионного возраста (65 лет для мужчин и 62 года для женщин) преподаватели практически безальтернативно подлежат увольнению и уходят на пенсию. Считается, что необходимо освобождать места для молодых коллег. Нанятый на работу преподаватель не может читать один и тот же курс постоянно - их необходимо постоянно обновлять. Приветствуется постановка интегрированных курсов, содержание которых охватывает материал смежных дисциплин и позволяет широко применять метод сравнительного анализа. Разработка нового учебного курса предполагает не только подготовку соответствующего учебно-методического комплекса, но и размещение всех учебных материалов на персональном сайте преподавателя в интернете. На этом сайте размещается также конспект последней прочитанной лекции, чтобы студент имел возможность ознакомиться с ее содержанием и, если необходимо, задать по электронной почте вопросы преподавателю. Посещение занятий в большинстве австралийских университетов не обязательное,

но пустые аудитории означают, по сути дела, некачественную работу преподавателя. Все эти правила очень дисциплинирует преподавательский состав, заставляя делать занятия не только насыщенными учебным материалом, но и интересными.

Несмотря на широкое использование компьютерной техники и возможностей интернета, студент и преподаватель поддерживают постоянный личный контакт, обычно на семинарских и практических занятиях. Поскольку семинарские группы невелики по размеру (от 7 до 15 чел.), каждый из студентов успевает выступить и проявить себя. Занятия проходят очень неформально - нередко не в учебной аудитории, а в кабинете преподавателя, подчас с чашечкой кофе в руке. По итогам изучения каждого курса студенты готовят обычно 2 письменные работы, напоминающие наши курсовые. Эти работы внимательно (а отнюдь не «по диагонали») читаются преподавателем, который дает на каждую из них развернутый письменный отзыв. Отзыв на каждую студенческую работу пишет и «оппонент» - обычно это другой преподаватель того же факультета, работающий в смежной области знаний. Студент имеет право обжаловать оценки, выставленные ему преподавателем и оппонентом - это не рассматривается как ЧП и, более того, поощряется. Понимается, что в ходе дискуссий студент «защищает» свою работу и учится отстаивать собственные взгляды.

Дипломные работы для получения степени бакалавра или диссертации на степень магистра в целом по качеству не отличаются от того, что пишут наши студенты, однако, как правило, они несколько больше по объему. При этом и недостатки в квалификационных работах такие же: плохое знание иностранных языков ведет к недостаточному использованию иноязычной литературы. Особенно это заметно при знакомстве с работами, посвященными истории России. Надо заметить, что русская история редко становится темой дипломных сочинений, да и то в этом случае будет выбрано что-либо из истории русских революций и реакции на них австралийцев, истории российской эмиграции и русской диаспоры в Австралии или анализу козней

«руки Москвы». Для примера назову темы работ на получение степени бакалавра, защищенных в разные годы в Квинслендском университете: К. Цвек «Страх пред большевизмом в Австралии: консервативная пресса Сиднея и пресса Австралийской лейбористской партии в 1917 - 1924 гг.», Д. Стокс «Небольшое приключение: участие Австралии в британской интервенции в северной России», Ф. Маклеод «Коммунистический интернационал и австралийские радикалы в 1919 - 1928 гг.», Р. Эмери «Тело, душа и паспорт: Русские иммигранты в Квинсленде в начале 1900-х гг.», Т. Приданникофф «Жестокая иллюзия: русский фашизм в Квинсленде в годы второй мировой войны». Диплом русской по происхождению Тани Приданниковой, знающей язык своих предков, выгодно отличается от большинства названных работ широким использованием источников и литературы на русском языке. В то же время австралийские студенты-историки гораздо в большей степени, нежели наши, используют архивные материалы. Связано это с необычайной доступностью документов, хранящихся в австралийских архивах. Никакого специального разрешения и согласований для работы в них не требуется. Любой человек с улицы может прийти в здание архива, сделать заказ и обычно в тот же день получить необходимые документы. Все архивы Австралийского Союза объединены в единую архивную службу Национальных архивов Австралии. В последнее время развернулась интенсивная работа по оцифровке архивных материалов, многие из которых уже можно найти, прочитать и скопировать, используя Интернет.

Поведение студентов во время лекций и семинарских занятий весьма свободное: можно сесть на ступеньки аудитории, расположенной амфитеатром, можно жевать бутерброд или употреблять прохладительные напитки. Нет и никакого особого дресс-кода ни для преподавателей, ни для студентов. В жарком тропическом климате австралийского штата Квинсленд и наставники, и питомцы могут прийти на занятия в майках, шортах, шлепанцах на босу ногу, а то и просто босиком. Занятия со студентами проводятся утром, днем и иногда вечером, однако,

системы вечернего образования (с усеченными учебными программами, как в России) в австралийских государственных университетах нет. Считается, что такое образование не может быть качественным.

Особо следует отметить условия, созданные для работы преподавателей. Каждый из них, независимо от должности и своего статуса в университете в обязательном порядке имеет отдельное помещение для работы, оборудованное стеллажами для книг, персональным компьютером и телефоном. Используя свой пинкод для входа в систему, все сотрудники университета (и студенты тоже) могут бесплатно пользоваться интернетом.

Учебно-методическая и педагогическая деятельность преподавателя занимает почти все его рабочее время. Научкой преподаватели австралийских университетов занимаются гораздо меньше. Это удел немногочисленных профессоров, ибо звание профессора присваивается в Австралии только тем, кто стал известен своими научными достижениями в международном масштабе. «Средний» преподаватель австралийского вуза обычно готовит докторскую диссертацию (PhD), издает по ее материалам монографию и успевает за годы своей карьеры опубликовать относительно небольшое количество статей. В Австралии принята своеобразная система защит докторских диссертаций на соискание ученой степени доктора философии (PhD). Публичные защиты на заседаниях диссертационного совета, как и сами диссертационные советы, отсутствуют. Автор диссертации, получив одобрение научного руководителя, сдает ее в ученый совет своего университета. Университет рассылает диссертационную работу *без* фамилии соискателя трем оппонентам, обычно зарубежным специалистам по данной проблематике. Никто из них не знает, кто еще выступает оппонентом по этой диссертации, как не знает и имени самого диссертанта. Анонимность эта отнюдь не фиктивная, а вполне настоящая. В своей рецензии, присылаемой в ученый совет в письменном виде, оппонент наряду с анализом текста должен дать четкий ответ, заслуживает ли соискатель присвоения искомой ученой сте-

пени, заслуживает после доработки текста или не заслуживает вовсе. Никакой комплиментарности быть не может. Если один из оппонентов оценивает работу положительно, а два других отрицательно, то это фактически означает, что «добрый» оппонент подорвал свою научную репутацию и его больше никогда и никто не будет привлекать к рецензированию. Если все три оппонента положительно оценили рецензируемую работу и посчитали соискателя заслуживающим ученой степени, вопрос считается решенным. Ученый совет выписывает, а диссертант получает документы о присвоении ему ученой степени доктора философии. Структуры наподобие нашего ВАКа в Австралии нет.

Для публикации работ преподавателей в каждом из ведущих университетов существует свое издательство. Однако «плана изданий» в нашем понимании и очереди преподавателей на публикацию своих трудов в Австралии не существует. Автор сам должен предложить издательству опубликовать свою монографию, причём совсем не обязательно обращаться в издательство «своего» университета. Издательство возьмется за выпуск работы в свет, если сочтет ее не только важной и нужной в научном плане, но и способной окупиться в коммерческом отношении. Именно поэтому большинство работ австралийских историков имеют заманчивые, а то и просто залихватские заголовки. В последнее время широко практикуется издание электронных книг. На сайте того или иного университетского издательства размещается электронный вариант книги. За определенную плату его можно прочитать на экране или скачать в собственный компьютер. Электронное издание приравнивается к обычной печатной работе, и автор может включить его в список своих научных трудов. Статьи публиковать гораздо проще - многие университеты издают свои журналы по гуманитарным наукам. Так, например, в Квинслендском университете выходит «Австралийский журнал политики и истории» («Australian Journal of Politics and History»), этот журнал получает РНБ.

Профессия преподавателя высшей школы, хотя и явля-

ется достаточно престижной в Австралии, не принадлежит к числу наиболее высокооплачиваемых. Вместе с тем заработок сотрудника австралийского университета, по статусу равного российскому доценту или профессору, безусловно, превышает среднюю по стране оплату труда. Очень важной является система, при которой любые личные траты, связанные с исполнением своих профессиональных обязанностей возмещаются государством. Так, например, из налоговых выплат предыдущего года будут возвращены затраты на покупку нового компьютера или на поездки на конференции и симпозиумы, участие в которых рассматривается как повышение квалификации. Такая система весьма стимулирует работников высшей школы повышать свой профессиональный уровень. При этом никаких планов повышения квалификации сотрудников в нашем понимании в австралийских университетах не существует.

Важнейшей составной частью любого университета, без которого немислим учебный процесс, являются библиотеки. Во всех библиотеках австралийских университетов действуют электронные каталоги, которые содержат не только реестр имеющихся в наличии печатных изданий, но и предоставляют возможность пользоваться обширными базами данных по различным направлениям научного знания. Сводный каталог статей в периодических изданиях, получаемых библиотеками Австралии, составляется сотрудниками Австралийской национальной библиотеки в Канберре и регулярно рассылается в библиотеки университетов. Доступ ко всему библиотечному фонду открытый, причем непосредственно около книжных полок (так же, впрочем, как и в читальных залах) стоит множительная техника. Студент может тут же отсканировать необходимые ему страницы книги, а саму книгу оставить на специальном столе. По окончании рабочего дня библиотекари поставят книги на место. Если книги были выданы на дом, то при возврате в библиотеку достаточно опустить их в специальный ящик, библиотекари сами спишут книги с твоего электронного формуляра. Воровства книг, по словам библиотечных работников, нет. Сво-

бодный доступ к печатным изданиям не предусмотрен только в Национальной библиотеке Австралии в Канберре, но и там работать очень удобно. Читатель, выбрав по электронному каталогу необходимую книгу тут же по компьютеру делает заказ. Через 10 минут заказанная книга уже лежит на специальной полке под табличкой с буквой, на которую начинается фамилия читателя.

Конечно, достижения системы университетского образования Австралии очевидны. Они не сводятся только лишь к высокой технической оснащенности, комфортабельным условиям для учебы студентов и работы преподавателей, должному уровню оплаты преподавательского труда. Главное, пожалуй, в другом - в акценте на обретение выпускниками австралийских университетов широкого кругозора и навыков самостоятельной творческой работы. С другой стороны, российская система высшего образования дает более фундаментальные, систематизированные знания и обеспечивает гораздо более высокий уровень профессиональной подготовки. Совместить достоинства той и другой было бы наилучшим решением с точки зрения перспектив развития высшего образования в нашей стране.

IV. Источниковедение и историография.

В. А. Ушаков

Историография США о проблемах американских лоялистов

История лоялистов - противников американской революции XVIII в. давно получила «права гражданства» в исторической науке США, Канады и Великобритании. Еще современники событий положили начало изучению этой темы. Правда, она долгое время не принадлежала к профилирующим в издаваемой в Соединенных Штатах исторической литературе. В науке и в идеологии молодой республики тогда стремились утвердить дух патриотизма, ученые и политики интересовались «главным образом историческими событиями, идеями и деятелями, связанными с победившей стороной, то есть лагерем патриотов-республиканцев». В первые десятилетия после войны за независимость освещением проблем лоялистского движения и критическим изучением деяний «отцов-основателей» США в основном занимались лоялисты-эмигранты и их потомки. В Великобритании и Канаде публиковалось много памфлетной и мемуарной литературы, локальных и генеалогических исследований, и разного рода «писания о “подвигах” тех, кто оставался верен Великобритании». В этих странах постепенно создавалась солидная библиотека из сотен книг и статей /1/. В количественном и качественном отношении такая литература в конце XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. все же уступала издаваемым в США сочинениям пропатриотического толка.

Исследователи не придерживаются единого мнения о традициях в изучении лоялизма в Соединенных Штатах. Они оценивают работы предшественников и коллег в соответствии со своими научными и политическими критериями. Одни утверждают, что историки несправедливо «забыли» о противниках независимости, и чуть ли не до 60-ых гг. XX столетия не пред-

принимали серьезных попыток изучать данную тему /2/. Другие, наоборот, пишут о «легионе ученых, опубликовавших множество монографических исследований» /3/, указывают на тот «долгий путь», который американские специалисты «прошли» с момента их обращения к истории лоялистского движения /4/. Определить истинное положение - задача самостоятельная и важная. Не вдаваясь в подробное рассмотрение аргументов участников спора, укажем, что сторонники первой точки зрения порой неправомерно принижают или игнорируют достижения значительных групп историков, в течение десятилетий разрабатывавших проблемы лоялизма /5/.

Важные шаги по «восстановлению» интереса к лоялистам в США многие вполне справедливо связывают с именем Л. Сэбина. Он еще в середине XIX в. в общей форме рассмотрел вопросы о численности и составе лоялистов, о причинах, побуждавших разные слои и группы населения сохранять верность британской короне, и об основных целях, которые они преследовали в годы противоборства с американскими патриотами. «Историк-любитель» Сэбин (как его именуют некоторые современные авторы) проделал трудоемкую и кропотливую работу по сбору и изучению рассеянных, нередко весьма противоречивых и отрывочных сведений не только о многих лидерах и активных участниках проанглийского движения, но и части рядовых лоялистов. В поле зрения автора оказались и чиновные, знатные и богатые американцы, и собственники средней руки, и менее обеспеченные сельские жители и горожане, мало известные общественные и религиозные деятели, типичные представители колониальной интеллигенции, мелкие чиновники, клерки, ремесленники и другие. Его исследование было опубликовано в 1848 г., затем дополненное и переработанное автором, оно в двух томах было переиздано в 1864 г. /6/. О значении усилий Л. Сэбина свидетельствуют собранные им обширнейшие данные, его оценки и обобщения, которые легли в основу работ историков последующих поколений /7/. Капитальный труд Л. Сэбина послужил и своего рода образцом при дальнейшем

изучении проанглийского движения в отдельных колониях, создании обобщающих работ и биографических справочников /8/. А зарубежные исследователи к началу 1980-ых гг. примерно через 120 лет после переиздания этой книги смогли внести только некоторые коррективы и дополнения в материалы «историка-любителя» XIX века /9/.

Появление труда Л. Сэбина вызвало неприятие со стороны коллег, мысливших в рамках ортодоксальных установок того времени. Все же Сэбин не был столь «дерзок» и одинок, проявляя внимание к противникам патриотов, как то порой утверждают в историографии /10/. Его современники, изучавшие и готовившие к публикации источники по истории революции, уже приобщались и к рассмотрению вопросов истории лагеря лоялистов. В середине - второй половине XIX в. в такие коллекции включались ранее изданные документы, газетные сообщения, архивные и другие материалы. В большинстве случаев эти публикации не утратили своего значения и для современных специалистов по ранней истории США. А среди наиболее известных и показательных можно назвать предпринятую П. Форсом сложную многотомную публикацию серий так называемых «Американских архивов» /11/ и многотомные публикации источников по истории колонии-штата Нью-Йорк, осуществленные под редакцией Е. Б. О'Каллэхена и Б. Ферноу и некоторые другие материалы /12/. Собранные ими ценные сведения не только детально освещали противостояние патриотов с лоялистами и британскими властями, но постепенно подводили исследователей и к пониманию необходимости целенаправленного изучения лоялистского движения как части американской истории.

Заметные сдвиги в этом отношении произошли в последние десятилетия XIX в. В 1879 г. была издана написанная лоялистским историком - верховным судьей колонии Нью-Йорк Т. Джонсом «История Нью-Йорка в революционной войне» /13/. Начало же систематического изучения истории лоялизма обычно связывают с именами двух исследователей - Дж. Эллиса и

М. К. Тайлера. Первый являлся президентом Массачусетского исторического общества. Он написал специальный обстоятельный раздел о лоялистах для многотомной истории Америки, изданной под редакцией Дж. Винсора. Дж. Эллис сообщал также и важные сведения о публикации наследия лоялистов в отдельных штатах. Его работа, открывая новый этап в изучении противников патриотов, таким образом подводила и итоги предшествовавших усилий американских исследователей в этой области /14/. А профессор Корнельского университета Тайлер выступил с ревизией «концепции американской революции, утвердившейся со времени Дж. Бэнкрофта». Он в статье о лоялистах и в двухтомном исследовании литературных и публицистических источников революционного периода ознакомил читателей с богатым наследием лидеров и идеологов проанглийского движения и пытался реабилитировать их в интеллектуальном и политическом плане /15/. Его усилия тогда оказались «своевременными». В общественном мнении Соединенных Штатов наметился поворот, который в немалой степени был обусловлен «текущими задачами политики» - необходимостью поиска «в историческом прошлом обоснования складывавшегося к началу XX века англо-американского альянса». /16/.

О таком повороте в научной жизни Америки свидетельствовал и выход из печати в 1896 г. работы историка Д. К. Хосмера, подробно осветившего взгляды и деятельности губернатора Массачусетса Т. Хатчинсона. Автор ранее создал биографию С. Адамса - радикального руководителя американской революции и непримиримого противника Хатчинсона. Рецензент, сравнивая две книги Хосмера, убеждался в том, что тот перешел «в русло идей новой школы» и «более симпатизировал Хатчинсону» /17/. А уже через несколько лет начали издавать значительные работы А. Флика и К. Ван Тайна /18/, Ч. Лиинкольна и К. Л. Беккера /19/, Дж. Старка и У. Сиберта /20/, а также других авторов, посвященные изучению непосредственно истории лоялистов либо противостояния сторон в предреволюционный период и годы революции. В первой трети XX в. Ко-

личество подобных исследований быстро росло. Тогда же складывалась и основная специализация в изучении проблем лоялизма, они стали одной из приоритетных тем в историографии США. Многие из опубликованных тогда работ и ныне сохраняют свое значение, они по-прежнему широко используются в исследовательском и учебном процессах. Для значительной части специалистов по ранней истории США авторитет предшественников весьма высок, их труды нередко рассматривают как неотъемлемую часть современной историографии. Ее полная и правильная характеристика поэтому возможна лишь с учетом вклада американских исследователей XIX - первой трети XX вв.

Данные положения применимы и к работам, вышедшим в свет в 1940-е гг. /21/. Однако смена поколений исследователей, их переориентация на разработку других проблем вели к снижению интереса к лоялистической тематике. Но в начале 1960-х годов часть историков вновь активизировала разработку проблем лоялизма. А в 1970-ые гг. - накануне 200-летия американской революции усилились призывы ликвидировать «отставание» в их изучении. Авторы здесь руководствовались не только желанием воссоздать полную картину войны за независимость, обеспечить всесторонний и комплексный подход к изучению важнейшего этапа американской истории, но к тому же исходили из сложившейся политической и идеологической конъюнктуры в Соединенных Штатах /22/. В историографии создалось необычное положение: историки начали бóльшее внимание уделять не основателям и защитникам американского государства, а их противникам, превращая их чуть ли не в главных героев событий тех лет. Профессор П. Майер в начале 1974 г. заявляла: «Лоялисты потерпели поражение в революции, но, кажется, он выигрывают ее 200-летний юбилей...» /23/.

В эти годы история американских лоялистов снова стала модной и приоритетной темой. Должную дань ей стремились отдать и многие молодые исследователи, и признанные авторитеты. Тон все более задавали сторонники так называемой «идеологической» интерпретации войны за независимость

США - единомышленники и ученики американского историка Б. Бейлина. Он сам написал биографическое исследование о влиятельном лидере лоялистов - королевском губернаторе Массачусетса Т. Хатчинсоне. Один из ненавистных реакционеров был представлен историком в обличье крупного ученого, деятеля, пекущегося о благе соотечественников и желающего уберечь их от «эксцессов революции» и «преждевременной» независимости. Т. Хатчинсон, считает Бейлин, пострадал от необузданной «анархии», а общество потеряло яркого и талантливого политика и администратора /24/. В работе отчетливо проявилась эволюция взглядов автора, отход от высказываемых им в 1960-ые гг. пропатриотических оценок и стремление фактически реабилитировать противников патриотов. Пролоялистская историография в лице Б. Бейлина и его школы обрела дополнительную поддержку. Их работы способствовали расширенному изучению проблем лоялизма в соответствии с усиливавшимися тогда консервативными тенденциями в политике и идеологии правящих кругов США.

В 1970-ые гг. Б. Бейлин сформулировал важные положения, воспринятые многими исследователями. Согласно его утверждению: «взрыв революции не был результатом социального недовольства, экономических потрясений, углубления нищеты либо иных непостижимых социальных трудностей, которые, кажется, занимают воображение историков, изо всех сил стремящихся обнаружить особые предпосылки переворота». В условиях жизни широких слоев населения и в поведении рядовых американцев лидер «идеологической» школы не находил изменений, которые, на его взгляд, могли бы вызвать революционные потрясения или как-то их оправдать /25/. Б. Бейлин, М. Нортон, Р. Кэлхун, Дж. Поттер и другие ученые представляют лоялистов прежде всего как талантливых деятелей науки и культуры, удачливых предпринимателей и героев колониальных войн, опередивших свой век политических руководителей, изгнание которых якобы «обескровило» Америку /26/. Крах лоялизма названные историки трактуют «как поражение разума и

логики перед лицом страсти и насилия» /27/. Они намеренно акцентируют внимание лишь на трудностях, возникших в ходе войны за независимость США и ее жертвах. На передний план ими выдвигаются объяснения, не связывающие позиции жителей колоний с их социальным положением, экономическими и политическими интересами. Таким образом, в работах Бейлина и его коллег реакционная сущность лоялизма затушевывается, а наличие в американской истории социальных антагонизмов и почвы для революций отрицается. Эти ученые представляют лоялизм как явление, характерное для всех слоев и групп американского общества, и «растворяя» проанглийски настроенную колониальную элиту среди масс американцев, на деле стремятся обойти решение вопроса о социальных, политических силах, стоявших во главе лоялистского движения, и о том, чьи интересы в первую очередь выражали и защищали его руководители и активные члены /28/.

В русле названных установок в 1970-ые гг. в США осуществлялись значительные программы исследования истории лоялистов. Так, ряд ученых в сотрудничестве в Публичной библиотекой Бостона приступили к осуществлению крупного проекта - составлению и изданию «лоялистской библиотеки» /29/. В ней предполагалось опубликовать источники - официальные документы и частные письма, дневники, памфлеты, труды лоялистов и иные материалы, касающиеся этого лагеря, и также переиздать специально отобранные исследования, в которых с приемлемых для составителей «библиотеки» позиций освещалась деятельность противников независимости США как в масштабах всей страны, так и в отдельных регионах и колониях, раскрывались история идеологической борьбы и политические доктрины лоялистов, судьба лоялистской эмиграции и т. д. Официально сформулированная цель проекта - стимулировать «изучение этой забытой части американского прошлого»... «возродить интерес» к лоялистам, которые якобы «представляют одну из наиболее неверно понимаемых групп в нашей (американской. - В. У.) истории» и за два прошедших столетия

«сильно пострадали от рук историков». Ибо, по мнению инициаторов создания «лоялистской библиотеки», лоялистов «либо полностью игнорировали... либо ультра-патриотические писатели представляли в несимпатичном освещении» и изучали лишь «спорадически». «История, - с сожалением резюмируется во введении и предисловии к одной из переиздаваемых таким способом монографий, - обычно писалась победителями, а не побежденными и поэтому мы не знаем о лоялистах столько, сколько должны знать» /30/. За подобными формулировками и призывами стоят однако небезобидные мысли. Их авторы настойчиво проводят ревизию значительных событий американской и мировой истории.

На первом симпозиуме по истории американской революции, проведенном Библиотекой конгресса США в 1972 г. в рамках кампании по подготовке празднования 200-летия независимости США /31/, М. Б. Нортон сделала показательный в этом отношении доклад /32/. Автор выступила в нем с резкой критикой выводов тех историков - ее предшественников /33/, которые в той или иной форме выделяли завидное имущественное и общественное положение, экономические и политические интересы сторонников Великобритании в Северной Америке. Она стремилась опровергнуть традиционные представления об активном ядре лагеря лоялистов как о выходцах преимущественно из состоятельных и богатых слоев колониального общества, являвшихся «ультра-консерваторами, выступавшими против изменений любого рода». М. Б. Нортон оспаривала мнение о них как о группах, которые именно в силу их социального статуса, политических и религиозных воззрений осуждали борьбу американцев против «британского гнета» и противились независимости и грядущим переменам в жизни колоний. Докладчица не считала, что лоялисты тем самым наносили ущерб важнейшим интересам своей родины. Она рекомендовала коллегам изменить отношение к противникам независимости - «устранить слепые предубеждения из нашего представления» о них, расширить изучение их движения и рассматривать его как рав-

ноценную, важную составляющую часть в истории американской революции и Соединенных Штатов /34/.

На этом же симпозиуме с М. Б. Нортон солидировался содокладчик - Э. Райт /35/. Он развил некоторые ее тезисы и, в частности, о том, что «большинство тори (лоялистов. - В. У.) были «весьма обычными» людьми, «не очень отличавшимися от революционных сограждан». Тори, утверждает историк, представляли «не только земельный класс, а весьма широкую часть населения, не олигархию, а разнородную совокупность меньшинств (национальных или религиозных. - В. У.). Я полагаю, - продолжал Э. Райт, - что они жили, главным образом, в районах, утративших свое экономическое значение, и что большинство не в английских общинах (шотландцы и немцы) питали лоялистические настроения». Более того, по суждению содокладчика, в 1776 г. «лоялистов» как таковых еще не существовало, ибо вне армии Вашингтона патриотов было «немного». «Мятежная нация» возникла лишь в 1778 г., а до этого «большинство колонистов», по мнению британского генерала Гоу, «были послушны закону» либо «нейтральны, пассивны» и, следовательно, «лояльны» /36/. Выступление Э. Райта в то же время содержит материалы, которые отчасти опровергают такие тезисы, не подкрепленные подсчетами, фактами и свидетельствами /37/.

Однако подобные заключения для консервативных историков и идеологов привлекательны тем, что они должны, по их мнению, привести к «переосмысливанию» взаимоотношений различных слоев и классов в ходе борьбы за независимость США. Согласно такой логике ученых, если массы колонистов, составляющих основу противоборствовавших лагерей, практически не отличались друг от друга и имели благие намерения и цели, то острейшие противоречия в американском обществе нивелируются и имеет место лишь драматизм заблуждений, ошибок и взаимной отчужденности, от которой проигрывают и побежденные и победители /38/. Американская революция в изображении этих авторов предстает уже не мощным движением народных масс, а выступлением меньшинства. Открыва-

ется простор и для забытых концепций, в том числе и интерпретаций лидеров лоялистов, называвших революцию делом рук «кучки подстрекателей». Очевидно, трактовка лоялизма как чуть ли не «общенародного» движения, в котором доминировали фермеры и простые горожане, призвана также умалить и революционную традицию американского народа.

Выработанные к середине 1970-х гг. положения не утратили значения, их достаточно активно пропагандируют и развивают в последующие десятилетия. Свидетельством тому служит опубликованная весной 1987 г. в журнале «Timeline» статья Ф. Рассела, обобщающая результаты исследований феномена «черного лоялизма» /39/. Автор знакомит читателя не только с новыми положениями и оценками, сообразными с полученными к этому времени данными, но в свете призывов к изучению массовой базы проанглийского движения пытается оспорить или подправить выводы своих предшественников о роли негров в войне за независимость США /40/. Работа Ф. Рассела написана как бы в противовес аналогичной по характеру и объему обзорной статье известного исследователя У. Брауна, напечатанной в журнале «History Today» в 1964 г. /41/. Различные подходы авторов к негритянской теме становятся очевидными уже по прочтению названий и вступительных абзацев обеих работ. В статье «Негры и американская революция» Браун в сжатой форме раскрывает участие черных американцев в войне за независимость США на стороне и патриотов и лагеря британцев и лоялистов /42/. А в появившейся через 23 года работе Рассела «Свобода рабам. Черные лоялисты в американской революции» срезом же предполагается моральное и численное превосходство поддерживавших Великобританию негров над их собратьями, примкнувшими к патриотам /43/.

Статью Ф. Рассела открывает ставшее уже традиционным утверждение об одностороннем освещении большинством авторов подвигов патриотов-негров и игнорировании черных американцев, с не меньшим упорством поддерживавших «дело короля». В историографии США эту же особенность отмечали и

другие ученые, в том числе и У. Браун. Но если Браун исследует в статье отношение к негритянскому населению «обеих сторон» - и британцев, и американцев /44/, то Рассел сосредоточивается на доказательстве высказанного им в начале работы тезиса: «В любом случае те, кто служил королю, численно намного превосходили черных, вставших на сторону американцев» /45/.

Браун проявляет достаточную сдержанность и взвешенность в суждениях и оценках; он приводит материалы, красноречиво раскрывающие действия лоялистов и британских генералов по привлечению рабов на свою сторону и ответные меры американских властей. В итоге историк приходит к заключению о невозможности точно установить, какая часть негров активно и осознанно участвовала в борьбе на той или иной стороне /46/. А в статье его оппонента поддержка неграми патриотического движения, их участие в военных действиях на стороне революции представлены скорее как эпизоды, по значению и масштабам во многом уступающие аналогичным действиям в пользу врагов американской республики. Рассел приводит немало дополнительных интересных данных о бегстве негров под защиту британских войск, их службе в сухопутных частях и на флоте, выполнении ими различных боевых заданий и вспомогательных работ, а также сведения о судьбах лоялистской эмиграции, в составе которой оказались и тысячи свободных негров и рабов. Однако акценты им расставлены так, что должны подвести читателей к несбалансированным оценкам и выводам в отношении роли чернокожих американцев в войне за независимость США /47/.

В современной историографии США все более утверждаются представления об «общенародном» характере лоялистского движения. Суждения о лоялистах как о разнородной группе, включавшей все слои американского общества, постепенно вытесняют господствовавшие до этого стереотипы-мнения о них как преимущественно о представителях элиты либо как о «благородных фермерах, жителях границы, черных, индейцах, городских рабочих и иммигрантах». Сторонники нового подхода в

разряд противников революции зачисляют разные общественные группы в Новой Англии в Нью-Йорке, Пенсильвании и на юге США. Эти ученые часто не объясняют социально-политическую подоплеку и направленность действий входивших в проанглийский лагерь сил, но полагают, что в 1776 г. до 20 % населения восставших колоний оказывали поддержку метрополии. Иными словами, в стране они насчитывают полмиллиона лоялистов /48/.

В последнее время часть историков подобные данные подвергают сомнению. Наиболее значимой здесь является изданная в 1986 г. монография Ф. Рэнлета, выступившего против преувеличения силы и численности сторонников короля в Нью-Йорке /49/. На основе дополнительного изучения источников и литературы историк вновь поднял вопрос о соотношении сил в годы революции. Он внес значительные поправки в оценки и утверждения своих предшественников - А. Флика, К. Ван Тайна, К. Л. Беккера и некоторых других исследователей. Рэнлет смог убедительно опровергнуть державшееся долгие годы безоговорочное представление о Нью-Йорке как об «оплоте», «очаге» или «рассаднике» лоялизма в Америке. Осуществленный им разбор наиболее важных эпизодов противоборства политических сил в 1760 - 1770-е гг. не подтвердил наличия стойких верноподданнических настроений у 95 % колонистов или сообщений о доктринах лоялизма, якобы получавших поддержку у половины нью-йоркцев. Согласно собранному в книге материалам, город и колония Нью-Йорк предстают как один из главных центров оппозиционного движения и освободительных веяний в стране. К концу же войны, по сообщению Рэнлета, численность лоялистов даже на занятых британскими войсками территориях значительно сократилась /50/.

Исследование Рэнлета конкретно и обстоятельно. Оно безусловно подрывает позиции и тех современных историков, которые часто без каких-либо глубоких изысканий пропагандируют предполагаемый ими размах и «общенародный» характер лоялистского движения. В то же время его рассуждения о лоя-

листах как о слабом меньшинстве и о невозможности для королевских властей завоевать умы колонистов, его советы коллегам не терять из виду действительное единство американского народа во время революции, очевидно, скрывают и другую крайность. Рэнлет призывает преодолеть радикальные теории «новых левых» историков и под флагом борьбы с модернизацией ранней истории США фактически свернуть исследования многих острых противоречий и конфликтов. В ряде случаев он не учитывает первостепенное значение социально-экономических и политических факторов, влиявших, прежде всего, на соотношение сил в годы революции. Этот вопрос Рэнлет также не в состоянии разрешить удовлетворительно. Он признает, что никогда не будет дан определенный ответ относительно численности нью-йоркских лоялистов /51/. Высказанная еще в 1968 г. оценка П. Смита о том, что американская наука, «несмотря на сравнительный бум в литературе о лоялистах... сегодня почти столь же далека от выяснения их истинного числа, как и полстолетия назад», следовательно, не теряет своего значения /52/.

Более точные результаты историки стремятся получить при изучении лагеря лоялистов в отдельных сравнительно небольших районах, местностях или городах США. В последние два-три десятилетия это направление становится весьма популярными. Его сторонники полагают, что более точное исследование локальной общины как «общества в миниатюре» позволит перепроверить уже существующие работы и при необходимости внести коррективы и дополнения. На основе тщательной проработки источников, включая и материалы местных архивов, они часто получают возможность проследить поляризацию общественно-политических сил и связанные с этим процессы /53/. И такие исследования во многом подтверждают вывод об ограниченных масштабах лоялистского движения в годы войны за независимость США и относительно небольшой численности в колониях непримиримо настроенных сторонников английского короля.

Интересные данные на этот счет содержит опубликованная в 1984 - 1988 гг. серия статей профессора университета Лойлы Дж. Тайдмена /54/. В них использованы материалы по истории одного из небольших районов колонии (штата) Нью-Йорк - графства Квинз, традиционно считавшегося в историографии безусловным центром проанглийского движения /55/. Автор работ попытался более точно определить в этом графстве численность сторонников старого режима, нейтрально настроенных колонистов и патриотов, проследить изменения в расстановке сил, происходившие в период войны и первые послевоенные годы. Полученные результаты позволили подтвердить «славу» графства Квинз как оплота нью-йоркских лоялистов и одновременно внести существенные дополнения в ранее высказанные суждения и оценки.

Действительно, графство Квинз и расположенное на Стейтен-Айленде малонаселенное графство Ричмонд, пожалуй, были единственными на юге Нью-Йорка районами, где лоялисты преобладали над патриотами. Профессор Тайдмен установил, что местные сторонники короля (по терминологии автора «роялисты») хотя численно примерно в два раза превосходили своих оппонентов, но все-таки составляли явное меньшинство населения. Судя по подсчетам историка в 1775 - 1776 гг. лишь 22 - 27 % взрослых мужчин сохраняло верность британской короне, 11,3 - 12 % мужчин публично выступали против старых властей, а остальные жители (в 1775 г. - 66,2 % и в 1776 г. - около 60 %) были аполитичны. По мнению оккупировавших графство британцев, они «склонялись к нейтралитету», не спешили принести присягу на верность королю, «многие хотели мира независимо от того, кто одержит верх» в войне либо меняли ориентацию в зависимости от успехов противостоящих армий /56/.

Дж. Тайдмен называет причины, побуждавшие часть жителей графства Квинз сохранять верность Великобритании. Он выявляет соотношение сил в религиозных общинах (например, среди квакеров), в определенных группах населения (среди чи-

новников и должностных лиц), рассматривает меры революционных властей Нью-Йорка по пресечению деятельности лоялистов с помощью направленных в графство вооруженных отрядов /57/. Тайдмен также устанавливает, что несмотря на многолетнюю оккупацию Квинза британскими войсками, гарантировавшими защиту этой территории от патриотов и армии США, численность местных «роялистов» по сравнению с таковой в 1775 - 1776 гг. к концу войны сократилась. Только самые твердые приверженцы старых порядков - 3,2 % жителей графства (или 5 - 6 % от его довоенного населения) покинуло страну вместе с королевской армией и флотом. Большинство лоялистов предпочло остаться в Нью-Йорке и налаживать отношения «с новым правительством» /58/.

Процессы реституции - включение бывших противников патриотов в общественно-политическую и экономическую жизнь американского общества, и восстановление ими утраченного влияния протекали болезненно, но достаточно быстро и результативно. Из научных изысканий Тайдмена следует, что бывшие нейтрально-настроенные колонисты занимали в администрации графства Квинз в ноябре 1783 г. - 44 % всех важных должностей, в 1784 г. - 46 % и в 1785 г. - 47 %. Налаживали сотрудничество с властями штата Нью-Йорк и остававшееся на местах большинство бывших сторонников Великобритании. Они успешно восстанавливали свои позиции в администрации графства. Если в 1783 г. они занимали только 4,9 % всех постов, то в 1784 г. - уже 12,1 %, в 1785 г. - 12,7 %, а в 1786 г. - 21,1 % и в 1787 г. - 23,6 % должностных лиц графства Квинз были из числа бывших лоялистов /59/.

Эти подсчеты профессора Тайдмена раскрывают не только судьбу лоялистского движения в стране и наступившие с 1775 г. по середину 1780-х годов перемены в соотношении политических сил, но и подкрепляют его выводы о неверной стратегии и тактике британских оккупационных властей, приведших их к поражению. «Великобритания, - констатирует Тайдмен, - проиграла войну не только на поле битвы, но и в умах и

сердцах жителей Квинза». В то же время, считает автор, «окончательный триумф революции зависел от примирения противоборствующих групп (американцев. - В. У.) в конце войны» /60/. Эти важные утверждения американский ученый делает не случайно. Появление его работ вызвано не только исследовательскими, познавательными целями, но также обусловлено политической и идеологической конъюнктурой, в любом случае оказывающей влияние на «чистую» науку. Обширный экскурс в прошлое Соединенных Штатов, подробнейший разбор причин, которые не позволили британцам и лидерам лоялистов сохранить под своим контролем «умы и сердца» населения завоеванных силой оружия американских территорий, призваны обеспечить решение небезобидных задач. Сам Дж. Тайдмен не скрывает, что разработка этой темы позволяет лучше выявить вероятные параллели и в событиях недавнего прошлого - в политике США во Вьетнаме /61/. Как знать? Но осмысление истории, возможно, вооружает руководство Америки рекомендациями или рецептами для осуществления и прогнозирования своей политики.

В современной исторической науке Америки так уживаются разные подходы к раскрытию важных научных проблем, а в нашем случае к исследованию истории лагеря лоялистов. Активно ведется поиск неординарных путей решения уже достаточно разработанных тем, происходят изменения в освещении и многих частных вопросов, на основе более углубленного прочтения документальных источников и других материалов становится возможна и ревизия устоявшихся оценок и выводов относительно противников патриотов. В историографии сейчас еще преобладает трактовка лоялистского движения как явления массового, «общенародного». Но очевидно и то, что усиливается ее критическое восприятие. Американские специалисты целенаправленно разрабатывают и обосновывают новые концепции, отражающие состояние и источниковой базы, и современные идеи и веяния не только в науке, но и в политике и идеологии США. Отношение историков к проблемам лоялизма, таким

образом, как бы отражает и уже давнее стремление американских ученых, идеологов и политиков использовать «свою историю... как заменитель политической теории». По выражению исследователя К. Ван Вудварта «американская Клио» все еще выполняет «роль священного оракула, у которого периодически выясняют значение» будущих событий. А ответы эти по-прежнему следуют в форме новых интерпретаций истории Америки /62/.

1. Тишков В. А. Американские лоялисты: старые мифы и новые интерпретации // Вопросы истории. 1976. № 1. С. 176 - 177; См. также: Уманский П. Б. 1) Проблемы первой американской революции // Основные проблемы истории США в американской историографии: от колониального периода до гражданской войны 1861 - 1865 гг. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1971. С. 61 - 73; 2) Американская революция XVIII в. в буржуазной историографии США. Казань, 1988. С. 5 - 37; 3) Война за независимость в американской буржуазной историографии (XIX век) // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. (Выпуск второй). Казань, 1973. С. 48 - 73; Ушаков В. А. Американский лоялизм. Консервативное движение и идеология в США в 1760–1780-е годы. Л., 1989. С. 4 - 8 и др.
2. Nelson W.H. The American Tory. (London, 1961.) Oxford, 1962. P. V: Peter Oliver's origin & progress of the American rebellion. A tory view / Ed. by D. Adair. J. A. Schutz. San Marino, 1961. P. VII - IX; etc.
3. Smith P. H. Loyalists and Redcoats. A study in British Revolutionary Policy. Chapel Hill, 1964. P. VII - VIII.
4. The Development of a Revolutionary Mentality. Washington, 1972. P. 127.
5. Чаще всего «забывают» работы Л. Сэбина, У. Сиберта, историков-«прогрессистов» и историков-марксистов. Подробнее см.: Тишков В. А. Указ. соч. С. 176 - 178; Ушаков В. А. 1) Американский лоялизм. С. 4, 9 и др.; 2) Война за независимость и проблемы лоялизма // Материалы второго всесоюзного симпозиума советских историков-американистов. М., 1976. Ч. I. С. 211 - 222.
6. Sabine L. 1) A historical essay on the loyalists of the American revolution. Boston, 1848; 2) Biographical sketches of loyalists of the American revolution. Boston, 1864. Vol. 1, 2.

7. Подробнее см.: Ушаков В. А. К вопросу о социальном составе лоялистов (Массачусетс) // Американский ежегодник. 1986. М., 1986. С. 206 - 210.
8. Stark J. H. The loyalists of Massachusetts and the other side of the American revolution. Clifton (1910), 1972; Jones E. A. 1) The loyalists of New Jersey. Their memorials, petitions, claims, etc. Newark, 1923; 2) The loyalists of Massachusetts. Their memorials, petitions, and claims. London, 1930; etc.
9. Palmer G. Biographical Sketches of Loyalists of American Revolution. Westport; London, 1983.
10. The development of a revolutionary mentality. P. 127.
11. American archives / Comp. and ed. by P. Force. 4th ser. Washington, 1837 - 1838. Vol. 1 - 6; 5th ser. Washington, 1848 - 1853. Vol. 1 - 3. О более ранних публикациях такого рода см.: Уманский П. Б. Война за независимость... С. 55 - 56, 65.
12. The Documentary History of the State of New York /Ed. by E. B. O'Callaghan. Albany, 1849 - 1851. Vol. 1 - 4; Documents relative to the colonial history of the state of New York / Ed. by E. D. O'Callaghan, B. Fernaw. Albany, 1853 - 1887. Vol. 1 - 15; The Loyalist Poetry of the Revolution / Ed. by W. Sargent. Albany, 1857 (rept. Boston, 1972); The Loyal Verses of Joseph Stanbury and Doctor Jonathan Odell, Relating to the American Revolution / Ed. by W. Sargent. Albany, 1860.
13. Jones T. History of the New York during the Revolutionary War / Ed. by W. E. Lancey. New York, 1879. Vol. 1, 2; См. также: Ушаков В. А. Американский лоялизм. С. 27, 36, 42.
14. Ellis G. E. The loyalists and their fortunes // Narrative and critical history of America /Ed. by J. Winsor. Vols. 1 - 8. Boston, 1884 - 1889. Vol. 7. P. 185 - 214. Работа Дж. Эллиса содержит важные сведения об изучении и публикации наследия лоялистов в отдельных штатах. Подробнее см.: Ibid. P. 186 - 191 etc.
15. Уманский П. Б. 1) Американская революция XVIII века... С. 44 - 45; 2) Война за независимость... С. 90 - 92. См. также: Tyler M. C. 1) The party of loyalists in American revolution // The American Historical Review. 1895. October; 2) The literary history of the American revolution, 1763 - 1783. New York, 1897. Vol. 1, 2.
16. Уманский П. Б. Американская революция XVIII века... С. 44.
17. Hosmer J. K. The life of Thomas Hutchinson, royal governor of Massachusetts Bay. Boston; New York, 1896. О перемене научной

позиции Дж. К. Хосмера см. и опубликованную в 1896 г. рецензию А. Гудела // *The American Historical Review*. October. 1896. Vol. 2. N 1. P. 163 - 170.

18. Flick A. C. *Loyalism in New York during the American revolution*. New York, 1901; *History of the state of New York* / Ed. by A. C. Flick (reprint. Port Washington, 1962). Vol. 1 - 10. (esp. Vol. 5); Van Tyne C. 1) *The loyalists in the American revolution*. New York, 1902; 2) *The American revolution, 1776–1783*. New York, 1905; 3) *England and America: Rivals in the American revolution*, New York; Cambridge, 1927; 4) *The war of independence: American phase*. Boston; New York, 1929; etc. См. также: Уманский П. Б. 1) *Американская революция XVIII века...* С. 87 - 90; 2) *Проблемы первой американской революции в освещении американских буржуазных историков (20 - 30-е годы XX века)* // *Критика буржуазных концепций всеобщей истории*. Вып. второй. С. 109 - 114.

19. Lincoln Ch. *Revolutionary movement in Pennsylvania, 1760 - 1776*. Philadelphia, 1901; Becker C. L. 1) *The History of the Political Parties in Province of New York, 1770 - 1776*. Madison, 1909; 2) *The Beginning of the American Revolution*. New York, 1915; 3) *The Eve of the Revolution: a Chronicle of the Breach with England*. New York, 1918; 4) *Every-man his own historian: essays on history and politics*. New York, 1935; etc. См. также: Уманский П. Б. 1) *Американская революция XVIII века...* С. 62 - 69; 2) *Первая американская революция в буржуазной историографии США (этап перехода к империализму)* // *Критика буржуазных концепций всеобщей истории*. Вып. первый. Казань, 1972. С. 106 - 113; Сог-рин В. В. *Критические направления немарксистской историографии США XX века*. М., 1987. С. 26 - 28.

20. Stark J. Н. Op. cit.; Siebert W. H. 1) *The Flight of the American Loyalists to the British Isles*. Columbus, 1911; 2) *The Refugee Loyalists of Connecticut* // *Transactions of the Royal Society of Canada*. Ser. III. Vol. 10. Sect. II. Ottawa. June. 1916; 3) *The Loyalists of Pennsylvania*. Columbus, 1920; etc. См. также: Ушаков В. А. *Американский лоялизм*. С. 199, 209, 221.

21. Kuntzleman O. C. *Joseph Galloway, loyalist*. Philadelphia, 1941; Labaree L. W. 1) *The nature of American loyalism* // *Proceedings of the American Antiquarian Society*. 1944. Vol. 54. P. 15 - 48; 2) *Conservatism in early American history*. New York, 1948; etc. Характеристику некоторых работ см.: Уманский П. Б. *Проблемы первой американской*

революции в освещении буржуазных историков. С. 107 - 108.

22. О состоянии историографии США в 1970 - 1980-е годы см.: Болховитинов Н. Н. *США: проблемы истории и современная историография*. М., 1980. С. 79 - 74; Дементьев И. П. 1) *Основные направления и школы американской историографии послевоенного времени* // *Вопросы истории*. 1976. № 11. С. 67 - 72 и др.; 2) *Теория «американской исключительности» в исторической мысли США.* // Там же. 1986. № 2. С. 99 - 101; Уманский П. Б. *Усиление реакционных тенденций в современной буржуазной историографии и проблемы первой американской революции* // *Критика буржуазных концепций всеобщей истории*. Вып. первый. С. 58 - 70 и др.

23. Цит по: Тишков В. А. Указ. соч. С. 180.

24. Bailyn B. *The Ordeal of Thomas Hutchinson*. Cambridge, 1974. P. 375 - 380 etc.

25. Bailyn B. *The Central Themes of the American Revolution: an interpretation* // *Essays on the American revolution* / Ed. by S. G. Kurtz, J. H. Hutson. Chapel Hill, 1973. P. 12. См. также: Idem. *Lines of force in recent writings on the American revolution* // XIV International congress of historical science. San Francisco. August 22 - 29, 1975. P. 23 - 24.

26. Bailyn B. *The Ordeal of Thomas Hutchinson*; Norton M. *The British-Americans. The Loyalist Exiles in England, 1774 - 1789*. Boston; Toronto, 1972; Calhoun P. *The loyalists in revolutionary America, 1760 - 1781*. New York, 1973; Potter J. *The liberty we seek: loyalist ideology in colonial New York and Massachusetts*. Cambridge, 1983; etc.

27. Тишков В. А. Указ. соч. С. 180.

28. Анализ работ американских историков см.: Тишков В. А. Указ. соч. С. 176, 178 - 181; Тихвинский С. Л., Тишков В. А. *Проблемы новой и новейшей истории на XIV международном конгрессе исторических наук* // *Новая и новейшая история*. 1976. № 1. С. 67 - 68; Дементьев И. П. *Основные направления и школы...* С. 67, 74 - 75, 81; Ушаков В. А. *К вопросу о социальном составе лоялистов (Массачусетс)*. С. 202 - 203.

29. О других широких «программах лоялистских исследований» см.: Тихвинский С. Л., Тишков В. А. Указ. соч. С. 67; Тишков В. А. Указ. соч. С. 178 - 179.

30. Hammond O. G. *Tories of New Hampshire in the war of the revolution*. (The American Revolutionary Series. The Loyalist Library). Boston, 1972 (Concord, 1917). P. V - VIII.

31. Подробнее о политических и идеологических установках правящих кругов США в период подготовки и празднования 200-летия независимости США см.: Шлепаков А. Н. США в преддверии 200-летия независимости // Вопросы истории. 1973. № 7. С. 195 - 200.
32. Norton M. B. The loyalist critique of the revolution. // The development of a revolutionary mentality. P. 127 - 148.
33. Например, историков Дж. Джеймсона или К. Ван Тайна: Jame-son J. F. The American Revolution Considered as a Social Movement. Boston, (1926), 1956. P. 13 - 17, 34 - 35 etc.; Van Tyne G. H. The causes of the war of independence. Being the first volume of a history oh the founding a American republic. New York (1922), 1951. P. 416, 448 - 450.
34. Norton M. B. The loyalist critique of the revolution. P. 127 - 129.
35. Wright E. Men with two countries // The Development of a Revolutionary Mentality. P. 151 - 157.
36. Ibid. P. 152, 156.
37. Например, объяснение содокладчиком «особого положения» англиканского духовенства, чиновников колониальной администрации, консерваторов, страшившихся «анархии, гражданской войны», нежелательных общественных перемен, подрывает его приведенные выше утверждения. - Ibid. P. 154 - 155.
38. Hammond O. G. Op. cit. Introduction and preface (P. V - VI); Nor- ton M. B. The loyalist critique of the revolution. P. 127 - 129, 139; Wright E. Op. cit. P. 152, 156 - 157.
39. Russell P. Liberty to slaves. Black Loyalists in the American revolution // Timeline. 1987. Vol. 4. №2. P. 2 - 15.
40. Аптекер Г. Американская революция 1763 - 1783. М., 1962. С. 260 - 285; Aptheke H. Essays in the history of American negro. New York, 1969; Quarles B. 1) The negro in the American revolution. New York, 1961; 2) Lord Dunmore as Liberator // The William and Mary Quarterly. 1958. Vol. 15. №4. P. 491 - 507; Foner Ph. Blacks in the American Revolution. Westport, 1975; etc.
41. Brown W. Negroes and the American Revolution // History Today. 1964. Vol. 14. №8. P. 556 - 563.
42. Ibid. P. 556 - 558.
43. Russell P. Liberty to slaves... P. 2 - 3.
44. Brown W. Negroes and the American revolution. P. 556 - 559.
45. Russell P. Liberty to slaves... P. 3.
46. Brown W. Negroes and the American revolution. P. 557, 560, 562.
47. Russell P. Liberty to slaves... P. 4 - 6, 8 - 13.

48. The loyal Americans. The military role of the loyalist provincial corps and their settlement in British America, 1774 - 1784 / Ed. by R. S. Allen et al. Ottawa, 1983. P. 2 - 3; См. также: The loyalist Americans. A focus on greater New York / Ed. by R. A. East, J. Judd. Tarrytown, 1975. P. 3 - 4, 74 - 94; Chy J. A people numerous and armed: reflection on the military struggle for American independence. New York, 1976. P. 183.
49. Ranlet Ph. The New York loyalists. Knokville, 1986. P. 5 - 9, 182 - 183, 186 - 188, 195 - 199 etc.
50. Ibid. P. 8 - 25, 40 - 47, 60, 120, 126, 147 - 149, 182, 186 - 187 etc.; См. также: Ушаков В. А. Американский лоялизм. С. 6, 8 - 10, 15 -17, 19 - 23 и др.
51. Ranlet Ph. The New York loyalists. P. 8 - 9, 120, 126 - 131, 182, 186 - 188.
52. Smith P. H. The American loyalists: notes in their organization and numerical strength // The William and Mary Quarterly. 1968. Vol. 25. № 2. P. 259 - 260. См. также: Ушаков В. А. Американский лоялизм. С. 9, 189.
53. Гаджиев К. С., Сивачев Н. В. Проблемы междисциплинарного под-хода и «новой научной» истории в современной американской буржуазной историографии // Вопросы методологии и истории исторической науки. Вып. 2. М., 1976. С. 142 - 144; Болховитинов Н. Н. Новые тенденции в историографии ранней американской ис-тории. // Новая и новейшая история. 1986. № 3. С. 173 - 178.
54. Tiedemann J. S. 1) Communities in the midst of the Amtrican revolution: Queens county, New York, 1774 - 1775 // Journal of Social History. 1984, September. Vol. 18. P. 57 - 78; 2) Patriots by default: Queens country. New York, and the Britiah army, 1776 - 1783 // The William and Mary Quarterly. 1986. Vol. 43. №1. P. 35 - 63; 3) Loyalists and conflict resolution in post-revolutionary New York: Queens county as a test case // New York History, 1987. Vol. 68. №1. P. 27 - 44; 4) A revolution foiled: Queens county. New York, 1775 - 1776 // The Journal of American History. 1988. Vol. 75. №2. P. 417 - 444.
55. Графство Квинз занимало площадь в 410 кв. миль, в нем про-живало около 11 тыс. человек - в основном фермерское население. Подробнее см.: Tiedemann J. S. 1) Communities in the midst of the American revolution... Passim; 2) Patriots by default.. P. 36; 3) Loyalists and conflict resolution in post-revolutionary New York... P. 27 - 31.
56. Tiedemann J. S. Patriots by default.. P. 36 - 37, 63. См. Также: Idem. 1) Loyalists and conflict resolution in post-revolutionary New York...

- P. 31, 33; 2) A revolution foiled: Queens county. P. 418 - 420, 441 - 444. Подробнее материалы о соотношении сил в южных графствах Нью-Йорка см.: Ушаков В. А. Американский лоялизм. Гл. I.
57. Tiedemann J. S. A revolution foiled: Queens county. P. 422, 427, 442 - 444.
58. Tiedemann J. S. 1) Patriots by default.. P. 37, 62 - 63; 2) Loyalists and conflict resolution in post-revolutionary New York... P. 32 - 35.
59. Tiedemann J. S. 1) Patriots by default.. P. 62 - 63; 2) Loyalists and conflict resolution in post-revolutionary New York... P. 34 - 38, 40 - 44.
60. Tiedemann J. S. 1) Patriots by default.. P. 63; 2) Loyalists and conflict resolution in post-revolutionary New York... P. 42.
61. Tiedemann J. S. 1) Patriots by default.. P. 35 - 36; 2) Loyalists and Conflict Resolution in Post-revolutionary New York... P. 30, 43; 3) A Revolution Foiled: Queens County. P. 418, 421; Klein M. N. 1) An Experiment Failed: General James Robertson and the Civil Government in New York, 1779 - 1783 // New York History. 1980. Vol. 61. №3. P. 229 - 254; 2) Why did the British Fail to win the Hearts and Minds of New Yorkers? // Ibid. 1983. Vol. 63. №3. P. 357 - 375; Higginbotham D. Reflections on the War of Independence, Modern Guerilla Warfare, and the War in Vietnam // Arms and Independence: The Military Character of the American Revolution / Ed. by R. Hoffman, P. J. Albert. Charlottesville, 1984. P. 1 - 24; etc.
62. Woodward Vann C. American Attitude towards History. Oxford, 1955. P. 7.

Н.Б. Сторожев

Труды П. П. Митрофанова об имперской политике дома Габсбургов в XVIII в.: к истории написания.

В последние годы появилось несколько публикаций, посвященных творчеству петербургского историка Павла Павловича Митрофанова (1873 - 1917), но в них, к сожалению, не использованы все доступные архивные материалы сохранившиеся в отделе рукописей РНБ и в фондах ЦГИА СПб /1/. Речь идёт прежде всего о письмах П. П. Митрофанова к своему учителю и

наставнику С. Ф. Платонову, позволяющие уточнить некоторые страницы биографии историка и дающие возможность должным образом оценить тот колоссальный труд, который был затрачен русским историком при работе в европейских архивах и библиотеках по написанию исследований об имперской политике дома Габсбургов. Но есть еще один, на наш взгляд, интересный аспект этой темы, который мы можем лишь обозначить в данной публикации. Творческая биография П. П. Митрофанова позволяет воссоздать историю взаимоотношений в предвоенной Европе ученых разных стран и национальностей, даёт возможность составить представление о достижениях русской исторической науки и о влияния российского научного сообщества на общественное мнение европейских стран в конце XIX - начале XX вв.

В конце XIX в. особый интерес русских историков привлекла история Австрийской империи и не случайно лучшие ученики профессора Н. И. Кареева А. М. Ону и П. П. Митрофанов занялись проблемой просвещенного абсолютизма и эволюции имперской политики Габсбургов в XVIII в. Александр Михайлович Ону (1865 - 1938) в силу ряда обстоятельств не допущенный к преподавательской деятельности: он «отличился» во время студенческих волнений и потому вынужден был на время оставить регулярные занятия историей. Ему суждено было сделать успешную карьеру на государственной службе в должности помощника статс-секретаря Государственного Совета. Позже он стал известным историком Французской революции, занимался в Национальном архиве Франции и вернулся в университетскую среду в должности приват-доцента лишь в 1915 году /2/. Иная судьба была уготована П. П. Митрофанову. Ему предстояло в период приготовления к профессорской деятельности не только вести напряженную педагогическую деятельность в ряде учебных заведений, но и на протяжении 1901 - 1903 гг. постоянно, а затем каждое лето вплоть до 1914 г., упорно работать в архивах европейских столиц, кропотливо собирая и обобщая материалы, которые стали солидной источниковой ба-

зой защищенной им в 1907 г. магистерской диссертации «Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и враги (1780 - 1790)» и известных во всем тогдашнем ученом мире монографий /3/. Его знаменитый труд о политической деятельности Иосифа II был и остается на сегодняшний день по мнению одного из современных историков профессора Вюрцбургского университета П. Баумгарта основополагающим исследованием по этой теме. Эта работа была переведена и издана в двух томах в Вене в 1910 г. Об этом П. П. Митрофанов пишет в одном из писем С. Ф. Платонову: «Поразило меня отсутствие профессиональной зависти: недель через 5 выйдет немецкий перевод моего Иосифа, для меня нежданно-негаданно, и его редактируют, корректуру и снабжают предисловием специалисты по той же эпохе!» /4/.

Почему работа русского исследователя породила такой интерес? Может быть это можно воспринимать как дань огромному трудолюбию историка: на каждой странице его труда мы находим цитируемые им в подстрочнике архивные материалы (только краткий анализ источников в его первой работе занимает 101 страницу и содержит ссылки на фонды 8 европейских архивов)? А может все объясняется тем, что он практически первым столь серьезно занялся изучением эпохи просвещенной монархии и политики иозефизма? В действительности, он может быть назван первопроходцем в плане обширности подхода и оригинальности восприятия огромного комплекса исторических источников XVIII в.

Как справедливо считал русский историк Австрия «немало славных, великих имен подарила миру на всех поприщах и «лоскутная монархия» остается великой державой, к «голосу которой приходится с вниманием прислушиваться, а история которой может многому научить». И все же история Австрии оставалась в начале века Золушкой немецкой исторической науки, она редко удостоивалась внимания и ею занимались как бы попутно. В своих трудах и письмах русский историк пытается найти объяснение такому парадоксу сложившемуся в ис-

ториографии, попробуем и мы вместе с ним реконструировать историю изучения в Австрии имперской политики XVIII в. Как справедливо считал русский историк Австрия немало славных, великих имен подарила миру на всех поприщах и «лоскутная монархия» остается великой державой, к голосу которой приходится с вниманием прислушиваться, а история которой может многому научить. По словам Митрофанова, «как ни глубока была эрудиция, как ни разносторонни были научные интересы такого князя от истории каким был Ранке, но и он обошел вниманием Габсбургскую монархию» /5/. В его двухтомной книге «Die deutschen Mächte und Fürstenbund» Австрия Иосифа II является лишь тем темным фоном, на котором еще ярче должна выступать патриотическая деятельность великого Фридриха. Почему в Австрии, несмотря на создание государством всех условий для развития науки (придунайская империя справедливо может гордиться своими университетами, академиями, учеными институтами, своими изданиями и историческим образованием в средней и высшей школе, превосходно поставлено архивное дело) и все-таки если и не молчат совсем о своем прошлом, то ограничиваются изданием документов и монографиями по локальным или специальным вопросам.

Такого знатока античности, как Т. Гомперц (1832 - 1912), автора изданной в России на рубеже веков истории античной философии, медиевиста Т. Зиккеля (1826 - 1905), одного из основателя современного источниковедения надо еще поискать в других странах и «в то же время нет ни одной исчерпывающей работы ни про одного видного государственного деятеля нового времени». За исключением нескольких работ А. Ф. Арнета (им была опубликована, в частности, переписка Иосифа II и Леопольда II с Екатериной II), которого скорее можно назвать превосходным архивариусом, а не историком так, как «синтеза, выводов, освещения и смысла событий мы у него не найдем» /6/. Благодаря трудам этого усердного и талантливого исследователя австрийская историография и археография поднялась на высоту современных научных требований, но личные письма Ио-

сифа II опубликованы лишь фрагментарно.

Австрийским историкам очень сложно, почти невозможно, с должным беспристрастием относиться к описываемым событиям собственной истории. И несомненно, считает П. П. Митрофанов можно принять за правило, что историк будет тем беспристрастнее, чем дальше по своему происхождению, времени рождения, воспитанию, по политическим, национальным и материальным интересам, он отдален от описываемых им событий и исторических персонажей.

Он наблюдает и пытается понять суть происходящего на его глазах, ту острую национальную вражду, которая обуяла все народы «лоскутной монархии», осужденные волей исторических судеб на тесное сожительство. До настоящего времени совместное сосуществование вряд ли можно назвать мирным: газетная война, парламентская обструкция, министерская чехарда, споры из-за переименования городов и улиц, обособление научных обществ и общественных учреждений на принципах национализма. «И в этой атмосфере распаленной вражды и болезненных трений, под ударами уязвленного национального самолюбия вырастают историки, которые подобно всем остальным грешным, тоже люди, тоже человеки, и которые, конечно, не могут оторвать своего «я» от отведенного им судьбой места и времени» /7/. Вполне естественно, что при такой психологии многие образы прошлого, и при том как раз наиболее яркие, выдающиеся личности утратили в глазах австро-венгров свой истинный первоначальный облик и превратились в какие-то символические хоругви, вокруг которых и во имя которых формируются под национальными лозунгами различные партии. Воскресить истину, восстановить историческую правду - это в Австрии является предприятием далеко небезопасным, и осмелившийся на это может ожидать, что с той или другой стороны, а скорее всего с обеих, на него посыплются громы. Отважиться на такую борьбу решиться далеко не каждый и именно этим обстоятельством объясняется странное на первый взгляд явление - австрийцы как будто пренебрегают своим прошлым.

П. П. Митрофанов видит также причины такого положения дел в необычайной сложности попыток систематизировать собранный и, порой с такими трудностями, архивный материал. Габсбургская монархия оставалась и остается разобщенным на отдельные части, разноязычным, разноплеменным государством, и историк, избравший для своего исследования ту или иную эпоху, ту или иную сторону жизни, какого бы уровня подготовки он не был, не может дать цельной картины развития, ему приходится отказаться от всякого внутреннего единства и прибегнуть к неким ассоциациям и обобщениям. Кстати, по поводу своей книги он в предисловии замечает, что не хватит человеческой жизни для детального, всестороннего и исчерпывающего изучения политической деятельности императора. Поэтому, желая по возможности сохранить работе синтетический характер, приходится отказаться от равномерной разработки всего существующего материала и уделить главное внимание лишь одной стороне изучаемой эпохи.

В своих письмах и отчетах П. П. Митрофанов неоднократно пишет о удивительной доступности австрийских архивов, в том числе архива министерства внутренних дел. «Слухи об австрийском секретничанье, о которых все говорили в Германии, оказались положительно легендой. Везде прием самый вежливый и предупредительный, так что пока не понадобилось даже вмешательства русского посольства». Жаловаться приходится только на две вещи: «на непомерную дороговизну и на великую лень здешних чиновников: архив открыт только до половины второго, а библиотеки до 2-3 часов» /8/. Еще одно свидетельство упорного труда ученого, и так в течение четырех месяцев пребывания в Вене. И в письме от 30.04.1903: «Кое что оказалось разбросано по провинциальным архивам в Граце и Лайбахе, но благодаря необычайной любезности здешних архивариусов удалось обойти и это препятствие: заведующий архивом попросту выписал «для служебных целей» то что мне следовало. Вообще, я не могу достаточно нахвалиться любезностью немцев ... таинственность австрийских министерств, по моему

личному наблюдению не более, как легенда».

Желающий специализироваться в этой области наталкивается еще на одно весьма существенное затруднение - на необходимость стать «несравненным полиглотом». В самом деле для большинства одолеть славянские языки, немецкий, итальянский, французский, венгерский и по возможности румынский представляется делом почти невозможным (сам он блестяще владел древними и европейскими языками, преподавал латынь и древнегреческий в лучших учебных заведениях России /9/. Но подобного рода проблемы возникали и у него. Так в Будапеште он приступает к изучению трехтомного исследования Хенрика Марцали (1856 - 1938), опубликованного в 80-ые гг. XIX в., посвященного проблематике международных отношений эпохи Иосифа II. Пишет о значении этого исследования и добавляет, но «книги его на венгерском, а на изучение этого языка у меня положительно не хватает времени. При разборе источников я надеюсь, что незнание это не будет иметь невыгодных последствий, так как все документы написаны на латинском или немецком языках. Вот где помогают имперские амбиции и «германизаторские тенденции моего героя». Работается по его словам легко и весело и «если бы не хворь и не политические волнения, Будапешт остался бы лучшим воспоминанием моей командировки». Далее он пишет о служащих архивов, которые «высказали полную готовность дать и показать мне все что хранится у них по иозефинскому вопросу. Беда заключается в другом, и именно в том, что документов касающихся той эпохи чересчур для меня много». Он еще не раз будет писать и говорить о любезности архивариусов Австрии, но хочется заметить что этого вряд ли можно было ожидать по отношению к человеку недостойному такого внимания, незаинтересованному в изучении истории их народа или мало компетентному. И это подтверждается следующей ремаркой Митрофанова: «Пришлось ограничиться выборкой наиболее важных и характерных протоколов и протестов и в этом отношении огромную помощь оказал профессор Марцали, один из лучших знатоков иозефинской эпохи» /Пись-

мо С. Ф. Платонову от 1/14.IX.1903/. Речь идет о знаменитом венгерском ученом, который в духе Ранке стремился к всестороннему охвату процессов каждой из изучаемых им эпох и сочетал это с тонким, филигранным анализом источников на основе применения критико-филологического метода. Было чему поучиться молодому исследователю. В своей книге русский историк с благодарностью пишет и о том, что пользовался списками рукописей, хранящимися в архиве Национального Музея Будапешта, «любезно предоставленным мне в распоряжение профессором Марцали». Неоднократно ссылаясь на труды маститого ученого, в частности, по проблеме прусско-венгерской унии 1788 - 1790 гг., он пишет о фантастической на первый взгляд комбинации, по которой «Великая Германия» могла возникнуть при помощи мадьяр, эти злейших врагов германизации. Как тут не вспомнить, что профессор Марцали ратовал за сохранение «тысячелетней империи», хотя и осуждал крайности политики принудительной мадьяризации /10/. И скорее всего, эти мысли Митрофанова результат бесед, которые обычно возникают в результате неформального общения ученых на почве общих интересов. И это лишь один из многих примеров установившихся на долгие годы тесных контактов П. П. Митрофанова с его европейскими коллегами.

В этом плане очень важным событием в жизни П. П. Митрофанова стал международный исторический конгресс состоявшийся в Лондоне в апреле 1913 г., на который он был приглашен личным посланием секретаря этого ученого форума. В просьбе о его направлении в Лондон, написанной директором Императорского историко-филологического института В. В. Латышевым Министру народного просвещения читаем: «признавая профессора Митрофанова одним из достойнейших членов профессорской корпорации, зная его широкие научные проекты, уважая обширные и разносторонние познания и стремление, командировать с ученой целью за границу» /11/. На конгрессе в секции по новой истории П. П. Митрофанов сделал доклад «Леопольд II и Кауниц», на который собрались все венгерские и

австрийские делегаты и вызвавший их особый интерес положением о том, что император остался на Габсбургском троне «малым герцогом Тосканским» /12/.

В своем отчете о проделанной работе П. П. Митрофанов с свойственной ему прямоотой замечает, что «наши ученые произвели необычайно выгодное впечатление: знание ими языков, свободная, непринужденная речь, смелость и вместе с тем обоснованность их научных выводов доставили им одно из первых мест на конгрессе» /13/. Думается, что эти слова мы целиком и полностью можем отнести и в адрес самого русского профессора, творчеством которого несомненно следует продолжать заниматься, а основные его труды переиздать.

1. См. Барбашина О. И., Жиряков И. Г. Австроведаческая новистика в России: зарождение и основные этапы развития. М., 2000
2. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11120.
3. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16102. П. П. Митрофанов. Приготовление к профессорской деятельности
4. ОР РНБ. Ф. 585. Платонов С. Ф. Д. 3561. Письма П. П. Митрофанова. Л.9.
5. ЖМНП. 1913. Август. С. 343.
6. Там же. С. 344.
7. ЖМНП. 1913. Август. С. 345.
8. Письмо С. Ф. Платонову. 31/12. 1902.
9. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп.1. Д. 3464. О назначении преподавателем Митрофанова.
10. См. Историография истории нового времени стран Европы и Америки. М., 1990. С. 449.
11. ЦГИА СПб. Ф. 53. Д. 3464. Л. 83.
12. Гермес. 1913. №10 (116). С. 283.
13. Там же. С. 280.

История использования французского языка в качестве международного языка дипломатии: историческая реальность и династический заказ

Традиционно считается, что французский язык стал применяться за пределами Франции в качестве международного официального и дипломатического языка в царствование Людовика XIV.

В 1678 - 1679 гг. в голландском городе Нимвеген был заключен ряд мирных договоров между Францией и ее противниками - Соединенными провинциями, Испанией и Священной римской империей, положивший конец Голландской войне (*Traité de Nimègue*). Переговоры велись, естественно, на языке победителя - французском. Самые большие потери в этой войне понесла Испания, вынужденная отдать Франции провинции Франш-Конте, Артуа и южную часть Фландрии. Нимегские договоры были дополнены договором от 5 февраля 1679 г. между Людовиком XIV и императором Германии Леопольдом I. Этот договор был унижительным для Германской империи, вынужденной признать условия Вестфальского договора 1648 г., ознаменовавшего окончание Тридцатилетней войны. Франция сохранила за собой Лотарингию и ликвидировала относительную автономию Эльзаса. На севере Европы Людовик XIV заставил Данию и Бранденбург вернуть все территории, захваченные у Швеции, бывшей союзником Франции. Благодаря этим победам, Франция стала главным военным, политическим и дипломатическим арбитром всей Европы.

Первым международным дипломатическим документом на французском языке по традиции считается Раштаттский договор (*Traité de Rastadt*), заключенный в 1714 г. и завершивший войну за испанское наследство. Почти все дипломатические

канцелярии Европы стали использовать этот аристократический язык, вытеснявший латинский из этой сферы, хотя латынь еще продолжала употребляться.

Международному распространению французского языка способствовали военные успехи королевской армии. В это время Франция была самой могущественной страной континентальной Европы, имела огромную, по тем временам, армию и военный флот, насчитывающий более 200 боевых кораблей.

Очень мощным фактором распространения французского языка за пределами Франции был исход гугенотов, начавшийся после Варфоломеевской ночи (1572 г.). Этот факт старательно затушевывается в официальной истории Франции, написанной республиканцем Ж. Мишле и историками его школы, хотя никто не отрицает, что именно гугеноты первыми ввели школьное обучение на французском языке, добившись почти поголовной грамотности, что позволило каждому ребенку читать Библию на родном языке, а также того, что большинство книгоиздателей той эпохи, печатавших книги на французском языке, были приверженцами этой конфессии.

К 1811 г., в результате наполеоновских завоеваний, политическая карта Европы была изменена самым радикальным образом. Сама Франция, или то, что называется Шестиугольник (*Hexagone*), состоявшая в 1790 г. из 83 департаментов, в 1811 г. насчитывала уже 130 департаментов. Бельгия была аннексирована Францией в 1795 г. и поделена на департаменты. Люксембург также стал Лесным департаментом Франции. В июле 1810 г. французской становится Голландия, за ней следуют северо-германские ганзейские города. На левом берегу Рейна в 1798 г. были образованы четыре французских департамента: Трев, Майенц, Кобленц и Экс-ла-Шапель. Французской территорией также стала и Женева. По ту сторону Альп Франция в 1809 г. увеличила свою территорию за счет Пьемонта (6 департаментов), Генуи, Тосканы, Пармы, Папской области. К этому нужно добавить еще и иллирийские провинции, Триест, Истрию, Хорватию, Далмацию. В 1812 г. Каталония была отнята у Испании и

вошла в состав Франции четырьмя департаментами.

К этому времени, Брюссель, Амстердам, Гамбург, Кобленц, Женева, Турин, Флоренция, Рим и Барселона представляли собой, фактически, французские города. Площадь империи превышала 750 000 кв. км, а население - 45 миллионов человек. Наполеон имел титулы короля Италии, в состав которой входили Милан и Венеция, медиатора Гельветической конфедерации, протектора Рейнского союза, объединявшего все немецкие государства. Германия все еще оставалась раздробленной, и ее единство держалось только на власти Наполеона. В ее сердце, в Вестфальском королевстве, на руинах прусской монархии, на престол был посажен Жером Бонапарт, младший из братьев Наполеона. Эта Рейнская конфедерация заменила собой Священную римскую империю германской нации, переставшую существовать после поражения при Аустерлице (1805 г.). К этому союзу примыкало Варшавское герцогство, образованное из прусской и австрийской долей от раздела Польши в конце XVIII в. Хотя, формально, это герцогство находилось под властью короля Саксонии, Наполеон посадил там резидента, который обеспечивал прямую связь между Парижем и Варшавой.

Наполеон управлял также и другими странами Европы через своих вассалов, которые теоретически были независимыми, но на деле подчинялись его приказам. Его старший брат Жозеф в 1808 г. стал королем Испании; на юге Италии неаполитанским королем стал зять Наполеона Мюрат. Датский и норвежский король Фредерик IV был верным союзником Наполеона. Швеция в 1810 г. выбрала наследным принцем французско-го маршала Бернадота.

В 1810 г., благодаря браку с Марией-Луизой Австрийской, Наполеон стал зятем императора Франца II, который после распада Священной Римской империи под именем Франца I правил Австрией, Венгрией, территориями, входящими сегодня в состав Чехии, Словакии и частично Румынии. С 1807 г., после заключения Тильзитского мира, союзницей Франции была Российская империя.

Таким образом, от власти Наполеона спаслись только островные государства: Великобритания, Сицилия и Сардиния.

Инструментом унификации этой огромной империи во всех областях политической и общественной жизни был французский язык.

Языковой унификации в значительной степени содействовала введенная в империи система воинской повинности, способствовавшая смешению народов на ее территории. Для вторжения в Россию в 1812 г. Наполеон собрал армию со всей Европы: французов, бельгийцев, голландцев, немцев из разных областей Германии, итальянцев, пьемонтцев, считавшихся французами, неаполитанцев, швейцарцев, датчан, испанцев, австрийцев, пруссаков, поляков, хорватов и так далее /1/. Управление из единого центра и координация действий многонационального воинского контингента требовали использования в армии единого языка-посредника, которым, конечно же, мог стать, только французский язык.

Военная экспансия стала основной причиной использования французского языка в международных отношениях, где Франция с позиций силы диктовала свои условия и, естественно, на своем языке.

Однако, уже в ту эпоху, в ситуации, когда политическое и военное положение Франции не было доминирующим, ей приходилось занимать более гибкую позицию, включая и язык дипломатических документов.

Так, во время Директории (1795 - 1799 гг.) произошло серьезное ухудшение отношений между США и Францией. С 1798 по 1800 гг. между двумя республиками шла морская война, в ходе которой с обеих сторон имели место захваты торговых судов. Дело дошло до того, что 7 июля 1798 г. Конгресс США в одностороннем порядке аннулировал все соглашения и договоры, заключенные с Францией.

В декабре 1799 г., едва вступив в должность Первого консула, Наполеон, который был большим почитателем США и даже держал на своем письменном столе бюст Дж. Вашингтона,

предложил американскому президенту Дж. Адамсу начать переговоры о заключении мирного договора. Переговоры начались 2 апреля 1800 г. и закончились 30 сентября того же года (8-й день вандемьера 9-го года Французской республики) подписанием договора, получившего название «Соглашение в Мортфонтене», по названию дворца, в котором праздновалась эта дипломатическая победа. Договор был составлен на двух языках, что отражало слабость позиции Франции на этих переговорах, в ходе которых Наполеон был вынужден отъехать в Италию спасать Республику, где 14 июня 1800 г. состоялась битва при Маренго. Договор состоял из 27 статей, а в заключении говорилось: «En foi de quoi, les plénipotentiaires respectifs ont signé les articles ci-dessus, tant en langue française qu'en langue anglaise, et ils y ont apposé leur sceau, déclarant néanmoins que la signature en deux langues ne sera point citée comme exemple et ne préjudiciera à aucune des deux parties» /2/.

Исключительность такой уступки, сделанной Наполеоном своим американским партнерам, только подчеркивает преэминентность его языковой политики по отношению к политике императорской Франции, когда французский язык считался мировым дипломатическим языком.

Но уже в это время возникла реакция против французского языка, спровоцированная политической или национальной ненавистью к Франции. После битвы под Йеной немецкий язык вытеснил французский из трудов Берлинской академии; в то же время, прусские дипломаты стали использовать немецкий вместо французского в переписке со своим правительством и с дипломатами тех стран, где говорили по-немецки. После 1815 г. мода на французский язык в Германии быстро пропала.

В России, те же самые причины вызвали аналогичные последствия: Пушкин, после вторжения Наполеона, стал писать стихи только по-русски.

Таким образом, французский язык обязан своей «универсальностью» не своим особым качествам, а стечению исторических обстоятельств, причем исчезновение этих обстоя-

тельств привело к потере исключительного положения /3/.

Член Французской академии А. Деко 16 октября 2001 г. на ежегодном собрании пяти академий выступил с докладом «Будущее французского языка» /4/, в котором приводилась хронология того, что позже назовут упадком французского языка.

А. Деко определил точку отсчета, с которой началось падение международного значения французского языка. Еще в 1905 г. русско-японский договор о мире был составлен на французском языке. В то время французский язык, благодаря своей ясности и точности, считался уникальным инструментом международного общения. К несчастью, виновником прекращения этой традиции явился один из самых великих французов – президент Франции Ж. Клемансо. В благодарность британским и американским союзникам за помощь в первой мировой войне он пожелал, чтобы Версальский договор 1919 г. был составлен на французском и английском языках. Эта первая уступка повлекла за собой множество других.

В наши дни, под давлением внешних обстоятельств и конкуренции английского языка сфера применения французского языка сужается даже в МИД Франции. Так, в октябре 2006 г. французский Сенат рассмотрел доклад, представленный сенатором А. Гутейроном /5/, в котором рассматривались результаты проверки применения новых технологий посольствами и консульствами Франции. Проверке подверглись французские дипломатические учреждения в 62 странах. Сенаторы отметили, в частности, что многие сайты написаны только на французском языке (всего 56% имеют версию на местном языке) и рекомендовали перевести их на местные языки в течение 2007 г. Официальный сайт МИД Франции имеет немецкую, английскую, арабскую, китайскую и испанскую версии, и на нем регистрируется более 1 млн. посещений в месяц.

Перед МИД Франции была поставлена задача создания «виртуальных присутственных мест», которые не связаны с физическим местонахождением посольства или консульства. Цель этих мероприятий - обеспечить физическое присутствие Фран-

ции в 350 городах с населением более 1 млн. человек.

В этом отношении Франция отстает от США, которое на то время имели уже 33 виртуальных консульства и создали 20 новых в 2007 г. Эти виртуальные консульства выполняют 50% задач обычных консульств, а стоимость их создания составляет около 10 000 долларов.

В силу исторической традиции, последним бастионом использования французского языка в дипломатической сфере довольно долго оставались заграничные паспорта. Однако 23 июня 1981 г. представители правительств стран, входящих в Европейские сообщества, приняли решение о введении европейских паспортов единого образца, записи в которых должны делаться на официальном(ых) языке(ах) стран-членов, а также на английском и французском. Большинство неевропейских стран к тому времени уже перевели свои паспорта на английский язык. При введении европейского паспорта для домашних животных, вступившего в силу с 1 октября 2004 г., Евросоюз пошел еще дальше: этот паспорт заполняется на двух языках - языке страны происхождения животного и английском. Такое решение было принято еврокомиссаром-англичанином даже без голосования, поскольку вопрос считался несущественным.

Эпоха применения французского в качестве языка международной дипломатии по сей день часто используются как подтверждение его уникальных достоинств, ставящих его, якобы, над другими языками.

Само по себе, распространение французского языка в средневековой Европе в XIII в. не подвергается сомнению. На нем говорили в Сирии, в Греции, в Константинополе, на Сицилии, на Кипре, в Македонии. Он употреблялся при дворах Англии, Португалии, Неаполя. Распространение французского языка происходило по причинам, которые не имели ничего общего с тем, что предлагали пропагандисты «гения французского языка»: «... начиная с XIII века за границей восхищаются его ясностью и его богатством» /6/. Все объяснялось гораздо проще: язык следовал за людьми, и везде, где говорили по-французски,

присутствовали французы. В IX в. в Сицилии и XI в. в Англии это были нормандцы, затем наступила эра крестовых походов: в результате первого крестового похода французы и французский язык обосновались в Иерусалиме, Антиохии и Триполи; во время третьего похода Кипр захватили говорившие по-французски воины английского короля Ричарда Львиное Сердце; в результате четвертого - французские крестоносцы принесли свой язык в Константинополь и Македонию; во время пятого их язык звучал в Египте; восьмого - в Тунисе. Распространение французского языка в ту эпоху не больше связано с чудесами, чем распространение английского языка и хлопчатобумажных тканей в бассейне Тихого океана в XIX в. Это, однако, не мешает французским авторам умиляться по поводу того, что в Египте существовала монета, называвшаяся *demi-franc*, или, что смородина по-гречески называется *frangostaphylon* (французский виноград).

Тот факт, что французы принесли из крестовых походов литературу, повествующую об Александре Македонском, царе Соломоне или Троянской войне, мозаику, лютню и литавры, «Начала» Евклида, арабские цифры, астрономию, химию, медицину, сахарный тростник, рис, индиго, кунжут, гречу, шафран, хлопок, шелковицу, инжир, лимоны, гранаты, арбузы, лук, компас и обозначающие их слова, ни коим образом не свидетельствовал о «блеске арабской мысли»: наоборот, умение заимствовать эти слова ставилось в заслугу французов и свидетельствовало об их высокой культуре.

Использование французского языка в качестве международного дипломатического языка, сначала как языка переговоров, а затем и языка дипломатических документов, также не имеет ничего общего с собственными достоинствами самого языка. Выбор французского языка для этой роли не был связан ни с формулированием требований, которым должен отвечать дипломатический язык, ни с доказательством, что французский язык соответствует этим требованиям в большей степени, чем любой другой.

То, что французский язык начал с Раштаттского договора свое триумфальное шествие, является следствием триумфа самой Франции. То, что его триумф продолжался так долго, объясняется тем, что кроме короткого перерыва на Семилетнюю войну (1756 - 1763), начиная с Вестфальского договора (1648) и до 1814 г., то есть на протяжении 166 лет, французская дипломатия, как победитель, диктовала условия всех мирных договоров.

А. Рамбо так писал о роли французского языка в XVIII в.: «Наш язык обладает универсальностью, которая в Средние века была у латыни. Он заменил ее в качестве языка дипломатии, придворных языков, языка философии, наук и общества» /7/. Французский, как язык дипломатии, заменил латынь так же, как немецкий заменил французский в Эльзасе, так же, как итальянский заменил словенский в Карсо или греческий на Родосе, так же, как английский заменил мальтийский или греческий на Кипре.

Таким образом, официальная история употребления французского языка в функции международного языка дипломатии построена на той же династической цепочке «монархия - революция - империя - республика», что и вся история Франции, в целом. При этом, в качестве опорных точек этой конструкции выбираются самые блестящие исторические личности, невзирая на реальные исторические обстоятельства.

Так, в качестве одной из ключевых фигур истории французского языка выбран король Франциск I (царств. 1515 - 1547), известный, в частности, благодаря изданию Ордонанса Вилле-Коттре (1539), по которому французский язык стал, якобы, единственным официальным (государственным) языком французского королевства, победив региональные диалекты. Назначение Франциска I, действительно великого короля, давшего Франции единую государственную и юридическую систему, реформировавшего финансы и поднявшего благосостояние страны, «благодетелем» французского языка является историческим парадоксом, вызванным все тем же стремлением возвеличивать

крупных исторических деятелей на фоне бледных или совсем ничтожных персонажей, не оставивших такого заметного следа в истории Франции.

Необходимо отметить, что современники Франциска I понимали ордонанс 1539 г. по-другому: он воспринимался ими, скорее, как свидетельство административного выбора между королевским французским (*françois du roy*) и местными вульгарными языками. Даже само выражение «официальный язык» еще не существовало в XVI в., потому что прилагательное *officiel* появилась во французском языке только в 1778 г. и представляло собой заимствование из английского (< англ. *official*). Только после Французской революции, в результате пересмотра этой части истории французского языка, обычный юридический документ стал частью национального мифа.

Миф об ордонансе Вилле-Коттре распадается на несколько частей, каждая из которых образует свой маленький миф.

Настоящее название этого документа - *Ordonnan du Roy sur le faid de justice* (на современном французском языке «*Ordonnance générale sur le fait de la justice, police et finances*») /8/. Обширный документ содержит 192 статьи, направленные на создание системы записи актов гражданского состояния, совершенствование судопроизводства, работы полицейских и финансовых органов. Ордонанс ограничивал судебное производство по чисто религиозным делам, вводил письменное и тайное производство по уголовным делам, вводил регистрацию актов гражданского состояния. Впервые в истории французского права было сформулировано право на необходимую оборону (ст. 168). К языку в целом имеют отношение только 2 статьи (ст. 110 и ст. 111), причем французский язык в этом огромном документе упоминается всего один раз - в ст. 111: «*De prononcer et expedier tous actes en langaige françoys...*».

Кроме того, авторство Ордонанса Вилле-Коттре, который стал самым важным юридическим документом за все время царствования Франциска I, принадлежит выходцу из провинции

Анжу, адвокату Гийому Пуайе, который с 1538 г. занимал пост канцлера Франции, т. е. был первым должностным лицом королевства после самого короля.

Вступив в обязанности канцлера, Г. Пуайе развил большую законодательную деятельность и подготовил множество законов на разные темы: от поддержания чистоты в Париже до охраны дубовых деревьев. Ему же Франция обязана устройством лотереи, которая тогда называлась *blanque* (Эдикт Шатореньяр 1539 г.).

Однако самым важным его произведением стал ордонанс Вилле-Коттре, который выполнял роль уголовно-процессуального кодекса в эпоху Старого режима. Этот документ назывался современниками «*Guillelmine*», по имени своего создателя.

Этот ордонанс мог бы обеспечить Г. Пуайе посмертную славу, но, в то же время, он создал ему множество врагов, особенно среди духовенства, которое лишилось своего влияния в судебной сфере. Участие в придворных интригах на стороне коннетабля Монтморанси привело к его падению: Франциск I отстранил его от должности, повелел арестовать и заключить в Бастилию. Он умер в 1547 г. на свободе, но в немилости, а вся слава великого законодателя досталась королю.

Ордонанс Вилле-Коттре является одним из целого ряда королевских документов, постепенно заменяющих латынь на родные языки в правовых актах.

В 1454 г. Карл VII издал ордонанс Монти-лес-Тур (*Ordonnance de Montils-lès-Tours*), который делал обязательной запись устных кутюмов, которые заменяли свод законов /9/. Эти записи делались на вульгарных языках, как на севере, где использовались языки *oïl*, так и на юге, где использовались языки *oc*. К этому же ряду относятся и другие королевские эдикты, также предписывающие употребление вульгарных языков и не требующие использования французского:

- Муленский ордонанс (*Ordonnance de Moulins*) Карла VIII от 1490 г., требующий, чтобы допросы и протоколы велись на вульгарных и родных языках, а не на латыни;

- Лионский ордонанс Людовика XII от 1510 г. (*Ordonnance sur la réformation de la justice, les mandements apostoliques, etc., rendue d'après le résultat de l'assemblée des nobles tenue à Lyon*), требующий, чтобы все юридические акты составлялись на языке народа, а не на латыни /10/: «*Dans le pays de droit écrit, les enquêtes se feront en langue vulgaire*». Таким образом, юридический язык включал в себя множество языков, существующих во Франции на то время;

- Ис-сюр-Тильский ордонанс (*Ordonance d'Is-sur-Tille*) Франциска I от 1531 г., который распространял действие ордонанса Людовика XII на территорию Лангедока.

Если попытаться определить, почему роль монумента национального самосознания выпала ордонансу Вилле-Коттре, можно привести два довода в его пользу: во-первых, он приписывается Франциску I, который является более значимой исторической фигурой, чем Карл VIII и Людовик XII, то есть подкрепляется тезис, что распространение французского языка шло параллельно с укреплением монархии; во-вторых, в нем прямо называется *langage maternel francoys*, от которого должен происходить современный французский язык, а не какой-то непонятный *langue vulgaire*.

Однако в 1539 г. в королевстве Франция было множество «родных французских языков», поэтому современные юристы считали, что королевский указ защищал все родные языки, существующие в королевстве, а не ограничивался одним французским языком.

Впоследствии, доминирующей стала интерпретация ордонанса, сформулированная республиканскими судами, согласно которой единственным родным языком считался государственный язык. Именно такое толкование, а не текст самого документа, легло в 1992 г. в основу новой редакции ст. 2 Конституции Французской республики /11/. Даже в наше время, более чем через четыре с половиной века после принятия ордонанса, он продолжает действовать в юридической сфере: в 1986 г. Кассационный суд принял решение, что документы,

представленные стороной защиты, должны быть составлены на французском языке; в 1989 г. тот же суд отменил постановление суда низшей инстанции, в котором цитировался американский закон в оригинале, без перевода /12/. Сторонники неделимости Республики и сегодня приветствуют этот документ, как один из важнейших в национальной истории Франции, в то время как сторонники регионализма видят в Франциске I могильщика провинциальных культур, наравне с аббатом Грегуаром и министрами Третьей республики.

Что касается международной роли французского языка, на роль знаковых фигур были выбраны не менее известные лица: король Людовик XIV и император Наполеон.

Раштаттский договор 1714 г. был выбран на роль первого международного документа на французском языке исходя из тех же династических соображений, что Ордонанс Вилле-Коттре, причем, историческая правда, как обычно, никого не интересовала.

Подписание этого договора 6 марта 1714 г. положило конец войне за испанское наследство. Раштаттский мир оценивался современниками как большая военная и политическая победа Людовика XIV, потому что по нему Австрия отказывалась от прав на испанскую корону. Но, с точки зрения закрепления за французским языком роли международного дипломатического языка, он не имел никакого значения.

Сборник всех старых французских законов, изданных в период с 420 г. по 1789 г., дает возможность воссоздать более объективную картину использования французского языка в качестве языка международных дипломатических документов /13/.

Первым, обнаруженным нами, дипломатическим документом на французском языке является не Раштаттский договор 1714 г., а договор между королем Англии Эдуардом III и королем Наварры Карлом II Злым от 1 августа 1351 г., согласно которому последний согласился на то, чтобы корона Франции перешла к королю Англии /14/.

Таким образом, начало эпохи применения французского

языка в качестве международного дипломатического языка могло бы быть отодвинуто на 363 г. вперед, но это очевидное открытие не было сделано. Возникает вопрос, почему?

Английский король Эдуард III (царств. 1327 - 1377), был сыном короля Эдуарда II и Изабеллы Французской, т. е. приходился внуком французскому королю Филиппу IV Красивому. Благодаря своему происхождению, он имел обширные владения на территории Франции и носил титул герцога Аквитанского. В 1337 г. он заявил свои права на корону Франции, положив, тем самым, начало Столетней войне.

Наваррский король Карл II Злой (царств. 1349 - 1387) был сыном короля Филиппа III и Жанны II Французской, и, по материнской линии, был внуком короля Франции и Наварры Людовика X Воинственного. Большую часть своей жизни он посвятил интригам и борьбе за французскую корону. Французский король Иоанн II Храбрый (царств. 1350 - 1364), надеясь обуздать его склонность к предательству, женил его на своей дочери Жанне; тем не менее, Карл II рассорился с династией Валуа и сблизился с английским королем Эдуардом III, с которым и заключил в 1351 г. договор, подписывать который он не имел юридического права, так как его претензии на распоряжение французской короной были чрезвычайно сомнительны.

Этот двусмысленно-деликатный, с династической точки зрения, документ (английский король Эдуард III имел не меньше прав на французский престол, чем царствующий французский король Иоанн II, сын графа Филиппа Валуа и Жанны Бургундской) никак не мог претендовать на роль родоначальника целой эпохи в истории французского языка, хотя бы из-за одной его статьи: «Item, est parle que la couronne, et le seurplus du royaume de France, et les autres terres et seignuries, que celles qui ci dessus sont declares, seront ou demouront au dit Roy d'Engleterre» /15/.

Впрочем, договор 1351 г. является не единственным международным дипломатическим документом на французском

языке, составленным ранее, чем Раштаттский договор 1714 г. (см. табл. 1).

Таблица 1. Международные дипломатические документы, составленные на французском языке в период с 1351 г. по 1714 г.

Правление	Категория документа	Год	Предмет
<i>Jean II (1350-1364)</i>	<i>Traité</i>	<i>1351</i>	<i>La couronne de France passe au Roi d'Angleterre</i>
	<i>Traité</i>	<i>1355</i>	<i>De pacification entre le Roi de Navarre et le Roi de la France</i>
	<i>Traité</i>	<i>1360</i>	<i>Entre la France et l'Angleterre (le peuple contre le démembrement des terres)</i>
	<i>Traité</i>	<i>1360</i>	<i>De paix entre la France et l'Angleterre</i>
<i>Charles V le Sage (1364-1380)</i>	<i>Traité</i>	<i>1371</i>	<i>Entre l'Escoce et la France</i>
<i>Louis XI (1461-1483)</i>	<i>Traité</i>	<i>1465</i>	<i>Entre la France et Liège</i>
	<i>Traité</i>	<i>1475</i>	<i>De commerce avec l'Angleterre</i>
	<i>Traité</i>	<i>1482</i>	<i>Entre la France et le duc d'Autriche</i>
<i>François I (1514-1546)</i>	<i>Traité</i>	<i>1525</i>	<i>De paix avec Charles V, roi d'Espagne</i>

	<i>Traité</i>	1529	<i>Avec Charles Quint, confirmant celui fait à Madrid</i>
<i>Henri II (1546-1559)</i>	<i>Traité</i>	1549	<i>De paix et d'alliance avec les cantons Suisses</i>
	<i>Traité</i>	1559	<i>De paix et d'alliance avec Philippe II, Roi d'Espagne</i>
<i>Henri IV (1574-1610)</i>	<i>Déclaration</i>	1595	<i>De Guerre contre le Roi d'Espagne</i>
	<i>Traité</i>	1598	<i>Avec l'Espagne, l'Autriche, la Savoie</i>
	<i>Traité</i>	1606	<i>Avec Jacques I, roi d'Ecosse et d'Angleterre, pour la liberté de commerce entre les deux nations</i>
<i>Louis XIV (1643-1715)</i>	<i>Traité</i>	1659	<i>Avec Roi d'Espagne</i>
	<i>Traité</i>	1662	<i>D'alliance avec Hollande</i>
	<i>Traité</i>	1663	<i>De renouvellement d'alliance avec les Suisses</i>
	<i>Traité</i>	1667	<i>De paix de Breda (entre la France et l'Angleterre, l'Angleterre et le Danemark, la France et l'Hollande)</i>
	<i>Traité</i>	1668	<i>De paix entre la France et l'Espagne</i>

	<i>Traité</i>	1684	<i>De paix avec la régence d'Alger</i>
	<i>Traité</i>	1697	<i>De paix entre la France et la Hollande, l'Espagne, l'Angleterre</i>
	<i>Traité</i>	1714	<i>Entre la France et l'Allemagne</i>

Таким образом, очевидно, что практика использования французского языка для составления международных дипломатических документов возникла задолго до канонической даты 1714 г. и существовала на всем протяжении периода 1351 - 1714 гг. «Назначение» Раштаттского договора на роль отправной точки в употреблении французского языка в качестве языка международной дипломатии обусловлено идеологией династического заказа, характерной для республиканского видения истории Франции и применяемой независимо от конкретной формы правления: монархической, имперской или республиканской.

1. Tulard J. Napoléon et l'Europe. Communication de Jean Tulard prononcée en séance publique devant l'Académie des sciences morales et politiques le lundi 9 février 2004. // www.canalacademie.com/Napoleon-et-l-Europe.html.

2. В подтверждение чего полномочные послы обеих сторон подписали вышеперечисленные статьи, составленные, как на французском, так и на английском языках, и приложили свои печати, заявив, однако, что подписание на двух языках не будет считаться прецедентом и не может трактоваться в ущерб какой-либо из сторон. Convention de Mortefontaine // www.napoleonicsociety.com/french/Mortefontaine.htm.

3. Laloy E. La langue française cessera-t-elle dans peu de temps d'être une langue scientifique? // *Mercure de France*, 1 décembre 1913. P. 455.

4. Decaux A. L'avenir de la langue française //www.institut-de-france.fr/rubrique_Discours_2001-L_AVENIR_DE_LA_LANGUE_FRANCAISE.html?arbo=148&page=696
5. Ambassades et consulats virtuels: Accroître et diversifier la présence française à l'étranger. Rapport d'information n° 10 (2006-2007) de M. Adrien GOUTEYRON, fait au nom de la commission des finances, déposé le 10 octobre 2006//www.senat.fr/noticerap/2006/r06-010-notice.html.
6. Royer E. Leçons de français, méthode active de langue française. Paris, 1931. P. 360.
7. Rambaud A. Histoire de la civilisation française. Paris, 1887-1901. T. II. Depuis la Fronde jusqu'à la Révolution, suivi d'un aperçu de la civilisation contemporaine. 2e éd. - 1887. P. 581.
8. Ordonnance 188 d'août 1539 (ou « ordonnance de Villers-Cotterêts ») prise par le Roi François Ier imposant l'usage du français dans les actes officiels et de justice//www.assemblee-nationale.fr/histoire/villers-cotterets.asp.
9. Кутюмы (от франц. coutume - обычай), в феодальной Франции правовые обычаи отдельных провинций, округов, городов и т. д. На севере Франции (т. н. страна обычного права) К. существовали в устной традиции, никаких общих юридических записей обычаев там не было. К. представляли собой смесь старого германского права, заимствованного из варварских правд и соответственно переработанного, канонического права, грамот, регулировавших отношения сеньоров и городов, практики местных судов, приобретшей значение прецедента, и др. На юге Франции (т. н. страна писаного закона) в качестве общего обычая действовало упрощённое римское право, которое дополнялось местными К., получившими письменное оформление (БСЭ).
10. Jourdan A.-J.-L., Decrusy, Isambert F.-A. Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789. 29 vol. Paris, 1821-1833. V. 11. PP. 575-603.
11. Ordonnance de Villers-Cotterêts//fr.wikipedia.org/wiki/Ordonnance_de_villers-cotter%C3%Aats
12. Boyer L. Sur quelques adages. Notes d'histoire et de jurisprudence //Rémanances du droit d'Ancien Régime dans la France contemporaine. Bibliothèque de l'École des chartes, 1998. P. 13.
13. Jourdan A.-J.-L., Decrusy, Isambert F.-A. Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789. 29

vol. Paris, 1821-1833.

14. Traite entre le Roi d'Angleterre et Charles, Roi de Navarre, par lequel celui-ci consent que la couronne de France passe au Roi d'Angleterre. 1 août 1351// Dumont, Corps diplom., tom 1, 3 part., p. 265.

15. «Также говорится, что корона и все остальное королевство Франции, а также другие земли и сеньории, которые перечислены выше, перейдут или останутся во владении короля Англии».

VI. Историческая антология.

В. Е. Возгрин

Хроника Стуре (эксцерпт)

Хроника Стуре (так принято называть этот летописный свод в шведской историографии по имени Стена Стуре Старшего /1/, который стал его центральным героем) - часть огромного массива записанной истории Швеции, называющегося Большой рифмованной хроникой. Это - великолепный памятник шведской историографии и литературы, ставший творческим источником не только для учёных, но и для многих писателей, поэтов и композиторов /2/.

Хронологически она охватывает период с середины XIII до конца XIV вв. и в целом насчитывает 19 000 двустиший, объединённых парными конечными рифмами /3/. Первое полное издание Хроники Стуре было осуществлено по одной из нескольких копий памятника. Позднее была сделана единственная попытка восстановить его по различным спискам /4/, не совсем удачная, но ценная своими комментариями и оттого в этой публикации частично использованная. Она состоит из трёх частей: Хроники Эрика, Хроники Карла и Хроники Стуре. Последняя из них посвящена истории Швеции и её финской провинции в период с 1455 по 1496 гг. Настоящая же публикация этой хроники ограничена 1495 - 1496 гг., когда у стен Выборга и далеко за границами Выборгского лена шведско-финское население дало отпор московскому вторжению.

Этот текстуальный и смысловой выбор объясняется не только высоким драматизмом и поэтическим подъёмом, ярко осветившим именно эти главы шведского памятника. Они имеют и значительную историографическую ценность как для шведской, так и для русской науки. Как отмечено видным

русским исследователем, «О ходе боевых действий под Выборгом в наших источниках почти ничего не говорится <...> Все сведения о ходе борьбы за Выборг содержатся в шведских источниках - Рифмованной хронике» /5/.

Авторы этой части памятника неизвестны. Один из ранних его исследователей пришёл к выводу, что они были современниками описываемых событий, приводя их откровение (правда, из иной части Хроники Стуре): «Каким образом в дальнейшем пойдут дела, я предвидеть не могу, как и дописать [моё повествование] до того, как что-то произойдёт» /6/. Впрочем, в тексте обнаружены следы использования шведских анналов /7/. Тщательный анализ текста и другие, вспомогательные исследования, привели одного из самых известных шведских историографов к выводу, что анонимов было двое. Однако ни один из них не являлся непосредственным участником выборгской драмы, пребывая на протяжении описываемого периода не в финской провинции шведской империи, а в столичном Стокгольме /8/.

Современные историки уточняют смысловое, и, значит, авторское разделение Хроники на две части, причём водоразделом является год 1487. До этого текст представляет собой апологию Стена Стуре Старшего, а после всё более становится заметной симпатия стоявшего к нему в оппозиции архиепископа Якуба Ульфссона /9/, в особенности после окончания «Русской войны» 1495 - 1496 годов /10/. При этом пока остаётся в силе давний вывод шведской исследовательницы: этот второй автор (чьё произведение мы публикуем) был монахом стокгольмского доминиканского монастыря (Svartbrödreklostret) /11/.

Художественная и политическая позиция авторов Хроники вполне понятна. Они - патриоты и целиком одобряют деятельность фактического правителя Швеции (формально регента) в 1471 - 1497 и 1501 - 1503 гг., Стена Стуре Старшего. Для них характерно ярко выраженное национальное, или даже националистическое чувство. Оно неоднократно прорывается в яростных нападках на врагов своей родины, в обличении их пос-

тоянной агрессивности, в акценте на вооружённую силу, с помощью которой только и можно противостоять натиску с востока /12/. Однако нельзя не отдать им должного, - они не только красноречивы и убедительны, но и поэтичны. Впрочем, как выразился тот же шведский исследователь эпоса - это, в целом, «скорее добротная агитация, чем талантливая литература» /13/. Более поздние исследователи Хроники отчасти подтвердили этот вывод, обнаружив в тексте скрытые цитаты из политических песен и памфлетов времён Стуре Старшего /14/.

Избранный для публикации текст весьма полно отражает оба плана острой политической борьбы 1490-х гг. - военной, направленной против внешнего противника и внутривосточной, в которой участвовали почти исключительно шведы. Это был тот период шведской и финской истории, что наступил после фактического расторжения унии трёх скандинавских государств, документально закреплённой в 1397 г. так называемым «Кальмарским рецессом». Шведские патриоты, сплотившиеся вокруг регента Стена Стуре, выступали за полную независимость своей страны от Дании, чьи короли Кристиан I (1448 - 1481), затем Ханс (1481 - 1513) стояли во главе унии. В 1471 г. эта политическая борьба приняла форму вооружённого конфликта, в котором сторонникам Стуре противостояли не только датчане, но и часть шведской аристократии, их вассалы и большая часть упландских крестьян. Военная удача в сражении при Брукенберге оказалась на стороне шведских патриотов, после чего уния оказалась фактически расторгнутой, а единовластие регента Стена Стуре Старшего окрепло как никогда ранее.

Впрочем, аристократическая оппозиция ему была разбита, но не уничтожена. Унионисты, сознавая, что большинство населения Швеции и Финляндии стоит на стороне регента, временно ушли в тень, выжидая выгодный момент для нового выступления. В 1470 - 1490-х гг. в стране шло подспудное переформирование рядов оппозиции регенту Стену, в результате чего на ведущие роли выдвинулось два лидера оппозиции - архиепископ Швеции Якуб Ульвссон и представитель младшей ветви регент-

ского рода Стен Нильссон Стуре (подр. о них см. в примечаниях). Но открыто выступить против регента они смогли лишь после окончания «Русской войны», в 1497 г., что также нашло своё отражение в публикуемом памятнике.

Что же касается внешней опасности, то она была связана отчасти и с упомянутыми внутривосточными переменами. Дания, не сумев в 1471 г. восстановить унию в одиночку, искала военных союзников. Выяснилось, что такую вооружённую помощь может оказать ей Московское государство, чему были особые причины. После того, как Москва вооружённой рукой подчинила себе Новгород (1478), царь Иван III (правл. 1462 - 1505) уверовал в мощь своей державы и продолжил экспансию в западном направлении. Им была запланирована аннексия Карелии в районе между Ладогой и Сайменской озёрной системой, а также захват части Лифляндии, для чего в 1492 г. был основан важный опорный пункт - крепость Ивангород и началась концентрация вооружения в Пскове. В то же время за границей велись закупки тяжёлой осадной артиллерии и другого оружия /15/.

Вторжения русских отрядов на финскую территорию на протяжении второй половины XV в. становятся всё более частыми. Хуже всего приходилось финнам и переселенцам-шведам в областях Кемь, Йо и Лиминго /16/. Поэтому вооружённые столкновения московских отрядов со шведами на землях Восточной Финляндии в 1480-х гг. стали почти постоянными. И хотя два договора (1482 и 1487 гг., оба сроком на 5 лет) должны были этому препятствовать, мир постоянно русскими нарушался; особенно разорительным для шведов и финского населения стало вторжение с востока в 1490 году /17/.

Наконец, в 1493 г. был заключён русско-датский договор, целью которого был двойной удар по Швеции - с запада и востока. Всё, что мог противопоставить будущим противникам Стен Стуре - это в преддверии войны окружить стенами и башнями древний замок Улофсборг, расположенный севернее Выборга, на западном берегу оз. Сайма (как правило, эту крепость

называют Нейшлотом - по имени соседнего селения). В Москве расценили этот шаг как агрессивный, полагая все земли за р. Саймой (Саволак-лен) русскими.

БОЛЬШАЯ РИФМОВАННАЯ ХРОНИКА ГЛАВА XXXII

Стр. 190

3. Вторжение русских

В то время, как в Кальмаре занимался день /18/
Русские покинули свой дом,
Четыре их сотни, блестящих, как лед /19/
Предполагали завладеть большой добычей;
Страны карел стремились они достичь,
И сжечь там многие города;
И при этом держали в уме [одно:]
Захватить как мужчин, так и женщин.
После чего они полагали
Возвратиться в Иванов день /20/ [или] на следующий.
Конунг Ханс /21/! Я обращаюсь к Вашей милости,
Ибо всё происходящее - в Вашей воле;
От неверного толкования [событий] пользы мало.
И таким путём Швеции бы Ты не добился /22/.
И вот они начали захватывать, жечь и разорять [наши земли],
Никто им не мог противиться.
Теперь карел чаще плачет, чем улыбается.
Русские показали свою жестокость;
Многие терпят там издевательства.
Оттого и стал их уделом плач, а не улыбка.
В Рождество же Богородицы /23/ пришло несчастье,
А именно, русские захотели прийти [к нам].
Что они и сделали,

А мы рассеялись во все стороны.

Они осадили Улофсборг /24/ и Выборг /25/
Такими сильными эти русские оказались.
Они намерились быстро построить укрепления,
Полагая, что [никто] не ударит им в спину.
Они думают вполне основательно
Взять силою страну финнов и Замок.
Слух пошел повсюду,
Что русские готовят [всей] финской земле разорение.
Глава страны, рыцарь Стен,
Ранее невидный,
Прочнее обруча сплотил [людей],
И эта власть его не скоро ослабнет.
Архиепископ Якуб и господин Стен, они оба
И весьма многие шведы,
И все благочестивые господа
Не желали, чтоб это несчастье [нас] постигло.
В День Всех Святых /26/ и на следующий
Они съехались быстро, как успели.
Пятьсот рыцарей, все, как один, немцы /27/
Пожелали сопровождать господина Стена,
Да и очень многие захотели ради Швеции
Заслужить честь и награду.
Они сокрушат русскую силу, [ведь]
Походный вождь - с ними.
И не страшились они русских:
Топоры, панцири и другое оружие -
Всего они имели в досталь и готовились применить это против
русских.
Господь со всем Его могуществом
Укреплял это святое дело!
Но по мере того, как зима становилась все морозней /28/
Поход весьма задерживался.

Кнут Поссе /29/ оказался честным человеком,
Он мужественно держится в Выборге.
Он надеется на крепостные стены /30/ и рыцарскую доблесть
[защитников]
И ведет себя безупречно.
Не могу не воздать ему великую хвалу,
Здесь ему было не до сна,
Он многое испытал от русских,
И многие [русские] пали от его вылазок.
И монахи с обеих сторон
Хотят [за всё] расплатиться сполна.
И вот отважился господин Кнут
Ударить на русских с девяноста восемью.
Плохо это для тех кончилось -
Всех русских он перебил.
Епископ Магнус /31/, который из Або,
Потерял с полсотни, я полагаю.
Все равно продвинулось рыцарское войско вперед -
Четыре тысячи русских было ими уложено.

4. Поход на русских Стена Стуре

Правитель державы, господин Стен,
Теперь уже всем известен,
И вот, восемью днями после дня Св. Мартина /32/
Намерены шведы отправиться в поход.
Снаряжение выслали знатные люди из Упсалы,
Всем шведам к радости и веселью;
А архиепископ Якуб, и капитул, и другие - [передали им]
Знамя Св. Эрика, стоявшее в монастыре Св. Клары.
Столь многие услышали о том,
Что знамя Св. Эрика везут из Упсалы,
Что многолюдная процессия покинула Стокгольм,
Когда рыцарь Стен принимал это знамя.
За нею, как лес, следует простой народ,
А также монахи и священники,

Рыцари и оруженосцы - самые доблестные -
Направляясь в храмы города.
Многие в горе, с бледными лицами.
Здесь декан Маттес /33/ и два доктора [богословия]
Устанавливают знамя там, в алтаре Св. Эрыана /34/
Рыцарь Стен падает на оба колена -
Господь во Царствии Своём небесном, помоги всем шведам.
Он с достоинством припадает к знамени,
Хоть и тревожен он, и обливается слезами.
На следующий день, и днём позже
Каждый занимается тем, что ему более по душе.
Наступает восьмой день после Св. Мартина /35/,
Все шведы пускаются в путь:
Девяноста и еще несколько их было -

Стр. 191

Таким оказалось войско, когда это происходило.
И еще оставалось две сотни дома,
По нехватке провианта.
Когда замерзло море у Аландов,
Они шли в страну финнов /36/.
И тому делу, которым занимались шкипер и команда,
Помоги, Господь, чтобы путь для всех их был благополучным!
Я говорю об этом с великим почтением:
Господь хранил их своею мощью.
Войско должно было стать [лагерем] в Коохамне /37/,
Они построили там множество барачков, а после дня Св.
Екатерины /38/
На следующий день они снова пустились в дорогу.
И все им желали счастливого пути,
И всем им добраться до страны финнов.
Море, шторм и крепкий мороз
Стали для них тяжким испытанием.
Зима всё морозней и жестче,
Она их не щадила.

Тем не менее, во имя Господне,
Все продвигались вперед.
Северо-восточный ветер был столь яростен -
У очевидцев я спрашивал об этом -
Что корабельные рули и паруса
Кое у кого уцелели, у других пропали.
Одни корабли швыряло сюда,
А другие - туда,
Одни шли благополучно вперед,
Некоторые - к Нюланду /39/,
Другие - к Сутингену /40/ и Аландам,
А некоторые - к новой гавани Кала /41/,
Некоторые - назад,
Где им снова пришлось строить походные бараки;
Некоторых выбросило на берег моря,
Где их корабли разбило,
А люди выбрались на сушу.
Но всё же было хорошо,
Что никто тогда не утонул.
В то же время [не берегу] многие отморозили руки и ноги, -
Утраты невозполнимые!
А многих мороз так пронял,
Что они не избежали жестокой смерти.
Рыцарь Стен едва выбрался
На землю Аландов.
Я не могу отрицать, что
Многие тогда вернулись назад, [в Швецию,]
Так как всё было столь неудачным.
Погода была против [них], а луна - еще более.
Немногого они смогли достичь,
Так как все стали жертвой мороза.
Не могу сказать, [что]
Вернулось больше четырехсот, да и вернулось с большими
тяготами,
Последние - к Великому посту /42/.

Приблизительно ко дню Св. Андрея /43/. Наконец,
На Аланды высаживается рыцарь Стен.
Благородный господин ничуть не рассержен -
В том, что происходит - ваша вина.
А я вас всячески здесь расхваливал
И слагал о вас прекрасные висы /44/.
Горе вам, великое горе,
Господь закроет вам пути ваши!
Здесь одно остаётся повторять:
Да не предаст вас Всевышний [новым] мученьям!
Меня терзает ужасный страх,
Что Швецию ожидают плохие времена.

5. Осада русскими Выборга

В тот же день, когда господин Стен высаживается,
Как я уже говорил, на Аланды,
Тогда случилось так,
Что русские захотели подойти к Выборгу.
И однажды утром
Русские показали свою мощь и злокозненность -
Столь многие тысячи [их] стали под Выборгом,
Белое поле покрылось щитами -
На три мили в глубину и ширину расположились русские,
Отчего охватила Выборг немалая тревога.
У них было много больших пушек /45/,
Которыми они собирались разрушить стены Выборга,
И с серпентинами /46/ большими и малыми,
Ворваться в Выборг многотысячной силой.
Имея много пушек, заряженных свинцовыми жеребьями и
железом,
Они рассчитывали взять Выборг.
И шесть пушек расположили кругом,
Как обруч, набитый на камень.
Огнем они разрушили две башни,
И выборгская стена подалась,

В чем не было ничего удивительного -
Она была сильно разрушена.
Третью башню /47/ они обстреливали так,
Что в пробоины вошла бы пара мешков с хмелем.
Русские были уже вполне уверены,
Что завершат захват Выборга.
Тогда благородный Кнут Поссе нашел выход,
Приказав строить стену за главным проломом,
И благородный Вийнхольт /48/
Оказался тут весьма кстати.
Они строили быстро и умело,
Так что с Божьей помощью она не была разрушена,
Русским же из-за их неблагочестия
Никак не удавалось ворваться внутрь,
Хотя весь их план заключался в том,
Чтобы взять Выборг силой.
Итак ранним утром на Св. Андрея /49/
Дошло дело до штурма,
И русские под знаменами
Бросились на город
Со многими лестницами и трапами /50/,
Намереваясь выборжцев убивать и брать их в плен!
Они шли на приступ с трех сторон,
Стремясь посеять среди защитников Выборга панику и
отчаянье.
Под каждым знаменем было несколько тысяч,
Хотевших привести выборжцев в ужас.
Некий герцог поднимает свое знамя над башней
В знак того, что он ее захватил,
Он бесстрашно бросается вперед,
И вот уже он перед главным проломом.
Русский герцог врывается в главный пролом,
Ведя за собой множество русских.
С грохотом врываются они в башню,
Ибо первые из них были и быстры, и ловки.

Другие водружают знамена на стене,
За ними людей - как деревьев в лесу,
Их лестницы - длинные и широкие,
Девять их было приставлено к стене:
Одно стремление вело их всех, -
Желание взобраться на гребень стены.
И я могу сказать с уверенностью,
Что они оказались на стене в семь часов,
Многие русские уже были внутри башни,
Чего не упомнит Выборг.
На башне было развернуто три знамени,
Сразу, в тот же день.
И они дерзали прорваться
Немедленно к двум пушкам.
Тут уж всё более дерзкими становятся русские,
Все они лезут на стену.
Они спускают лестницы со стороны города,
Полагая, что горожане при этом должны бежать.
Теперь вы, защитники Выборга, действовали скрытно
Иначе попали бы в большую беду.
Кнут Поссе, Вийнхольт, эти благородные мужи,
Которых никто тогда не заметил -
К чести их и других -
Они разыскали лодку и смолу
И подвели их к основанию башни,
И действовали очень быстро:
Они подожгли [смолу],
Думая прогнать этим русских из башни.
Огонь, дым и смола
Должны были всех их обратить с бегство.
Но русские всё превозмогли,
И все сгорели внутри [башни] /51/.
В то же время горожане перебежали внутри стены,
Как мне не раз рассказывали,
Чтобы, презирая опасность,

Низвергнуть лестницы на землю,
Да и многих русских они сбросили,
Так что им это удавалось.
Столь жестокой была эта схватка -
Те, кто свалились вниз, погибли /52/
А те, что были на стене - победили.
Они говорили, что видели над городом крест Св. Андрея.
А Млечный путь был совсем незаметен,
Ибо Господь хотел явить свою достославную силу.
Они рассказывали также, что два отряда стояло и на Берстите
/53/
Готовые подняться на стену,
Все сияющие, как лед,
Стремящиеся с Божьей помощью победить.
Наверняка их осеняли Св. Эрик и Св. Улоф.
В тот же день русские увидели,
Что внутри [стен] было около
Двухсот человек.
Неожиданно русские бросились на штурм
И начали все [горожане] кричать,
И поднялся в их рядах ужасный шум,
Так что бывшие на стене были готовы бежать.
И началась в тесноте давка,
Так что один лез на другого,
Нанося друг другу повреждения,
Так что между ними уж и кровь течет.
Тогда было сброшено вниз несколько тысяч,
И это заставило русскую армию уступить.
Город еще держится,
Защитники потеряли не более двух человек.
Господи, буди Твои Закон, Честь и Слава,
Могущие устрашить немилосердных русских!
А после этого весьма неожиданно
В ночь на С. Барбару /54/ все они
Двинулись к новому Замку /55/ в области Саволакс /56/

Где им пришлось не легче.
Немногого тогда смогли они добиться,
Саволакские мужи отразили их набег.
Тогда они вернулись в свои пределы
Чтобы снова собраться с силами.
Я не могу умолчать о том,
Что русские снова потеряли тысячу [человек] /57/
А к тому же одного ценного человека
Так что все русские оплакивали его /58/
Тридцать и четыре большие пушки
Оставили ушедшие русские,
Батареи и мертвых русских -
Вот, что увидели они (т. е. шведы - *В.В.*), выйдя наружу.
Какое-то время всё было тихо,
Вплоть до Сретенья Господня.
А потом, как записали, в [14]94-м
Эта игра продолжилась таким образом,
Что соратники прибыли в Або,
Где им снова все были рады.
А потом случилось так неожиданно
Страшное в ночь под Рождество.
Я не забуду эту дату,
Ибо господин Стен оставил свой народ.
Вначале он пьет за Рождество - и бледнеет,
И пророчит своим врагам:
Мужи Швеции займут все [московские] пределы:
Одни будут здесь, а другие - там.
Рыцари черпали из сумы господина Стена,
Четырехугольной, щедрой.
Они, гостя на королевском дворе в Сатегунне /59/
Пили и ели - всё, что могли.
А ведь многие сгнули от мороза и голода,
Многие пали в боях.
Некоторые из Даларна и Суленере
Направились к Выборгу, их было немало.

И к Улофсборгу в то время был послан дворянин
Кнут Карлсон - имя его /60/
А с ним еще семьдесят,
О которых я могу сказать уверенно:
Все они благочестивые люди [королевского] двора.
И их дорога - к Нейшлоту.
Но вот случилась беда,
И многим пришлось - хуже некуда.
На следующий после Сретенья день /61/, едва взошло Солнце,
Русские их перебили. Тут я закончу тем,
Что их умертвили, подкравшись.
И что [лишь] 7 или 8 сумели спастись.
Большое горе - услышать это,
И горестно - повествовать об этом.
Русские расположились перед Улофсборгом,
И шведские мужи были весьма озабочены:
[Ведь] русские могут приблизиться и ворваться [в город].
Оставалось лишь стенать перед Господом.
В Саволаксе как для мужчин, так и для женщин
Надежды почти не осталось.
Они ушли далеко вглубь своей страны,
Печальные, бледнолицые.
Русские их неотрывно преследуют
И находят всех, где бы они ни скрывались.
Ныне я могу записать:
В тот раз они убили семь тысяч [человек],
Ни один русский не задумывался
И перед тем, чтобы убить ребенка в колыбели.
И, к вящему горю шведов,
Они дошли до Крунаборга,
Как обыкновенно называют Тавастхус /62/
И если уж это неотвратимо, то многое обрушится:
Русские, они [ведь] всё разоряют и жгут,
И хотят вторгнуться в Абоский лен.
Они жгут церкви и деревни

Как в глубине страны, так и на побережье,
Они это сделали, и не оставили и сотни [в живых].
О, помоги мне, Господи и Матерь Божья!
Ах, какой же это был великий позор
Для шведов, не осмелившихся выступить /63/!
Когда же они выступили, то
Вскоре в городе Або стал всеобщим слух
{О том, что} русские захватили церковь в Хатуле /64/
Где не оставили ни колокола, ни креста.
Потом они продвинулись столь далеко,
Что оказались и у Або, и у Дакследера /65/
Господин Стен, и в беде достойный имени благородного
рыцаря,
Не позволяет их погубить.
Я понял [находясь] в, Пакбу борге /66/
Насколько его сердце было полно заботой:
Он указал писать на Аланды и в Нюланд,
И в Будкафлен /67/, и [сообщить вообще] всей Финляндии,
Чтобы все покинули [свои] дома с оружием в руках,
Чтобы сразиться с русскими.
И каждый муж поднялся,
Когда господин Стен вывез свои пушки из Або,
И все слышали ужасный грохот -
Выпало не меньше сотни серпентинов.
В день Св. Матфея /68/
Шведы выступили,
И всадники были почти все шведы,
Красавцы с виду - все самые отборные.
Кто на саях, кто [просто] на конях,
Ехали каждый своим путем.
Девятьсот человек там было знатных,
Пожелавших выйти [в поле].
И с Аланд пришло две тысячи, они
Все хороши собой и благочестивы.
Когда же они сошлись вместе,

То оказалось их без преувеличения
Более сорока тысяч,
Несущих в руках доброе оружие.
Когда русские об этом проведали, -
Все тут же понеслись восвояси,
Ни одного не удалось догнать
Или [просто] отыскать хоть одного русского /69/.
Шведы не хотели продолжать погони.
После того, как они преследовали их добрых 24 мили;
Тут уж нужно было их настигать,
Но они, раздосадованные, отправились на покой,
Потому что не могли продвигаться дальше
Ради свершения чего-либо благочестивого.
Да и что исправили бы эти старания?
Карелия, Саволак, пол-Тавастехуса лежат в руинах,
Не осталось [уже] там ни жилищ,
Ни собак, ни кур или коров.
Где остановишься там для отдыха?
Страна опустошена на 80 миль с лишком.
У шведов было 500 ружей или еще больше,
Когда начался этот большой поход,
А также было весьма много иного оружия,
Которое в ту пору не слишком помогло Швеции.
Стокгольмские ополченцы из Сульны /70/
Заслужили такую честь,
Что они должны были остаться на месте
И защищать Улофсборг.
Никто не видел иного [выхода],
Каждый вернулся домой,
И тогда потихоньку люди двора
Вернулись в Або:
Одних [затем] послали сюда, других - туда,
Многих, в ту пору, - в [сельские] поместья

6. Возвращение Стена Стуре в Швецию

Господин Стен решил тогда ехать в Швецию
И поднять большое войско;
[Вот] как тогда все происходит:
Сванте Нильсон /71/ осужден высшим судом /72/,
Стен Турессон /73/
Должен был стать его спасителем,
И каждый человек в Финляндии,
Как дальний, так и близкий,
К благополучию всей Финляндии
Требовали возвращения господина Стена в месячный срок.
В четверг накануне Пасхи /74/
Тронулся господин Стен в обратный путь,
Он быстро заставил себя слушаться,
И вскоре отправился в Упсалу,
Стремясь избавить Финляндию от горестей.
В Стокгольме должен был состояться херредаг /75/
Он и собрался.
Я не знаю, кто мог тут найти что-то веселое,
Я [и до того] немного ожидал от этого херредага:
Все дела Швеции там проспали -
Один Бог знает, что случилось со шведами:
Всё теперь пришло в упадок,
Каждый отворачивается, [считая, что]
Все дела - в руках Божьих!
Русские нам угрожают с их сильным войском,
А также король Ханс - со стороны Дании:
Так и шли дела всё это время,
И вот уже остается три недели до Иванова дня /76/.

7. Поход Стена Стуре

Слушайте же, что я хочу поведать:
Многие в Швеции готовились
К походу на страну русских,

С множеством народа, с большим войском.
Все, кто живет в лесах Севера.
И многие, как и я, предлагали,
Что каждый пятый муж примет в этом [походе] участие /77/,
Отправившись к Выборгу.
И я берусь утверждать,
Что и Хельсингланд /78/ был заодно,
И те, кто живет в южном Хельсингланде,
Также забеспокоились.
А в то время русские вторглись в Норработтен /79/.
Горят Сало, Люнинг, Йо, Торнео, Кемь /80/,
А также Йокас /81/ близ Улофсборга,
К великой скорби Финляндии и Швеции.
Это случилось вечером на Св. Улофа /82/ -
Господь не позволил им нечего больше жечь!
Тогда-то русские пропали из виду,
Все они отступили.
В то время, как это случилось,
Некоторые [жители] из Улофсборга сгорели:
От огня, который шел под землей,
Сгорели добрые шведские мужи.
Теперь многие шведы потирали руки:
Это господин Стуре вряд ли стерпит.
Для Кнута Поссе, Сванте и многих других
Всё это было слишком отвратительно
И, наконец, они стали следить за русскими
И двинулись на страну русских с большой силой.
И вот они вышли к Новой Нарве /83/
И намеревались там разорить русских
И были все они бодры и веселы.
Сразу после Успенья Богородицы /84/
Две тысячи составило войско,
Или приблизительно столько.
Они подошли к Ивангороду -
Так назывался большой русский замок -

На кораблях больших и малых,
Обгонявших друг друга.
Ивангород был мощен и крепок,
Ничего иного не могу написать:
В этой крепости было доброе войско, [хорошо]
Вооружённое и весьма мощное.
Тогда шведы приложили все свои силы,
Им нужно было взять эту крепость,
И первым делом стали жечь [посад].
Теперь они уже не торопились,
И без усталости готовились к штурму.
В пятницу после дня Св. Людовика /85/
Все они бросились на приступ.
И случилось великое чудо Господне:
Шведы овладели крепостью за шесть часов /86/!
Я утверждаю, так и было -
Пои помощи огня, стрел, а также ружей.
Три тысячи находилось внутри этой крепости,
Столько же полагалось шведам в добычу.
Все стали ужасно кричать,
Все разом - мужчины и женщины,
Их было такое множество, [что]
Лишь трехсот взяли в плен.
Там нашлись сундуки, битком набитые
Серебром, мехами, воском и листовым золотом.
Каждый муж принялся за дело
И сносил все это на корабли.
Железные двери и причальные гаки
Также стаскивали заодно, я этого не отрицаю.
Стояла хорошая погода,
И грузили пленных, мед и много провизии.
Сванте Нильсон был их предводителем
И славное своё имя нёс с честью.
И вот вернулся [он] в Швецию
И с ним многие люди двора:

Добрая сотня и еще семеро
Об этом я пишу истинно.
Но вот пробежало время, и поход
Завершился ко дню Св. Мартина /87/.

8. Второй поход Стена Стуре в Финляндию

Теперь во имя Господа нашего Иисуса
Отправляется господин Стен из Сандхамна /88/
Он вздымает песок, он весьма бодр,
Пускаясь в путь со ста тридцатью судами
И намереваясь причалить [уже] в стране русских.
Если это удастся ему и его людям -
[Значит,] Господь смиловался над Швецией!
Простые люди тогда стали несговорчивее,
У них было другое на уме
И они ушли от господина Стена, и их забыли.
Эти крестьяне устремились в Швецию,
Не желая оставаться более у господина Стена.
Что было и неудивительно,
Потому что они терпели жестокий голод -
Пили [лишь] воду и ели дурную пищу,
Оттого и возникло среди крестьян это великое устремление.
Они были оборваны и разуты,
И никто не мог им как-то помочь,
А поскольку господин Сванте и люди его двора ушли восвояси,
То и крестьяне не желали долее здесь оставаться.
Именно по этой вот причине
И охватила господина Стуре немалая забота:
Ведь он не мог двинуться в поход, о котором ранее говорилось,
С людьми и всей мощью Швеции.
О, господин Стен, такое положение
Бедственно и для Вас, и для Швеции!
Что же Вам остаётся?
Вы не можете ничего предпринять против русских.
И вот господин Стен даёт многим отпуск,

Чтобы отправлялись назад в шведскую землю,
Так тогда и случилось,
И с господином Стеном остались совсем немногие.
А русские снова подходят к Ивангороду
И дерзко издеваются над шведами:
Они уделяют Ивангороду всё больше заботы
И не жалеют средств на восстановление его.
Тогда господин Стен собирает всех, кто был под рукой,
Ибо он все еще в Финляндии,
И вводит их в крепости Выборг и Улофсборг,
С великой, искренней заботой о будущем... /89/

1. Стен Стуре Старший (ок. 1440 - 1503), член риксрода с 1466 г, регент Швеции в 1470 - 1497 и 1501 - 1503 гг. Был лишён в 1497 г. Регентской власти оппозиционерами - сторонниками личной унии с датским королевским домом. Вновь став регентом, изгнал из Швеции датских оккупантов (Larsson L.-J. Vem är vem i svensk historia. Från år 1000 till 1900. Stockholm, 2002. S. 32. Далее: Larsson, 2002; Sverige och dess regenter under 1000 år av Lars O. Lagerquist. Stockholm, 1977. S. 118. *Далее:* Lagerquist, 1977.
2. Подр. см. в: Tigerstedt E.N. Svensk litteratur-historie. Stockholm, 1963. S. 57. *Далее:* Tigerstedt, 1963.
3. Stora Rimkrönikan // Scriptores rerum svecicarum medii aevi ex schedis praecipue nordinianis. Collectos dispositos ac emendatos ededit Ericus Michael Fant. Tom I. Sectio posterior. [Upsala,] 1818.
4. Nya krönikans fortsättningar eller Sture-krönikorna. Fortgången af Unionsstriderna under Karl Knutsson och Sturarne 1452 - 1520. Efter handskrifter utgifna af G.E. Klemming. Stockholm, 1868. *Далее:* Klemming, 1868.
5. Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 341. *Далее:* Алексеев, 2007.
6. Цит. по: Klemming, 1868. S. 300.
7. Norborg L.-A. Källor till Sveriges historia. Lund, 1972. S 109. *Далее:* Norborg, 1972.
8. Bring S. Bibliografisk handbok till Sveriges historia. Stockholm, 1934. S. 279 - 280.

9. Якуб Ульфссон Эрнфот (1430? - 1521) был архиепископом Упсальским в 1469 - 1515 гг. В 1477 г. основал Упсальский университет. В годы правления Стена Стуре Старшего время от времени становился к нему в оппозицию и в 1497 г. содействовал его смещению. Тогда же, поддерживаемый большинством риксрода, призвал в Швецию короля Ханса (Ohlmark Å.. Vår kulturhistoria. Stockholm, 1957. S.168, 169)
10. Norborg, 1972. S 109.
11. Hagnell K. Sturekrönikan 1452 - 1496. Lund, 1941. passim.
12. Один из исследователей Хроники Стуре образно называет форму и суть этих мощных авторских пассажей «народностью грубого помола» (Tigerstedt, 1963. S. 58).
13. Tigerstedt, 1963. Там же.
14. Norborg, 1972. S.109.
15. Sveriges historia från äldsta tider till våra dagar för svenska folket av Otto Sjögren. Bd. II. Malmö, 1938. S. 225. Далее: Sjögren, 1939.
16. Grimberg. C. Svenska folkets underbara öden. Bd. I. Stockholm, 1959. S. 573. Далее: Grimberg, 1959.
17. Walden B. Senmedeltiden//Sveriges historia genom tiderna. Bd. I. Stockholm, 1947. S. 450. Далее: Walden, 1947.
18. Имеется в виду начало очередных переговоров в Кальмаре о реставрации унии в сентябре 1495 г. Стен Стуре согласился на них, не желая в момент обострения датско-русской угрозы вторжения вступать в конфликт с риксродом. Однако на переговорах регента поддержала сильная сословная группа и риксроду пришлось уступить регенту (Rosen J. Svensk historia. Bd. 1. Tiden före 1718. Esselte, 1983. S. 269)
19. Это - не точное обозначение количества воинов, а одна из поэтических фигур, характерных для саг и отчасти сохранившихся в позднее Средневековье. На самом деле русских было гораздо больше, так как во главе их стояло несколько воевод. Как сообщают русские летописцы, «Отпустил великий князь Иван Васильевич воевод своих, князя Данила Васильевича Щеня с Тверскою силою, да Якова Захариина с Новгородскою силою, да и Двора своего многих детей боярских послал на Немци ратию под Выбор. Они же начаша жечи и сечи и в полон вести, яко же бо обычай есть ратным и сотвориша землю Немецкую (т. е. Восточную Финляндию - В.В.) пусту» (Цит. по: Алексеев, 2007. С. 335).
20. То есть, 24 июня. Эта дата вызывает сомнения - столь долгих, де-

вятимесячных походов в ту эпоху не отмечено в иных источниках. Может быть, имеется в виду не указанный в Хронике день памяти Иоанна Крестителя, а какого-нибудь иного святого с тем же именем, например, египетского подвижника Иоанна Колова (память 9 ноября), Иоанна Милостивого (память 12 ноября), Иоанна Молчальника (память 3 декабря) и т.д.

21. Король Дании Ханс (правил в 1481 - 1513) был одним из представителей Ольденбургской династии на датском троне.

22. Король Ханс в 1493 г. заключил военный союз с великим князем Московским Иваном Васильевичем с целью получения помощи в насильственном возвращении Швеции в унию. Однако в 1496 г., когда русское войско осадило Выборг, датский риксрод отсоветовал королю вторгаться в Швецию, так как победа русских в этом случае означала бы для Дании «утрату Швеции навечно» (Petersen K. Danmarkshistories Hvornår skete det. København, 1969. S. 133). Далее: Petersen, 1969.

23. 8 сентября 1495 г.

24. Улофсборг (*фин.* Олавинлинна) - замок-крепость в Св.-Михельлене близ г. Нейшлот. Основана в 1475 г. комендантом Выборга Эриком Аксельсоном Тоттом на тогдашней границе с Московским государством. Прекрасное стратегическое расположение на полуострове в проливе Чюрёнсульмисунд, делавшее её неприступной, позволяло Улофсборгу играть важную роль при многих попытках русских вторгнуться на соседнюю территорию в XV в. Была передана Московии по условиям Столбовского мира 1617 г.

25. Выборг был заложен в 1293 г. после завоевания Карелии шведским военачальником Торгильсом Кнутссоном в чисто оборонительных целях. Многочисленные источники свидетельствуют о том, что этот воин и политик действительно верил в то, что его крепость возведена «Во имя Господа нашего и Девы Марии, ради защиты державы и безопасности мореплавателей» (Цит. по: Grimberg., 1959. S. 424 - 425).

26. 1 ноября 1495 г.

27. Очевидно, имеется в виду большой отряд немецких наёмников, принятых на шведскую службу под командованием немецкого же офицера Г. Винхольта (См. прим. 45).

28. Зима 1495 - 1496 была необычно холодной - об этом свидетельствуют и иные источники (Sjögren, 1938. S. 228).

29. Кнут Йёнссон Поссе (ок. 1440 - 1500) - шведский государственный деятель и военачальник. Сын датского рыцаря, осевшего в Вестерёт-

ланде В 1471 г. командовал шведскими войсками в битве против датчан при Брукенберге, где был тяжело ранен. В 1473 г. избран членом риксрода. В 1477 г. получил крепость Тавастехус в ленное владение. В 1488 г. совместно с настоятелем Абоского собора Магнусом участвовал при подписании мира с Ливонским орденом в Ревеле. В 1490 г. был назначен комендантом крепости Кастельхольм на Аландских островах и стал активно участвовать в заседаниях риксрода. Был сторонником совместной с Ливонским орденом борьбы с Московским государством. В 1494 г. был назначен комендантом Выборга (L.-J. Larsson. *Vem är vem i svensk historia. Från år 1000 till 1900.* Stockholm, 2002. S.25. *Далее:* Larsson, 2002)

30. Кольцо крепостных стен, воздвигнутое при коменданте замка Эрике Аксельссоне Тотте совсем недавно, в 1470-е гг., причём в соответствии с передовыми идеями фортификации, очевидно, в самом деле, находилось в отличном состоянии.

31. Магнус Николай Шернкорш (*фин.* Сяркилахти), дата рожд. неизвестна, ум. в 1500 г. Абоский епископ с 1430-х, видный дипломат. В 1488 г. член шведского посольства при подписании мирного договора в Ревеле между Ливонским орденом и Швецией. Был личным другом Кнута Поссе и постоянно поддерживал его политическую линию, направленную против агрессии усилившегося Московского государства. Умер в один год со своим другом, - по словам шведского хрониста, «И так они не расстались даже в своей смерти» (Sjögren, 1938. S. 141).

32. 19 ноября 1495 г.

33. Mats Gregersson (Lilje), политический лидер, с 1504 г. епископ Стренгнесский. Как член риксрода (Государственного совета) и канцлер играл заметную роль во внутренних конфликтах эпохи Стуре. Позднее стал сторонником Стена Стуре Младшего (Sjögren, 1938. S. 252), Местер Эрик (Форте Эрикус Лаврентин), доктор теологии Упсальского университета и настоятель кафедрального собора до своей смерти, последовавшей в 1504 г. Его светское имя - Эрик Андерссон Банер (Klemming, 1868. S. XVII; Carlsson G. “Baner”//*Svenskt biografiskt lexicon. Del II.* Stockholm, 1920. S. 632).

34. То же, что Св. Йорген или, в общеевропейском варианте, - Св. Георг.

35. 19 ноября.

36. Переход стал возможным, поскольку Ботнический залив в ту зиму покрылся льдом (Sjögren, 1938. S. 228).

37. Возможно, это современная Хамина (*шв.* Хамн), гавань на берегу Финского залива, от которой до Выборга 120 км. прибрежной дорогой.

38. 25 ноября 1495 г.

39. Нюланд (*фин.* Уусимаа) - историческая область в Южной финляндии у Финского залива. Составляла основную часть Нюланд-лена и восточной части Кюммене-лена,

40. Один из заливов в Аландском архипелаге.

41. Кала (соврем. Kalax) - портовый город на одном из островков фьорда Бергхамн, расположенном в 50 км к юго-западу от Турку.

42. Очевидно, имеется в виду не весенний Великий пост, а сорокадневный Рождественский, начинающийся 14 ноября.

43. 30 ноября 1495 г.

44. Виса - скальдическая песнь, иногда более торжественный гимн.

45. По некоторым источникам, осадные орудия достигали невероятной длины в 24 фута, причём заряжались они каменными ядрами «размером с бочку» (Sjögren, 1938. S. 226).

46. Серпентин - небольшая пушка или пищаль для передвижения которой не требовалось колёс.

47. Здесь и далее речь пойдет о башне Андреаса - самой крупной и занимавшей центральное место в системе укреплений города со стороны материка.

48. Хартвиг Винхольт, немецкий офицер, командовал отрядом германских солдат-профессионалов, нанятых Кнутом Поссе накануне «Русской войны» 1495 - 1497 гг. (Sjögren, 1938. S. 226).

49. 30 ноября 1495 г.

50. Имеются в виду широкие доски с поперечными брусками, по которым можно было идти на штурм двумя-тремя колоннами

51. Позднее народная традиция соединила этот эпизод штурма с грохотом огромных осадных орудий и родилось предание о том, что Кнут Поссе заранее заложил в нижнем ярусе башни несколько бочек пороха и взорвал их, когда русские оказались внутри её. Это событие, ключевое в истории осады, получило имя собственное «Выборгский гром» (Viborgs smällen). Ровно пятьсот лет спустя это предание было запечатлено выборжцами, вынужденно покинувшими свой город в 1940-х гг. В Туркуском кафедральном соборе, где покоится Кнут Поссе, они установили памятную доску с надписью «Государственный советник Кнут Поссе, + 25. 3. 1500, погребён в часовне Всех Святых кафедрального собора Турку. В память о “Выборгском громе”, раздавшемся

пятьсот лет назад, благодарные жители бывшего Выборга установили эту доску в день Св. Андрея в 1995 году». Гораздо ранее это предание получило и живописное воплощение - на одной из стен старинной выборгской Круглой башне был изображён момент «Выборгского грома», снабжённый надписью *Moscorum busta Wiborgum* (Выборг стал могилой московитов). При советской власти роспись, свидетельствующая о поражении русских в 1495 г., была закрашена, ликвидировали и политически некорректную латинскую подпись к ней (Неувонен П., Пёюхья Т., Мустонен Т. Выборг. Архитектурный путеводитель. Выборг, 2006. С. 74 - 77). В настоящее время предание получило новую жизнь: в этом году в Выборге прошёл уже тринадцатый фестиваль рыцарских поединков под названием «Выборгский гром» (Беловранин А., Береснев В. Не по-рыцарски//Новая Газета, 20. 08. 2008. С. 10).

52. Русские пытались спуститься с внутренней стороны крепостной стены, используя штурмовые лестницы, но последние рухнули вместе с людьми (Sjögren, 1938. S. 226 - 227).

53. Неясный топоним. Возможно, это искажённое «Бершютт» (*Bergskydd - шв.* «нагорное оборонительное укрепление») - так называли батареи, расположенные на холме, находящемся с западной стороны Выборга

54. 4 декабря 1495 г.

55. То есть, к Нейшлоту (*фин.* Савонлинна) - городку в финской области Саволак, расположенному в одном из межозёрных проливов Сайменской системы, точнее, между озёрами Пихлаявеси и Хаапавеси. Был обязан своим процветанием близостью с крепостью Улофсборг.

¹ Саволак (*фин.* Саво) - историческая область в Центральной Финляндии, включавшая в себя большую часть Куопио-лена и Св. Михаель-лена

56. Саволак (*фин.* Саво) - историческая область в Центральной Финляндии, включавшая в себя большую часть Куопио-лена и Св. Михаель-лена

57. По шведским источникам кампания 1495 г. стоила русским 9 000 только убитыми (Sjögren, 1938. S. 227).

58. Скорее всего, речь идёт о воеводе Иване Андреевиче Субботе-Плещееве, застреленном во время штурма из пищали (Алексеев, 2007. С. 343).

59. Сатегунна, точнее, Сатакунда - историческая область на юго-за-

паде Финляндии, примыкающая к Ботническому заливу, на востоке граничащая с Тавастландом. В настоящее время относится к ленам Бьёрнеборг, Обо, Тавастехус и Васа. В Сатакунде в 1400-х гг. находилась королевская резиденция в лене Бьёрнеборг.

60. Кнут Карлсон имел родовое имя Gera (Klemming, 1868. S. XX).

61. То есть 3 февраля 1496 г.

62. Точнее, Тавастехус-слот или Крунаборг (*фин.* Хяменлинна) - крепость к северу от г. Тавастехус. Была основана в к. XIII в., впервые упоминается в 1308 г.

63. Шведы выступили из Або лишь 24 февраля, так как нужно было время, чтобы собрать ополчение из жителей Або-лена и Нюланда.

64. Хатала, Хаттула - селение в Тавастехус-лене. Захваченный русскими храм в Хаттуле, воздвигнутый в 1250 - 1300 гг., был (и остаётся) самой величественной из сельских церквей Финляндии,

65. Дакследер - топоним неясного происхождения; наиболее схож с ним по звучанию расположенный (как в тексте) к югу от Або посёлок Какскерта.

66. Пакбу борг - замок, не значащийся на исторических картах Швеции и Финляндии.

67. Будкафлен, топоним, судя по постпозитивному корню, означавший некий административный округ на территории Финляндии (явно, южной). Однако такого лена, согласно историческим картам и топонимическим индексам, не существовало (см., напр., *Atlas öfver Finland. Text. Utgifven af Sällskapet för Finlands geografi. Helsingfors, 1899. Kartbladet № 31. S. 32-37*). Очевидно, этот топоним был передан в тексте по звучанию, а не написанию, то есть, в искаженной до неузнаваемости форме.

68. 24 февраля 1496 г.

69. Когда шведское войско с 300 серпентинами добрались до Тавастехуса, уже было поздно. Восточная часть этого лена была разорена, при этом было убито 7 000 мирных жителей. С русскими не удалось даже вступить в сражение, так как они при первых слухах о выступлении противника ушли с финской земли (Sjögren, 1938. S. 228).

70. Сульна (*Solna*) - бывший посад к северу от Стокгольма, ныне входит в городскую черту.

71. Сванте Нильсон Стуре (1453? - 1512) принадлежал к младшей ветви этой фамилии. Сын Нильса Боссона, крупного политика, подерживавшего Стена Стуре Старшего, он в 1482 г. стал членом рикс-

рода и комендантом крепости Вестерос. В 1495 г. вытеснил русских из Финляндии. В 1498 г. король Ханс назначил его комендантом замка Эвльсборг, а после возвращения последнего в Данию правил страной вместе с со Стеном Стуре и архиепископом. После смерти Стена Стуре Старшего был избран в регенты и в 1504-1511 гг. правил страной. Его сыном от первого брака был Стен Стуре Младший, будущий регент Швеции в 1492 - 1520 гг. (Lagerquist, 1977. S. 121; Larsson, 2002. S. 32 - 33)

72. Стен Стуре, едва прибыв в Финляндию со свежим войском, решил вновь её покинуть, оставив здесь Сванте в качестве командующего войском, - пребывание регента в Финляндии не было необходимым в то время, как в Стокгольме зрел новый заговор унионистов (Sjögren, 1938. S. 228 - 229). Тогда Сванте заявил, что его поредевшее войско имеет куда большее право на отдых, и что он отправляется в Швецию. В ответ Стен Стуре объявил его дезертиром, бросающим свою армию. Сванте, глубоко оскорблённый, уехал домой, где перешёл на сторону унионистской оппозиции (Grimberg, 1959. С.573). Так начался острый конфликт между бывшими соратниками и друзьями, закончившийся политическим поражением Стена Стуре и временным отстранением его от регентства в 1497 г.

73. Стен Турессон принадлежал к аристократическому роду Бьельке и являлся сторонником реставрации Кальмарской унии (Klemming, 1868. S. XXIV). Эрик Трулле (Эрик Арвидсон Трулле (? - 1529 г.) был видным шведским военачальником, участвуя в сражениях с Данией и другими странами с 1485 до 1497 г., когда был удостоен рыцарского достоинства. В 1512 г., после смерти Сванте Нильссона Стуре, избран регентом Швеции.

74. 29 марта 1496 г.

75. Шведский сейм.

76. То есть, до 9 июня 1496 г.

77. Это был обычная для державы норма набора в чрезвычайных ситуациях, - так и весной 1495 г. в Финляндии был рекрутирован каждый пятый парень старше 15 лет (Sjögren, 1938. S. 225).

78. Хельсингланд - местность в Южном Норланде, примыкающая к Ботническому заливу. Входила в Йевлеборгс-лен и Упсальское архиепископство.

79. Норботтен - северная часть исторической области Вестерботтен. В неё входили часть Норботтен-лена и Лулеоской епархии. Первона-

чально хронисты называли Норботтенем восточную и западную части побережья северного окончания Ботнического залива. Позднее Норботтен был административно разделён на Вестерботтен и Эстерботтен. 80. Сало, Люнингге (Limingå), Йо (Joki, Ijo) - приходы в Эстерботтене; Торн (Torne) - приход в Вестерботтене; Кемь (Kun, Kemi) - приход в Эстерботтене.

81. Приход в Саволаксе.

82. 28 июня 1496 г.

83. Имеется в виду Ивангород

84. 15 августа 1496 г.

85. 2 сентября 1496 г.

86. По непонятной причине дружина, стоявшая в этой мощной крепости, оказала шведам весьма слабое сопротивление, а потом бежала. Говоря об этом, русский летописец не может удержаться от иронии: «Удалый же воевода и наместник Иванеграду именем князь Юрий Бабич, наполнив духа ратного и храбра, нимало [не] супротивясь супостатам, ни граждан окрепив, но вскоре устранился и побеже из града» (Цит. по: Алексеев, 2007. С. 356).

87. 30 сентября 1496 г.

88. Сандхамн - село на небольшом острове во фьорде Хурсстенсфьорден, в 45 км. к востоку от городской черты соврем. Стокгольма.

89. Стен Стуре, ещё перед тем, как удалиться в Швецию летом 1496 г., принял предложение русских о мирных переговорах. Начавшись в Кексгольме, они закончились в Новгороде 3 марта 1497 г. договором о шестилетнем перемирии. При этом регент не настаивал на законном возмещении огромных утрат и потерь в Швеции и Финляндии, причиной которых были русские походы, - это наверняка затянуло бы переговоры. Как подчёркивается в Хронике, он думал о будущем, незамедлительно приступив к укреплению Выборга и Улофсборга в ожидании нового нашествия с востока.

VI. Рецензии.

В.Е. Возгрин

Свежий взгляд на путь Норвегии к европейской интеграции

(Рецензия на книгу: *К. В. Воронов. Евроинтеграция Норвегии: особый курс малой страны. М.: Прогресс-традиция, 2008*).

Новая книга кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Центра европейских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН К. В. Воронова «Евроинтеграция Норвегии: особый курс малой страны» (М.: Прогресс-традиция, 2008) - фундаментальное исследование, предметом которого являются теоретические и практические аспекты современных процессов европейской интеграции.

Этот процесс для Норвегии продолжается практически на протяжении всего послевоенного периода, хотя королевство и является одним из четырех малых западноевропейских государств (Швейцария, Исландия, Лихтенштейн), которые не вошли пока в Евросоюз и, судя по всему, не торопятся оформлять это членство в будущем.

Едва ли не ценнейшим качеством монографии К. В. Воронова является ее тематическая конкретность. К настоящему времени число работ, посвященных евроинтеграции в целом, в России измеряется многими десятками, а в мировой науке - сотнями, если не тысячами. В то же время разработок по отдельным странам, по их стратегиям интеграции крайне мало, а ведь у каждой державы, большой или малой - свой, особый путь к указанной актуальной цели. Поэтому, бесспорно, новый труд известного исследователя должен вызвать интерес, прежде всего, скандинавистов-историков, экономистов и политологов, но так-

же и ученых, специализирующихся на странах и регионах, даже далёких от Норвегии.

В нашей части света малых стран не так уж мало. Поэтому и с общеевропейской точки зрения весьма оправдано исследовательское внимание, которое К.В. Воронов проявил к одной из них. Точнее - к «возможностям малого государства отстаивать свои национальные интересы в условиях развития интеграционных процессов» (С. 21). И, добавим, в особенности после известного «большого взрыва» - численного удвоения членов ЕС и НАТО в 2004 г. Наконец, особые отношения Норвегии с ЕС «как своеобразный исторический этап национальной истории, имеют, без сомнения, выходы на общемировые, европейские категории и генеральные обобщения» (С. 25).

Вообще это работа, если определять ее жанр, конечно, историческая. Хотя главные ее сюжеты рассматриваются не хронологически, а по степени их важности и актуальности. Осло, по мысли автора монографии, выступал и выступает как самостоятельный и независимый актор в условиях менявшейся позиции «Общего рынка» (Европейского Сообщества - Европейских Сообществ - Европейского Союза) в неповторимом образе собственной, практически независимой от внешних влияний (а они были!) трансформации.

Композиционная структура исследования проста и логична. Первая часть (так называются главы книги) посвящена национальному хозяйству Норвегии. Точнее - тех его черт, которые могут влиять на особенности чисто норвежского выбора пути к интеграции. Вторая часть рисует картину норвежского общества в аспекте его социальных и политических характеристик, во многом объясняющих причины национальных, без преувеличения, расколов по поводу членства в ЕЭС/ЕС, острее всего проявившихся к моменту двух национальных референдумов по этому поводу - 1972 и 1994 гг.

Третья часть посвящена участию Норвегии в европейских интеграционных организациях - причём снова с исторической точки зрения. Четвертая часть, возможно, наиболее актуаль-

на политически. В ней прослеживаются самые острые проблемы отношений Норвегии - ЕЭС. В заключительной, пятой части монографии основное внимание автор уделяет одной из важнейших проблем - обеспечению безопасности Норвегии в условиях современных, быстро меняющихся международных отношений. Причем не только внутриевропейских, но и в масштабе всей атлантической цивилизации.

Все поднятые в монографии тематические блоки одинаково интересны как для русскоязычного читателя, так и для зарубежной общественности, активно и внимательно следящей за событиями на Севере Европы в целом и в Норвегии в частности. Что вполне объяснимо - ведь Норвегия, да еще, пожалуй, Швейцария по-прежнему остаются именно теми странами континента, вхождение которых в ЕЭС/ЕС может его значительно усилить. Ведь именно эти две страны (особенно первая), несмотря на их относительно скромные демографические показатели, являются в некотором смысле образцовыми как пример высочайшего качества жизни, стабильной демократии и социальной эффективности.

Между тем сами норвежцы делились (и делятся) в отношении вступления в ЕС и другие евроорганизации на неравные части, подразделяющиеся по четырем параметрам. Склонность именно к такому пути интеграции проявляют: *географически* - центр страны; в *социальном* смысле - зажиточные прослойки, власть имущие и интеллектуальная элита; *политически* - правые партии. Наконец, есть и *гендерное* различие, - оказывается, мужчины более склонны к упомянутому курсу, чем женщины. Противоположные группы населения столь же неуклонно и стабильно отказываются этот курс поддерживать. Всё это показали референдумы, состоявшиеся в Норвегии в 1972 и 1994 гг. И вряд ли положение значительно изменится к концу 2009 г., когда на очередных выборах в стортинг народ снова получит возможность проявить свою волю.

К. В. Воронов убедительно демонстрирует в своей книге всю уникальность и поучительность полувекового норвежского

опыта для остальных стран Европы, являющегося для них ценнейшим культурно-историческим, социальным и гражданско-политическим ресурсом. Несколько обособленное положение Норвегии среди большинства развитых европейских стран не мешает автору сделать важный вывод о «практической органической интеграции страны при отсутствии у нее формального юридического статуса» Евросоюза и в целом обозначить модель ее интеграционной политики как комплекс селективных связей дрейфующего типа, которая является своего рода вызовом современному Европроекту, будучи успешным примером развития, в первую очередь, *национальной идентичности* (С. 358 - 359).

В последней связи стоит упомянуть об одном из немногих недочетов текста. Автор, характеризуя политическую направленность такого органа субрегиональной интеграции как Совет министров северных стран (членом которого является и Норвегия), указывает, что СМСС оказался организацией «довольно эффективной для сдерживания сепаратистских тенденций на самоуправляемых территориях» (С. 169).

Это не совсем понятно, причем по двум причинам.

Во-первых, как представляется рецензенту, само понятие «сепаратистские тенденции» несколько архаично. Особенно после того, как в конце 2007 г. ООН приняла Декларацию о коренных народах, в которой утверждалось их право на земли предков и на самоопределение. Так, Статья 3 упомянутой Декларации гласит: коренные народы отныне «...сами свободно устанавливают свой политический статус и свободно осуществляют своё социальное, культурное и экономическое развитие». Далее, Статья 26 устанавливает право этих народов и племён на земли, территории и ресурсы, которые они «традиционно занимали, использовали и приобретали».

Во-вторых, Норвегия самоуправляющимися территориями не располагает - как и другие страны, участвующие в СМСС, кроме Дании (Гренландия, Фареры). Но население величайшего острова мира добилось после полувековой парламентской борьбы смены местного управления (*hjemmestyre*) полной, хотя и

поэтапно вводимой полной самостоятельности (*selvstyre*) и права членства в ООН уже на нынешнем этапе - согласно решению датско-гренландского референдума 25 ноября 2008 г.

То есть, победили именно упомянутые К. В. Вороновым «сепаратистские тенденции». И, что интересно, СМСС не только не оказался «довольно эффективным для их сдерживания», но и вообще никак не вмешивался в процесс выхода из состава Датского королевства 98% его территории. Понятно, поскольку книга К. В. Воронова была подписана к печати несколькими месяцами ранее гренландского референдума, он не мог предвидеть результаты этого всенародного форума. Но ведь официальная подготовка к судьбоносному для Дании и Гренландии событию шла почти четыре года, когда книга еще готовилась к печати. Тем не менее, автор монографии не обратил внимания на то, что СМСС фактически игнорировал этот «разгул сепаратизма» на территории одной из представленных в нём стран.

В этой связи не совсем понятна реплика автора относительно указанных проблем - на с. 248 К. В. Воронов, говоря о «взрывоопасности» проблемы сепаратизма для Скандинавии, приводит в сноске прямо противоречащий собственному тезису пример мирного решения Копенгагеном гренландского вопроса. Остается лишь привести самое веское, на наш взгляд, доказательство полного согласия с этим решением обеих сторон - датской и гренландской.

По данным датской печати премьер-министр Дании А. Фог Расмуссен высказал бесспорное *удовлетворение* результатом гренландского референдума: «Голосование продемонстрировало мнение народов, общее для Гренландии и Дании» /1/. А ветеран национального движения гренландцев, член гренландского и датского парламентов Л. Е. Йохансен принёс благодарность премьер-министру Дании за «уникальную поддержку», оказанную эскимосам в их стремлении добиться самостоятельности /2/. Понятно, что ни в цитируемых статьях, ни вообще во всей многолетней печатной полемике вокруг гренландского вопроса термин «сепаратизм» не звучал ни разу. Для Дании и,

пожалуй, Скандинавии в целом, это понятие для XXI в. безнадежно устарело, и ныне не используется - в отличие от иных регионов, где эпоха колониализма всё еще медлит уйти со сцены истории, что признают и их политические лидеры /3/.

Тем не менее, указанные недочеты в монографии – единственные, замеченные рецензентом, и они ни в коей мере не портят общего положительного впечатления от этого неординарного исследования. Что же касается главных выводов, сделанных К. В. Вороновым в Заключении к его труду, то они безупречно обоснованы всем предшествующим материалом. Особого внимания заслуживает сделанное в этом разделе замечание автора о том, что автономность Норвегии в процессе евроинтеграции имеет своей первопричиной не только внешнюю приверженность норвежцев к национально-культурной независимости и локальной идентичности. Если вникнуть в сущностный план коллизии, то неизбежен вывод о том, что имеет место столкновение постмодернистского международного государственного тела, воплотившегося в ЕС, с традиционным государством эпохи модерна, формы которого неуклонно придерживается Норвегия. И К. В. Воронов вполне убедителен в своем общем заключении, которое имеет смысл привести здесь целиком:

«Развиваясь в рамках углубляющихся евроинтеграционных процессов и сталкиваясь с их постоянным мощным воздействием, не входящая в ЕС страна стремится сохранить собственный инструментарий регулирования социально-экономического развития, защитить ориентированные на внутренний рынок отрасли своей экономики, ставя тем самым под вопрос конструируемый евроинтеграторами Европроект. К тому же при схожести социально-принципиальной природы политических элит Норвегии и интегрирующейся Европы, норвежская уверенно сохраняет свой подчеркнuto национальный характер и автономность, что является еще одной особой чертой их взаимоотношений» (С. 364).

1. Fogh er glad for grønlandernes ja til nyt selvstyre // Politiken, 26. 11. 2008.
2. Grönländsk självständighet skymtar // Dagens Nyheter, 26. 11. 2008.
3. Grönländsk självständighet skymtar // Dagens Nyheter, 26. 11. 2008.

Б. П. Заостровцев

Рецензия на издание «Финляндия как экономика знаний. Элементы успеха и уроки для других стран» / Под ред. Карла Дж. Дальмана и др; Пер. с англ.; Всемирный банк. - М.: Издательство «Весь мир», 2009. - 170 с. (Dahlman, C. Routti, J. and Yla-Anttila, P. eds (2006) Finland as a Knowledge Economy: Elements of Success and Lessons Learned, World Bank Institute).

Коллективная монография, выполненная группой финских специалистов - Карл Дальман, руководитель программы института Всемирного банка «Знание для развития» и профессор Школы дипломатической службы при Джорджтаунском университете (США), Пекки Юля-Антилла, директор по научным исследованиям Научно-исследовательского института экономики Финляндии (Elinkeinoelämän tutkimuslaitos, ETLA) и профессор Йорма Роутти, исполнительный директор компании Creative Industries Management, увидела свет в 2006 г. и сразу же была переведена на многие языки. Объясняется столь оперативный отклик и масштабный интерес тем фактом, что Финляндия явила собой убедительный пример динамичного перехода от серьёзного экономического спада начала 1990-ых гг. к лидирующим позициям в мировой экономике (страна трижды занимала первое место в рейтинге конкурентоспособности, определяемом Всемирным экономическим форумом).

Особое внимание читателя, как нам представляется, привлекает основное положение работы - рост инвестиций и совершенствование системы образования в целом прямо влияет на скорость и полноту адаптации населения к современным требо-

ваниям рынка производства и труда. Причём авторам удаётся избежать неопределённо-общих рассуждений на эту тему - они сосредоточились на обосновании необходимости концентрации усилий на двух основных направлениях: частно-государственное финансирование развития информационно-коммуникационных технологий и укрепление нормативно-правовой базы образования, что гарантировало Финляндии быстрый переход от ресурсной экономике к экономике «базирующейся на высоких технологиях и знаниях» (с. 12).

В соответствии с главной целью выстроена и структура книги. Текст разбит на восемь глав, в которых последовательно излагается материал, освещающий процесс возрастания роли образования в деле обеспечения конъюнктурности и устойчивости финской экономики: в главе второй - «Финская экономика сегодня» - приводятся обширные статистические данные и сведения аналитического характера, характеризующие современное состояние экономики и влияние на неё модернизации всей системы получения знаний; в главах третьей и четвёртой воссоздаётся историческая ретроспектива, показывающая весь путь, который прошла финская экономика от ресурсно-инвестиционной до инновационной; глава пятая посвящается исследованию формирования государственной политики в сфере образования и науки, ориентированной на реальные запросы частных и частно-государственных компаний; глава шестая на конкретных примерах традиционных отраслей финской промышленности (лесоперерабатывающая и целлюлозно-бумажная) показывает процесс выработки и реализации такой политики; в седьмой главе исследователи рассматривают, по нашему представлению, наиболее существенную проблему - возможно ли в условиях, с одной стороны, нарастающих глобализационных процессов, и спецификой финской «экономики знаний» - с другой, сохранить в Финляндии скандинавскую модель общества всеобщего благоденствия; в заключительной - восьмой - главе авторы формулируют основные особенности «стадий» развития экономики страны («ресурсную экономику, экономику инвести-

ций и экономику, основанную на знаниях, или инновационную» - с. 24) и определяют насколько опыт Финляндии может быть использован другими странами..

Знакомство с рецензируемым изданием финских исследователей будет весьма полезно для всех тех, кто интересуется проблемами как экономического, так и социально-политического развития Финляндии в новейшее время, а также - в силу своей информационной насыщенности - оно может быть рекомендована студентам, занимающихся изучением истории скандинавских стран, в качестве источника, весьма полезного для написания курсовых и дипломных работ.

VII. Хроника.

Станислав Иванович ВОРОШИЛОВ

Достойная жизнь, светлая память

Четвертого января 2009 года на 90-м году жизни после тяжелой, продолжительной болезни скончался доктор исторических наук, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Он прожил долгую, нелегкую, достойную жизнь.

С. И. Ворошилов родился в октябре 1919 г. в крестьянской семье в Белоруссии. Здесь в 1937 г. он окончил среднюю школу и в том же году поступил на Исторический факультет Ленинградского университета. Великая Отечественная война внесла коррективы в жизнь и учебу молодого поколения. В июне 1941 г. вместе с другими студентами С. И. Ворошилов стал бойцом Первой ленинградской дивизии народного ополчения, однако вскоре из-за болезни его отправили домой. В студеном январе 1942 г. по ледовой Дороге жизни через Ладогу он был эвакуирован на Большую землю. Это позволило С. И. Ворошилову завершить обучение в университете, получить диплом о высшем образовании. В течение нескольких месяцев он работал учителем в эвакуированном детском доме в небольшом узбекском городе Шахар-тепе.

Вскоре С. И. Ворошилов был призван в армию. Его направили в военное училище в Намангане, где он пробыл недолго: все курсанты военного училища были срочно направлены на огненную Курскую дугу. Здесь, в 1943 г., в составе роты истребителей танков, солдатом Первого Украинского фронта Станислав Иванович принял участие в одном из величайших сражений Великой Отечественной войны. Именно здесь, после завершения операции, были замечены его хо-

рошее владение немецким языком, умение говорить по-немецки: его зачислили на должность полкового переводчика. В жизни С. И. Ворошилова наступил период нейтральной полосы: вместе с разведчиками Четвертого стрелкового полка Десятой гвардейской стрелковой дивизии он отправлялся на ловлю «языков». Затем последовал перевод С. И. Ворошилова в штаб 1-го Украинского фронта. Сфера его переводческой деятельности расширилась: он занимался аналитической работой с немецкой документацией, общался с немецкими антифашистами, выступал по фронтовому радио. Такие его личные качества, как четкость, организованность, требовательность, оказались необходимыми в повседневной переводческой работе. Неоднократно сведения из обработанных С. И. Ворошиловым немецких документов попадали в сводки Верховного главнокомандующего.

Во второй половине 1944 г. с группой других переводчиков С. И. Ворошилов был направлен в Москву для усовершенствования знаний по немецкому языку. В течение шести месяцев он был слушателем в Военном институте иностранных языков. После завершения обучения вернулся в свою часть и получил направление в разведуправление в качестве переводчика.

Победу С. И. Ворошилов, участник форсирования Днепра, Прохоровской, Сандомирской, Берлинской, Пражской операций, встретил в Праге, где от имени народа-победителя в выступлении по радио объявил группировке Шернера о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Раны и контузия, полученные во время войны, ощущались С. И. Ворошиловым на протяжении всей жизни. Его боевой путь отмечен многими орденами и медалями, среди которых орден Отечественной войны и медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина» и другие.

По окончании Великой Отечественной войны С. И. Ворошилов продолжил службу в Центральной группе войск в Австрии, войдя в состав Советской военной администрации в

Австрии.

Вскоре после демобилизации из армии он успешно защитил кандидатскую диссертацию. В том же 1955 г. начал и преподавательскую работу на кафедре истории нового и новейшего времени, где сферой его научных интересов стала германистика. На выбор С. И. Ворошиловым направления научной работы оказали влияние два обстоятельства - отличное знание немецкого языка и достаточно длительная служба в составе Советской военной администрации в Австрии. Знакомство со страной, ее народом, возможность наблюдать за политическими процессами, происходившими после восстановления независимости Австрии, доступ к австрийской прессе тех лет помогли С. И. Ворошилову в дальнейшей научной и учебной работе. Заслуженный успех принесла ему опубликованная в 1968 г. монография «Рождение Второй республики в Австрии», в которой автор, отталкиваясь от времени утраты Австрией независимости в результате аншлюса, характеризовал возникшее в стране движение Сопrotивления, а также позицию некоторых политических и деловых кругов, лояльных к нацистскому режиму. Он рассмотрел процесс освобождения Австрии и формирования новой республики. Эту работу С. И. Ворошилов защитил в качестве докторской диссертации. В последующих работах С. И. Ворошилов расширил хронологические рамки своих исследований. В ряде своих статей он исследовал сложные процессы, протекавшие в Австро-Венгерской монархии и Германской империи в последней трети XIX - начале XX вв., рассмотрел коллизии на историческом пути Австрийской республики, историю политических партий в послевоенной Германии - в ГДР и ФРГ, подверг анализу многие другие проблемы германской истории. Работы С. И. Ворошилова стали серьезным вкладом в изучение германской истории.

С. И. Ворошилов прошел все ступени преподавательской карьеры - ассистент, доцент, один из ведущих профессоров кафедры новой и новейшей истории. Он разработал

и читал оригинальный общий курс лекций по истории нового времени последней трети XIX - начала XX вв. Оригинальностью отличались его лекционные курсы по историографии, истории Англии, истории Германии, истории политических партий. Он неоднократно обращался к различным проблемам европейской истории: так, например, возник многим запомнившийся спецкурс, посвященный всеобщей забастовке 1926 г. в Великобритании. Популярностью пользовался и его спецкурс «Биография канцлера Бисмарка», который профессор читал на протяжении нескольких лет. Чуткостью отличалось его отношение к ученикам: его спецсеминар по истории Германии в новое и новейшее время был одним из самых посещаемых. Руководство курсовыми и дипломными работами студентов, руководство аспирантами приносило плоды: многие ученики С. И. Ворошилова стали кандидатами наук, среди них есть и доктора наук, и профессора.

Научная и педагогическая деятельность С. И. Ворошилова отмечена благодарностями в приказах Ректора университета и Почетной грамотой Минвуза РСФСР.

Как человека С. И. Ворошилова всегда отличали трудолюбие, целеустремленность, принципиальность, работоспособность.

Светлая память о Станиславе Ивановиче Ворошилове сохранится в сердцах его коллег и учеников, друзей, товарищей, всех, кто с ним работал и общался.

*Преподаватели, сотрудники, аспиранты и студенты
кафедры истории нового и новейшего времени
Исторического факультета*

А. В. Бодров, Ю. И. Кузнецов,

О деятельности СНО кафедры истории нового и новейшего времени в 2008/09 учебном году.

В 2008/09 учебном году Студенческое научное общество кафедры истории нового и новейшего времени по уже сложившейся традиции провело целый ряд регулярных заседаний согласно намеченному для себя плану работы. Функции куратора СНО исполнял ст. преп. кафедры А. В. Бодров, а организационные вопросы взяли на себя студентки IV курса Ю. Ю. Чернявская и - со второго семестра - Ю.И. Кузнецова. Последнюю хотелось бы отметить особо за по-настоящему большое участие в жизни СНО.

Рассматривая деятельность Общества в истекшем учебном году в целом, можно отметить, что на первый план в его работе вышли доклады студентов, сопровождающиеся демонстрацией фото и видеоматериалов. Именно такая форма подачи материала привлекает больший интерес студентов. Использование на заседаниях мультимедийного проектора и экрана позволяет увеличивать количество участников СНО. Так, открыло работу СНО выступление студентки IV курса А. Захаровской «Финляндия во второй мировой войне», в ходе которого демонстрировались кадры хроники одноименного документального фильма производства Финляндии. Ею же, но в ходе уже апрельского заседания, был представлен доклад «Джон Фитцджеральд Кеннеди: интересные факты из жизни». Кульминацией выступления А. Захаровской стали кадры документальных съемок покушения на Дж. Кеннеди.

В том же ключе состоялся доклад студентки IV курса Ю. Чернявской о нашумевшем «Катынском деле» в спорах историков. В рамках заседания СНО также был показан фильм, повествующего о создании мемориала «Катынь», этапах его реконструкции и современном состоянии комплекса. На последнем из «документальных киносеансов» СНО была показана сок-

рашенная версия фильма Лени Рифеншталь «Триумф воли» - одно из наиболее ярких киносвидетельств нацистской Германии. Кадры фильма были призваны проиллюстрировать выступление студентки IV курса Ю. Кузнецовой о кинематографе как средстве нацистской пропаганды в Германии. И впервые, пожалуй, помещение кафедры не смогло вместить всех желающих.

В рамках рассказа о деятельности Общества стоит также упомянуть о докладе студентки II курса Татьяны Репниной «Шарль де Голль и реформа французского университета», представленном на ноябрьском заседании СНО, тематика которого тесно связана с одним из наиболее глубоких кризисов французской Пятой республики - событиями мая-июня 1968 г.

Самым крупным мероприятием СНО в первой половине учебного года стала автобусная поездка 7 декабря 2008 г. Студентов кафедры на военную реконструкцию-инсценировку боевых действий времен кампании 1805 г. в пос. Янино по приглашению преподавателя кафедры Б. Г. Кипниса (главного судьи соревнования). Студенты кафедры не только совершили настоящий пеший переход по заснеженным просторам театра «боевых действий», но и стали свидетелями немалого числа красочных сцен состязания реконструкторов в рядах русской и французской армии в условиях максимально приближенных к боевым. Информативную составляющую выездного семинара СНО дополнили также доклады студента III курса М. Вишнева о формировании антифранцузских коалиций времен Наполеоновских войн и студентки II курса Т. Репниной об основных событиях кампании 1805 г.

Одним из направлений деятельности кафедры истории нового и новейшего времени в 2009 г. стала организация публичных лекций в стенах исторического факультета консулов Великобритании, г-на У. Эллиота (16 апреля 2009 г.), и Франции, г-на М. Обри (14 мая 2009 г.). СНО «Новист» занималось информированием студентов о предстоящих встречах с европейскими дипломатами. Хотелось бы также поблагодарить М. Вишнева за проведение фотосъемки во время вышеупомянутых ме-

роприятий.

30 апреля 2009 г. состоялась традиционная студенческая конференция СНО «Новист» приуроченная в этом году к 70-летию начала второй мировой войны. На ней прозвучали доклады студентов кафедры, посвященные целому ряду дискуссионных проблем мирового конфликта:

Веселов М., II курс - «Короткометражные фильмы как средство нацистской пропаганды».

Вишнев М., III курс - «Русский коллаборационизм во Второй мировой войне».

Варахалина М., IV курс - «Голубая дивизия» во Второй мировой войне».

Ермилов С., IV курс - «Евреи Румынии во время Второй мировой войны».

Рюмина Е., IV курс - «Норвегия во Второй мировой войне».

Ярко А., V курс - «Еврейское сопротивление холокосту в Западной Европе».

В целом, можно отметить, что внимание студентов привлекают преимущественно проблемы истории Европы и Америки XX в. В 2009/2010 уч. году СНО готово ответить на любую студенческую инициативу, а также развивать научно-просветительскую работу в новых направлениях (как один из вариантов - проведение интеллектуальных игр).

Можно добавить в заключение, что традиционно большое внимание СНО уделяло задаче информирования студентов о своей работе, а также привлечению новых участников. Информационные листки на стенде СНО в ряде случаев заменяли броские афиши. Дополнительно информация о предстоящих мероприятиях распространялась посредством группы «СНО «Новист» в социальной сети «вКонтакте.ру». В приглашениях, рассылаемых студентам, традиционно указывалось место и время проведения встреч, однако следует отметить, что число виртуальных участников и пришедших, увы, далеко не всегда совпадало. В наступающем новом учебном году планируется также размещать информацию о предстоящих заседаниях в спе-

циальном разделе СНО на сайте кафедры истории нового и новейшего времени. Более того, материалы по итогам регулярных заседаний и различного рода мероприятий СНО, размещенные на сайте кафедры, будут служить своеобразным отчетом о текущей работе Общества. Появится также возможность размещать фотогалереи и фотоотчеты, иллюстрирующие особенно важные и яркие события студенческой научной жизни.

Заостровцев Б. П.

О семинаре в центре «Яд Вашем» (г. Иерусалим, Израиль)

В мае 2009 г. наша кафедра получила приглашение от администрации научно-исследовательского центра истории Холокоста «Яд Вашем» (The Holocaust Martyrs' and Heros' Remembrance Authority) принять участие в семинаре, посвященном проблемам преподавания истории еврейского народа в годы Второй мировой войны в рамках курса по новейшей истории стран западной Европы. Участие в работе семинара приняли преподаватели университетов Москвы, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Омска и других научно-образовательных центров России. Кафедру истории нового и новейшего времени исторического факультета СПбГУ представлял доцент, канд. истор. наук Б. П. Заостровцев.

Заинтересованное обсуждение проблем по заявленной теме семинара дополнялось чтением лекций по истории еврейского сообщества на территории европейских государств, по истории развития еврейской литературы в межвоенный и военный периоды, о природе и специфике антисемитизма в Европе, читавшимися как штатными сотрудниками центра «Яд Вашем», так и преподавателями Иерусалимского университета.

Чрезвычайно полезным для российских преподавателей было знакомство с организацией работы и некоторыми редчайшими документами архива, созданного при Национальном ме-

мориале Катастрофы и Героизма, в котором сосредоточено самое большое в мире количество материалов по истории Холокоста.

Существенно обогатил занятия и регулярно проводившийся обмен мнениями между руководителями и участниками семинара, зачастую принимавший дискуссионный характер в силу безкомпромиссно-однозначной позицией, занимавшейся израильскими коллегами в ходе обсуждения ряда вопросов и настаивавшими на «исключительности трагизма» (!) жертв еврейского народа накануне и в ходе Второй мировой войны.

Проведение подобных двусторонних семинаров будет, вне всякого сомнения, способствовать развитию научных и образовательных связей как государственными, так и частными центрами Израиля, и представляется нам безусловно целесообразным и, в перспективе, весьма плодотворным.

Бодров А.В.

Сообщение о научной командировке во Францию по гранту Франко-российского фонда гуманитарных и общественных наук в Москве

В конце прошлого 2008 г. мне удалось получить на конкурсной основе одну из десяти стипендий Франко-российского фонда гуманитарных и общественных наук в Москве на краткосрочную (на один месяц) командировку во Францию для работы в архивах и библиотеках. Программа намеченных исследований в рамках научного проекта «Франко-германские отношения в первые годы после Франкфуртского мира (1870-ые гг.)» была реализована в Париже в феврале 2009 г. Работа сосредотачивалась, прежде всего, на изучении архивных документов Департамента сухопутной армии Исторической службы министерства обороны Франции (Service historique de la defense / Département de l'Armée de Terre - SHD/DAT, бывший S.H.A.T.) в

Венсенском замке. В частности, удалось ознакомиться с разнообразными материалами 2-го и 3-го Бюро Генерального штаба французской армии, занимавшихся военной статистикой, сбором данных об армиях иностранных государств, подготовкой военных операций и обучения войск в мирное время.

К числу наиболее полезных в рамках рассматриваемой темы можно отнести материалы французских дипломатических представителей, раскрывающие вопросы военной организации и внешнеполитических отношений с Германией, которые не вошли в публикацию «Documents diplomatiques français». Массу новых ценных деталей содержат также донесения и различного рода материалы военных атташе в Вене, Санкт-Петербурге, Берне и Брюсселе.

С учетом того, что основная часть документов военного ведомства Германской империи была утрачена в годы второй мировой войны, трудно переоценить и сведения о германской армии, представленные французскими офицерами в виде рапортов и аналитических записок.

Работа с документами SHD/DAT позволяет также лучше понять глубину и масштабы тех усилий, которые предпринимались Третьей республикой для восстановления обороноспособности страны и общей реорганизации вооруженных сил. Благодаря собранному в архиве материалам появилась возможность учитывать не только окончательные решения, но и все многообразие проектов и инициатив. В качестве примера можно назвать план наступательной кампании против Германии капитана Ф. Робера (сентябрь 1874 г.), расхившийся с общей оборонительной доктриной, принятой тогда во Франции.

Отдельный интерес вызвали документы, относящиеся к пограничным инцидентам между Францией и Германией на протяжении 1860-80-ых гг., позволяющие учитывать не только характер происшествий, но и их динамику. Этот аспект франко-германских отношений (за исключением нашумевшего «дела Шнебеле») отечественными исследователями практически никак не рассматривался.

Не менее полезной была работа с корпусом отчетов-донесений французских офицеров, командированных в Германскую империю для изучения немецкого языка и сбора сведений разведывательного характера. Особый интерес вызвали те суждения и оценки, которые не ограничивались составленной министерством типовой программой наблюдений по военной части. Это позволяет расширить круг тех лиц, по чьим откликам можно попытаться составить картину Германии «глазами французов».

Совершенно незаменимыми можно назвать сведения, почерпнутые из знакомства с многочисленными картами, планами, чертежами и статистическими таблицами. Не в последнюю очередь это относится к массиву материалов, составляющих первые мобилизационные планы Третьей республики. Материалы архива в Венсене необходимы для отечественного исследователя и в изучении русско-французского военного сотрудничества после 1870 г., определении масштаба и характера этого сотрудничества, его места в политическом сближении двух стран.

Хочется с чувством глубокой признательности отметить благожелательность и высокий профессионализм сотрудников архива. В частности, автору этих строк были предложены чрезвычайно благоприятные условия для работы с документами в условиях ограниченной сроками командировки даже несмотря на то, что читальный зал «профильного» Департамента сухопутной армии был закрыт на ремонт. Не может не удивлять и доступность архива, его прекрасное оснащение, возможность самостоятельно копирования (фотографирования без вспышки) документов. Наконец, на сайте архива в свободном доступе представлены всевозможные подробные указатели и описи по фондам, позволяющие заранее тщательно подготовиться перед появлением в читальном зале.

Работа с архивными документами дополнялась знакомством с источниками и современной научной литературой по теме, хранящимися в фондах Французской национальной библиотеки им. Франсуа Миттерана. Главной задачей при этом было выйти

за рамки политико-дипломатической истории, в которых традиционно принято рассматривать франко-германские отношения в отечественной историографии, дополнить картину взаимовлияния Франции и Германии в рамках их общественного и социально-экономического развития, в образовании, науке и культуре.

Одним из приоритетных направлений при этом было изучение проблемы французского реваншизма в первые годы после Седана. Удалось не только расширить число наименований и непосредственно ознакомиться с целым рядом французских художественных и публицистических произведений, напрямую посвященных теме реванша, но также и получить более ясное представление о современном рассматриваемой эпохе «германском отклике» на них. Не последнюю роль здесь играла и проблема отторгнутых от Франции провинций, знакомство со специальной научной литературой по которой было чрезвычайно полезным при осознании недостатка материалов по данному вопросу в отечественных книгохранилищах.

Знакомство с зарубежной научной литературой позволило отметить для себя и целый ряд новых аспектов в проблеме франко-германских контактов после 1871 г. на самых разных уровнях. К таковым, в частности, можно отнести особенности деятельности французских и немецких пацифистов, положение немецкой эмигрантской общины, изучение немецкого языка во Франции и даже взаимоотношения между французскими и немецкими масонскими ложами.

Безусловно, источники и литературу по столь широкой теме было невозможно исчерпать даже в течение месячного пребывания во Франции (свою роль сыграли и жесткие ограничения на копирование в библиотеке, продиктованные охраной авторского права). Тем не менее, та часть, с которой удалось ознакомиться, существенно расширяет исследовательские горизонты автора.

Командировка также способствовала развитию исследовательских навыков автора и навыков разговорного француз-

ского. Проживание в течение месяца в Париже скрашивалось также знакомством с богатым культурным и историческим наследием французской столицы. А это, в свою очередь, не только способствует общекультурному развитию, но, как правило, и повышает профессиональный уровень специалиста-историка.

Конференции, проведенные кафедрой истории нового и новейшего времени (декабрь 2008 - сентябрь 2009 гг.)

С декабря 2008 по сентябрь 2009 г. кафедра истории нового и новейшего времени организовала две международные конференции

9 декабря состоялась конференция **«Империи и империализм нового и новейшего времени»**, которая была приуроченная к 90-летию окончания Первой мировой войны. Конференция была задумана в форме проведения дискуссий по важнейшим вопросам, связанным с теоретическим осмыслением имперского наследия и исследованием имперских практик, и была организована в рамках выполнения тематического плана фундаментальных исследований СПбГУ *«Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях»*.

На конференцию было подано более 110 заявок. Это были исследователи как из российских городов (Санкт-Петербурга, Москвы, а также Арзамаса, Армавира, Архангельска, Великого Новгорода, Владимира, Волгограда, Горно-Алтайска, Екатеринбурга, Ельца, Казани, Карачаевска, Кемерово, Нижнего Новгорода, Орла, Самары, Саратова, Ставрополя, Сыктывкара, Тольятти и Уфы), так и из других стран – Беларуси, Великобритании, Испании, Китая, Финляндии и Украины. Среди участников конференции были ученые, специализирующиеся в разных областях гуманитарного знания: в ходе конференции совместно работали не только историки, но

и философы, политологи, юристы, религиоведы, что дало возможность участникам посмотреть на поставленные проблемы с разных ракурсов.

Конференция также привлекла внимание дипломатов, официальных представителей ряда стран, которые в течение нескольких веков были колониальными империями: в работе пленарного заседания согласились принять участие генеральный консул Великобритании Уильям Эллиотт, генеральный консул Франции Мишель Обри, а также почетный консул Австралии Себастьян Кириллович Зиновьев-Фицлайон. Зарубежные дипломаты, в частности, рассказали об отношении к имперскому прошлому в их родных странах. Кроме этого почетный же консул Австралии С. К. Зиновьев-Фицлайон обрисовал историю взаимоотношений своей страны с метрополией.

В целом работа конференции показала, что одна из основных задач в ее проведении, связанная с процессом создания новых концепций империй и исследованием различных имперских процессов, а также уточнением целого ряда вопросов, которые до сих пор не получили еще необходимого освещения, действительно, стали предметом широкого обсуждения, что, несомненно, должно являться новым стимулом к дальнейшему изучению империй и империализма в новое и новейшее время.

ПРОГРАММА

международной научной конференция «Империи и империализм нового и новейшего времени»,

9 декабря 2008 г.

Пленарное заседание

Кент Н. Расширение империи: заморские колонии стран Северной Европы в конце XVIII – XIX вв.; *Ушаков В. А.* США и

рецепты управления неформальной империей: историографическое послесловие; *Массов А. Я.* Австралийский экспансионизм как фактор дезинтеграции Британской империи;

Секция

Историческое осмысление империй и проблем имперской политики

в новое и новейшее время

доклады

Буровский А. М. Два типа империй нового времени; *Громов М. Н.* Идея империи и имперская практика; *Кротов П. А.* Античная традиция в имперском строительстве Петра Великого; *Сторожев Н. Б.* Имперская политика Габсбургов в XVIII в. в работах П.П. Митрофанова; *Гелла Т. Н.* Геополитические аспекты имперской политики Великобритании и английские политические партии в конце XIX в.; *Птицын А. Н.* Австро-Венгерская империя в системе международных отношений конца XIX – начала XX века: традиции и новации историографического осмысления; *Фокин В. И.* Идеи основы политики империализма на рубеже XIX – XX вв. и их отображение в современных концепциях; *Смолин А. В.* Имперская политика без Империи. Россия и Парижская мирная конференция 1919 г.; *Блосфельд Е. Г.* Две империи? О правомерности названия СССР и сравнения с Британской колониальной империей; *Пленков О. Ю.* Гитлеровская геополитика и традиции немецкого империализма; *Дрожжин В. А.* Что есть "империя" конца XX века?; *Шепелев М. А.* Неоимперские структуры, глобализация и новый цивилизационный порядок.

сообщения

Иванов Ю. В. Политические и социальные последствия крушения Португальской колониальной империи; *Худякова Т.*

А., Ушаков В. А. Реформа Британской империи Б. Франклина в описании М.М. Ковалевского; *Чжань Яньнань.* Экспансия западных держав в Китае во второй половине XIX в. в трудах советских историков 1920-1930-х гг.; *Надеин К. В.* Отто Бисмарк и прусский милитаризм; *Якимова С. А.* Российская империя и американская республика: к установлению контактов на высшем уровне (визит великого князя Алексея Александровича в США в 1871-1872 гг.); *Абрамова А. М.* Российская империя и американская республика: к установлению контактов на высшем уровне (визит великого князя Алексея Александровича в США в 1877г.); *Слесаренко А. Н., Кабанов В. И.* В. Вильсон как теоретик империи нового типа; *Якубовская И. В.* Имперские интересы и пространство империй: Британия и Россия в восточном средиземноморье в конце XIX начале XX вв.; *Белов М. В.* Сербское национальное движение в пространстве двух империй: лояльность и компромисс; *Бондаренко Д. Я.* Россия: империя и нация (начало XX столетия); *Васара В.-Т.* Освещение Лапуаского движения в финской историографии; *Глушко А. А.* Архитектоника империализма в информационном обществе: историко-семиотический и психоэмоциональный аспекты; *Богданов А. Н.* Неформальная империя и мировой порядок: вызов XXI века; *Назарова В. В.* Историческое осмысление империй в современной историографии.

Секция

Формы существования империй в новое и новейшее время

доклады

Питулько Г. Н. Вопросы торговой экспансии в раннеустартовой Англии и идеи морского могущества; *Шершинева С. В.* К вопросу о становлении системы высшего образования в Британской Северной Америке в XVII – начале XVIII вв.; *Десятсков К. С.* Англо-русское соперничество на Балтике в 1716-1721 гг. в контексте становления двух империй; *Рахимов Р. Н.* Оренбургские военные губернаторы в восприятии

башкир: власть империи и империя власти; *Куценко Н. А.* Деятельность церкви в государственной политике России в первой половине XIX века; *Миронов С. П.* Вопрос о переселенческих колониях в имперской политике Англии в середине XIX века на примере билля «о колонизации Н.Зеландии»; *Батчаев Ш. М.* Формирование горских иррегулярных частей для участия в Кавказской войне как одно из направлений политики Российской Империи; *Крючков И. В.* «Центр» - «Периферия»: национальные меньшинства в политическом пространстве дуалистической Венгрии; *Селезенев Р. С.* Взаимоотношения сербов Османской империи и русских в войне 1877-1878 гг., как показатель традиционности или модерности сербского общества; *Барышников В. Н.* К вопросу об объективности начала «холодной войны» и неизбежности противостояния двух сверхдержав в середине XX в.; *Вассоевич А. Л.* Информационно-психологические войны в стратегии империалистических держав в XX-XXI вв.

сообщения

Иванов Д. Н. Неизвестные страницы участия России в первом турецко-египетском кризисе: подготовка третьего десантного отряда; *Кузнецова О. Н.* Международное положение и военный потенциал Российской империи в начале XX в.; *Гостенков А. В.* Дипломаты кайзеровской Германии; *Сакович Е. Г.* «Доминион Канада» в имперских отношениях в преддверии Первой мировой войны; *Фоняков М. Д.* Особенности советской политики в Югославии; *Петина Ю. В.* Канадо-британские отношения: от Британской империи к Содружеству наций; *Захарова О. В.* Британский парламент и становление внешнеполитического суверенитета Канады; *Егорова Л. И.* Канарские острова: от испанской колонии к объединенной Европе; *Прохоренко И. А.* К вопросу о позициях английского капитала в нефтяной промышленности Закавказья в условиях революции 1905 – 1907 годов в России; *Шумкин Г. Н.* Индустриализация и гонка вооружений во второй половине XIX

- начале XX вв.; *Крашенинина В. Г.* Социально-экономическое и государственно-правовое развитие германских земель после второй мировой войны.

Секция

Проблемы интеграции имперского пространства

доклады

Гордиенко Д. О. Матримониальные аспекты в колониальной политике Карла II Стюарта; *Стецкевич М. С.* Антикатолицизм и британское национальное самосознание в Новое время; *Базарова Т. А.* Вице-канцлер П.П. Шафиров и проблема разграничения территорий между Российским государством и Османской империей в 1713 г.; *Азнабаев Б. А.* Интеграция кочевых народов в административную структуру Российской империи XVIII в.; *Анисимов М. Ю.* Польская проблема имперской политики России в середине XVIII в.; *Минкина О. Ю.* «Еврейское дворянство». К истории взаимоотношений евреев и власти в Российской империи конца XVIII-начала XIX вв.; *Бегеулов Р. М.* Христианизация в российской политике на Северном Кавказе (XVIII-XIX вв.); *Гончарова Т. Н.* Крушение проекта французской Империи на североамериканском континенте и в Карибском бассейне; *Бодров А. В.* Особенности внутривосточного развития Второй империи во Франции в 1860-1870 гг.; *Власов Н. А.* Проблемы внутренней интеграции Германской империи после 1871 г.; *Гронский А. Д.* Конструирование неимперской элиты в Российской империи (на примере белорусов); *Заостровцев Б. П.* Начальный период передела международного рынка кредитования между империалистическими державами (1912-1914).

сообщения

Стерликова А. А. Политика Петра I в Прибалтике в годы Северной войны; *Славнитский Н. Р.* Включение Прибалтийских земель в состав Российских губерний: особенности управления;

Ибнеева Г. В. Екатерина II и Остзейский край: опыт интеграции имперского пространства; *Назарова Е. Л.* Латыши на государственной службе в Российской империи. XIX – начало XX в.; *Иванов Ф. Н.* Льготы и изъятия по рекрутской повинности в России в XVIII - XIX вв. как фактор перераспределения повинности между населением регионов; *Сидоренко Л. В.* Декларативный акт 1766 г.: споры о верховенстве; *Киселёв А. А.* Британский колониальный департамент и Американская революция; *Ряжнев А. С.* Религиозные противоречия эпохи «просвещённого абсолютизма» во внешней политике Российской и Австро-Венгерской империй; *Дерягина И. Г.* Колониальное вторжение англичан и особенности развития южноафриканских племен; *Киселев А. А.* Этноконфессиональные аспекты кадровой политики российских властей в белорусских губерниях во второй половине XIX - начале XX вв.; *Бендин А. Ю.* Указ 17 апреля 1905г. о веротерпимости и проблемы интеграции имперского пространства (на материалах Северо-Западного края Российской империи); *Леволкина Л. П.* Роль западногерманского монополистического капитала в процессе интеграции эксколониальных стран в период правления ХДС/ХСС (1949-1966 гг.).

Секция

Империи и империализм в восприятии современников.

доклады

Назаров С. В. Идея империализма в восприятии людей Нового времени; *Акимов Ю. Г.* Колониальная экспансия и имперский дискурс в Англии, Франции и России XVII-XVIII вв.; *Филлюшкин А. И.* «Преславное торжество освободителя Ливонии» (1704) через призму имперских дискурсов и культурных категорий; *Баженова Н. М.* Российская империя и ее император глазами академиков Петербургской академии наук первой четверти XVIII века: по графическим материалам первого тома

«Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae» (Petropoli, 1728); *Петрова А. А.* Россия как империя в восприятии испанских дипломатов: Х. Валеры и герцога де Осуны; *Возгрин В. Е.* Крымская война 1853 - 1856 гг.: ситуация за кулисами театра военных действий; *Василик В. В.* «Все пути Европы - немилость и ложь». Восприятие империализма западноевропейских стран в творчестве св. Николая Велимировича, епископа Жичского; *Борисенко В. Н.* Парадоксы либерального империализма в трудах Джеймса и Джона Стюарта Ниллей; *Шандра А. В.* Ближневосточный регион в имперской идее Великобритании на рубеже XIX-XX веков; *Сурягин С. Ю.* Идеологические аспекты британской имперской политики в Тропической Африке (первая четверть XX века); *Евдокимова Т. В.* Влияние имперского прошлого на политическое развитие Веймарской Германии (на примере эволюции элит); *Десятков С. Г.* Формирование имперской стратегии Великобритании во второй половине 30-х гг. XX в.; *Хейфец Л. С., Хейфец В. Л.* Нет империи! У истоков Всеамериканской антиимпериалистической лиги

сообщения

Бродская К. М., Ушаков В. А., Худякова Т. А., Талья А. Ю. Республиканские примеры для Российской империи: «отец страны» Джордж Вашингтон, просветитель Бенджамин Франклин и наставник императора Томас Джефферсон; *Кубанова М. Н.* Империя в борьбе за республику": позиция России в вопросе о независимости Швейцарии в 1814-1815 гг.; *Партаненко Т. В., Ушаков В. А.* Императорская Россия в восприятии посла Французской Республики; *Ушаков В. А., Талья А. Ю.* «Роман» в письмах императора России и президента США: или послесловие к публикации документов по истории внешней политики Российской империи начала XIX века; *Талья А. Ю.* Американская республика в оценках критиков из Российской империи; *Ушаков В. А., Партаненко Т. В.* Россия как империя-казарма в описании А. де Кюстина; Кудрявцева В. П. Отношение императора

Николая I к религиозным вопросам (на примере переписки с митрополитом Никанором, почетным членом Императорской академии наук); *Иванова Н. И.* Новая (старая?) Германская империя 1871г. в воспоминаниях русских и иностранных современников, в русской и немецкой прессе; *Крючкова Н. Д.* Имперская политика России в Финляндии в восприятии младофинов; *Давыдов Р. А.* «Миф» о русской угрозе Норвегии и его влияние на мероприятия властей Российской империи в Евро-Арктическом регионе (вторая половина XIX - начало XX в.); *Месхидзе Д. И.* «Какания» Роберта Музиля: Австро-Венгерская монархия в преддверье Первой мировой войны; *Чуракова О. В.* Российская императорская семья в 1917 году в восприятии соотечественников (по материалам эпистолярного наследия и мемуаров членов семьи Романовых); *Гостенков П. А.* Хартленд Маккиндера и русско-французский союз; *Сокиркин Д. Н.* Взаимодействие англо-французских союзных сил с русским флотом в ходе Дарданельской операции.

С 1 по 2 апреля 2009 г. проходила ежегодная однанадцатая международная научная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Она была организована кафедрой истории нового и новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре Скандинавских стран и Финляндии Русской христианской гуманитарной академией (РХГА). Кроме того в организации конференции принимал участие Историко-этнографический музей-заповедник «Ялкла».

Материалы предшествующих конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98-99», а также в последующих изданиях, вышедших под названием

«Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98-99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003». СПб., 1999. С. 431-490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2004; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы шестой ежегодной научной конференции. СПб., 2005; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы седьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2006; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы восьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2007; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы девятой ежегодной научной конференции. СПб., 2008; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы десятой ежегодной научной конференции. СПб., 2009).

В работе конференции активное участие приняли ученые представляющие 35 научных центров России и стран Северной Европы. В частности, доклады были сделаны исследователями из Санкт-Петербургского государственного университета (десять докладов), а также Русской христианской гуманитарной академии, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Северо-Западной академии государственной службы, Государственной академии живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Кроме того с докладами выступили научные сотрудники Российской Академии наук (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Карельский научный центр РАН, Новгородское отделение Санкт-Петербургского института истории РАН), а также ряда музеев и архивов Петербурга (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, Государственный Русский музей, музей исто-

рии Санкт-Петербурга, Военно-медицинский музей Санкт-Петербурга, Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты», Государственный музей истории религии, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга). На конференции с научными докладами выступили также скандинависты из Москвы (один доклад) и Петрозаводска (четыре доклада), Приморска (один доклад), Выборга (три доклада), Великого Новгорода (один доклад). Зарубежными участниками конференции были исследователи из Швеции (Упсала), Финляндии (Хельсинки) и Великобритании (Кембридж). На открытие конференции присутствовали дипломатические представители стран Северной Европы.

Особое внимание в ходе заседаний было также обращено на раскрытие генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях североευропейского региона. В дискуссионном плане на конференции по данной проблеме прозвучали выступления такие как «Карелия в русско-шведских отношениях XIV-XVI вв.» (Жуков А. Ю., к. и. н., Карельский научный центр РАН), «Что делает Север особенным» (Кент Н., д.и.н., профессор университета Кембридж), «Память Санкт-Петербургских финнов о советском периоде» (Крылов П.В., к. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН), «Семья петербургских ювелиров Тилландеров из Финляндии» (Шрадер Т.А., к. и. н., Музей антропологии и этнографии РАН), «И. Е. Репин в финский период 1918-1930-е гг.» (к. и. н., Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты»), «Российское казачество в Финляндии в период автономии 1809-1917 гг.» (Шкваров А.Г., к. и. н., Университет Хельсинки) и др. Весьма острым в этом плане был доклад к.и.н. В.Г. Макурова (Карельский научный центр РАН), посвященный освобождению Карелии от финских войск летом 1944 г.

В целом работа одиннадцатой конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» показала продолжающийся устойчивый рост интереса к исследовательскому изучению проблем взаимодействия в рамках североευропейского региона.

Кроме того на конференции явно было продемонстрировано стремление ученых России, Скандинавских стран и Финляндии к дальнейшему научному анализу и обобщениям в историческом, культурологическом и экономическом аспектах развивающегося процесса исследования роли Петербурга в проблемах сотрудничества России со странами Северной Европы.

ПРОГРАММА

XI международная научная конференция «Санкт-Петербург и Страны Северной Европы», 1-2 апреля 2009 г.

Пленарное заседание

Хард аф Сегерстад П. О сотрудничестве университета Уппсала с российскими университетами в рамках Болонского процесса; *Терюков А.И.* Тема становление Финляндии в новых экспозициях музеев Санкт-Петербурга; *Абдулина С.А.* К 200-летию присоединения Финляндии к России; *Лукошков А.В.* Коллекция кораблей Петровской эпохи на дне Финского залива; *Смолин А.В.* Восприятие финнов и Финляндии руководителями белого движения; *Геуст К.-Ф.* Советская военно-морская база Порккала-Ууд в Финляндии (1944-1956 гг.).

Первая секция

Экономика, война и политика

Жуков А. Ю. Карелия в русско-шведских отношениях XIV-XVI вв.; *Терюков А.И.* Г.М. Спренгтпортен и становление Финляндии; *Шкваров А.Г.* Российское казачество в Финляндии в период автономии 1809-1917 гг.; *Ярко А.А.* Расцвет и падение «Нобелевской империи» в Петербурге; *Мусаев В.И.* Проблема

репатриации финляндских граждан из России после 1917 г.; *Дубровская Е.Ю.* Карелия в период Гражданской войны: опыт 1918 г.; *Васара В.-Т.* Религиозный аспект идеологии ИКЛ; *Катцова М. А.* «Группа Осло» и экономическая консолидация Северной Европы в 1930-е гг.; *Барышников В.Н.* Возникновение и крах в Финляндии в 1940 г. «Общества мира и дружбы с СССР»; *Журавлёв Д.А.* Организация социальной помощи инвалидам советско-финляндской войны в 1940-1941 гг.; *Макуров В.Г.* Карелия в войне: 1944 г. - освобождение; *Геращенко Л. В.* К вопросу о переселенцах-«обратниках» на Карельском перешейке (1940-1941, 1945-1948 гг.); *Савицкий А. А.* Верховный Совет Карелии на завершающем этапе своей деятельности (1990-1993 гг.).

Вторая секция

Балтийское море: сотрудничество и противостояние

Кротов П.А. Петр I и контр-адмирал Нильс Эреншилд (к истории взаимоотношений); *Лебедев А.А.* Трофей Гангутского сражения прам «Элефант» - прототип «новоизобретенных» кораблей Черноморского флота; *Базарова Т.А.* Резиденция вице-канцлера П.П. Шафирова на Городском острове в Петербурге (первая четверть XVIII в.); *Стерликова А.А.* Российско-датские переговоры о совместных военных действиях на Балтийском море против Швеции в 1715-1717 гг.; *Добренко А.А.* Модели шведских трофейных кораблей Петровской эпохи в собрании Центрального военно-морского музея; *Костюк А.В.* Медицинское обеспечение российского флота при Петре Великом; *Партала М.А.* К теме о захоронении германских моряков на острове Осмуссар, Уте в Балтийском море (некоторые результаты российско-германского поиска); *Петров П.В.* Оперативные планы Краснознаменного Балтийского флота в 1935-1941 гг.: тенденции развития; *Грибовский В.Ю.* Военное кораблестроение

в Ленинграде накануне Великой Отечественной войны.

Третья секция

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

Коваленко Г. М. История русско-шведских отношений начала XVII в. в трудах Г.А. Замятина; *Бурков В.Г.* Критерии наградной системы Финляндии; *Славнитский Н.Р.* Празднование годовщин Полтавской победы в Санкт-Петербурге; *Кривдина О.А.* Русско-шведские военные мотивы в скульптуре XVIII в.; *Ивлева С.Е.* Иллюстрированные издания по Скандинавии в собрании петербургского коллекционера Е. Н. Телешова; *Орфинская Л.В.* Тюремное строительство как составная часть реализации пенитенциарной реформы в Великом княжестве Финляндском; *Уитто А.* Финская литература в СССР в 1918-1944 гг.; *Чупрова Е. Н.* О выставке «Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны» (по материалам Ленинградского областного государственного архива в Выборге); *Балашова К.С.* Становление финляндско-советского культурного сотрудничества в конце 1940-х – 1950-е гг.; *Барышников Н.И.* О роли руководящих деятелей Финляндии в заключении советско-финляндского Договора о дружбе сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г.; *Кент Н.* Что делает Север особенным; *Возгрин В.Е.* Датский путь к деколонизации Гренландии: вызов современной колониальной идеологии и практике; *Крылов П.В.* Память Санкт-петербургских финнов о советском периоде; *Колотова И.Н.* Кирха в Койвисто: история поиска.

Четвертая секция

Наука, культура и религия

Конькова О.И. Народные праздники ингерманландских финнов; *Александрова Л.Б.* мпир в архитектуре Финляндии; *Васильева*

М. Н. Анималистическая скульптура в творчестве М. Шилкина; *Михалкова Т.К.* Стихотворение Гавриила Романовича Державина «Мой истукан» («Обращение» к Жаку-Доменику Рашетту); *Киселёва Т.В.* Финский пастор Иоганн Готфрид Эрстрём; *Фруменкова Т.Г.* Русско-скандинавские контакты в истории воспитательных домов (вторая половина XVIII - начало XX вв.); *Белкина Н.В.* К вопросу о финской антропонимике; *Цоффка В.В.* А.С. Пушкин как маймист; *Шрадер Т.А.* Семья петербургских ювелиров Тилландеров из Финляндии; *Бородина Т.П.* И. Е. Репин в финский период 1918-1930-е гг.; *Уланов В.П., Суворова Л.В.* О работе над бюстом финского графика и монументалиста Тапио Вааре (1908-1982); *Знаменская М.В., Кириленко И.В., Пааскари Т.В.* Современное искусство скандинавских стран (основные направления).

Наши юбиляры.

23 апреля 2009 г. исполнилось 50 лет доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой Истории нового и новейшего времени **Владимиру Николаевичу Барышникову**. Большая часть его научной и преподавательской деятельности связана с Санкт-Петербургским университетом, исторический факультет которого он закончил в 1982 г.

В течение многих лет Владимир Николаевич активно занимается исследованием проблем новейшей истории Финляндии и Скандинавских стран. К настоящему времени В. Н. Барышниковым опубликовано 6 монографий, посвящённых исследованию проблем как внешнеполитического, так и внутривнутриполитического развития западноевропейских стран, в том числе «От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы», СПб, 1997 г., «Вступление Финляндии во вторую мировую войну 1940-1941 гг.», СПб, 2005 г. и др.

Его труды получили известность и признание не только в России, но и за рубежом, прежде всего, в Финляндии. Их отли-

чает высокий научный уровень, прекрасное знание отечественных и зарубежных архивов. Закономерным итогом его научной деятельности стала успешная защита в 1997 г. докторской диссертации.

В полной мере плодотворной научно-исследовательской деятельности соответствуют и усилия проф. В. Н. Барышникова по подготовке специалистов-историков. Для студентов исторического и филологического факультетов Владимир Николаевич разработал и читает лекционные и специальные курсы по истории нового и новейшего времени, по истории международных отношений, по истории стран Северной Европы. Он руководит написанием курсовых и дипломных работ, подготовкой аспирантов.

Владимир Николаевич Барышников убедительно проявил себя и как организатор исторической науки - под его руководством ежегодно проходят международные конференции по проблемам всеобщей истории, а также по проблемам истории стран Северной Европы. Он является членом Учёного совета СПбГУ, членом специализированного диссертационного совета исторического факультета Российского государственного университета им. И. Канта (г. Калининград), является действительным членом Военно-исторической академии. Владимир Николаевич серьезно занимается общественной работой, являясь членом профкома СПбГУ.

Владимир Николаевич Барышников пользуется авторитетом и любовью среди студенческой молодежи, преподавателей кафедры и всего исторического факультета.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ В. Н. БАРЫШНИКОВА.

Монографии.

Финляндия во второй мировой войне. Л., Лениздат, 1985.

Suomi II maailmansodassa [(фин.яз.) Финляндия во второй мировой войне]. Vasa, Vastavoima, 1988.

Финляндия во второй мировой войне. Л., Лениздат, 1989.

От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., Издательство С-Петербургского университета, 1997.

Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisoodan poliittinen historia [(фин.яз.) Одна против великой державы. Политическая история зимней войны]. Jyväskylä, 1997.

Зимняя война 1939 - 1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1998.

Зимняя война 1939 - 1940. Кн. 1. Политическая история. [перездание]. М., 1999.

Terijoen hallitus. Uusien asiakirjojen kertomaa [(фин.яз.) Терийокское правительство. Новые документы рассказывают]. Helsinki, 2001

Вступление Финляндии во вторую мировую войну. СПб., Издательство С-Петербургского университета, 2003.

Рождение и крах «терийокского правительства» (1939 - 1940 гг.). СПб.-Хельсинки, 2003

Вступление Финляндии во вторую мировую войну 1940 - 1941 гг. (издание второе, дополненное). СПб., Издательство С-Петербургского университета, 2005.

Научные статьи.

Антивоенное движение в Финляндии в 1941-1944 гг.//Вопросы истории европейского севера. Межвузовский сборник, Петрозаводск, 1984.

Uuden suuntauksen alku [(фин.яз.) Начало нового пути].//Punalippu, 1984, № 9.

Возникновение и характер деятельности «мирной оппозиции» в Финляндии в период 1943-1944 гг.//Скандинавский сборник, ХХІХ, Таллинн, 1985.

Miten talvisota alkoi? [(фин.яз.) Как начиналась зимняя война?].//Punalippu, 1989, № 9. (в соавторстве).

Sota oli lyhyt mutta ankara [(фин.яз.) Война была короткой, но суровой].//Punalippu 1989. № 45. (в соавторстве).

Kuusisen hallituksen muodostaminen [(фин.яз.) Образование правительства Куусинена].//Punalippu, 1989, № 11.

Neuvostoliiton ja Suomen sisaisten kehitystekijoiden vaikutuksesta

keskinaisten turvallisuusongelmien ratkaise-miseen 1930-luvun lopulla [(фин.яз.) О влиянии факторов внутриволи-тического развития СССР и Финляндии на решение проблемы взаимной безопасности в конце 1930-х годов].//Talvisota. Suomi ja Venäjä // Historiallinen Arkisto, 1991, № 95.

Дипломатия А. Ирве-Коскинена \Петербург - Хельсинки – Москва.//Россия и Финляндия в XIX-XX вв. СПб., 1996.

On the participation of the Finns and Karelians in the Winter War in the ranks of the «People's Army» /according to information in newly available archives/ [(англ.яз.) Об участии финнов и карел в зимней войне в рядах «народной армии» /по новым архивным материалам/].// Historia Fenno-Ugrica. I-1. Congressus Primus Historiae Fenno-Ugricae// Societas Historiae Fenno-Ugricae. Oulu. 1996.

Финляндская историография отношений с СССР накануне второй мировой войны.//Правда и вымысел о войне. Проблемы историографии Великой Отечественной войны 1941-1945. СПб.-Пушкин, 1997.

The Problem of Choice in Finland's Foreign Policy Course At the End of the Second World War [(англ.яз.) Проблема выбора в Финляндском внешнеполитическом курсе в конце второй мировой войны].//50 Years after World War II. Gdansk, 1997.

К вопросу о планировании Советским Балтийским флотом военных действий против Финляндии в 1930-е гг. /расчеты и реальность/.//Россия и Финляндия в XX веке. СПб.-Vaduz- Liechtenstein, 1997.

Дипломатия А. Ирве-Коскинена \Петербург - Хельсинки – Москва.//Россия и Финляндия в XIX-XX вв. СПб., 1998. (переиздание)

Экономическая ситуация в СССР накануне и в начале второй мировой войны.//Экономика страны накануне и в годы Великой Отечественной войны. СПб.-Пушкин, 1998.

Начало зимней войны // Война и политика 1939-1941. М., 1999.

Военный аспект проблемы Ленинграда в советско-финляндских отношениях конца 30-х годов.//Петербургские чтения 98-99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1999.

Боевая деятельность ладожской флотилии в годы советско-финляндской войны (1939-1940).//Петербургские чтения 98-99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1999.

Цели СССР в «зимней войне» в контексте возникновения терийокского «правительства».//Терийоки. Зеленогорск. 1548-1998. СПб., 1999.

Из истории терийокского «правительства» и проблемы границы.//Россия и Финляндия в XIII-XX вв. Специфика границы. СПб., 1999.

К проблеме скандинавской ориентации Финляндии в 1930-е годы.//Скандинавские чтения 1998 года. СПб., 1999.

Развитие антивоенного движения в Финляндии в 1941-1944 гг. и его этапы.//Клио, № 3 (9), 1999.

СССР и Финляндия в 1920-1930-е гг.: проблема начала «зимней войны».//105 дней «зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939-1940 гг. СПб., 2000.

О попытке создания в начале 1940 г. тройственного оборонительного союза северных стран.//Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2, вып. 2 (№ 9). 2000.

К вопросу о бомбардировке финской столицы авиацией КБФ в начале «зимней войны».//Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции (12-13 апреля 2000). СПб., 2001.

The USSR's Decision to Begin the 'Winter War', 1939-40 [(англ.яз.) Решение СССР о начале «зимней войны» 1939-40].//Mechanisms of Power in the Soviet Union. London-New York, 2000.

О совокупности факторов, оказавших отрицательное влияние на решение Советским Союзом и Финляндией проблемы взаимной безопасности в конце 30-х годов.//Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб.- Ижевск, 2001.

Американо-финляндские отношения в 1941-1944 гг. и политика СССР.//Петербургская историческая школа. Альманах. Первый год выпуска. Памяти В.А. Ежова. СПб., 2001.

Внешняя политика Советского Союза 30-х гг. глазами финляндских дипломатов в Москве: по материалам Архива Министерства иностранных дел Финляндии.//Актуальные проблемы и источники по истории северных стран и их связей с северо-западным регионом России. СПб., 2001.

Эволюция во взглядах Советского Союза на финско-германские связи в 1920-1930 гг.//Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2, вып. 1 (№ 2) 2001.

Что было известно в 1941 г. о возможности нападения Финляндии на СССР и наступлении финских войск на Ленинград.// Топонимический журнал, № 1/2, 2001.

Проблема безопасности Ленинграда в советско-финляндских отношениях в 1940-м году.//Петербург и Москва. Две столицы России в XVIII-XX веках. СПб., 2001.

Германо-финляндское военное сотрудничество во второй половине 1940 г. (К вопросу о значении тайных миссий П. Талвела в Берлин).//Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002.

Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского планирования 1932-1941 гг.//Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2002.

К проблеме начала Великой Отечественной войны на северо-западных рубежах СССР.//Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях. Сыктывкар, 2001.

«Терийокское правительство» (1939-1940 гг.): феномен его образования.//Университетские Петербургские чтения. Санкт-Петербург-Петроград-Ленинград 1703-2002. СПб., 2002.

Финско-эстонское военное сотрудничество в 1920-1930-е гг. и его оценка в СССР.//Мавродинские чтения. Сборник статей. СПб., 2002..

Роль А. А. Жданова в создании и деятельности так называемого «терийокского правительства».//Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2003.

Советско-финляндские отношения в 1940-1941 гг. и вступление Финляндии во вторую мировую войну.//1941 год: СССР-Финляндия. Материалы международной научной конференции. СПб., 2003.

Неизвестные станицы советско-финляндской войны 1939-1940гг.: «...»правительство» аля Куусинен для будущей России...».//Скандинавские чтения 2002 года. СПб., 2003.

Безопасность Ленинграда: к вопросу о времени принятия в Москве решения о начале войны против Финляндии.//Университетские Петербургские чтения. СПб., 2003.

К вопросу о различиях в подходе к образованию т.н. «русского правительства» у руководства Финляндии в период «зимней войны».//Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004.

Ammuttinko Mainilassa ollenkaan? [(фин. яз.) Был ли обстрел Майнилы?].//Ulko-politiikka. Vol.1. N 1. 2004.

Советско-германские переговоры в ноябре 1940 г. в Берлине и «финляндский вопрос».//Балтийский регион в международных отношениях в новое и новейшее время. Калининград, 2004.

К истории начала Советско-финляндской войны 1939-1940 гг.: пограничный инцидент у деревни Майнилы.//Петербургская историческая школа. Альманах. Третий год выпуска. СПб., 2004.

Этапы изучения советско-финляндской войны 1939-1940 гг. в отечественной историографии.//Мавродинские чтения. Сборник статей. СПб., 2004.

К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «зимней войны».//Профессор Зинаида Михайловна Дубровина. 50 лет научно-педагогической деятельности. СПб., 2004.

C.G. Mannerheim and the Question of Forming a "Russian Government" in 1939-1940 [(англ. яз.) Маннергейм и вопрос образования «русского правительства» в 1939-1940 гг.].//Ulko-politiikka. Vol. 1. № 2. 2004.

Роль Э. Эрко в окончании советско-финляндской войны 1939-1940 гг. (По материалам архива Министерства иностранных дел Финляндии).//Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005.

Особенности создания и боевой деятельности «финской народной армии» в годы второй мировой войны.//Чтения по военной истории. СПб., 2005.

Вовлечение Финляндии во вторую мировую войну.// Крестовый поход на Россию: Сборник статей. М., 2005.

Аландский вопрос» в международных отношениях Балтийского региона в 1939 г.//Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград, 2005.

К проблеме изучения боевых действий между Финляндией и СССР в 1941-1944 гг. в российской историографии.//Петербургская историческая школа. Альманах. Четвертый год выпуска. СПб., 2005.

Протоколы Государственного совета Финляндии 1939-1940 гг. как источник по изучению проблемы окончания «зимней войны».//Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2006.

Suomen vuoden 1941 hyökkäysvalmistelut neuvostotiedustelun silmin: johdatus asiakirjoihin [(фин. яз.) Подготовка Финляндии к нападению на СССР в 1941 г. глазами советской разведки].//Ulko-politiikka. Vo2. N 2. 2005.

Neuvostotiedustelun asiakirjoja koskien Suomen salaista valmistautumista hyökkäykseen Neuvostoliittoa vastaan [(фин. яз.) Советские разведывательные Документы о скрытой подготовке Финляндии к нападению на СССР] (подборка документов).//Ulkopolitiikka. Vo2. № 2. 2005.

Kansainliitto ja talvisota [(фин. яз.) Лига наций и зимняя война].//Ulkopolitiikka. Vo2. № 2. 2005.

Изучение советско-финляндской войны в отечественной историографии XX века.//От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939-1944 гг. Сборник статей. СПб., 2006.

Этапы штурма советскими войсками в 1939-1940 гг. «линии Маннергейма».//От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939-1944 гг. Сборник статей. СПб., 2006.

Освещение боевых действий между СССР и Финляндией в 1941-1944 гг. в российской историографии // От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939-1944 гг. Сборник статей. СПб., 2006.

Вопрос о выходе Финляндии из войны и проблема образования «эмигрантского правительства» (1943-1944 гг.).//От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939-1944 гг. Сборник статей. СПб., 2006.

Петсамский вопрос в 1940-1941 гг. и его влияние на военно-политическую обстановку в Северной Европе.//Скандинавские чтения 2005 года. СПб., 2005.

Начало политического кризиса 1939 г. в Европе и Финляндия //Скандинавские чтения 2004 года. СПб., 2006.

Боевые действия на Карельском перешейке в начале «зимней войны» (30.11-10.12.1939 г.): их ход и значение.//Чтения по военной истории. Сборник статей. СПб., 2006.

О судьбе финского населения на занятой советскими войсками территории Финляндии в 1939-1940 гг.//Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007.

«Кратковременная оттепель» или перспективная программа сотрудничества? (к итогам визита министра иностранных дел Финляндии в СССР в 1937 г.).//Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007.

Зарубежная историография проблемы вступления Финляндии в войну против СССР в 1941 г. // Клио, № 3 (38), 2007.

Русский исследователь М. М. Бородкин о Финляндии и о финнах периода времени Петра I.//Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. СПб., 2007. 0,5 п.л.

Особенности отношений между Финляндией и Польшей в политике безопасности в 1920-е гг.//Власть и культура. СПб., 2007.

К проблеме участия Англии и Франции в советско-финляндской войне 1939-1940 гг.//История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова. СПб., 2008.

Секретная переписка Министерства иностранных дел Финляндии с дипломатическим представительством в Москве (октябрь-ноябрь 1939 г.) как источник по изучению проблем кануна «зимней войны».//Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2008.

Шведская разведка о подготовке Финляндии и Германии к нападению на СССР в 1941 г.//Чтения по военной истории. Сборник статей. СПб., 2007.

Советско-финляндские отношения летом 1940 г.: к вопросу о возможном начале новой войны.//Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2007. № 1. СПб., 2008.

Проблемы финляндско-советских взаимоотношений в области культуры в 1920-1930 гг.//Скандинавские чтения 2006 года. СПб., 2008.

Проект академического словаря по теории и истории империй. //Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Выпуск 3. 2008. (в соавторстве).

Франция и советско-финляндская война 1939-1940 гг.//Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора). СПб., 2008.

План «петсамской операции» 1940 г. западных союзников по материалам Архива министерства иностранных дел Финляндии.// Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009.

Рождение замысла финского руководства о возвращении утраченных территорий Карельского перешейка после «зимней войны».// Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009.

Роль Германии в окончании советско-финляндской войны 1939-1940 гг.//Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2008. № 2. СПб., 2009.

Дискурсивные практики империи.//Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 2: История. Вып. 3

К вопросу об объективности начала «холодной войны» и неизбежности противостояния двух сверхдержав в середине XX в.//Импе-

рии и Империализм нового и новейшего времени: Сборник статей. СПб., 2009.

Вступления, тезисы.

Эволюция в процессе второй мировой войны взглядов У. К. Кекконена на проблему обеспечения безопасности Финляндии. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии, М., 1986.

Современная финская историография антивоенного движения в Финляндии в период второй мировой войны. // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М., 1989.

Шведская колония в Санкт-Петербурге в период крушения Российской империи. // Ежегодные российско-финляндские гуманитарные чтения. СПб., 1993.

К вопросу о «советской военной угрозе» Финляндии в 1935 г. // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М., 1993.

Этапы восточной политики Финляндии, предшествовавшей «зимней войне». // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы второй мировой войны. Международная конференция. Петрозаводск, 1994.

Кексгольмское направление в планах советского командования перед «зимней войны» и в ходе ее. // Ежегодные российско-финляндские гуманитарные чтения. СПб., 1994.

Экономические возможности участия Финляндии в войне против СССР / расчеты, подготовка и реальность. // Труженики тыла России в годы Великой Отечественной войны (тыл второй мировой войны). Сборник докладов и сообщений международной научной конференции. Кострома, 1995.

25 июня 2009 г. исполнилось 70 лет доктору исторических наук, профессору кафедры Истории нового и новейшего времени **Валерию Евгеньевичу Возгрину**.

Валерий Евгеньевич в 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию «Русско-датские отношения в 1697 - 1714 гг.», в 1989 г. - докторскую диссертацию «Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697 - 1710 гг.)».

С 1970 г. В. Е. Возгрин работал ведущим научным сотрудником Ленинградского отделения Института истории АН СССР, в 1988 г ему было присвоено учёное звание старшего научного сотрудника. С 1998 г. В. Е. Возгрин - директор Научно-исследовательского центра «Меншиковский институт» в Санкт-Петербурге. С 2005 г. является профессором кафедры истории нового и новейшего времени Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Валерий Евгеньевич является крупнейшим специалистом по истории дипломатии Нового времени, истории России XVIII в., истории дипломатии и культуры скандинавских стран, Крымского ханства и европейского крестьянства.

Валерий Евгеньевич является автором более 150 научных работ, в том числе таких монографий, как «Гренландия и гренландцы» (М., 1984); «Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697 - 1710 гг.)» (Л., 1986); «Norden i russisk historie» (Oslo, 1991); «Исторические судьбы крымских татар» (М., 1992); «Год 1725. Документальная хроника» (СПб., 2007). Валерий Евгеньевич является составителем, переводчиком и комментатором публикаций источников - «Педер фон Хавен. Путешествие в Россию» (СПб., 2007) и др.

Труды В. Е. Возгриня получили известность и признание не только в России, но и за рубежом - в Украине, Дании, Норвегии, Германии, Эстонии, Финляндии, Турции, Италии. Их отличает высокий научный уровень, прекрасное знание отечест-

венных и зарубежных источников. С 1991 г. Валерий Евгеньевич является членом Королевской Датской Академии наук

В полной мере плодотворной научно-исследовательской деятельности соответствуют и усилия проф. В. Е. Возгрин по подготовке специалистов-историков. Для студентов исторического и филологического факультетов Валерий Евгеньевич читает общие и специальные курсы лекций по истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки, по истории международных отношений, истории стран Северной Европы, истории Эстонии, исторической географии. Он руководит курсовыми и дипломными работ студентов, является научным руководителем аспирантов.

Валерий Евгеньевич является членом Диссертационного совета Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, членом редколлегии Украинского информационно-аналитического журнала «Проблемы миграции» в г. Киеве, членом редколлегии республиканской газеты «Голос Крыма» (г. Симферополь).

Валерий Евгеньевич Возгрин пользуется авторитетом и любовью среди студенческой молодежи, преподавателей кафедры и всего исторического факультета.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ В. Е. Возгрин

Монографии.

Гренландия и гренландцы. - М., «Мысль», 1984.

Х. Баггер. Реформы Петра Великого (научный перевод с датского, примечания, послесловие). - М., «Прогресс», 1985.

Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697 - 1710 гг.). - Л., «Наука», 1986.

Записки капитана И. Ф. Страленберга о России (публикация, комментарии, указатели). - Л., «Наука», Т. I - II. 1985 - 1986.

Norden i russisk historie. - Oslo, „Norden i det nye Europa“, 1991.

Исторические судьбы крымских татар. - М., «Мысль». 1992.

Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы (пер. с

шведского, примечания). - М., «Текст», 1999.

Год 1725. - СПб., «ЛИК». 2006

Научные статьи.

Структурные изменения в сельском хозяйстве Дании во второй половине XIX в.//Материалы докладов V конференции по изучению стран Скандинавии и Финляндии. Л., 1971.

Книга об Аландских островах в Северной войне.//История СССР, №1, 1973.

Документы Датского Государственного архива по истории России.// Советские архивы, №5, 1973.

Русско-датский наступательный союз 1709 года.//Тезисы докладов VI Всесоюзной Скандинавской конференции. Л., 1973.

Путевое описание середины XVI века.//История географических знаний и открытий на севере Европы. Л., 1973.

Датско-голландское соперничество при русском дворе весной 1714 года.//Социально-политическая история СССР. Т. I. М.-Л., 1974.

Заключение русско-датского наступательного союзного договора 1709 года.//Исторические записки. Т. 93. М., 1975.

Травентальский договор 1700 г. и его значение в истории Северной войны.//Скандинавский сборник. Кн. XX. Тарту, 1975

Витус Ионассен Беринг.//Страны и народы Востока. Т. XVII. Л., 1975.

Документы по русско-шведским отношениям в архиве ЛОИИ.//Тезисы докладов VII Всесоюзной Скандинавской конференции. Т. XVII. 1976.

Фром А. и др. Социальные проблемы в Гренландии. Копенгаген, 1957//Советская этнография, №5, 1977.

Документы по русско-шведским отношениям в архиве ЛОИИ.//Тезисы докладов VII Всесоюзной Скандинавской конференции. Т. XVII. 1976.

Публикация материалов II Советско-финского симпозиума по социально-экономической истории.//Скандинавский сборник. Кн. XXII. Тарту, 1977

М. А. Коган - советский историк-скандинавист.//Скандинавский сборник. Кн. XXII. Тарту, 1977.

Симпозиум советских и финских историков.//Новая и новей-

шая история. №5, 1978.

Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI - XVIII вв. в Архиве ЛОИИ.//Вспомогательные исторические дисциплины. Т. IX. Л., 1978.

Д. Иоргенсен. Дания-Норвегия между великими державами.//Новая и новейшая история, №5, 1978.

Научная встреча советских и финских историков.//Новая и новейшая история, №3, 1979.

Настоящее и будущее гренландских эскимосов.//Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная этнографическая наука / Под ред. Ю. В. Маретина и Б. Н. Путилова. Л., „Наука“. 1979

И. Серенсен. Датская политика образования и классы (критический обзор).//Советская педагогика, №5, 1979

Социальное и антивоенное движение национальных меньшинств Дании в 1970-х гг. //VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Материалы. Часть I. Петрозаводск, 1979.

Человек и история: традиции исторической живописи в датском искусстве.//Там же, Ч. II, 1979.

Новый путь Гренландии.//Рабочий класс и современный мир, №4, 1979.

VI Советско-финский симпозиум.//Скандинавский сборник. Вып. XXIV. Тарту, 1979.

Исторический журнал Финляндии.//История СССР, №6, 1979.

Экономическое и социальное развитие Гренландии.//Мировая экономика и международные отношения, №3, 1980.

Скандинавская и мировая историография 1970 - 1980 гг. о петровском периоде.//История СССР, №3, 1981.

Х. Баггер. Реформы Петра Великого. Обзор исследований.//Вопросы истории, №3, 1981.

Шведская карта низовий Невы 1640-х годов.//Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XII. Л., 1981.

Юбилей В. И. Беринга в Дании.//Известия Географического общества. Л., 1981.

История Норвегии (рецензия).//Новая и новейшая история, №6, 1981.

Источники по русско-скандинавским отношениям XVI - XVIII вв. Рукописные источники по истории Западной Европы в Архиве

ЛОИИ. //Археографический сборник. Л., „Наука“, 1982.

С. О. Кристенсен. История России в XVII в. (рецензия).//Вопросы истории, №6, 1982.

Два документа по истории Карла-Густава.//Turun Historialinnen Arkisto. №34. Turku, 1982.

История Норвегии. М., 1980 (рецензия).//Скандинавский сборник. Вып. XXVII. Таллин, 1982.

Сведения о России XVI - XVIII вв. в переписке датских послов.//Археографический ежегодник, М., 1982.

Гренландцы.//Расы и народы. Вып. 13. М., 1983

Дипломатические связи Швеции и Крыма накануне и после Полтавы.//Скандинавский сборник. Вып. XXIX. Таллин, 1984.

Материалы Датского Государственного архива о истории России начала XVII в.//Вопросы истории, №7, 1984.

Речное и морское судоходство России при Петре I.//Economica della mare. Celebrationsi F.Datini. Genova, 1985.

Копенгагенский университет и духовная культура Дании XV - XVII вв.//Городская культура. Средневековье и начало Нового времени /Под ред. чл.-кор. АН СССР В. И. Рутенбурга. „Наука“, Л., 1986.

Шведский театр конца XIX - начала XX вв.//История мировой драматургии. Издательство ВГБИЛ, М., 1986.

Московское восстание 1682 г. глазами датского посла.//Вопросы истории, №5, 1986.

Гренландские норманны.//Вопросы истории, №11, 1986.

Датское крестьянство в XVI - середине XIX в.//История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Том III. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. М., „Наука“. 1986.

Нидерландское крестьянство в XVI - XVIII вв.//История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Том III. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. М., „Наука“. 1986.

Петербург и Стокгольм - контрапункт и симфонизм.//Материалы Советско-шведской конференции по культурным проблемам Балтики. Л., 1989.

Leningrads intellektuelle genopbygger de gamle forbindelser.//Nord Revy, № 1, Oslo, 1990.

Mit haab, en rusers haab.//Høgskole-Fagforening Tidsskrift №1. København, 1990.

Генезис датского абсолютизма.//Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI - XVII вв. „Наука“, Л., 1990.

Взаимосвязь природы и экономики на русском Севере (поморы XVI - XVII вв.).//Turun Historiallinen Arkisto, №45, Turku, 1990.

Culture and Identity in the Baltic Sea Region: Comments//Co-Operation in the Baltic Sea Region; Needs and Prospects. “Tampere Peace Research Institute. Research Report” №42, Tampere, 1991.

Kapitalismen løser ikke Østersøe-omraadets problemer.//Nord Revy, (København), №3, 1991.

Петр Первый и крымские татары.//Россия молодая (материалы научной конференции). Переяславль, 1992.

Die Deportation der Krimtataren. Gegen das Vergessen.//Die Vernichtungskrieg gegen die Sowjetunion 1941 - 1945. „Haag-Herchen“. Frankfurt am Main, 1992.

Дипломатическая деятельность А. Д. Меншикова в период Северной войны.//Русская культура первой четверти XVIII в. Дворец Меншикова. Л., 1991.

Sankt Petersburg as Russia's Northern Capital.//The Baltic Sea Areal - a Region in the Making. Oslo, 1992.

The Northern Gate of Russia: Realities and Visions Concerning the Future of StPetersburg in the Baltic Sea Region.//Dimensions of Conflict and Cooperation in the Baltic Sea Region. “TAPRI”, Tampere, 1994.

St.Petersburg in the Baltic Sea Region from a Common Security Perspective.//Common Security in Northern Europe after the Cold War. “Olof Palme Center”, Stockholm, 1994.

Сицилия и Крым - два очага Предвозрождения.//Касевет (Историко-этнографический журнал). №25. Симферополь, 1996.

Реформация. От Средних веков к Новому времени (1523 - 1660).//История Дании с древнейших времен до начала XX века. „Наука“. М., 1996.

Гренландия.//История Дании с древнейших времен до начала XX века. „Наука“. М., 1996.

Крым и Сицилия - пересекающиеся параллели («островной» Проторенессанс).//Исмаил Гаспринский - просветитель народов Востока. Материалы Международной научной конференции. М., 2001.

The Turkish National Movement in the Crimea under the Tsardom.//The Turks.“Yeni Türkiye Research and Publishing Center” Ankara, 2002.

The Russian Revolutions and the Turks: New Formations in the

Crimea.//The Turks.“Yeni Türkiye Research and Publishing Center” Ankara, 2002.

Северная война в „Истории Петра“ Ф. И. Соймонова.//Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной Международной научной конференции. СПб., 2004.

Проблема геноцида в российской и скандинавской историографии Северной войны.//Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной Международной научной конференции. СПб., 2005.

Architecture and art of the Crimean Tatars on the eve of the Russian annexation of the Khanat: problems of investigating the national culture of Crimea, Caucasus and the Volga-Ural region.//Islamic art and architecture in the European periphery. “Free University Berlin.” Berlin, 2005.

А. Д. Меншиков и А. И. Остерман - соперничество во внешней политике России и его результат.//Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Выпуск 3. 2005.

8 августа 2009 г. исполнилось 55 лет кандидату исторических наук, доценту кафедры Истории нового и новейшего времени **Борисенко Виктору Николаевичу**.

Виктор Николаевич закончил в 1977 г. исторический факультет Ленинградского государственного университета, в 1981 г. защитил диссертацию «Отношения США и Великобритании в Европе 1904 - 1907 гг.» на соискание учёной степени кандидата исторических наук. В 1990 г. получил ученое звание доцента. Общий стаж научно-педагогической работы составляет 28 лет. На кафедре истории нового и новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Виктор Николаевич работает с 2006 г.

Виктор Николаевич является крупным специалистом по истории Великобритании Нового времени, особенно Викторианской эпохи и эпохи Империализма.

Виктором Николаевичем было подготовлено и опубликовано более 30 научных работ, также под научной редакцией Виктора Николаевича был опубликован межвузовский сборник

научных трудов «Европейская политика США в конце XIX - начала XX вв.» (Л., 1989), и готовится к изданию сборник статей конференции «Империи и империализм в новое и новейшее время».

В полной мере плодотворной научно-исследовательской деятельности соответствуют и усилия доцента В. Н. Борисенко по подготовке специалистов-историков. Для студентов исторического факультета Виктор Николаевич читает общие курсы лекций по историография США и Великобритании, истории нового и новейшего времени, истории международных отношений нового времени; специальные курсы и семинары по истории британского империализма 1688 - 1914 гг., истории Великобритании. Не так давно под его руководством была опубликована программа курса по «Историографии истории нового и новейшего времени (США и Великобритании)». Также Виктор Николаевич успешно руководит курсовыми и дипломными работами студентов, является научным руководителем аспирантов. Виктор Николаевич убедительно проявил себя и как организатор исторической науки - Виктор Николаевич являлся председателем оргкомитета представительной международной научной конференции «Империи и империализм нового и новейшего времени».

Виктор Николаевич Борисенко пользуется авторитетом и любовью среди студенческой молодежи, преподавателей кафедры и всего исторического факультета.

* * *

18 марта 2009 г. на заседании совета Д 212.232.52 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации на тему «Монархия и кабинет министров Великобритании: проблема взаимоотношений

в 1760 - 1783 гг.», выполненной сотрудником нашей кафедры **Сидоренко Леонидом Владимировичем.**

Научный руководитель - канд. истор. наук., доцент Борисенко Виктор Николаевич.

Официальными оппонентами выступили: доктор исторических наук, профессор Александр Яковлевич Массов и кандидат исторических наук, доцент Марианна Георгиевна Муравьёва.

Ведущая организация - Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.

Краткие сведения об авторах

Анисимов Олег Викторович - аспирант, СПбГУ, научн. рук. - канд. истор. наук, доц. Н. П. Евдокимова.
Балашова Кира Сергеевна - аспирантка, СПбГУ, научн. рук. - д-р истор. наук, проф. В. Н. Барышников
Барышников Владимирovich Николаевич - д-р истор. наук, проф., СПбГУ.
Бодров Андрей Владимирович - канд. истор. наук, СПбГУ.
Бтемиров Теймураз Мухарбекович - аспирант, СПбГУ, научн. рук. - д-р истор. наук, проф. О. Ю. Пленков.
Бугашев Сергей Иванович - д-р истор. наук, проф., Санкт-Петербургский ун-т технологии и дизайна.
Васара Виена-Туули - аспирантка, СПбГУ, научн. рук. - д-р истор. наук, проф. В. Н. Барышников.
Виватенко Сергей Валентинович - канд. истор. наук, доц., Санкт-Петербургский гос. инженерно-экономический ун-т.
Возгрин Валерий Евгеньевич - д-р истор. наук, проф., СПбГУ.
Гавриш Екатерина Олеговна - студентка, научн. рук. - канд. истор. наук, доц. В. Н. Борисенко.
Гончарова Татьяна Николаевна - асс., СПбГУ.
Ермилов Сергей Михайлович - студент, СПбГУ, научн. рук. - канд. истор. наук, доц. А. А. Петрова.
Заостровцев Борис Павлович - канд. истор. наук, доц., СПбГУ.
Катцова Мария Андреевна - аспирантка, СПбГУ, научн. рук. - д-р истор. наук, проф. В. Н. Барышников.
Кузнецова Юлия Игоревна - студентка, СПбГУ, научн. рук. - канд. истор. наук, доц. В. Н. Борисенко.
Марусенко Михаил Александрович - д-р филол. наук, проф., СПбГУ.
Массов Александр Яковлевич - д-р истор. наук, проф., Санкт-Петербургский гос. морской технологический ун-т.
Самолик Пётр - студент, ун-т г. Вроцлав (Польша).
Сидоренко Леонид Владимирович - канд. истор. наук, СПбГУ.
Сторожев Николай Борисович - канд. истор. наук, доц., Российский гос. педагогический ун-т.
Ушаков Владимир Александрович - д-р истор. наук, проф., СПбГУ.
Худякова Татьяна Андреевна - аспирантка, СПбГУ, научн. рук. - д-р истор. наук, проф. В. А. Ушаков
Шабалина Анастасия Вадимовна - аспирантка, СПбГУ.

Научное издание

**Труды Кафедры истории нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета.
№3. 2009**

Печатается без издательского редактирования

Оригинал макет - Б. П. Заостровцев

Подписано в печать 23.12.2009. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,4.

ООО «АИК»
195279, Санкт-Петербург, а/я 91,
тел 8 (812) 9450922
post@arculture.ru